

Татарстан Фәннәр академиясенең

Тарих институты

ТАТАР АРХЕОЛОГИЯСЕ

№ 1—2 (6—7)

Казан — 2000

Слово главного редактора	3
Игорь Кызласов	
Руническая эпиграфика древних болгар	5
Владимир Могильников	
Гилево VII, курган 4 —	
памятник кимаков на Верхнем Алее	19
Константин Руденко	
Тюркский мир и Волго-Камье в XI-XII вв.	
(археологические аспекты проблемы)	42
Екатерина Армачук	
Степь Копьеносных Наездников —	
взгляд из XX века	103
Светлана Плетнева	
Половцы у себя дома	132
Айрат Губайдуллин	
Способы возведения	
и типы булгарских оборонительных укреплений	168
Нина Кокорина	
Керамика в кипчакских традициях	
с Камаевского городища	177
Критика и библиография	
Леонард Недашковский	
Новые книги о средневековых кочевниках	
и Золотой Орде	192
Письма в редакцию «Татарской археологии» —	
мнения читателей о журнале	198
Хроника	
К 110-летию В.Ф.Смолина.	204
К 110-летию З.А.Акчуриной.	212
Памяти Ф.Х.Арслановой.	214
Памяти Г.А.Федорова-Давыдова.	225
Сведения об авторах	230
Список сокращений	231

Слово главного редактора

Тематика этого номера нашего журнала, как и одного из предыдущих (№ 2 (3), 1998), — археология средневекового тюрко-степного мира, мира евразийских кочевников. История и культура Великой степи являются практически не исследованными в археологии Татарстана, особенно периода второй половины нашего столетия. Хотя ряд проблем кочевниковедения, многовековой истории Степей Евразии в сочетании с городской культурой (ранние этапы тюркской цивилизации, Дешт-и-Кипчак, Золотая Орда) был поднят в дореволюционной и начальной советской историко-археологической литературе. Это имеет отношение к деятельности казанских научных обществ того времени, особенно знаменитого Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, которые продолжили добрые традиции казанской школы востоковедения в изучении древней и средневековой истории тюркоязычных народов, прежде всего татарского. Однако позднее, в эпоху расцвета тоталитаризма, политизации исторической науки, хронологические и географические рамки истории татар и Татарстана оказались предельно урезанными. Сложилась ситуация, когда археологи Татарии были вынуждены ограничиться исследованием истории лишь первобытного строя на территории республики и двух средневолжских феодальных государств: Волжской Булгарии, отчасти Казанского ханства. Тема кочевничества, история ряда крупнейших средневековых государственных объединений огромных евразийских степей, оставивших яркий след в истории и культуре нашего народа, в сущности оказались закрытыми в историографии Татарстана.

Поэтому наше обращение к названной тематике, особенно к результатам археологических исследований, интенсивно проводимых в последние десятилетия в направлении исследования истории и культуры Степного мира, проблемы перехода от кочевий к городам, вызвано осознанной необходимостью восполнить огромный пробел в истории татарского и других тюркских народов Восточной Европы, Западной Сибири и Арабо-Каспийского региона. Своих археологов-кочевниковедов, по указанным выше причинам, у нас не было подготовлено. Определенное исключение в этом вопросе составляют некоторые молодые исследователи, которые уже «перекочевывают» из волжско-булгарской тематики в степную и делают довольно серьезные успехи в этом направлении. Бессспорно, большую помошь нам оказывают известные специалисты-кочевниковеды из центра. Так, почти целая группа средневековой археологии Степей Евразии Института археологии РАН участвует в предлагаемом номере журнала с серией весьма интересных статей. Наша редакция искренне благодарна им и руководителю группы, крупнейшему археологу-кочевниковеду, профессору С.А.Плетневой за организацию этой помощи. Мы перепечатываем раздел «Половцы у себя дома» из книги самой Светланы Александровны под названием «Половцы» (М.: Наука, 1990), ставшей за короткое время почти библиографической редкостью. В этом

разделе — история, археология, историческая этнография, духовная культура кипчаков-половцев XII в. — периода расцвета их общества. С.А.Плетнева любезно представила в нашу редакцию новые иллюстрации к этому разделу.

В вводном слове к № 1 1997 г. нашего журнала мы писали, что редакция будет публиковать и те работы, выводы которых даже не согласуются с ее, редакции, мнением. Мы считаем наш журнал демократическим изданием, и уважительное отношение к мнению других, когда там заведомо не искажаются исторические факты, является для нас законом. Это обещание остается в силе.

На этот раз наш журнал выходит в свет с именем Г.А.Федорова-Давыдова — члена нашей редакколлегии — в черной рамке. Ушел из жизни выдающийся ученый-археолог с мировым именем, крупнейший специалист по истории, археологии, нумизматике и искусству Золотой Орды, средневекового кочевого мира. Очередной номер журнала с тематикой по истории и культуре Золотой Орды мы собираемся посвятить 70-летию Г.А.Федорова-Давыдова, которое исполняется 17 июля 2001 г. Обращаемся к нашим авторам и читателям — к коллегам, соратникам Германа Алексеевича и ко всем тем, кто близко знал его — прислать в нашу редакцию статьи и воспоминания об этом замечательном человеке и неповторимом ученом. Материалы просим выслать к марту 2001 г. (позволю себе напомнить уважаемым авторам нашу прежнюю просьбу присыпать четко выверенные тексты статей, распечатанные на принтере с обязательным приложением дискеты).

Еще один момент, на который мне хотелось бы обратить внимание нашего читателя. Мы решили дать в журнале подбор поступивших в редакцию писем и откликов. Получается — журнал как бы о самом себе ... Прецедентов подобных публикаций в научных журналах, уже устоявшихся и общепринятых в ученом мире, очевидно, немного. Однако наше совсем еще молодое издание, но уже положительно принятое среди археологов, притом не только в Татарстане, но и далеко за его пределами, а также в кругах общественности, любителей старины нашей республики, нуждается в поддержке — научной и моральной — в наше время чиновничьего разгула в отношениях к проблемам фундаментальной науки, средствам научной информации. Мы просим уважаемого читателя понять нас правильно. Спасибо!

*Равиль Фахрутдинов,
доктор исторических наук*

Игорь Кызласов

Руническая эпиграфика древних болгар.

I. Кубанские надписи на двух сосудах

В древностях Европейской России ныне известно лишь 36 предметов с нанесенными на них степными руническими надписями VIII-XII вв. По алфавитному членению 21 из них относится к донскому, а 12 — к кубанскому письму. Обе рунические системы были первоначально свойственны Хазарскому каганату, затем кубанский алфавит применялся в Волжской Болгарии. Алфавитная принадлежность трех надписей оставалась неясной, из-за их краткости. Они были названы доно-кубанскими и обозначены индексом ДК¹. Вполне понятно, что при столь ограниченном эпиграфическом материале любые дополнительные сведения о каждой надписи представляют значительную ценность.

Приводимые здесь материалы существенно дополняют имеющиеся в литературе данные, относящиеся к двум памятникам рунического письма Восточной Европы. В одном случае, когда подлинник остается все еще недоступен для меня, сведения получены при изучении архива, в другом — в результате исследования оригинала. Граффити на серебряной чаре оказались не одной, а несколькими надписями. Для них впервые точно устанавливается алфавитная и, следовательно, историко-культурная и государственно-политическая принадлежность. Наблюдения над надписью на глиняном сосуде расширяют знания о сферах применения письменности в Волжской Болгарии, указывая новую сословную среду, связанную с письменной культурой.

Примечательно, что рассматриваемые письменные памятники располагаются на краях той хронологической шкалы протяженностью в четыре века, которая может быть ныне отмерена для кубанской рунической письменности: они относятся к VIII и XI-XII вв. Следовательно, оба письменных памятника характеризуют, вероятно, культуру тюркоязычных болгар на двух особенно интересных этапах ее развития — на относительно раннем (в VIII или на рубеже IX в.) и на наиболее зрелом (в XI-XII вв.).

В последнем случае применение древнего рунического письма требует нашего особого внимания, поскольку его бытование отмечается для общества, уже одно-два столетия официально принявшего ислам и, следовательно, арабскую письменность. Вполне понятно, что в Волжской Болгарии мусульманская идеология и культура, как и все мировые религии в раннем средневековье, пустили первые и наиболее глубокие корни в городах. В этих условиях использование кубанского письма, устанавливаемое находкой, сделанной в городских слоях Биляра, с несомненностью указывает на существовавшие в болгарском обществе задолго до его обращения в веру Пророка высокий статус и глубокую давнюю традицию рунической письменности.

1. Надписи на чаре VIII в.

Одна из надписей, ранее относимых к не расчленявшимся доно-кубанским текстам — граффито на донце серебряного сосуда из клада, найденного у с.Афанасьево (ДК 2), — до сих пор была представлена в литературе лишь одной изданной В.П.Даркевичем и В.Ф.Черниковым прорисовкой, передающей пять буквенных знаков² (рис. 1, 1). Эти данные и были использованы для палеографической характеристики надписи³, поскольку не было возможности добраться до Нижнего Новгорода и изучить хранящийся там в музее сосуд. Между тем при изучении личного архива С.В.Киселева — редкого по широте знаний археолога-евразийца, много занимавшегося и степными руническими письменами, — встретились материалы, некогда полученные исследователем при изучении оригинала и значительно подробнее представляющие этот письменный памятник⁴.

На архивном листе 212 рядом с рисунком сосуда, сделанным в натуральную величину (рис. 1, 2), приведены следующие краткие данные: «Клад. Сосуд с надписями на дне внутри и снаружи и на медальоне ручки. ИД 547-7. С. Афанасьевское Зюздинского р-на Горьковской обл. Найд[ен в] 1932 [г.], всего 7 предметов (серебро)». На л. 209 содержится отсылка на музейную книгу поступлений № XIV и указан номер чаши — 1037-7, как и ее инвентарный номер по разряду драгоценных металлов (в предыдущей записи — ИД) — 547-7. Здесь же, а также на л. 213, сделаны два рисунка (мельче и крупнее) прикрывающего ручку фигурного щитка («медальона»). Весь его дисковидный центр намеренно занят густыми прямолинейными резами, изредка перечеркнутыми несколькими косыми и поперечными бороздками (рис. 1, 3, 4). Это граффито, судя по приведенной записи на л. 212, С.В.Киселев считал за надпись. В публикации 1971 г. В.П.Даркевичем и В.Ф.Черниковым оно характеризуется как «неразборчивые знаки», но в 1976 г. В.П.Даркевич пишет вполне определенно: «На позолоченном медальоне щитка ручки грубо процарапаны знаки древнетюркского письма»⁵. Однако ни архивная зарисовка С.В.Киселева, ни изданные В.П.Даркевичем фотографии не убеждают меня в этом.

Архивный лист 209 представляет для нас наибольшую ценность. Здесь одной горизонтальной строкой воспроизведена «надпись на дне внутри чашечки»⁶. Текст представляет собою две или три группы знаков (рис. 1, 5). Величина первого просвета, расположенного против ручки, оговорена — «пробел 2 см». Размер второго перерыва строки, отделяющего четыре последних, левых буквы не указан (но соблюден в обоих воспроизведениях надписи — см. л. 211, оборот), вероятно, он не столь значителен.

Ясная запись С.В.Киселева («сосуд с надписями на дне внутри и снаружи») помогает не только понять чрезмерно лаконичное указание В.П.Даркевича и В.Ф.Черникова 1971 г.: «На дне прорезь надписи, снаружи нацарапана восточная надпись» (следуют знаки — см. рис. 1, 1), но и исправить вполне категоричное утверждение В.П.Даркевича 1976 г.: «Тюркская руническая надпись VIII в. наца-

рапана ... на дне снаружи». Итак, первое весьма существенное уточнение, вносимое благодаря архивным данным: исключая медальон на ручке сосудика, в его нижней части были вырезаны две надписи — одна внутри, а другая снаружи дна. Имеющихся данных не достаточно, чтобы точно установить, какие знаки, где располагались. Учитывая форму дна, плоского в середине, следует думать, что внутреннее граффито сделано в самом центре. Наружная надпись, судя по рисунку 1971 г., включала знаки переданные С.В.Киселевым в правой части его прорисовки (ср. рис. 1, 1 и 1, 5, буквы 3-7/8). В пользу такого определения говорит и пометка исследователя, относящаяся к первому просвету между рунами: «против ручки» (л. 209, об.). Следовательно, можно полагать, что внешняя строка вырезана на дне ниже ручки и состоит из двух групп, разделенных значительным просветом. Поскольку при нанесении текста сосуд был перевернут вверх дном (знаки обращены верхней частью наружу дна) и ручка не могла препятствовать созданию надписи, а просвет между группами букв одной надписи совершенно не свойственен степным руническим письменностям, следует заключить, что и в этом случае мы, по всей видимости имеем дело с двумя самостоятельными граффити. Первая содержит 7 или 8 рун (рис. 1, 5а), вторая 6 или (менее вероятно) 7 букв (рис. 1, 5б). Таково второе существенное уточнение, получаемое благодаря наблюдениям С.В.Киселева. В пользу сказанного свидетельствует, пожалуй, и различие в передаче знаков, имеющиеся в архивной зарисовке. Правая группа букв воспроизведена там ясными твердыми линиями, левая — значительно более тонкими штрихами. Вполне вероятно, что такая особенность копии передает реальное различие оригинала: две группы букв на сосуде оказались нанесены по-разному. Далее, ориентируясь на второй просвет, оставленный между знаками в прорисовках С.В.Киселева, приходим к заключению: надпись, нанесенная внутри сосудика, представлена исследователем четырьмя последними рунами его рисунка (рис. 1, 5в).

Облик знаков, составляющих три надписи на афанасьевской кружечке, не оставляет сомнения в принадлежности резных текстов к кубанской письменности. В соответствии с имеющимися обозначениями [с. 265-276], этим письменным памятникам должен быть присвоен индекс К 13/1-3⁷. Поскольку кубанские надписи писались справа налево [с. 174], знаки наших резных текстов рассматриваются далее в том же направлении.

Надпись К 13/1 состоит из семи или восьми ясно выведенных букв, облик их не вызывал сомнения у С.В.Киселева (рис. 1, 5а). Именно этот резной текст с меньшим успехом частично передает известная прорисовка В.П.Даркевича и В.Ф.Черникова (рис. 1, 1). Уже двух начальных знаков, впервые рассмотренных С.В.Киселевым в правой, начальной части строки, достаточно, чтобы понять, что надпись выполнена кубанским руническим алфавитом (рис. 2, 7, 20). В этом убеждает и дополняющая облик четвертого знака черта, отмеченная на архивной прорисовке текста (рис. 2, 5). Воспроизведение

С.В.Киселева не помогает распознаванию шестого знака. Однако устойчивость передачи руны в обоих наших не зависящих друг от друга источниках (у С.В.Киселева и у В.П.Даркевича — В.М.Черникова) позволяет сопоставить ее с до сих пор не учитывавшимся мною из осторожности вторым знаком в первой надписи на блюде из Оношат (К 2/1) [с. 267, 268; ср.: табл. VIII, 34]. Присущая ему поперечная черта, проведенная близ половины высоты буквы, в нашем случае, возможно, размещена ниже. В пользу такого восприятия может свидетельствовать основание левого ствола афанасьевского знака, уходящее, согласно обеим прорисовкам, ниже переводины (рис. 2, 33). При знакомстве с материалами С.В.Киселева по-прежнему не возникает уверенности в определении последней, левой буквы. Архивный рисунок, пожалуй, может указывать на то, что здесь применен не единый М-образный знак, а две разные руны, обращенные друг к другу верхними косыми отводками (рис. 2, 8, 32). Тому и другому сопоставлению равно мешает нижняя горизонтальная черта, свойственная и предыдущей букве. Могут ли обе эти линии быть случайными царапинами, по доступным материалам решить сложно. Как увидим при разборе К 13/3, это, скорее всего, так.

Надпись К 13/2 публикуется здесь впервые, так как ее знаки отмечены только С.В.Киселевым. Состоит из шести знаков, первый из которых несколько отстоит от последующих (рис. 1, 5б). Как говорилось, по-видимому, граффити образовано не столь глубокими и ясными резами, как К 13/1. Поэтому в архивной прорисовке у знаков отмечены борозды, представляющиеся мне излишними. С другой стороны, вид третьего знака, возможно, передан не полностью. В целом же составляющие строку буквы разнообразны и, кроме пятой и шестой, все находят аналогии в известных кубанских надписях (рис. 2, 7, 11). Особенно характерен второй знак (рис. 2, 5). Существенно, что часть букв афанасьевского кубка подтверждает существование знаков, до того известных лишь в единичных случаях и потому некогда не включенных в обобщающие палеографические таблицы кубанского письма [табл. III, VIII, IX]. Так, четвертая буква сопоставима с последним отдельно стоящим знаком надписи К 2/1 и, вероятно, с первым в К 2/4 на оношатском блюде [с. 267, 268] (рис. 2, 34). Быть может, в эту же группу следует включить и третью курсивно выведенное начертание граффито на блюде Солтыкова (ДК 1) [с. 277]. Следует ли рассматривать данную форму как графическую разновидность знака с симметрично разведенной рогулькой (подобной той, что встречается в надписи К 7/1 с Хумаринского городища (Хумаринское-8) [табл. II, X 8/1, № 6; III, 8, 25], сказать сегодня нельзя (рис. 2, 30, 34).

Пятый П-образный знак не имеет точных аналогий. Можно, пожалуй, указать лишь на третью букву К 12 (Житков), хотя некоторая прямоугольность ее очертаний там, вероятно, случайность, вызванная резьбою [с. 276, табл. VIII, 13]. Столь же случайно, как можно думать, и сходство этой афанасьевской буквы с нижним

начертанием двухчастного знака кубанской надписи К 9 (Маяки), шестого в строке [с. 273]. Собственно, если этот знак на серебряном сосуде передан С.В.Киселевым точно, перед нами новая, не отмеченная в других текстах руна кубанской азбуки (рис. 2, 36). Буква такого облика свойственна для другого евроазиатского рунического письма — южноенисейского. Однако и там она не принадлежит к часто употребляемым знакам [табл. XV, 28].

Не с чем сравнить и следующий, шестой знак архивной прорисовки афанасьевского граффито (рис. 2, 34). Только в известной мне по чужим воспроизведениям камнеписной строке К 4 шестой знак, возможно, сопоставим с нашим. Однако облик хумаринской надписи сам вызывает сомнения [табл. II, 6].

Надпись К 13/3 также впервые воспроизведена С.В.Киселевым и лишь в настоящей статье вводится в науку. Приведенные выше умозаключения позволяют предполагать, что именно она вырезана на внутренней поверхности дна пиршественной чаши. Резной текст состоит всего из четырех знаков, последний из которых, согласно прорисовке, отделен от остальных небольшим просветом (рис. 1, 5в). Особого внимания заслуживает первая руна надписи. Такой знак до сих пор ни разу не встречен в надписях евроазиатской алфавитной группы, зато был широко употреблен в классических азиатских рунических алфавитах [табл. XIV, 28; XXIII, 41, 50]. Не изменяет картину и то обстоятельство, что именно в кубанской надписи (К 1, Седяр) отмечается сходный знак, отводки которого направлены не вниз, как обычно, а прямо [табл. VIII, 26, с. 265]. Не сказалось ли на восприятии первого знака афанасьевской надписи хорошее знакомство С.В.Киселева с классическими енисейскими и орхонскими надписями? Так или иначе, но думается, что эта палеографическая ситуация требует подтверждения, как при работе с оригиналом сосуда, так и с будущими находками кубанских надписей.

Следует оговорить и вид последних трех букв в воспроизведении С.В.Киселева. Вторую, вероятно, можно сравнить с дважды встреченной в хумаринских же текстах руной, образованной венчающим вертикаль небольшим ромбом [табл. III, 11]. Однако верхний треугольник и дополнительный нижний отводок афанасьевского знака делают такое сравнение предположительным (рис. 2, 22). Очевидно, последний элемент буквы случаен и его отражение на прорисовке излишне, поскольку у соседнего третьего знака надписи — хорошо знакомого по трем другим кубанским надписям [табл. VIII, 30; IX, 15] — также есть подобным образом направленная черта (рис. 2, 15). Хотя в одной из привлекаемых здесь надписей (К 11, Биляр) от основания такой буквы и отходит дополнительный элемент в форме угла [табл. VIII, 30; с. 275] (рис. 3), в нашем случае вертикаль перечеркивает длинный штрих, далеко уходящий по обе стороны стволика. В целом отмечаемая ситуация с отраженными на публикуемой прорисовке двумя излишними для соседних знаков К 13/3 штрихами представляется мне подобной случаю с ненужными горизонтальными резами, сопро-

вождающими две соседние руны, завершающие строку К 13/1. Вполне вероятно, что и там, и здесь рисунок запечатлел бывшие на поверхности донца короткие посторонние бороздки, не имеющие отношения к надписям. Лишний штрих (поперечина на правом отводке) явно искажает и воспроизведение четвертого знака, завершающего надпись К 13/3. В принадлежности этой черточки букве сомневался и сам С.В.Киселев, в скобках поместивший ниже знака второй вариант понимания его облика (рис. 1, 5в). Именно этот вид имеет кубанская буква, дважды отмеченная ранее в надписях Хумаринского городища [К 3 и К 8: табл. II, 1, 3; III, 8] (рис. 4, 17).

Деление граффити на сосуде на три надписи до изучения оригинала остается, конечно, предположительным. Само явление довольно обычное — на серебряных пиршественных чаах нередко встречается по несколько вторичных надписей. Известны они и среди кубанских письменных памятников, например, на оношатском блюде [с. 267, 268]. Вне палеографии наблюдения над афанасьевскими надписями проверить пока невозможно, т.к. до сих пор нет никаких оснований для прочтения текстов, выполненных кубанским алфавитом. Однако, судя по характерным деталям некоторых рун, вполне можно думать, что расположенные на внешней стороне чаши строки К 13/1 и К 13/2 были выведены в два приема, но одной рукой. Таково заметное сходство знака первого К 13/1 и второго в К 13/2 — в обоих случаях там плавная дуга, а не угол (ср. четвертую букву К 13/1), — а также третьей руны К 13/1 и первой К 13/2: единый наклон основного стволика налево и общий угол левых отводков. В целом характер знаков позволяет полагать, что три изучаемые надписи создавались при письме справа налево.

Итак, полученные благодаря давним прорисовкам С.В.Киселева новые данные заметно изменяют наши представления о граффити на донце серебряного кубка-кружки из Афанасьевского клада, полученные по публикациям. Во-первых, выяснилось, что рунические начертания на сосуде расположены в разных местах, во-вторых, они оказались значительно пространнее. Эпиграфический памятник составляют не пять, как было издано, а 17 или 18 буквенных знаков, которые представляют три самостоятельных надписи. В-третьих, появляются веские основания для более точного, чем ранее, палеографического определения надписи. Она, без сомнения, выполнена кубанским руническим письмом (рис. 2). В-четвертых, этот письменный памятник подтверждает и, может быть, дополняет полученный по небольшому еще числу надписей состав кубанского алфавита (хотя последнее обстоятельство в отношении некоторых знаков — рис. 2, 33-37 — требует подтверждения).

Сопоставляя облик афанасьевских букв со начертаниями рун, составляющих прочие кубанские надписи, легко заметить их особенное сходство со знаками на оношатском блюде (К 2) [табл. VIII, с. 268]. Если включить в сравнительную таблицу ранее статистически не учитывавшиеся знаки блюда, то получим следующую картину (рис.2, 5, 15, 33, 34). Несмотря на малочисленность известных кубанских надписей,

эти вторичные надписи на двух серебряных пиршественных предметах явно составляют единую почерковую группу. Наносившие краткие резные тексты люди, по всей видимости, принадлежали к единой палеографической школе. Надо думать, не случайно изделия с этими надписями и по месту обнаружения относительно близки друг другу и составляют северо-восточную окраину ареала кубанской письменности.

Палеографические приметы позволяют считать, что вторичные тексты-граффити должны быть близки друг другу и по времени их создания. По представлениям Б.И.Маршака, оба изделия, на которые нанесены наши надписи, принадлежат к среднеазиатской торевтике VIII в.⁸ Вероятно, по дате надписи не на много отстают от предметов и даже не выходят за пределы VIII или начала IX в.

На архивном листе 211 зафиксирована характерная для того этапа познания степных рун попытка С.В.Киселева прочесть афанасьевскую надпись через сближение ее знаков с классическими орхон-енисейскими буквами. Судя по тому, что четыре начальные руны К 13/1 сопоставлялись исследователем соответственно то с aj, g, k, aj, то с т, g, k, т, а большинство прочих знаков так и не получили отождествления, С.В.Киселев сам понял искусственность такого подхода. Кубанское письмо по моему мнению так и остается пока не расшифрованным. Однако приведенные материалы из архива С.В.Киселева, думается, позволяют подкрепить высказанное ранее предположение о тюркской, точнее болгарской языковой принадлежности памятников этой письменности [с. 216].

2. Надпись на ручке сосуда XI-XII вв.

В 1983 г. А.Ф.Кочкиной при раскопках Билярского городища был найден обломок ручки сосуда XI-XII вв. с нанесенной еще по сырой глине кубанской рунической надписью, получившей индекс К11. Этот редкий письменный памятник хорошо известен в литературе — его издавали: сама А.Ф.Кочкина, А.Х.Халиков, С.Я.Байчоров и дважды автор этих строк⁹. Оригинал мне удалось изучить 10 июня 1999 г. благодаря доброму отношению Анны Федоровны и содействию заведующего архивом ИЯЛИ АН Татарстана М.И.Ахметзянова. Найденная хранится там с полевым шифром Б XXVIII-83/706.

Надпись образована шестью рунами (рис. 3), высота которых составляет в основном 1,2-1,4 см, но в двух случаях половину этой величины — 0,6 и 0,7 см. Ширина букв едина — 0,6 см (у третьей руны 0,7 см). Особенности техники нанесения знаков на поверхности сырой глины ручки были в основном ясны и ранее, при изучении фотоснимков надписи. Она создавалась вдавлением и движением острийца под треугольного поперечного сечения — вероятно, деревянного или рогового орудия гончарной отделки [145]. Теперь процесс создания надписи можно описать детальнее. Каждый отдельно взятый знак писался сверху вниз и справа налево (рис. 4) — традиция рунического письма справа налево выступает в билярской надписи не только в общем направлении строки (завершающейся словоразделятельной отметкой), но и в навыках вычерчивания букв. Человек,

создавший этот краткий текст, изначально получил руническое обра- зование. Проследим особенности его письма знак за знаком (рис. 4).

Руна 1. Каждая образующая ее борозда создавалась в два этапа: сначала инструмент двигался с наклоном направо, затем повторял борозду с наклоном налево (нагоняя на дне борозды валиком глину на ранний след).

Руна 2. Начало знака (штрихи 1 и 2) выводилось в те же два этапа, что и у руны 1, но со штрихами 3-4 борозды созданы только в один этап — с наклоном инструмента налево.

Руны 3-5. Выдавлены таким же способом, что и последние борозды руны 2.

Руна 6. Тычки вновь нанесены с наклоном инструмента направо.

Выходит, человек начал писать на ручке сосуда широкой бороздой (2 мм), создаваемой в два этапа, но уже на втором знаке изменил манеру письма. Следовательно, он пользовался не специальным писчим инструментом, а каким-то случайным орудием, особенностей применения которого для письма по мягкой глине не знал. По ходу дела писец приоравливался к форме инструмента ради получения борозд приемлемой ширины и глубины. По его представлениям, штрих должен был быть тонким. Вероятно, эта особенность также свидетельствует об определенной каллиграфической культуре автора надписи.

Сам примененный для письма инструмент, судя по началу и концу борозд, тычкам, образующим знак 6, и бороздкам-штампам, оттиснутым без движения при создании руны 2, имел рабочий конец с линзо-видным поперечным сечением и прямой край, длиною, по замерам пяти ясных оттисков, в 4,8; 5,0; 5,0 и однажды — 4,0 мм. В последнем случае, вероятно, произведен неполный оттиск. Ширина рабочей части на высоте, равной глубине борозд, — 0,85-0,9 мм.

Вряд ли случайно точное соотношение письменных знаков К11 по высоте. Равная величина вертикально направленных рун надписи ровно вдвое превосходит размер третьего знака с горизонтальной осью симметрии и словоразделительную отметку (шестой знак). Такая картина, скорее всего свидетельствует о присущих писавшему навыках выстраивать буквы с учетом центральной оси строки. Иными словами, кубанской письменности в эту эпоху были свойственны некоторые нормы каллиграфии. На метрическую выверенность рунических знаков указывает и их равная ширина.

Палеографическое рассмотрение надписи показывает, что создавший ее человек не просто был грамотен, но изначально овладел именно рунической системой письма. Вместе с тем очевидно, что он не обладал навыками письма по мягкой глине необожженных сосудов и не имел писала для этого. Следовательно, перед нами надпись не серийного содержания, не обыденная для неких возможных процедур управления гончарным производством или учета его продукции. Навряд ли ее возможно увязывать и с обычаем нанесения гончаром меток для заказчика изделия. Судя по случайности инструмента, примененного для письма, но созданного для иных целей, — перед нами человек, воспользовавшийся подручным орудием, т.е.,

вероятно, хорошо образованный гончар. Размещение знаков и их соразмерность указывают на большую писцовую практику этого лица. О том же говорят элементы курсивности, явно пропущенные в начертании нижней части руны 1, и небрежность, скорописность расположения на грани изделия руны 5. Иными словами, письмо было обыденным, если не профессиональным, занятием этого человека. Кем же был автор надписи? Сводя внешне разноречивые палеографические наблюдения, следует, видимо, сказать, что он вряд ли мог быть гончаром-ремесленником. Оставил ли надпись хозяин гончарной мастерской, приставленный ли к ней чиновник — сегодня мы не скажем. Но то, что гончарное ремесло волжских болгар в XI-XII вв. было связано с письменной практикой (составлением документации какого-то рода, неких описей и т.п.), вполне вероятно.

Билярская надпись — редчайший письменный памятник, надежно указывающий на болгарскую принадлежность кубанской рунической письменности. Столь позднее распространение этой азбуки в среде, связанной с ремеслом, позволяет полагать, что в этом сословии древние традиции болгарской государственности и культуры сохранились в условиях мусульманизации общества еще и в предмонгольское время.

* * *

Главный редактор журнала удостоил весьма благожелательным вниманием мою книгу о рунической письменности (Фахрутдинов Р.Г. Кочевой мир средневековой Евразии. Обзор археолого-исторической литературы второй половины XX в. // Татарская археология, 1998, № 2, с. 35-37). Заданный мне при этом вопрос позволяет кратко вновь оговорить две важнейших историко-культурных проблемы.

Государства, пользовавшиеся рунами, и главенствующие в них народы менялись чаще, чем системы письма. Во II Восточнотюркском и Уйгурском каганатах бытовало, например, одно и то же орхонское письмо. Как считать его этническим признаком? Енисейский рунический алфавит применялся древними хакасами, чиками Тузы, тюрками Алтая и Монголии, кимаками Прииртышья. Все они входили в одну державу, ее официальной письменностью пользовались. Следует ли здесь выносить вперед этническое определение азбуки? От выяснения этноса-создателя каждого письма я не уклонялся. Но ведь мы обсуждаем другую проблему.

Определение «турецкие» для меня теряет точный смысл за пределами читаемых классических азиатских рун. Надписи на пяти алфавитах Евразии (объединенных в евроазиатскую группу) до сих пор не расшифрованы. Речь какой языковой семьи отражена в них? Тюркской ли? На стенах Маяцкого городища (донское письмо), на черепках Ферганской долины (исфаринское письмо), на изделиях или скалах в бассейне Сыр-Дарьи (ачикташское письмо) руноподобные тексты вполне могут быть ираноязычны. Отсюда, я не сводил вопрос к необходимости разграничения наших памятников и скандинавских (точнее говоря, германских), как и к неведомому языку носителей проторунических алфавитов.

Понятие «туркский» в отношении раннего средневековья имеет вполне определенный этнический смысл — так следует называть лишь народ с самоназванием «турк», его культуру и созданную им государственность. Иные тюркоязычные народы той эпохи называли себя иначе. Обобщающее значение прилагательное «туркский» имеет только в области языкоznания, где относится к терминам, различающим языковые семьи и в этом равно иным специальным определениям, как то «славянский», «иранский», «балтский» и т.п. Историку-медиевисту, дабы оставаться точно понятым, полагаю, следует говорить не «туркский», а «туркоязычный». Разве определение «туркский» приблизит нас к пониманию конкретно-исторических явлений, свойственных для Волжской Болгарии? Для меня «туркские рунические надписи» — это орхонские тексты VIII — начала IX в. и они никак не включают в себя памятники болгарского рунического письма Европы (которое при палеографическом определении именуется кубанским).

Излишне обобщенное восприятие истории и культуры тюркоязычных народов Евразии, получающее терминологическое оформление в понятии «туркский» («туркский мир», «туркская культура» и т.п.), не только не способствует постижению реального многообразия прошлого и настоящего, но и по большей части порождает искаженное представление и понимание исторического пути тюркоязычных народов, их этно- и культурогенеза¹⁰. Именно от такого слитного, нерасчлененного, а значит, и неточного или даже ложного восприятия памятников руноподобной письменности следовало уйти в нашей науке. Такова была задача обсуждаемой книги. Таков был подход, приведший к возможности исследования не некой единой «туркской рунической письменности», а целого ряда конкретных рунических азбук. Обнаружились две системы руноподобного письма с различными корнями.

Что следует для историка из этого палеографического расчленения руноподобных текстов на два самостоятельных класса? Отсюда, впервые проистекает, что раннесредневековые тюркоязычные народы издревле разделялись на две большие *культурно различные группы*. За членением на «народы евроазиатских рунических письмен» и «народы азиатских рунических письмен» здесь встают два *различных по источникам* культурных образования. Каждое из них было исторически связано с одним из двух *самостоятельных культурных очагов* Средней Азии. Такое членение тюркоязычного мира на материалах письма наблюдается к VIII в. Однако эти два культурно (и языково?) отличных тюркоязычных центра сформировались значительно раньше — в неведомую нам по древности эпоху восприятия и формирования названных письменных систем¹¹. К «народам евроазиатского рунического письма» (или к западному среднеазиатскому культурному центру) среди прочих принадлежат и восходят предки волжских болгар. Иной культурный центр породил тюркоязычных носителей азиатских рунических письменностей. К ним относятся и собственно тюрки (тугю китайских летописей).

В моем восприятии истории Евразии культура городов не противостоит некой степной стихии, поэтому для меня понятие «степной»

имеет географический, а не культурный смысл. Словосочетание «степные рунические письменности» или «степные руны» означает особую группу письмен степной зоны Евразии. Все это я стремился оговорить на страницах обсуждаемой книги.

Примечания

- ¹ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994, с.13-42, 241-279. Далее отсылки на страницы этой книги даются в тексте статьи в квадратных скобках.
- ² Даркевич В.П., Черников В.Ф. Новое в изучении среднеазиатской торевтики. Афанасьевский клад // КСИА, 1971, вып.128, с.113; Кызласов И.Л. Указ. соч., с.278; он же. Древнетюркская руническая письменность Евразии. М., 1990, с.66, рис.18, 5.
- ³ Кызласов И.Л. Указ. соч., с.278; он же. Древнетюркская руническая письменность Евразии. М., 1990, с.66, рис.18,5.
- ⁴ Архив ИА РАН, ф.12, д.102, лл.209-213. Время работы С.В.Киселева в Горьковском музее и последующего изучения надписи мне не известно. Следует сказать, что на обороте л. 213 сделана запись расписания трех утренних электричек в Истру, что, возможно, в дальнейшем поможет ответить на этот вопрос.
- ⁵ Даркевич В.П., Черников В.Ф.. Указ. соч., с.113, рис.49; Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М., 1976, с.35, табл.16, 6.
- ⁶ На архивном листе два крайних правых знака не поместились в ряд и перенесены на следующую строку со словами «следует сразу за» особой пометкой, обозначающей прерыв строки в рисунке. Из этого следует, что С.В.Киселев перерисовывал знаки от левого края надписи к правому. На публикуемом мною рисунке строка размещена вертикально лишь ради общей компоновки изображений.
- ⁷ А индекс ДК 2 [с.278] аннулируется.
- ⁸ Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971, дополнение-в克莱йка между с.92 и 93; Marschak B.I. Silberschätze des Orients. Metalkunst des 3.-13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. Leipzig, 1886, Abb. 197, S.437.
- ⁹ Кочкина А.Ф. Рунические знаки на керамике Биляра // Советская тюркология, 1985, №4; Халиков А.Х. Руническите знаци и надписи от Волжка България и техните дунавски паралели // Археология. София, 1988, №3; Байчоров С.Я. Древнетюркские рунические памятники Европы. Ставрополь, 1989, с.253; Кызласов И.Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. М., 1990, с.56, 57, рис.16, 2, табл.VIII; он же. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994, с.29, 145, 274, 275, табл.VIII.
- ¹⁰ Эти вопросы специально разбирались мною при публикации цикла «Материалы к ранней истории тюрков» (Российская археология, 1996, №3; 1999, №4). См. также: Кызласов Л.Р. Первый Тюркский каганат и его значение для истории Восточной Европы // Татарская археология, 1997, №1 (расширенный вариант этой статьи издан в сб. «Историческая археология. Традиции и перспективы». М., 1998).
- ¹¹ О глубине истоков одной из этих палеографических групп — азиатских рунических алфавитов и связанных с ними форм письменных документов, восходящих едва ли не к культурам бронзового века, см.: Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. II и III. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология, 1998, №1 и 2.

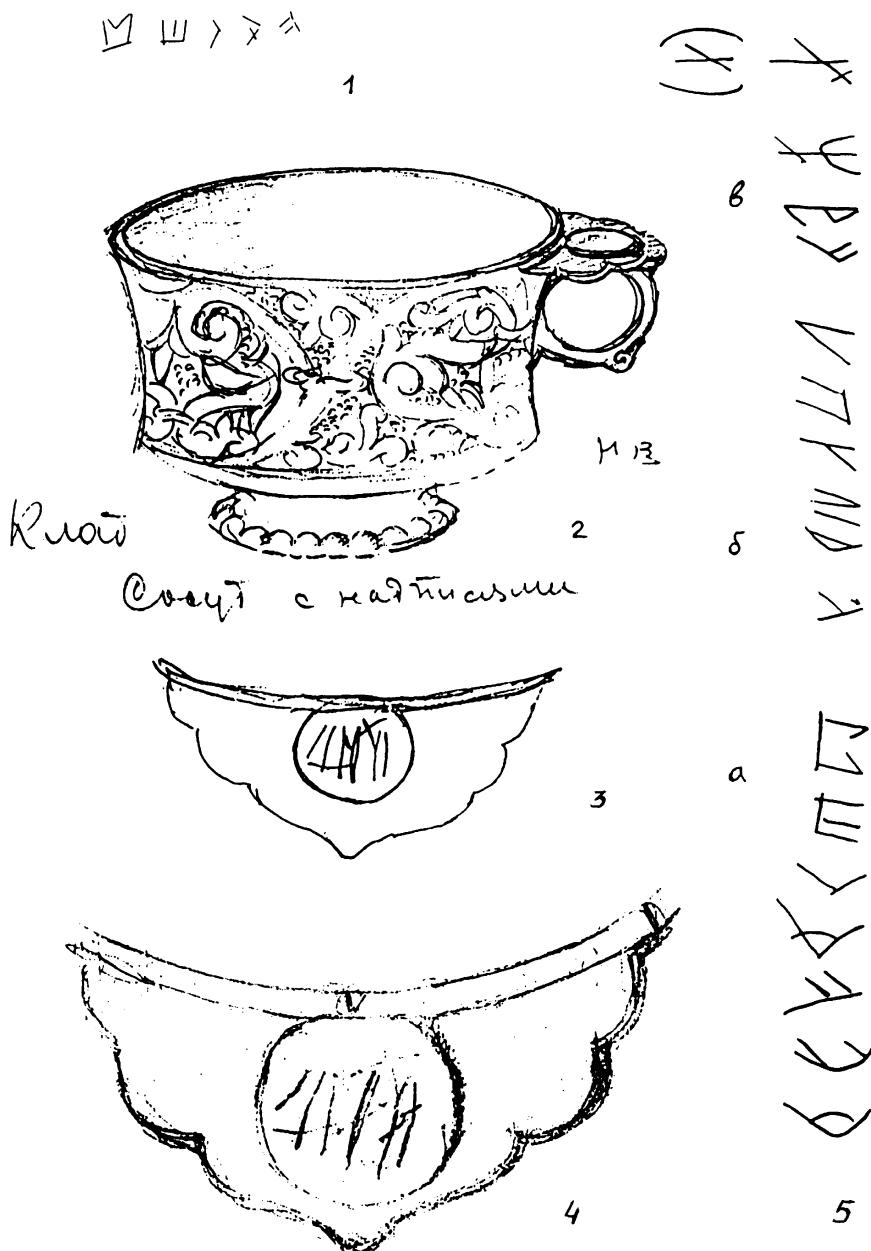

Рис. 1 — Афанасьевский клад. Серебренный сосуд и нанесенные на него надписи и резы. 1 — Прорись надписи по В.П.Даркевичу и В.Ф.Черникову; 2-5 — рисунки, сделанные С.В.Киселевым: 2 — сосудик, 3,4 — знаки на щитке ручки, 5 — зарисовка надписей К 13/1 (а), К 13/2 (б) и К 13/3 (в).

Nº	K	O	A-1	A2	A3	Nº	K	O	A-1	A2	A3
1	> > Ү	>	>			20	ڦ ڦ		ڦ		
2	ڦ ڦ ڦ					21	ڦ				
3	ڦ ڦ ڦ					22	ڦ				
4	:	=				23	ڦ				
5	ڦ ڦ		ڦ ڦ	ڦ ڦ	ڦ ڦ	24	ڦ	ڦ	ڦ	ڦ	
6	ڦ ڦ ڦ					25	ڦ ڦ				
7	ڦ ڦ		ڦ			26	ڦ				
8	ڦ ڦ		ڦ			27	ڦ ڦ ڦ				
9	ڦ		ڦ			28	ڦ ڦ				
10	ڦ ڦ					29	ڦ ڦ				
11	ڦ ڦ		N			30	ڦ ڦ				
12	ڦ ڦ ڦ					31	ڦ				
13	ڦ ڦ					32	ڦ				
14	ڦ					33	ڦ				
15	ڦ ڦ		Ψ ₂			34	ڦ				
16	ڦ ڦ					35	ڦ				
17	ڦ ڦ ڦ					36	ڦ				
18	ڦ					37	ڦ				
19	ڦ		ڦ								

Рис. 2 — Сравнение знаков кубанской письменности (обобщенно — K), надписей на блюде из Оношат (O) и на сосуде из Афанасьево (A/1 — A/3). Знаки расположены в соответствии с частотой встречаемости в надписях. Облик знаков 35-37 требует подтверждения. Возможно, руна 24 есть результат слияния двух знаков (8 и 32), а буквы 34 — варианты знака 30.

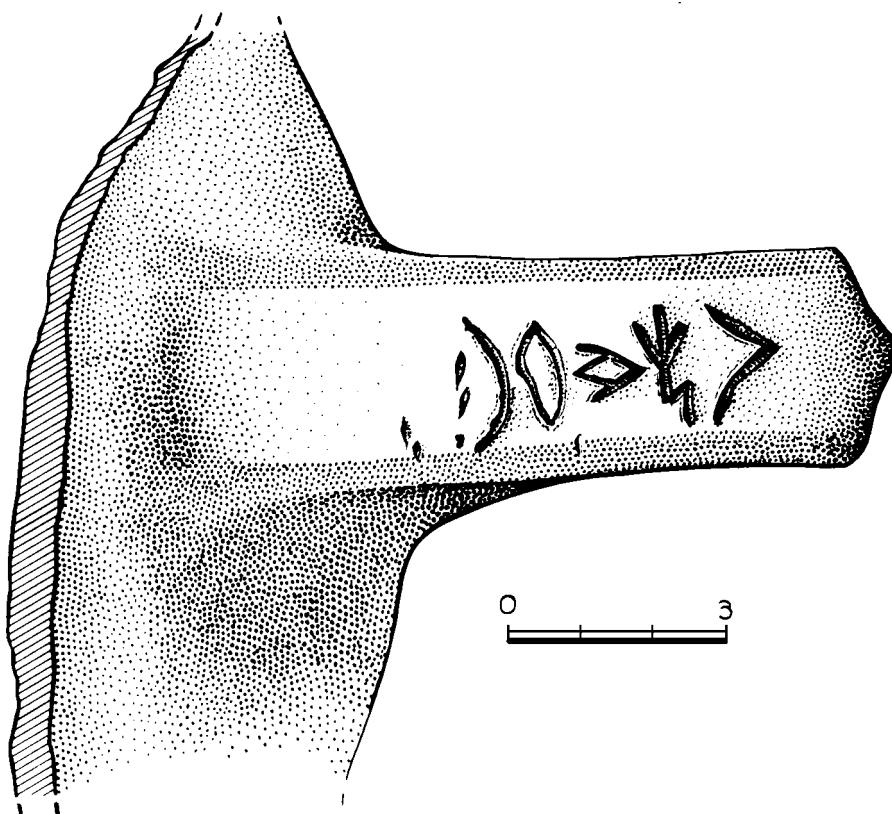

Рис. 3 — Биляр. Надпись на ручке глиняного сосуда.

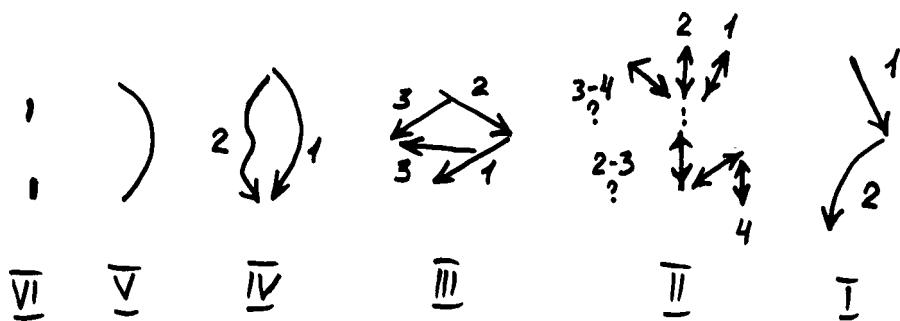

Рис. 4 — Последовательность начертания знаков билярской надписи. Обозначения: стрелка — направление начертания бороздки, двухсторонняя стрелка — бороздка-штамп (оттиснутая без движения), линия без стрелки — бороздка, направление начертания которой неясно, цифры указывают последовательность нанесения борозд.

Владимир Могильников

Гилево VII, курган 4 —

памятник кимаков на Верхнем Алтае

Согласно арабским источникам, соотносимым с данными археологии, Верхнее Прииртышье и северо-западные предгорья Алтая в конце I — начале II тыс. н.э. занимали племена кимаков и находившиеся первоначально в зависимости от них — кипчаков¹. Их памятники — курганные могильники, преимущественно с каменно-земляными насыпями, скрывающие конструкции преимущественно типа прямоугольных каменных оград, реже — окружных выкладок или наброски вроде каменного панцыря над земляной насыпью, в наибольшей мере изучены в Верхнем Прииртышье благодаря исследованиям С.С.Черникова, Ф.Х.Арслановой, Ю.И.Трифонова, З.С.Самашева, А.А.Ткачева, Ю.П.-Алехина и некоторых других авторов², а в северо-западных предгорьях Алтая — работами В.А.Могильникова в зоне строительства Гилевского гидроузла на р.Алей, Ю.П.Алехина и А.А.Тишкина — в Курынском, Рубцовском и Змеиногорском районах Алтайского края³. Следует при этом отметить, что в то время как материалы работ по Верхнему Прииртышью, а также — раскопок Ю.П.Алехина и А.А.Тишкина в большинстве своем опубликованы, материалы раскопок В.А.Могильникова освещались в основном в кратких информационных заметках⁴ и публиковались лишь единичные комплексы, при том не самые богатые⁵. Сводная работа по культуре кимаков отсутствует.

По величине и устройству погребальных конструкций, составу инвентаря, отдельные кимакские могильники различаются. Выделяются некрополи с крупными и богатыми курганами более богатых семей и с мелкими и бедными курганами рядовой части общества. В данной статье мы публикуем материал одного из наиболее интересных курганов Гилевского микрорайона — кургана 4 элитного могильника Гилево VII на верхнем Але. Всего в данном могильнике было 10 курганов, 9 из которых стояли цепочкой в общем направлении С-Ю, перпендикулярной краю террасы Алея, а один (№ 1) находился несколько в стороне. Курган 4 располагался в северной части цепочки и являлся наиболее крупным, содержал 2 погребения. Два погребения имел еще один курган (№ 9), локализовавшийся в южной части цепочки (рис.1). Другие некрополи, исследованные нами на верхнем Але (Гилево VI, VIII, XI-XVI, Корболиха II-VI, VIII-IX, Павловка I), также представляли небольшие цепочки курганов (до 10), ориентированные, как правило С-Ю, и представлявшие, очевидно, семейные некрополи. Без определенного порядка, группой, располагались курганы на могильниках Гилево IX, Корболиха X, но они включали также курганы эпохи раннего железа. Своей величиной выделялся могильник Гилево I-V, насчитывающий 42 кургана, весьма условно разделенный на 5 последовательных цепочек, включавший курганы как с кремациями, так и с ингумациями. При этом курганы с кремациями оставлены енисейскими кыргызами, попавшими на Алтай в 40-х гг. IX

в. в ходе завоеваний Кыргызского каганата. Курганы кимаков содержат ингумации в сопровождении коня или без него. При этом, с конем хоронили преимущественно мужчин-воинов, хотя представлены также отдельные захоронения женщин, парные и коллективные погребения. В большинстве случаев конь помещен на одном уровне с захоронением человека, на животе с подогнутыми ногами, вдоль южной стенки могилы и с одинаковой ориентировкой — головой на В-СВ⁶. В коллективных погребениях, при наличии нескольких захоронений коней, осты коней могут лежать и вдоль западной стенки могилы, что видно в рассмотренном ниже случае. В отдельных случаях конь может располагаться на невысокой ступеньке также вдоль южной стенки, рядом с ямой — небольшом углублении, доходящем до уровня материка, и в единичных случаях — в отдельных ямах (Гилево VI, к.5). Как правило, конь взнуздан и оседлан, в единичных случаях не имеет экипировки. В последнем случае мог быть не сохранившийся ременный недоуздок. Большинство погребений разграблены, кости перемешаны. Детальная характеристика обряда требует отдельной работы, специально посвященной этому вопросу.

Переходим непосредственно к характеристике кургана 4 Гилево VII, лишь частично поврежденного разграблением и представившим значительный материал для характеристики погребального ритуала и материальной культуры.

Курган 4, овальный, с диаметрами 2 м (С-Ю) x 16 м (З-В), высота 1 м. Насыпь сложена из чернозема с суглинком и скрывала два прямоугольных смежных оград, сложенных на уровне погребенного горизонта из довольно крупных рваных камней в 4-6 слоев, камни верхнего ряда которых местами выступали сквозь дерн на поверхность насыпи. У краев насыпи высота оград уменьшалась из-за раз渲ала верхней части кладки (рис.2). Каменная конструкция относится к типу длинных курганов и ориентирована в направлении ССЗ-ЮЮВ. Каждая ограда содержала по погребению и была ориентирована, как и погребения в них, ВСВ-ЗЮЗ. Внутренний размер ограды погребения 1 — 6,5 x 6,2 м, погребения 2 — 6,8 x 6,5 м. Судя по характеру кладки (рис.2), обе ограды скорее всего одновременны.

Погребение 1, южное, парное, мужчина (Mat) + жен. (Mat), с конем, разграблено. Располагавшаяся почти в центре ограды подпрямоугольно-овальная могильная яма 2,6 x 1,8 м, глубиной 1,6 от уровня погребенного горизонта (далее УПГ), глубиной от уровня материка 1,3 м, с почти вертикальными стенками. Кости лошади были в беспорядке сосредоточены преимущественно в ЮВ углу могилы, что позволяет считать, что конь был положен вдоль южной стенки могильной ямы. От черепа лошади сохранился только один зуб в верхней части заполнения, а большая часть костей была выкинута. Кости людей найдены перемешанными преимущественно в средней и меньше — в северной частях могильной ямы, где встречены позвонки, ребра, обломки трубчатых костей, около центра — обломки черепа, в восточной половине — ключица. Из их

взаиморасположения можно предполагать, что люди и конь были уложены головами на ВСВ. От инвентаря сохранились маленький фрагмент стенки лепного глиняного сосуда темного цвета без орнамента, обломки стремени с подножкой с нервюрои (рис.3,5), железный нож (рис.3,6), бронзовые литые, по-видимому, сбруйные накладки-бляшки с выступом (рис.3,3), 2 наконечника ремня и 4 бронзовых сердцевидных бляшки (рис.3,1,2,4). В заполнении, преимущественно у дна могильной ямы, попадали кусочки дерева, остатки перекрытия, разрушенного грабителями и располагавшегося по аналогии с другими захоронениями, в т.ч. с погр.2, вероятно, в придонной части могилы.

Погребение 2, коллективное, 3 мужчины — возмужалый, юноша, пожилой (Ad., Juv., Sen.) и две женщины — возмужалых (Ad., Ad.,) в сопровождении четырех коней (по результатам полевых наблюдений; по определению В.П.Дальниченко в кабинете остеологии Института археологии АН СССР, кости принадлежали пяти особям лошади. Не исключено, что кости пятого коня входили в состав ритуальной пищи). Помещалось в северной ограде в большой прямоугольной яме размером на уровне материка 3,8 x 2,6 м, глубиной 1,8 м от УПГ, 1,5 м от уровня материка. В северную стенку ямы вдавался подбой на одном уровне с дном, увеличивая ширину ямы на 1 м, до 3,6 м (рис.2,3). Подбой был заполнен светлокоричневым суглинком, не отличавшимся от окружающего материкового грунта, не потревоженным грабителями, тогда как основная перекопанная часть ямы была заполнена темным пестроцветом с небольшим количеством камней, попавших сюда при оползании грабительского прокопа. В подбою сохранились непотревоженными два костяка — I — мужчины (Ad.) вдоль северной стенки и рядом с ним — II — юноши (Juv.). В основной части ямы грабители не задели скелет коня, уложенного на животе с подогнутыми ногами, вдоль ЗЮЗ стенки, головой на ЮЮВ. Передняя часть ее завалилась на левый бок (рис.3,7). Лошадь была обуздана и оседлана. Перед этой лошадью вдоль южной стенки, следом друг за другом были уложены еще два коня, также на животе с подогнутыми ногами, головами на ВСВ. Они были сильно нарушены грабителями. В ЮВ углу, в анатомическом порядке сохранились часть ребер, шейные позвонки и череп коня, обращенный лбом на ВСВ (рис.3,7). В зубах были железные удила плохой сохранности (рис.4,21). Задняя часть скелета этого коня, кроме передних ребер, как и костяк последующей лошади, перекопаны. От последнего, у ЮЗ угла, в первоначальном положении сохранились часть хвостовых позвонков, левая тазовая и кости задних ног, которые были отчасти перекрыты черепом коня, лежавшего вдоль западной стенки (рис.3, 7,20). Центральная часть захоронения была полностью перекопана грабителями. Кости людей, лошадей и вещи были хаотично перемешаны, так что соотнести их с конкретным костяком было невозможно.

Сверху захоронение в придонной части было перекрыто вдоль горбылями, колотыми пополам бревнами, концы которых базировались на бревнах, уложенных в два венца на дне ямы вдоль ВСВ и,

вероятно, ЗЮЗ стенок. У ВСВ стенки два венца бревен прослежены наиболее четко. У боковых, ССЗ и ЮЮВ, стенок могилы бревна обкладки не обнаружены и, по-видимому, отсутствовали первоначально, т.е. это была опора перекрытия, а не обкладка стенок могилы. Следов перегородок между людьми и лошадьми, уложенными на дне могилы на одном уровне, не прослежено. Наиболее хорошо остатки горбылей перекрытия прослежены в подбое, хотя дерево было плохой сохранности.

Наибольший интерес представляют непотревоженные останки обузданной и оседланной лошади, лежавшей вдоль западной стенки, и погребенных в подбое двух воинов, мужчины и юноши (рис.3,7) с комплексом предметов вооружения, конского снаряжения, быта и украшений.

Остановимся сначала на убранстве коня. В зубах лошади были железные 8-видные удила с витыми стержнями и утраченными деревянными псалиями, от которых сохранились железные скобы (рис.5, 5). В случае, если бы псалии были железными или костяными, они бы сохранились. Узда имела суголовный, наносной и налобный ремни, украшенные медными бляшками, лежавшими на фрагментарно сохранившемся черепе (рис.6, 1). На налобном ремне была приклепана прямоугольная бляшка с выступом (рис.7, 3), чуть ниже которой был, очевидно, на коротком подвесном ремешке укреплен позолоченный налобник сердцевидной формы с рельефным растительным орнаментом и полушироривидным бубенчиком в центре (рис.6, 1,1; 7, 14). Симметрично прямоугольной бляшке на налобном ремне были приклепаны по медной сердцевидной бляшке с тремя прорезными выступами полуширарной формы (рис.6, 1,1; 7, 12,13). Наносной ремень украшал бронзовый литой, довольно массивный султанчик (рис.6, 1; 7, 1), крепившийся также заклепками. Нашечные ремни оголовья были украшены мелкими сердцевидными бляшками, наконечниками, а также симметрично расположеными по щекам по прямоугольной бляшке с выступом в сочетании с сердцевидной бляшкой с тремя прорезями (рис.6, 1,5-7; 7, 2,4-13). Примечательно, что все бляшки и наконечники, кроме сердцевидных блях с прорезями в выпуклостях (рис.7, 12,13), орнаментированы растительным узором. Бляхи частично смешены со своего местоположения. Для регулирования длины ремня оголовья и застегивания его у шеи сбоку служили бронзовая пряжка и костяная полированная цурка (рис.6, 1,3,4; 7, 17,18).

Седло имело нагрудный и подхвостный ремни, украшенные бронзовыми сердцевидными бляшками, аналогичными уздечным, прямоугольными бляшками, с которыми, очевидно, были связаны подвесные декоративные бляшки с тремя прорезями. Последние в паре с прямоугольной бляшкой с выступом располагались по одной с левой и правой сторонам подхвостного ремня (рис.6, 2,4,5). На ремнях располагались также медные наконечники (рис.5,6,12,14; 6,2,2,6), аналогичные уздечным (рис.7,10,11). По одному наконечнику находилось на подхвостном ремне с правой и левой стороны (рис.6,2,1,6). Один наконечник лежал возле сердцевидных бляшек, украшавших, вероятно, приторочные ремни (рис.5,6,12). От приторочного ремня, очевидно, происходят также

лежавшие с левой стороны бронзовая маленькая пряжка с обоймой (рис.5,6,5; 7,15,16) и находившиеся рядом с ними две бронзовых сердцевидных бляшки (рис.5,6,13,14), украшавшие ремень.

От седла по бокам лошади сохранились также пара железных стремян яйцевидной формы с петлей для ремня путлища в невыделенной пластине (рис.5,1,2; 6,1,2) и две крупных литых бронзовых подпружных пряжки с железными язычками, лежавшие на ребрах правого и левого боков коня (рис.5,6,3,4; 7,19). Впрочем, эти пряжки могли быть путлищными, с чем обусловлено их расположение на ребрах с обеих сторон от хребта коня (рис.5,6,3,4). Но в таком случае непонятно отсутствие подпружных пряжек, которые обычно сопровождают конские захоронения. При двух пряжках логично предполагать наличие у седла двух подпруг, используемых у седел для езды по пересеченной местности, каковым являлся данный регион.

Около левой бедренной кости этой лошади лежал крестец четвертого коня с бронзовым наконечником ремня типа (рис.7,10) на ней (рис.6,2,6). Однако, не исключено, что этот крестец представлял кусок конины, предназначавшейся погребенному, и был приторочен слева к седлу. Кости, главным образом барабана от мяса, притороченного в сумке к седлу, неоднократно встречены в погребениях тюрок Алтая⁷. Разрозненные кости лошади попадались также в центральной части ямы. Тут же находились разрозненные сбруйные и поясные бляшки, пряжки и другой инвентарь.

Судя по сохранившимся *in situ* костям коней, лошади в захоронении были как бы заведены друг за другом и уложены вдоль ЮЮВ и ЗСЗ стенок могилы. При этом первой была помещена лошадь I в ЮВ углу, от которой в анатомическом порядке сохранились череп и часть ребер (рис.3,7). Следом вдоль ЮЮВ стенки была уложена лошадь II, от которой на месте в ЮЗ углу сохранились часть костей таза, ног и хвостовые позвонки. Третья лошадь была уложена вдоль ЗСЗ стенки так, что голова ее оказалась на крупе лошади II (рис.3,7). О положении коня IV судить трудно, поскольку встречены лишь его разрушенные кости. Даже невозможно уверенно утверждать был ли это целый остов коня или расчлененный. По расположению костей можно думать, что он лежал рядом с задней костью коня I и передней частью коня II (рис.3,7). Другого места для него нет. Привлекает внимание разнородность лошадей I, III, у которых сохранились черепа. Череп коня I небольшой, грацильный, с узкой мордой. Конь III имел крупную массивную голову (рис.3,7), чем напоминал лошадей современной местной алтайской и казахской породы, которым присущи выносливость, неприхотливость и способность к круглогодичному вольному выпасу без дополнительной подкормки.

Сохранившиеся от разрушения в подобие костяки мужчины (Ad) вдоль северной стенки и юноши (Juv) лежали рядом, на спине, вытянуто, головами на ВСВ (рис.3,7; 8,13). Череп мужчины чуть наклонен вправо. Правая плечевая и лучевая кости юноши чуть смешены, вероятно, норами грызунов. Рассеяны также кости правой стопы.

Костяк мужчины (I) довольно хорошей сохранности, длиной 1,8 м. Слева, между крылом таза и костями кисти лежал железный нож (рис.8,10; 13,2), у правого колена — костяная пряжка с железным язычком (рис.8,11; 13,1). Вдоль левых бедреной и верхней части берцовых костей находился берестяной колчан со стрелами наконечниками вверх (рис.8,1-9; 13,3). Стрелы, дерево и береста колчана плохой сохранности, из-за чего точно величина последнего не устанавливалась. Длина около 70 см, ширина — 13-15 см. Наконечников стрел — 10 экз., в т.ч. 3 плоских асимметрично-ромбических, 7 — трехлопастных (рис.8,1-9). У левой стопы помещались железные удила с кольчатыми псалиями, два железных плоских наконечника стрел асимметрично-ромбических плохой сохранности и рядом с ними — 5 курдючных позвонков барабана, как остатки культовой пищи (рис.8,12; 13,4-6).

Костяк II, юноши, длиной 160 см, сохранился хуже, особенно череп. Судя по набору комплекта воинского снаряжения, экипировке портупеи и украшениям, погребенный принадлежал к местной знати. В области ушных раковин находилось по золотой серьге в виде несомкнутого кольца (рис.8,13,1,2; 9,18,19). Вдоль правой ноги погребенного от пояса до стопы лежала почти прямая сабля, перекрестье и рукоять которой рассыпались от коррозии (рис.8,13; 10,8). Сабля подвешивалась на портупее, ремень которой был украшен круглыми серебряными литыми бляшками, лежавшими справа от поясничных позвонков в области пояса и выше в направлении правого плеча (рис.8,13,3,4; II). К гарнитуре портупеи относились также литой круглый серебряный тройник и одна из двух подчетырехугольных серебряных литых блях с четырьмя отверстиями для ремней, лежавшие рядом с саблей (рис.8,13,4; 9,7,15). Другие аналогичные четырехугольная бляха и тройник (рис.10,11; 11,25) относились к подвесным ремням портупеи колчана и располагались около него. Частично на сабле, против нижней части правой бедренной кости, находились железное тесло и рядом с ним — серебряные сердцевидная бляшка и наконечник ремня (рис.8,13,6; 9,11,13). У конца сабли лежал литой бронзовый кистень (рис.8,13,7; 10,9). Рядом с саблей поверх костей таза и ног и между ними лежали остатки берестяного колчана, украшенного вдоль края вырезанными из серебряной фольги кресто-видными бляшками (рис.8,13,5), которые, окисляясь от воздуха, сразу рассыпались при прикосновении. Вероятно, на колчан они были наклеены. Вдоль другого края колчана и левой ноги, лежали преимущественно в ряд серебряные орнаментированные круглые, сердцевидные и подпрямоугольные бляшки, подобные бляшкам портупеи сабли (рис.11,1-18,20-23). У нижнего конца колчана, завершая ряд круглых бляшек, находился наконечник ремня (рис.8,13), подобный наконечнику (рис.11,19), лежавшему возле сабли и тесла (рис.8,13,6). Вероятно, эти наконечники завершали ремни портупей, украшенные вышеупомянутыми бляшками. Не исключено также, что это могли быть остатки пояса, положенного вдоль поверх колчана. Возможно также, что они украша-

ли колчан, были приклепаны к ремню, который, в свою очередь, был закреплен вдоль левого края колчана, тогда как крестовидные бляшки шли по его правому краю. Против головки левой бедренной кости находилась бронзовая литая поясная пряжка (рис.11,26).

В колчане помещались 7 железных черешковых трехлопастных наконечников стрел с костяными свистунками плохой сохранности (рис.10,1-7,11). Древки не сохранились, а береста колчана сохранилась фрагментарно, из-за чего его точные размеры не устанавливаются. У верхнего края колчана лежал ряд серебряных круглых и якорьковых бляшек (рис.10,11; 9,12,14). Возможно, они украшали «карман», закрывавший колчан сверху, или были приклепаны к ремню, охватывавшему горловину колчана. Подвешивание колчана к поясу осуществлялось с помощью ажурной литой серебряной бляхи с четырьмя прорезями, аналогичной, как отмечено, бляхе от портупеи сабли (рис.10,11-а; 9,15). К двум отверстиям крепились ремни, идущие, очевидно, от колчана и к двум — от пояса. Идущие от бляхи подвесные ремешки, в свою очередь, продергивались в отверстия серебряных литых крыловидных блях-оправ (рис.9,2), приклепанных к поясу (рис.8,13,3). В колчане стрелы, как и у мужчины, помещались наконечниками вверх (рис.10,11). Справа от погребенного находился железный пикообразный наконечник копья (рис.10,10) с ромбическим в сечении пером, сильно поврежденный коррозией, крепившийся к древку с помощью железного клина. Слева от левой стопы лежали два точильных камня и между ними — роговая Ж-образная бляха (рис.8,13,8-10; 9,20-22). Возможно, они были положены в сумочку, украшенную этой бляхой.

В разрушенной центральной части погребения обнаружены останки пожилого мужчины и двух позмужальных женщин. Кости их в беспорядке лежали частью около центра могильной ямы, частью вперемежку с костями лошадей у южной стенки (рис.3,7). Погребенные, по-видимому, также были уложены в ряд, головами на ВСВ. На это указывает расположение костей верхних частей скелетов преимущественно у восточной стенки ямы. Ближе к ВСВ стенке ямы лежали разрозненные шейные позвонки, обломки черепа, ключица, а кости нижних конечностей — бедренные были западнее, у средней части ямы. Вперемежку с костями попадали остатки инвентаря. В восточной половине могилы, ближе к южной стенке находилось скопление обломков толстостенного железного котла, а около центра группировались обломки второго, более тонкого котла. У южной стенки найдены обломки клинка палаша или сабли (скорее палаша шириной около 5 см со следами дерева от ножен (рис.4,17). Клинок более массивный, чем у вышеописанного палаша или слабо изогнутой сабли (рис.10,8). У южной стенки, среди нарушенных костей лошади встречены железные удила с S-видными псалями (рис.3,7,2; 4,21), обломки двух костяных подпружных (?) пряжек (рис.4,18,22), фрагменты узких костяных и деревянных накладок от окантовки лук седла и колчана (рис.12,1-11,13-18), костяной петли для подвешивания

колчана (рис.12,12). Около центра могилы найдена бронзовая литая поясная рамчатая пряжка, пара костяных срединных накладок лука, обломки еще двух подобных накладок (рис.4,11-14,19). В разных местах были разбросаны железные трехлопастные и плоские наконечники стрел и их фрагменты, неопределенные обломки железных предметов, литые бронзовые наременные бляшки (рис.4,1-10,15,16,20). Вблизи коня III, лежавшего у западной стенки, обнаружены железные пряжка и предмет из двух колец с обоймой (рис.5,3,4).

Разбросанные в разграбленной части обломки палаша, наконечники стрел, накладки лука, обломки накладок колчана и седла относились, очевидно, к экипировке захороненного здесь пожилого мужчины, а котлы могли относиться к погребенным тут двум женщинам, хотя железные котлы в погребениях тюрок обычно сопутствуют мужчинам⁸. Примечательно отсутствие женских украшений, но их могли похитить при ограблении.

Интересно также, что прямоугольные и 8-видные бляшки и наконечники от сбруи коня III имели одинаковый орнамент в виде цветка граната (рис.7,3-5,9-11), а часть сердцевидных бляшек — узор типа гроздьев винограда (рис.7,2,6). Это указывает на возможность среднеазиатского происхождения данных блях конской сбруи. Многочисленные варианты с гроздями винограда и вьющейся лозы известны на сасанидском металле, архитектурном орнаменте и бляшках с городища Пенджикент VIII в.⁹ и Южной Сибири VIII-X вв.¹⁰

Датировка кургана 4 определяется прежде всего предметами конского снаряжения, вооружения, комплексом наременной гарнитуры, наиболее выразительно и полно представленных в погребении 2. Пара железных стремян яйцевидной формы с прогнутой подножкой и петлей в невыделенной подпрямоугольной пластине (рис.5,1,2), которыми были снабжено седло коня III, близки стременам типа Б1 классификации Г.А.Федорова-Давыдова, датированные им IX-XI вв.¹¹

Удила представлены четырьмя экземплярами. Из них три 8-видных со стержневыми псалиями (рис.4,21; 5,5; 7,20) и одни — однокольчатые соединеннокрюковые с кольчатыми псалиями (рис.8,12). Последние распространяются на юге Сибири в основном в конце IX-X вв., хотя известны и ранее, сосуществуя с численно преобладавшими удирами со стержневыми псалиями. После полного господства удила со стержневыми псалиями в скифское время на Алтае в гуннское время, в начале I тыс. н.э., во II-IV вв., появляются удила с кольчатыми псалиями, представленными затем в V-VI вв. в берельских и в VI-VII вв. — раннетюркских памятниках¹². После этого в VIII-IX вв. господство удила со стержневыми псалиями, а затем, в конце IX-X вв. появившиеся удила с кольчатыми псалиями постепенно в XI-XII вв. вытесняют удила со стержневыми псалиями.

Из трех экземпляров удила со стержневыми псалиями одни имели кольца, расположенные в одной плоскости и перевитые стержни (рис.5,5), и двое — гладкие и взаимоперпендикулярные кольца (рис.4,21; 7,20). Последние типологически являются более поздними

и могут быть датированы X — первой половиной XI в.¹³, что дает возможность определять хронологию погребения в этих пределах и скорее даже сужать ее до второй половины X — первой половине XI вв. Этому не противоречит прочий инвентарь захоронения. Бронзовые круглые портупейные гладкие и орнаментированные тройники известны во второй половине IX-X — начале XI вв. в тюхтятской культуре¹⁴, в сросткинской культуре в Барабе¹⁵, в Верхнем Прииртышье у кимаков¹⁶, распространяясь на запад с кимако-кипчаками до Поволжья, где открыты в раннем слое Казани¹⁷. Преобладающие в ременной гарнитуре мелкие бронзовые орнаментированные декоративные бляшки (рис.3,2; 7,2,6,7; 9,10,11; 11,1,7,13) в целом более поздние, чем сердцевидные гладкие VIII-IX вв.¹⁸, отсутствующие в данном комплексе, что также говорит за датировку X — первой половиной XI в.

В эту хронологию укладываются и предметы вооружения, тяготеющие к X — началу XI в. Это упоминавшиеся обломки массивного палаша и почти прямая сабля (рис.4,17; 10,8), срединные костяные накладки лука (рис.4,11-14), уже нехарактерные для XI-XII вв., пиковидный наконечник копья (рис.10,10), имеющий аналогию в кургане I Белого Камня в предгорьях Алтая и у кимаков Верхнего Прииртышья X — первой половины XI в.¹⁹, а также комплекс наконечников стрел, среди которых преобладают характерные для IX-X вв. трехлопастные (24 экз.), но уже к комбинации с плоскими (7 экз.) боеголовками (рис.4,10; 8,3) и асимметричноромбическими (рис.4,1; 8,1,9), появившимися в конце IX-X в. и широко распространившимися с XI-XII вв.²⁰

К редкому виду оружия относился кистень, имевший форму литой медной шаровидной гирьки с петлей для привязывания (рис.10,9). Полных аналогий ему нам не известно. Железный кистень в виде гирьки обнаружен на верхней Оби в сросткинском погребении IX-X вв. кургана 2 Ближних Елан VIII²¹.

Костяные прямоугольные петли для подвешивания колчана (рис.12,12) подобны колчанным петлям у кочевников степей Восточного Казахстана VIII-X вв.²² Снабжение бронзовыми пряжек железными язычками, констатированное в кургане, также присуще второй половине IX-X — первой половине XI в.

По погребальному ритуалу данный курган соответствует обрядности кимаков Верхнего Прииртышья и северо-западных предгорий Алтая указанного периода. Для них были характерны курганы с прямоугольными оградами и погребения в сопровождении коней с преимущественной ориентацией на В — СВ. Примечательно, что в погребении 2 описываемого кургана с захоронением пяти индивидов представлены останки четырех коней, а у пятого — мужчины в подбое вдоль северной стенки вместо коня в ноги была положена уздечка, от которой сохранились удила с кольчатыми паслиями (рис.3,7; 8,12,13). В данном случае усматривается становление нового обряда — захоронения вместо обузданного и оседланного коня только уздечки и седла, которые стали класть в ноги. Данный обряд

широко распространяется у кипчаков в XI-XII вв., продолжая сохраняться в XIII-XIV вв. до принятия кочевниками степей мусульманства²³. При этом на примере курганов микрорайона Гилево прослежено, что первоначально укладывали преимущественно только уздечку. Обычай класть еще и седло распространяется позже, по-видимому, в начале II тыс. н.э.

Конструкции в виде каменных оград отличает ритуал кимаков Верхнего Прииртышья и северо-западных предгорий Алтая от обкладок из дерева и бересты под земляными курганами сросткинской культуры Верхнего Приобья, которые восходят к местному самодийскому субстрату в составе сросткинцев. Присущи также другим кимакским курганам отмеченное в погребении 2 кургана 4, расположение коней вдоль стенок могилы, а не в ряд, что оставляло центральную и восточные части погребальной камеры для собственно захоронений людей. Аналогичная картина прослежена в отдельных других погребениях Гилевского микрорайона (Гилево XII, к.2; Гилево XIII, к.5), которые, правда, более сильно разрушены ограблением.

Примечания:

¹ Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. — Алма-Ата: Наука, 1972. — 156 с.

² Алехин Ю.П. Кургинский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. — Барнаул: АГУ, 1996. С.58-88; Он же. Некоторые результаты охранных работ 1988 г. в Кургинском районе Алтайского края // СИКНАК. — Барнаул, 1997. С.133-136; Он же. Курган кимакской знати на Рудном Алтае // СИКНАК. — Барнаул: АГУ, 1998. С.201-203; Арсланова Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. — Алма-Ата: Наука. С.43-57; Она же. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье//Поиски и раскопки в Казахстане. — Алма-Ата: Наука, 1972. С.56-76; Она же. Длинные курганы Прииртышья // Источники по истории Западной Сибири. История и археология. — Омск: ОмГУ, 1987. С.50-69; Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник 1972. — М.: Наука, 1973. С.306-315; Суворова Г.И., Ткачев А.А. Кимакские погребения могильника Ахмирово I // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. — Кемерово, 1995. С.253-266; Трифонов Ю.И. Памятники средневековых кочевников // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. — Алма-Ата: Наука, 1987. С.115-246; Черников С.С. К изучению древней истории Восточного Казахстана // КСИИМК, 1957. Вып.69. С.18-21.

³ Тиштин А.А. Аварийные археологические раскопки курганного могильника Щепчиха I // Культуры древних народов Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1993. С.90-99; Он же. Курганный могильник Белый Камень — новый памятник эпохи средневековья северо-западных предгорий Алтая // Культура народов Евразийских степей в древности. — Барнаул: АГУ, 1993. С.232-246.

⁴ Могильников В.А. Археологические исследования на верхнем Алее // Археология и краеведение Алтая. — Барнаул, 1972. С.39-43.

⁵ Могильников В.А. Курганы у д.Кураевка // ПОИИКНА. — Барнаул: АГУ, 1995. С.175-178; Он же. Чугунная жаровня из предгорий Алтая

- // СИКНАК. — Барнаул: АГУ, 1999. С.145-148.
- ⁶ Могильников В.А. Кимаки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. — М.: Наука, 1981. С.43-45.
- ⁷ Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. — Горно-Алтайск, 1997. С.202; Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Большой Яломан I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск, 1994. С.38-48; Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык-1 и Кырлык-2 в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. — Новосибирск, 1985. С.64.
- ⁸ Евтихова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Тр.ГИМ. — М., 1941. Вып.XVI. С.110. Рис.49-50.
- ⁹ Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. — М.: Наука, 1990. С.71.
- ¹⁰ Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. — М.: Наука, 1981. Рис.28,48,55,57; 33,59-,72,73.
- ¹¹ Федеров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М.: МГУ, 1966. С.11, 14, 15. Рис.1.
- ¹² Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М.-Л.: Наука, 1965. Рис.4, 11; Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1990. Рис.5, 1; Соенов В.И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. — Барнаул: АГУ, 1998. Рис.2, 1-3.
- ¹³ Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. // САИ. 1983. Вып.Е3-18. С.25-27; Неверов С.В. Удила второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири. — Барнаул, 1992. С.141-154.
- ¹⁴ Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. — М.: МГУ, 1969. Рис.34, 6; 36, 8, 10, 11.
- ¹⁵ Бараба в тюркское время /В.И.Молодин, Д.Г.Савинов, В.С.Елагин и др. Новосибирск: Наука, 1988. Рис.2, 2, 40, 3.
- ¹⁶ Археологическая карта Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1960. Табл.IX, 256.
- ¹⁷ Хузин Ф.Ш. Древняя Казань в X — начале XIII в. (по материалам археологических исследований 1994-1998 гг.) // Археологическое изучение булгарских городов. — Казань, 1999. Рис.3.
- ¹⁸ Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы I... С.209-210.
- ¹⁹ Суворова Г.И., Ткачев А.А. Ук.соч., рис.2, 16-19; Тиштин А.А. Курганный могильник..., рис.2, 23.
- ²⁰ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1986. С.188.
- ²¹ Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с.Большая Речка // МИА, 1956. № 48. Табл.I-IV, 6.
- ²² Трифонов Ю.И. Ук.соч. — С.119-121. Рис.64, 12, 13.
- ²³ Степи Евразии... Рис.72,10,16.

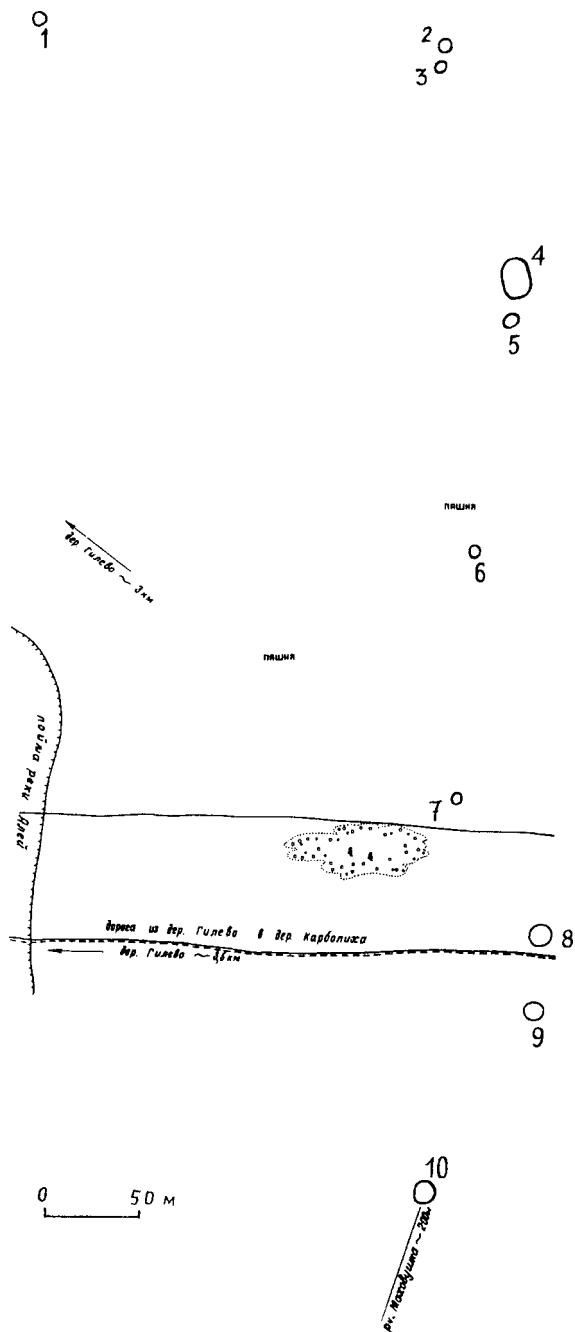

Рис.1. План курганныго могильника Гилево VII.

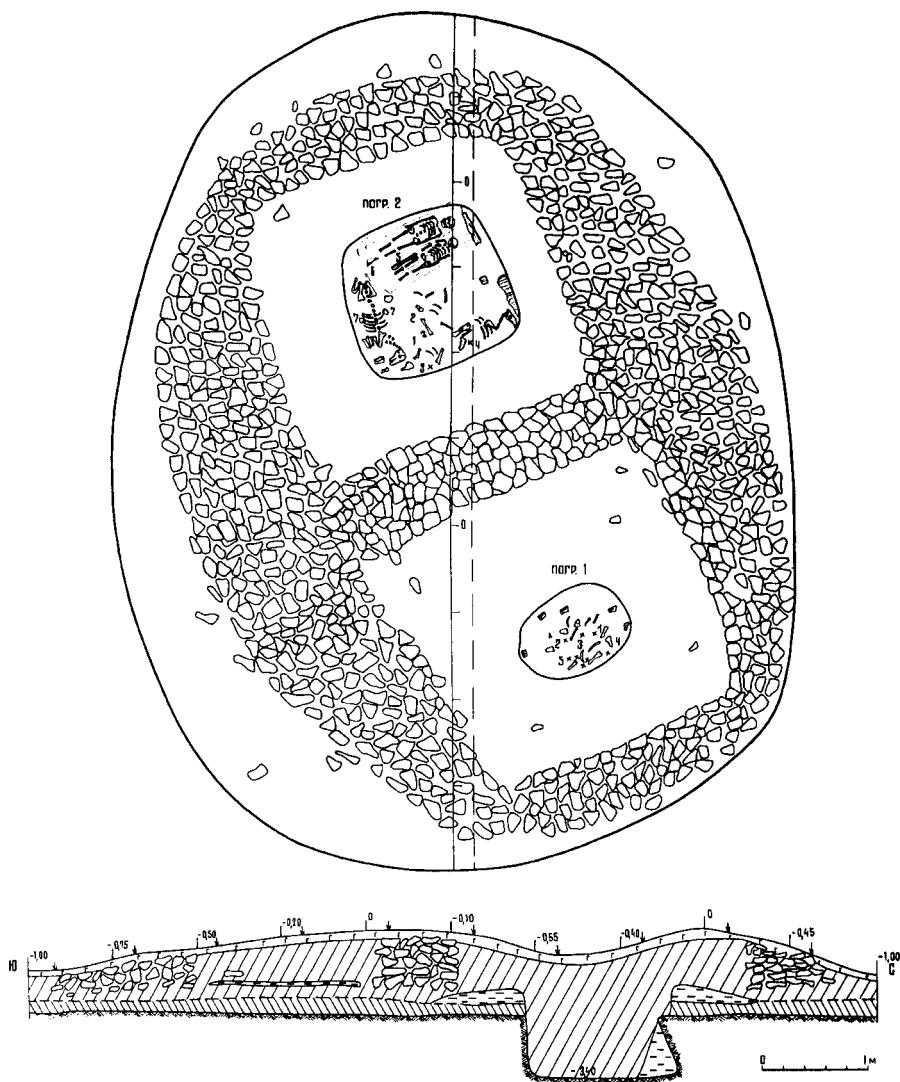

Рис.2. Гилево VII, курган 4. План и разрез.

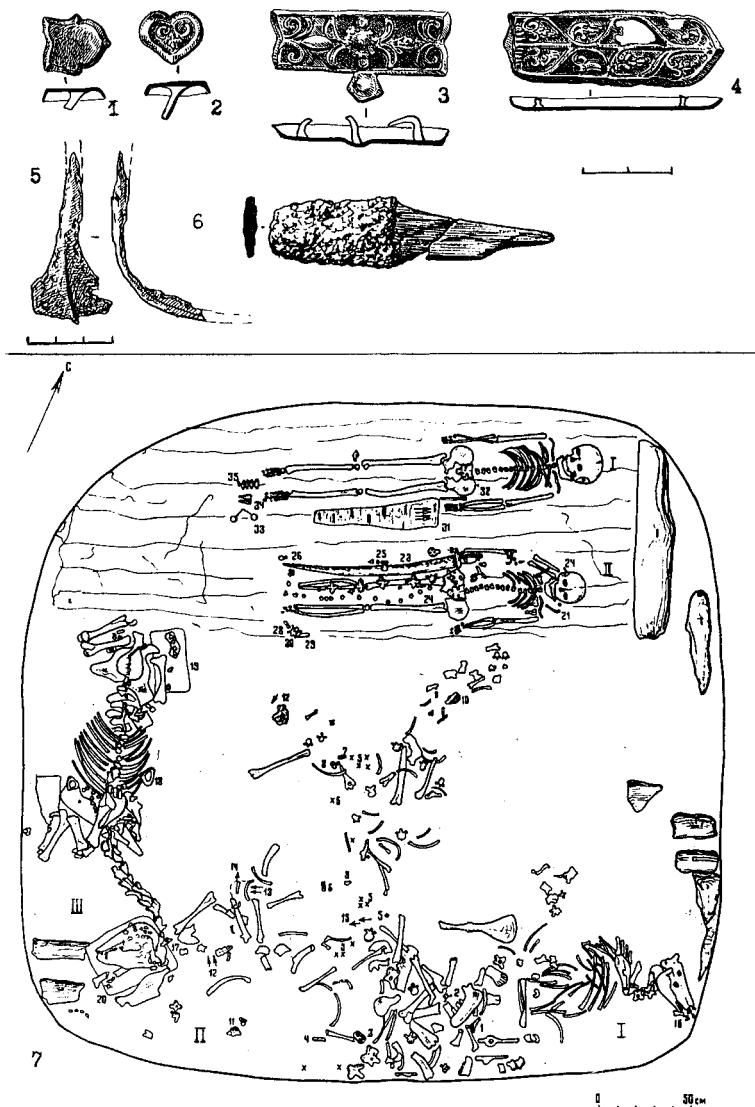

Рис.3. Гилево VII, к.4. 1-6 — инвентарь погр.1 (1-4 — бронза; 5,6 — железо), 7 — план погр.2 (I-III — кони I-III; 1 — обломки сабли; 2,16,20,33 — удила; 3 — костяная пряжка; 4,6,7 — костяные накладки лука; 5 — бронзовые бляшки; 8 — бронзовая пряжка; 9 — обломки железного предмета; 10,11 — фрагменты железных котлов; 12-15 — наконечники стрел; 17 — бляхи от узды; 18 — стремена, пряжки и бляшки от седла; 19 — сбруйные бляшки; 21,22 — золотые серьги; 23 — сабля; 24 — колчан с декоративными бляшками; 25 — тесло; 26 — кистень; 27,29 — оселки; 30 — роговая бляха; 31 — колчан со стрелами; 32 — нож; 34 — 2 наконечника стрел; 35 — позвонки барабана).

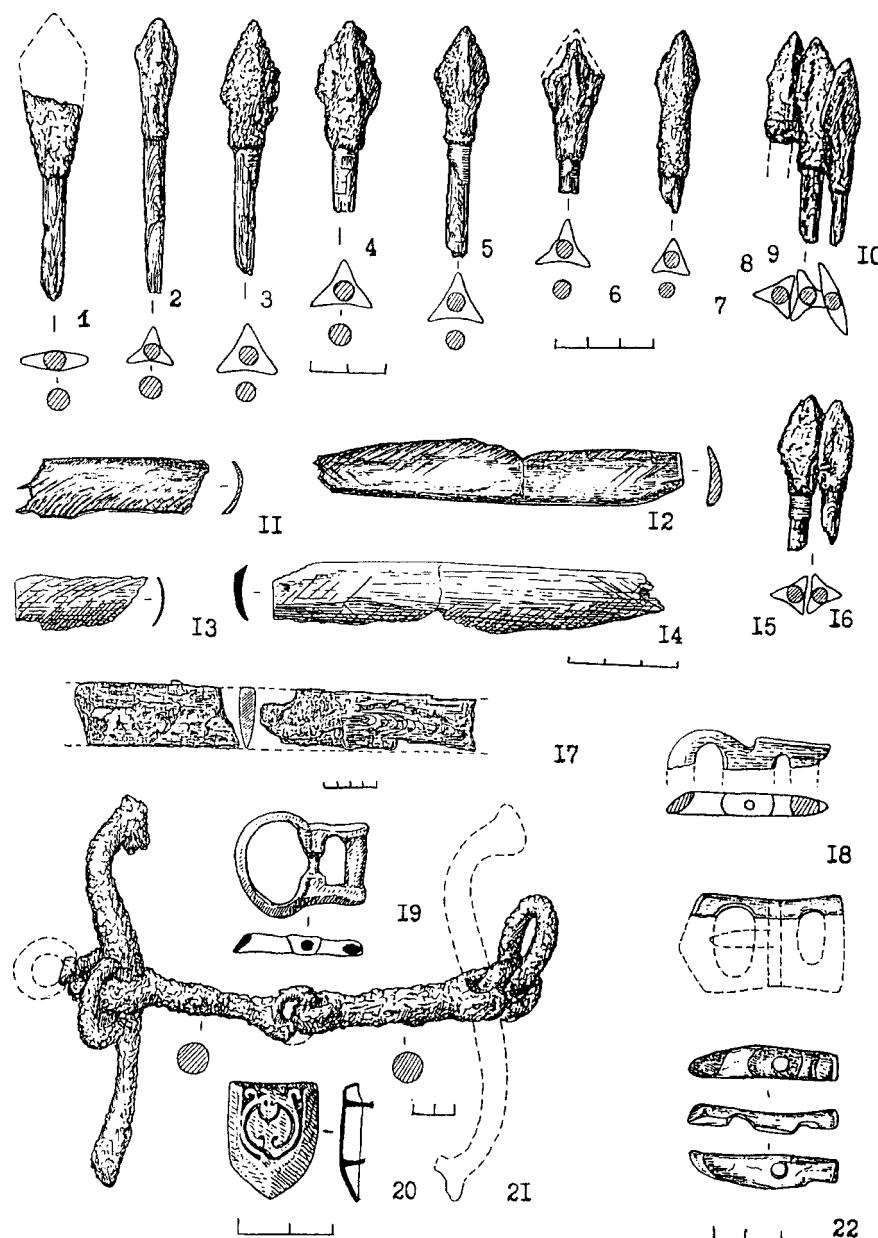

Рис.4. Гилево VII, к.4, погр.2. Инвентарь из разрушенной части погребения. 1-10, 15, 16 — наконечники стрел; 11-14 — накладки лука; 17 — обломки клинка палаша; 18, 19, 22 — пряжки; 20 — наконечник ремня; 21 — удила. 1-10, 15-17, 21 — железо; 11-14, 18, 22 — кость, рог; 19, 20 — бронза.

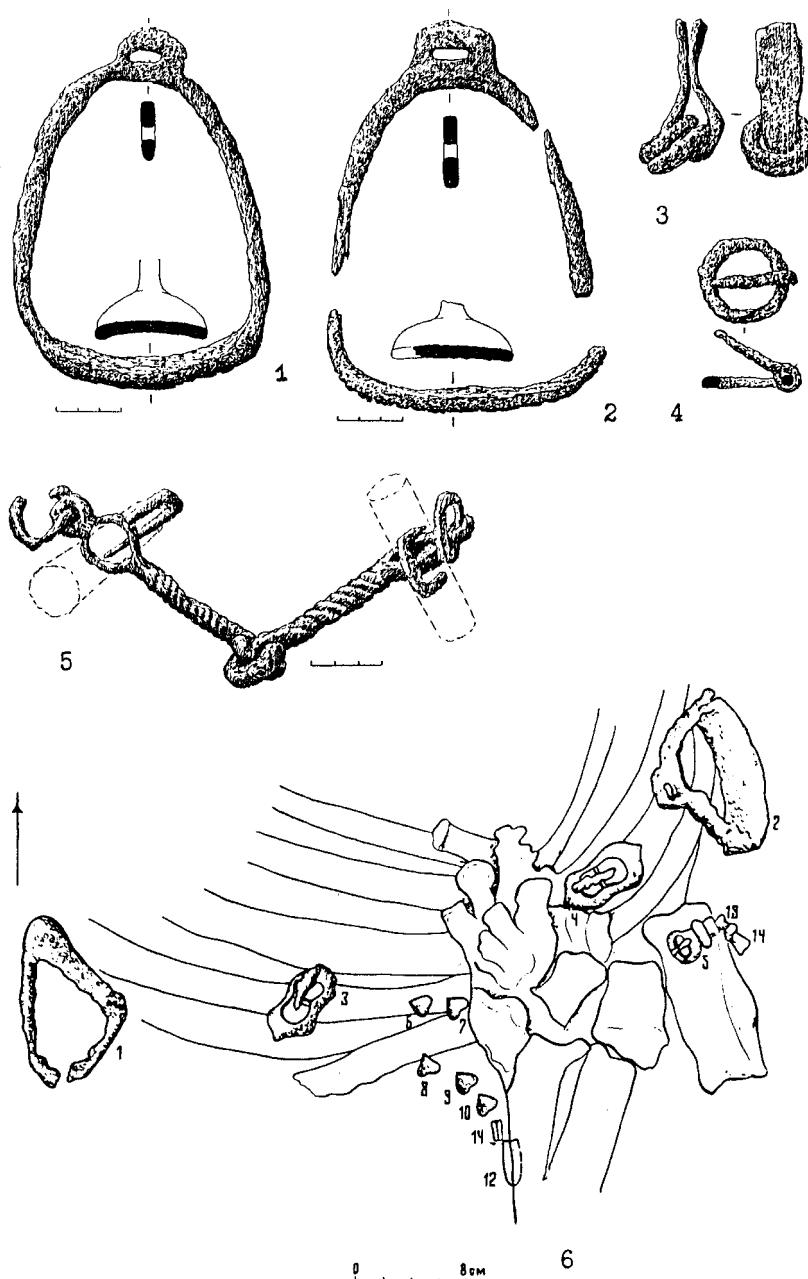

Рис.5. Гилево VII, к.4, погр.2, конь III. 1,2 — стремена; 3 — блок — ?; 4 — пряжка; 5 — удила. Железо. 6 — расположение деталей седла в области хребта лошади: 1,2 — стремена; 3-5 — бронзовые пряжки; 6-11,13,14 — сердцевидные бляшки; 12 — наконечник ремня.

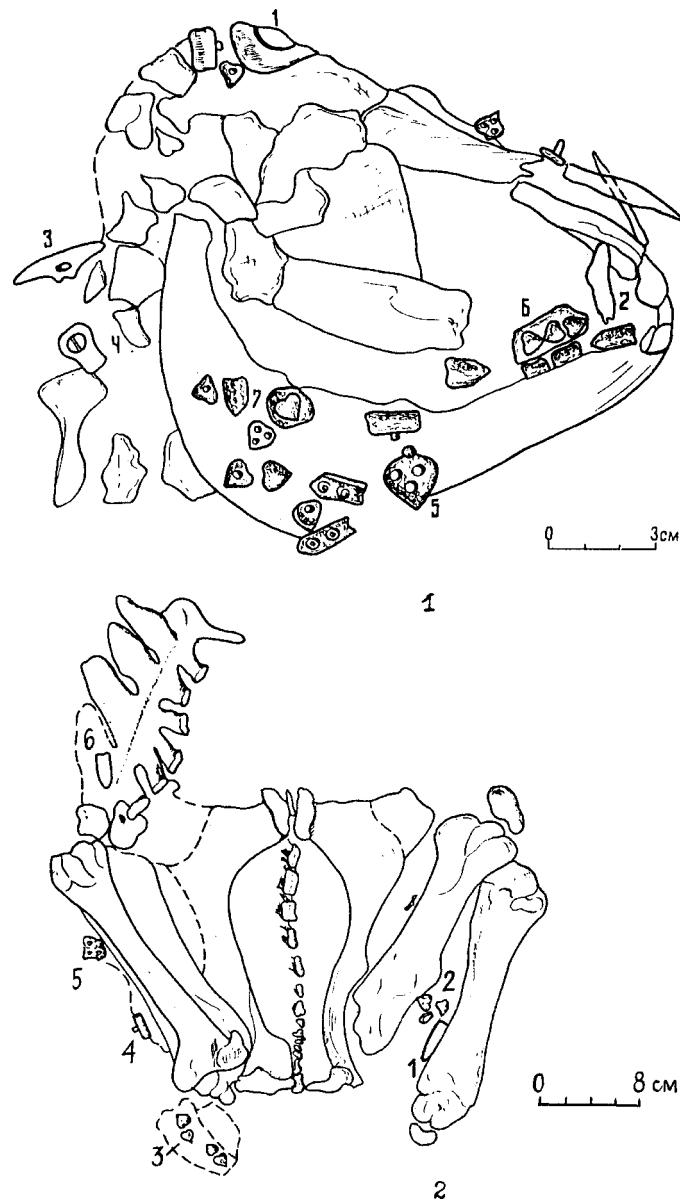

Рис.6. Гилево VII, к.4, погр.2, конь III. 1 — расположение уздечной гарнитуры на черепе коня: 1 — налобник; 2 — удила; 3 — костяная застежка; 4 — бронзовая пряжка; 5,7 — бронзовые бляшки, наконечники ремней; 6 — обрывок шашечного ремня с сердцевидными бляшками. 2 — расположение бляшек от портфейльного ремня на тазовых костях: 1,6 — наконечники ремней; 2,3,5 — сердцевидные бляшки; 4 — прямоугольная бляшка с выступом.

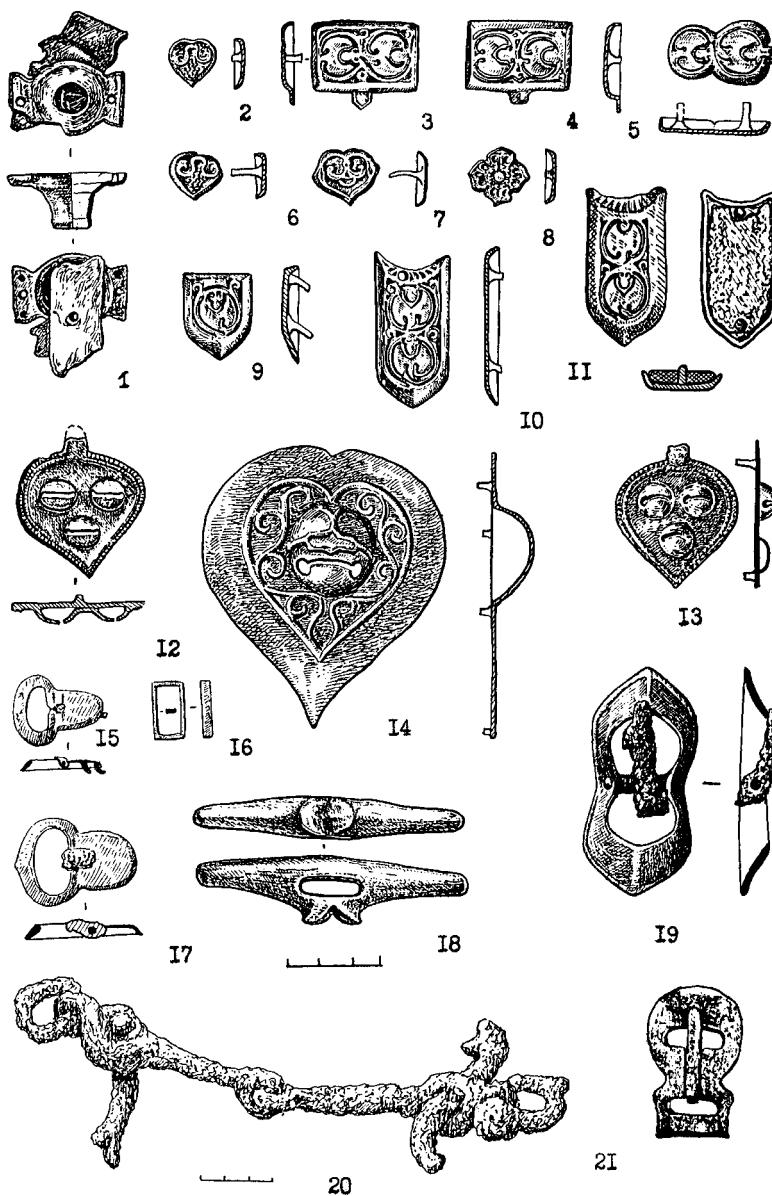

Рис.7. Гилево VII, к.4, погр.2. 1-19 — гарнитура сбруи коня III: 1 — наносный султанчик; 2-13 — бляшки от декора ремней узды и седла; 14 — налобник; 15, 16 — пряжка и обойма от седельного приторочного ремня; 17, 18 — пряжка и эстежка от ремня оголовья; 19 — подпружная пряжка (2 экз.); 20, 21 — удила и подпружная пряжка из разрушенной части погребения. 1-16 — бронза; 17, 19 — бронзе, железо; 18, 21 — кость, рог; 20 — железо.

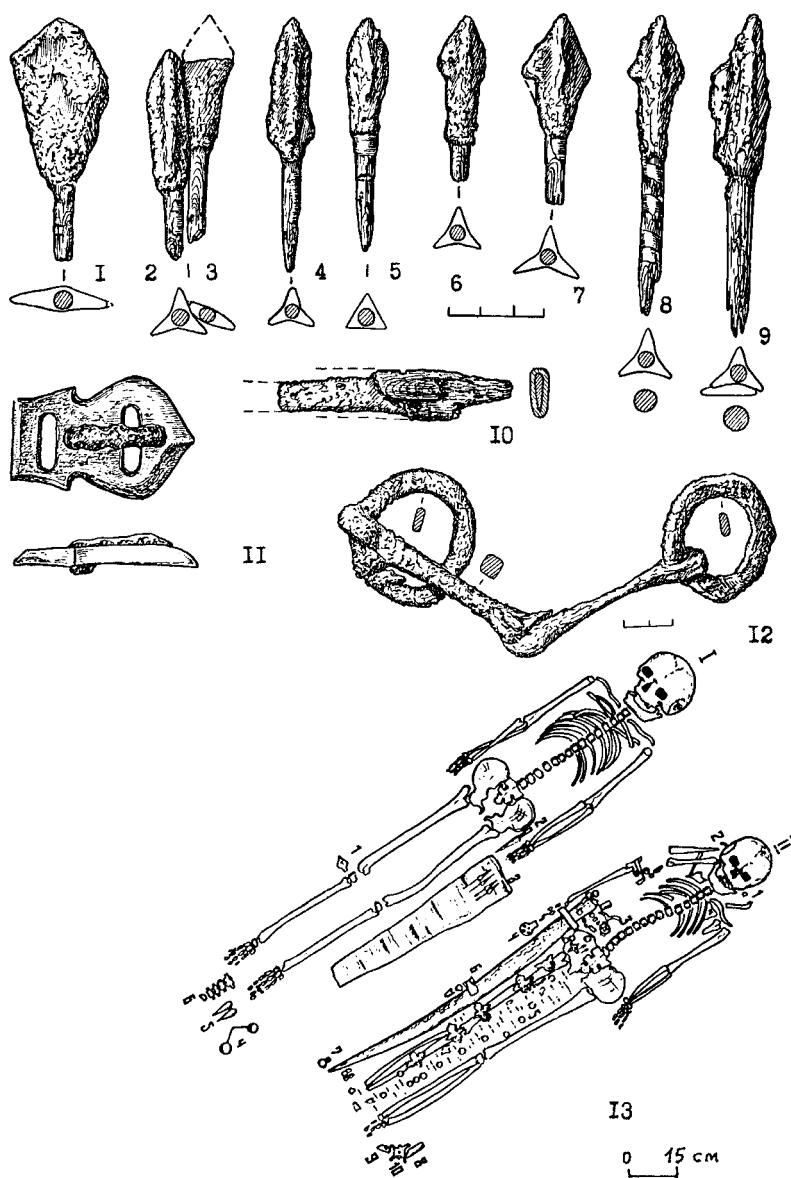

Рис.8. Гилево VII, к.4, погр.2. 1-12 — инвентарь костяка I: 1-9,12 — железо; 10 — железо, дерево (от ножен); 11 — рог. 13 — расположение скелетов I, II в подбоем у северной стенки. Костяк I: 1 — костяная пряжка (11); 2 — нож (10); 3 — колчан; 4 — удила (12); 5 — 2 наконечника стрел; 6 — позвонки барана. Костяк II: 1,2 — золотые серьги; 3 — поясные бляхи; 4 — бляха — распределитель ремней портупеи; 5 — колчан с накладными бляшками; 6 — тесло; 7 — кистень; 8,9 — оселки; 10 — роговая бляха.

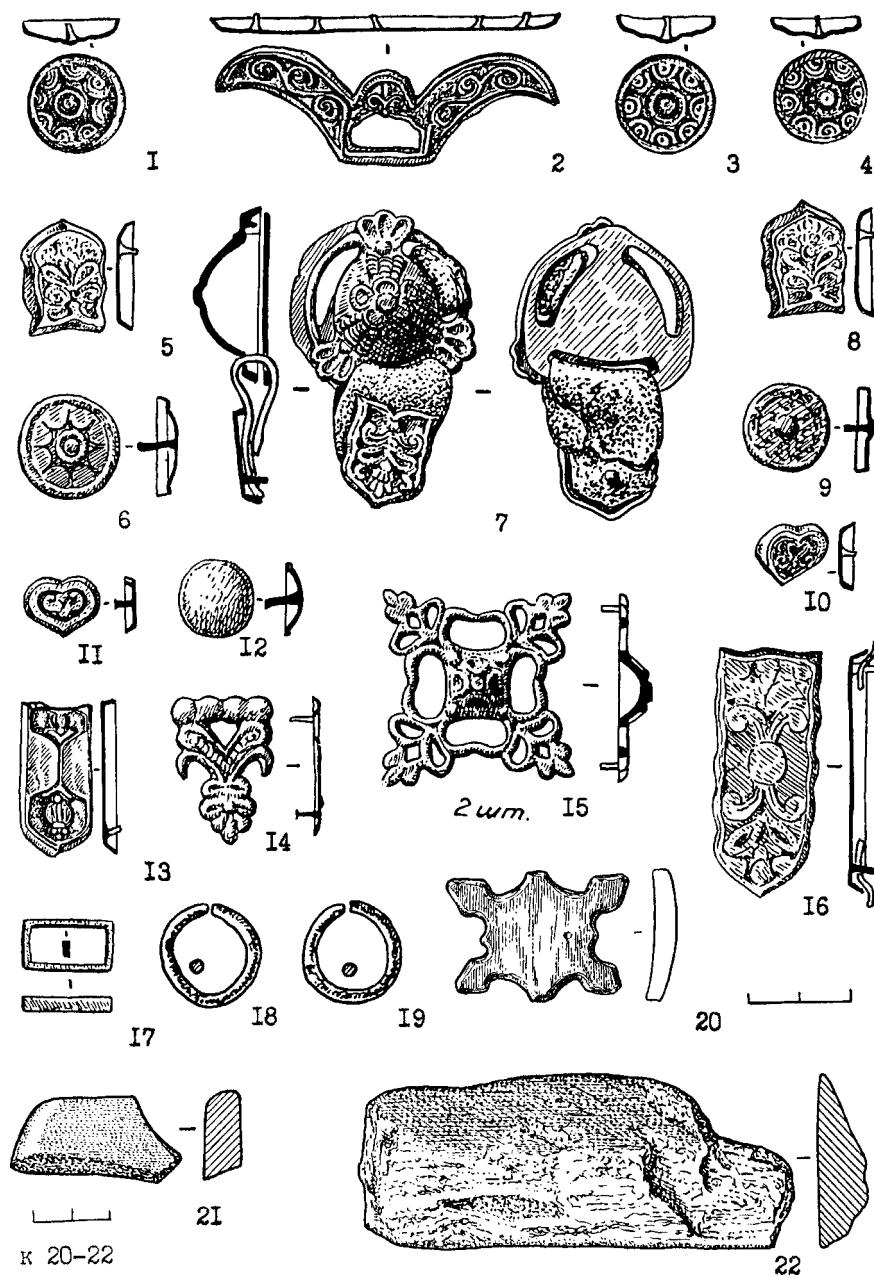

Рис.9. Гилево VII, к.4, погр.2. костяк II. 1-17 — гарнитура поясного набора и портупеи; 18,19 — серьги; 20 — бляха; 21,22 — оселки. 1-6,8-17 — бронза, серебро; 7 — бронза, кожа; 18,19 — золото; 20 — рог; 21,22 — сланец.

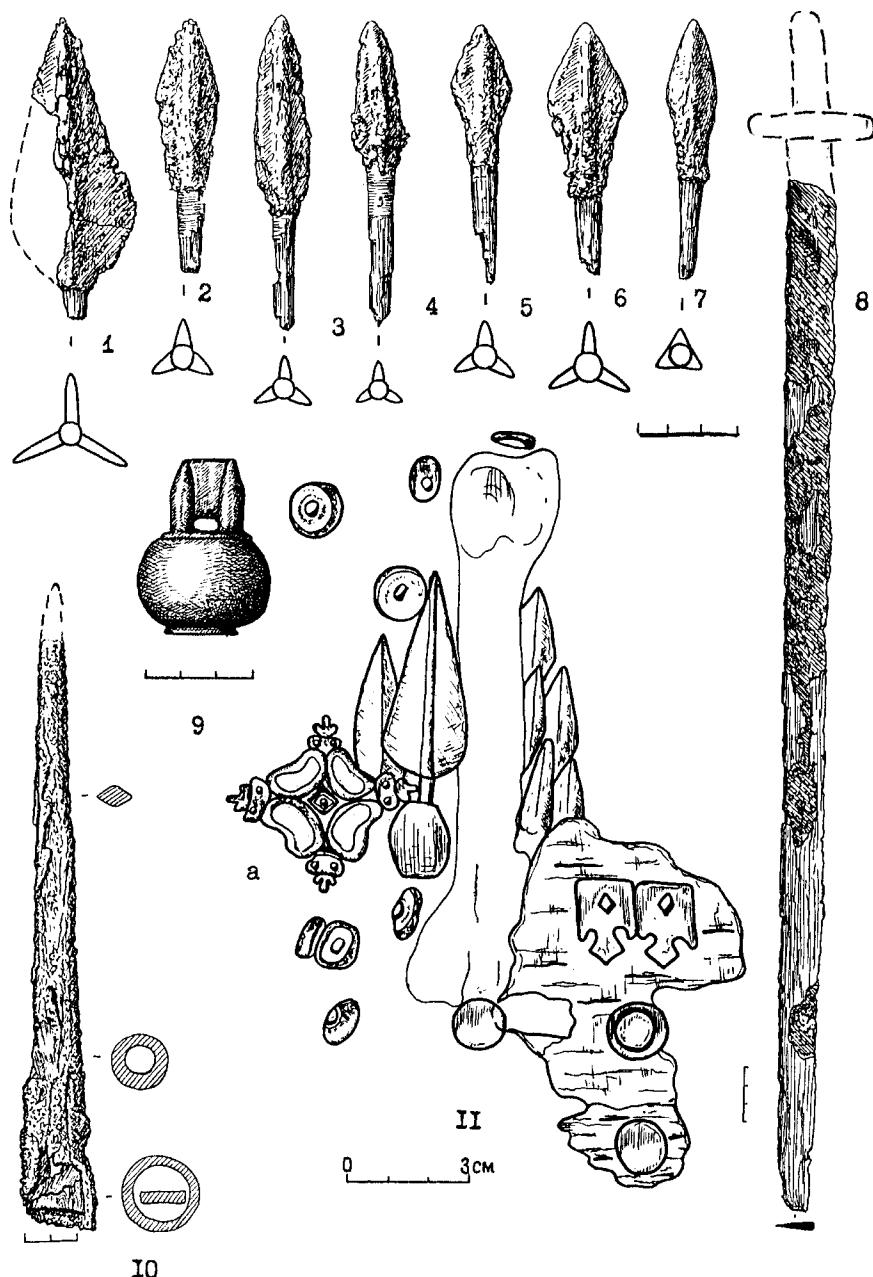

Рис.10. Гилево VII, к.4, погр.2, костяк II. 1-7 — наконечники стрел; 8 — палаш, сабля; 9 — кистень; 10 — наконечник копья; 11 — расположение наконечников стрел, бляшек и остатков бересты от верхней части колчана (а — распределитель ремней портупеи). 1-8,10 — железо; 9 — медь.

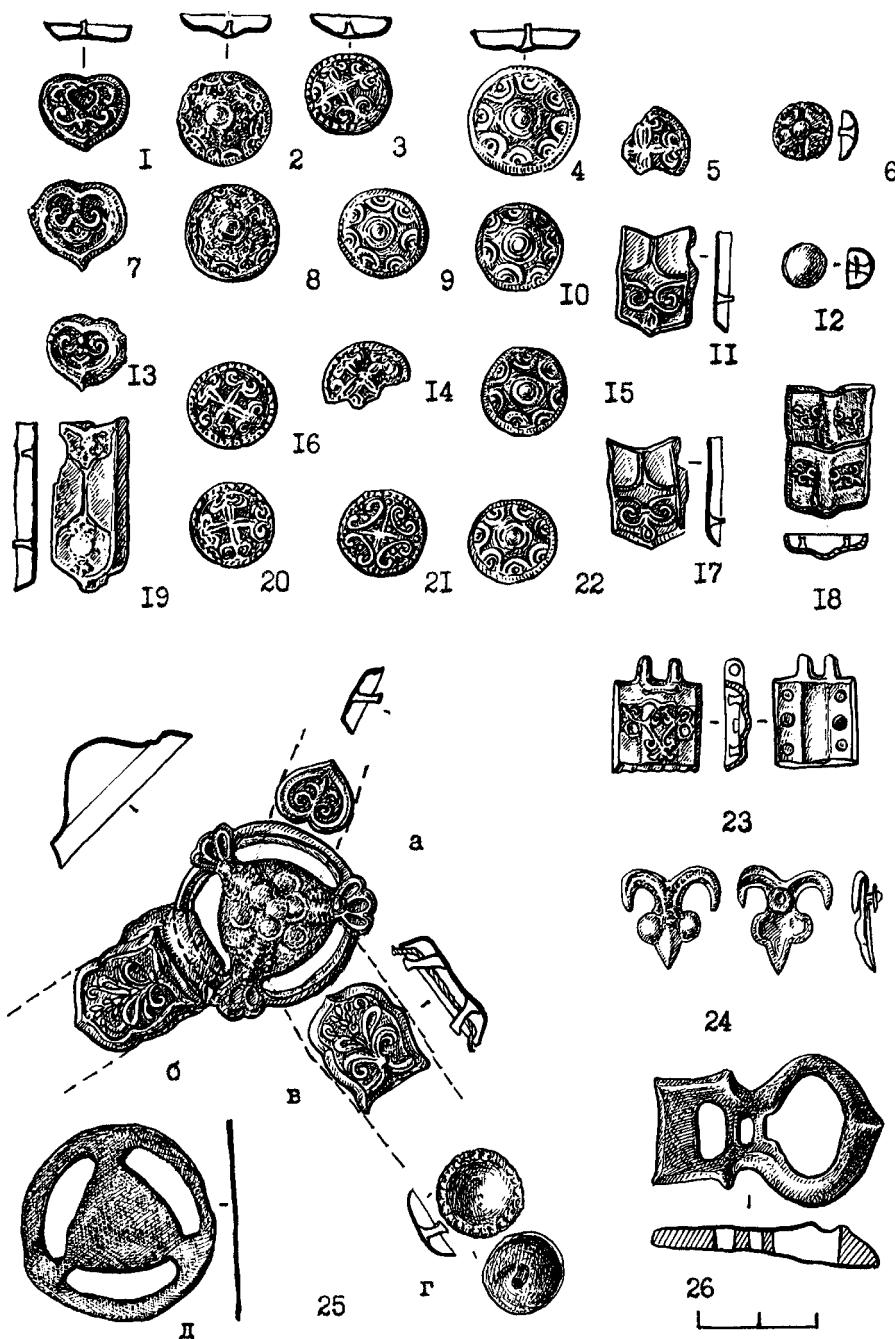

Рис.11. Гилево VII, к.4, погр.2, костяк II. Гарнитура портупеи, ремней колчана и пояса. Серебро, бронза.

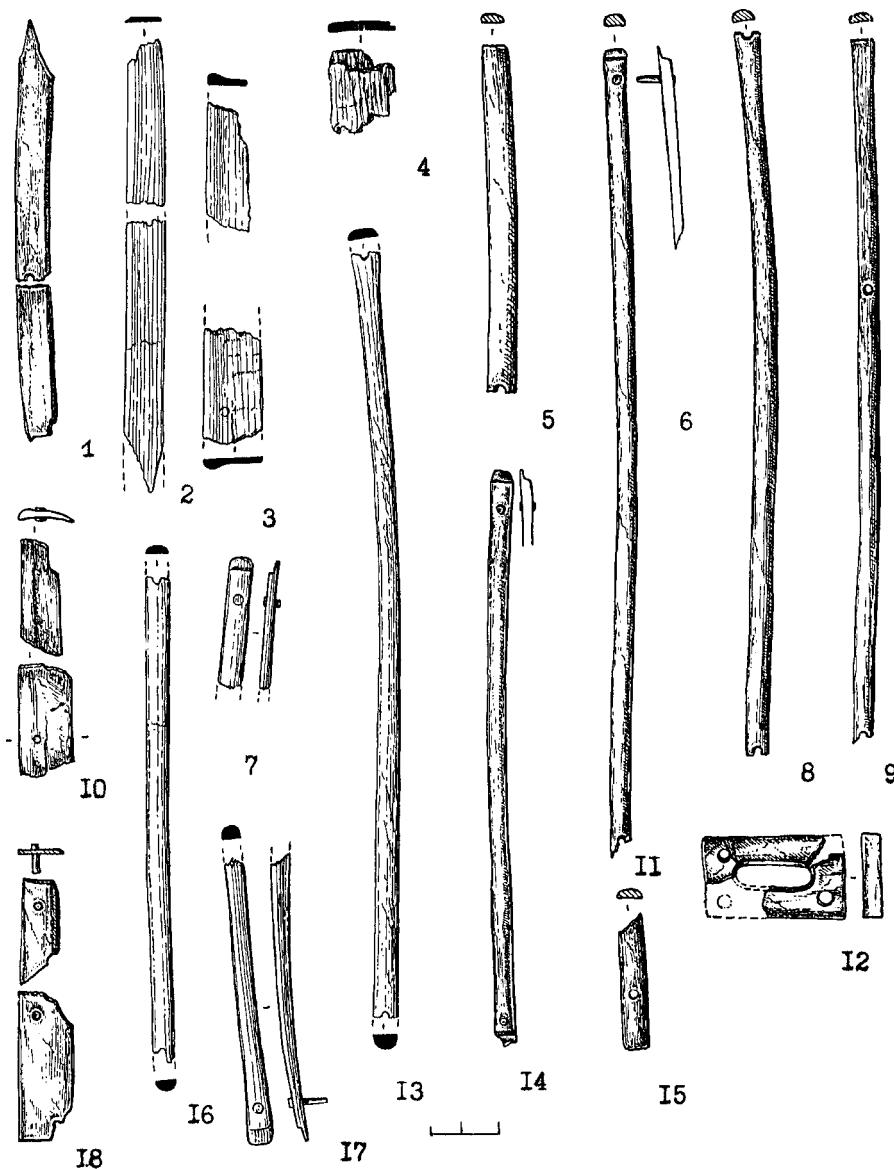

Рис.12. Гилево VII, к.4, погр.2. Накладки и петля (12) от колчана. 1-3,5-18 — кость, рог; 4 — дерево.

Константин Руденко

Тюркский мир и Волго-Камье в XI—XII вв. (археологические аспекты проблемы)

До недавнего времени взаимодействие кочевого и оседлого мира в период существования государственных образований в Восточной Европе (Русь и Волжская Булгария) рассматривались в большинстве случаев с точки зрения данных письменных источников, акцентировавших внимание на политических аспектах явления. Археологические материалы выступали в данном случае в качестве вспомогательных данных и интерпретировались, как правило, в плане экономических и торговых контактов.

Работы последних лет выявили интересную картину проникновения и эволюции отдельных элементов культуры тюркского мира на территории от Урала и до Центральной Европы. Речь идет о так называемых предметах «аскизского типа». Получившие в работах С.В.Кисилева, Л.А.Евтиховой, Л.Р.Кызласова, И.Л.Кызласова, Д.Г.Савинова и др. детальную характеристику, на материалах памятников собственно аскизской культуры¹, они были выделены и атрибутированы и в других областях². Факт того, что уже с XII в. аскизские вещи появляются далеко за пределами Южной Сибири³ был отмечен исследователями.

В поволжском регионе одним из первых на аскизские аналогии ряду накладок из мордовских погребений обратил внимание В.В.Гришаков⁴. Некоторые категории предметов булгарской культуры стали связываться с аскизскими древностями так же с недавнего времени⁵. Публикации материалов удмуртских, мордовских и марийских средневековых некрополей выявили целый пласт таких изделий⁶.

В число предметов «аскизского» типа входят украшения из железа и бронзы (накладки, наконечники ремней), функциональные изделия, как правило, железные (распределители ремней, удила), предметы вооружения (наконечники стрел).

Чтобы выяснить рамки и характер этого явления для Поволжско-камского региона необходимо определить территориальные и хронологические рамки распространения отдельных типов изделий «аскизского типа», дать классификацию таких предметов, рассмотреть технологию изготовления и оформления изделий, и связанный с этим процессом ремесленный инструментарий. Кроме того, необходимо, по возможности выяснить «оригинальный» или местный характер таких предметов, наметить возможные места местного производства, локализовать отдельные «школы» мастеров — изготовителей таких вещей.

Рамки нашего исследования ограничены средневолжским историко-географическим районом⁷ (рис.1-II). Хронологически, рассматриваемые материалы не выходят за пределы XI-XII вв. — первой половины XIII в.

Волжская Булгария. Наиболее представительными по составу и разнообразию находок стали памятники, расположенные в низовьях р. Кама (рис.1-I) на территории государства волжских булгар.

Многочисленные параллели «аскизским» изделиям были выявлены при анализе ряда категорий предметов изготовленных, в основном, из железа, найденных более чем на 28 памятниках (рис.1-I).

Это металлические и костяные детали конской упряжи, и предметы вооружения. Детали конской упряжи⁸ включают в себя пряжки, накладки, распределители ремней, удила, украшения сбруи. Наиболее выразительны **железные пряжки и накладки**. Встречаются они как на городищах (Биляр, Болгары, Джукетау, Керменчук и др.), так и на селищах. Известны такие находки и в составе погребального инвентаря ряда мусульманских некрополей (Билярский II могильник)⁹.

Была изучена коллекция из 204 железных пряжек и 274 железных накладок с 25 булгарских поселений X-XIV вв. (рис.1-I)¹⁰. В основном, это подъемный материал с селищ низовий Камы. Вместе с тем были привлечены и находки с памятников расположенных как в центральных районах Булгарии, так и на ее окраинах. В последние годы эти данные были дополнены новыми находками и публикациями материалов, что позволило расширить источниковую базу исследования.

Классификация. Были выделено 29 типов пряжек и 79 типов накладок. Систематизация пряжек основывалась на типологии разработанной Г.А.Федоровым-Давыдовым¹¹. Пряжки по материалу были отнесены к одной группе — железных; отдел выделялся по способу соединения пряжки с ремнем и тип — по форме рамки/щитка. Накладки делились на группы по способу крепления к основе ремня, на отделы по форме щитка, на типы по деталям декора и оформлению (простые и составные, плоские и объемные, с прорезями и без них, с декоративными колечками и без них и т.д.).

Типология

Пряжки (204 экз.)

Отдел А (92 экз.). Без специального приспособления для соединения рамки с пряжкой. Ремень охватывает часть пряжки. Преимущественное использование пряжек данного отдела — для соединения и подгонки ремней в конской упряжи: ремней оголовья и подпруг.

Тип 1. **Прямоугольные и квадратные:** а) с расплощенной передней частью — 4,5 x 2,6 см¹²; б) с рамкой квадратного или прямоугольного сечения — 1,5-2 x 2-2,7 см встречаются и более крупные экземпляры: 4,5 x 5,5 см, 3,5 x 4,5 см; в) аналогичные варианту «б», с орнаментом в виде ложной зерни: 2,5 x 2 см.

Вариант «б», преимущественно, использовался в качестве подпружиной пряжки, особенно это касается крупных экземпляров изделий (ремень в этом случае имел ширину 3-5 см.)¹³. Впрочем такие пряжки могли применяться и в качестве поясных¹⁴. Вариант «в» мог использоваться в бытовом костюме в качестве ременной пряжки.

Данный тип пряжек не имеет узких рамок бытования. В регионе встречаются они с середины VII-VIII вв.¹⁵ Достаточно широко они бытуют в XII-XIII вв.¹⁶.

Тип 2. **Сегментовидные** — маленькие 2,5 x 2,5 см, средние — 4,5 x 3,5 см, крупные 5-6,5 x 4,5-7 см. Маленькие и средние пряжки применялись для застегивания ремней оголовья конской упряжи, крупные — для подпруг. Стременные пряжки этого типа имеют, как правило, средние размеры¹⁷.

Сегментовидные пряжки встречаются в материалах IX-X вв., в частности, в Танкеевском могильнике¹⁸, а так же на памятниках XII-XIV вв¹⁹.

Тип 3. **Круглые** простые, диаметр — 2,5-3,5 см, преобладают изделия диаметром — 2,5 см. Преимущественное использование этого типа изделий было в качестве подпружных или стременных. Пряжки этой формы имеют широкие рамки бытования.

Тип 4. **Вытянутые**: а) овальные 2,2-3 x 3-4,5 см; б) прямоугольные с заостренной передней частью 3,3-4 x 2,7-3,5 см; в) прямоугольные или подтрапецивидные с округлой передней частью 4,5-5,5 x 3,2-3,4 см; г) миндалевидные 3 x 2,2 см.

Пряжки этого типа не имеют узких рамок бытования. Использовались они для застегивания пояса (Б.Тарханский могильник), в конской упряжи в качестве подпружных. Возможно они применялась и для крепления колчана. В Карабаевских курганах такие пряжки служили для крепления ремней оголовья.

Тип 5. **Вытянутые и сдавленные с боков**: а) с округлой передней частью — 3-4,5 x 2-3,5 см; б) с заостренной передней частью 3-3,7 x 2,5-3 см и 5 x 3,5 см. Вариант «б» близок пряжкам типа 6в.

Тип 6. **Грибовидные**: а) с прямоугольным основанием и с округлой передней частью 5,5 x 4 см; б) с трапецивидным основанием и с округлой передней частью 4,7 x 2,2 см; в) с прямоугольным или трапецивидным основанием и передней частью в виде сегмента 5,5 x 4 см; г) с луковицеобразной передней частью 8,7 x 2,2 см. Вариант «а» и «г» найдены на VI Алексеевском селище, существовавшем во второй половине XI — XII вв. аналогии им так же относятся к этому времени²⁰. Пряжка варианта «а» близка по форме костяным пряжкам. Такие пряжки служили для соединения ремней подпруг²¹.

Отдел Б (30 экз.). Ремень скрепляется с пряжкой с помощью щитка неподвижно соединенного с рамкой. Пряжки использовались как в бытовом костюме на поясном ремне, так и для соединения ремней конской упряжи (типы 1-2). Для некоторых типов этих пряжек имеются бронзовые аналоги (тип 1, 2, 5) — с различных булгарских памятников.

Тип 1. С круглой или овальной рамкой и с коротким прямоугольным щитком. 4 x 2-2,5 см. Имеет многочисленные аналогии на памятниках IX—XIII вв.

Тип 2. С круглой или овальной рамкой и с длинным прямоугольным щитком 4 x 1,5 см. Использовалась, преимущественно, как поясная.

*Tип 3** а) с круглой рамкой и с длинным узким прямоугольным щитком со шлемовидным завершением 5,2-6,3 x 2,2-2,5 см; б) с круглой рамкой и вытянутым узким щитком, завершающимся небольшим крючком 5 x 1 см.²² Датируется второй половиной XII в.

*Typ 4** С круглой рамкой и с длинным широким прямоугольным щитком с сердцевидным завершением. Отдельные экземпляры украшены циркульным орнаментом 6,5 x 2,5 см, щиток пряжки — 4,5-5,5 x 2 см. Датируется домонгольским временем.

*Typ 5** С круглой рамкой, с длинным фигурным щитком с вильчатым завершением 6 x 2,2 см. Близкая пряжка найдена в Мрясимовском кургане №15, датированном XI—XII вв.²³.

*Typ 6** С луковицевидной рамкой, с прямоугольным щитком со шлемовидным завершением 5,5-6 x 2 см. Близкая пряжка, (размеры: щиток 4,4 x 1,2, рамка — 2,5 x 2,3 см), найдена в погребении 60 Мордовско-паркинского могильника, датированного началом — серединой XII в²⁴. Здесь она относится к поясному набору.

*Typ 7** С луковицевидной рамкой, с прямоугольным щитком с сердцевидным завершением 7 x 1,7-2 см.

*Typ 8** С луковицевидной рамкой, с прямоугольным, уплощенным с боков щитком, с сердцевидным завершением 7 x 2,2 см.

*Typ 9** С прямоугольной с заостренным концом рамкой, с трапецевидным щитком имеющим W-образное завершение 5 x 2 см.

Отдел В (83 экз.). Ремень соединен с пряжкой при помощи щитка, вращающегося на той же оси, на которой насажен язычок и рамка пряжки. Пряжки универсальные.

Значительная часть находок представлена щитками от пряжек. Причем, часть крупных щитков с сердцевидным окончанием, характерные для пряжек типа 2, могли быть частью составных накладок (см. ниже). Эта деталь для тех и для других была одинаковой.

*Typ 1** Пряжка с луковицевидной рамкой с прямоугольным коротким щитком с сердцевидным завершением. Встречаются изделия с гладкой поверхностью щитка и со щитком украшенным декоративными поясами мелкие — 6,5 x 2,5 см, щиток 4 x 1,2-1,5 см, крупные — 7,3-8 x 2-2,5 см, щиток 4,7-5,5 x 1-1,4 см, самые большие со щитком 7 x 1,4 и 8-8,5 x 1,5 см.

Щиток от пряжки (5 x 1,1 см) этого типа найдена на раскопе II (1995 г.) Мурзихинского селища, в слое конца XI — началом XII вв. Аналогичный щиток (6 x 1,3 см) найден на II раскопе Остолоповского селища, в слое XI-XII вв. Эти изделия плоские, крепились к основе пояса шпеньками²⁵.

Около трети пряжек включенных нами в этот тип имеет объемный щиток, толщиной 0,3-0,5 см. Такая пряжка была найдена в XX раскопе Билярского городища (Н.А.Кокорина) в слое конца XII — начала XIII в.²⁶ Аналогичная пряжка найдена в погребении № 6 Выжумского II могильника в Поветлужье, которое по инвентарю датируется не ранее XII в.²⁷ По мнению исследователя, накладка была частью уздечного набора, включавшего, кроме того, накладку типа B18a, вероятно B16g и B2²⁸, хотя судя по расположению вещей в погребении²⁹ это скорее всего обычный пояс типа тех что выявлены в удмуртском Кузьминском могильнике.

*Typ 2** Пряжка с луковицевидной рамкой и с прямоугольным щитком с вильчатым или сердцевидным завершением 9 x 2,5 см.

*Typ 3** Пряжка имеет прямоугольный щиток трапециевидного сечения с выпуклой спинкой и сердцевидным окончанием 6,5 x 1,5 см.

Таким образом, если на рубеже XI-XII вв. распространяются пряжки отдела «Б» с плоским щитком, то уже в первой половине XII столетия появляются объемные щитки, а так же щитки с вильчатым завершением. Объемные щитки пряжек отдела «Б» и «В» в это время, как правило, имеют четкое оформление окончания шлемовидной или килевидной формы (тип В1, Б7). Особенностью булгарских пряжек следует считать применение циркульного орнамента в оформлении щитков (тип Б4) или круглых выемок (тип Б8).

Другим приемом, широко вошедшем в практику мастеров, стало приданье щитку фигурной формы, что типично для объемных изделий. Достигалось это украшением изделия декоративными деталями — перетяжками, поперечными насечками, приданiem средней части объема с помощью «снятия фасок» с боковых сторон (тип Б5, В2, В3). На пряжках типа В1 вероятно применение инкрустации щитка серебром или медью.

Наибольшее бытование большей части пряжек с неподвижным соединением щитка приходится на вторую половину XI — начало XII в. Пик производства пряжек с подвижным соединением — относится к середине — второй половине XII в. Скорее всего, к концу XII столетия мода на такие пряжки заканчивается.

Накладки (274 экз.)

Делятся на группы по способу крепления к основе ремня, на отделы по форме щитка, на типы по деталям декора и оформлению (простые и составные, плоские и объемные, с прорезями и без них, с декоративными колечками и без них и т.д.).

Все изделия относятся к одной группе — накладных. Крепились они к основе ремня с помощью штифтов, фиксирующихся на тыльной стороне ремня раскованными окончаниями.

Отдел А. (17 экз.). Круглые и овальные. Все плоские.

Тип 1 а) с 2 круглыми отверстиями, диаметр 2,2 см; б) с 2 круглыми отверстиями, с ушком для колечка, диаметр 3 см. Круглая накладка но без отверстий найдена на II Еманаевском селище на Вятке³⁰.

Тип 2 а) в виде 4-х лепестковой розетки, диаметр 1,7 см; б) в виде 4-х лепестковой розетки, с ушком и колечком, диаметр 1,7-2 см.

Тип 3 в виде 4-х лепестковой розетки, с ушком и колечком, со сквозным отверстием, диаметр 1,7 см.

Тип 4 а) в виде многолепестковой розетки, диаметр 2 см; б) в виде многолепестковой розетки, с ушком и колечком (кольцевой подвеской), диаметр 2-2,5 см; в) в виде многолепестковой розетки, с ушком и колечком (кольцевой подвеской), с шайбой на лицевой стороне, диаметр 2,5 см.

Тип 5 овальные, близкие к арочным, с 2 прорезями, 2 x 3,3 см.

Тип 1-3 датируется XII-XIII вв. Многолепестковые накладки типа 4 и близкие им по форме изделия встречаются на памятниках

ордынского времени³¹. Тип 5 не имеет точных аналогий; датируется XII-XIV вв.

Отдел Б. (196 экз.). Прямоугольные и квадратные.

Типы 1-3 накладок относятся к простым, вытянутым. Использовались они как ременное украшение, а так же в качестве наконечников ремней и концевых ремешков.

*Typ 1** с ровным основанием: а) плоские короткие со шлемовидным окончанием и декоративными поясками на спинке 0,8 x 3 см; б) объемные с фигурным краем, со шлемовидным окончанием, 0,8 x 3 см; в) плоские длинные, со шлемовидным окончанием, 1,1 x 3,8-5,2 см; г) объемные с прямыми краями и со шлемовидным окончанием, 0,8-1 x 5,5-7,5 см.

*Typ 2** с фигурным основанием: а) объемные со шлемовидным концом и с фигурным основанием, 0,7 x 4,7 см; б) объемные со шлемовидным концом и с вильчатым окончанием, 0,7-1 x 5,2-6 см, в) объемные со шлемовидным концом и с квадратной выемкой в основании, 0,8 x 4,5 см, крупные — 1,2 x 8 см.

*Typ 3** с ровным и фигурным основанием треугольного и трапециевидного сечения, с выпуклой спинкой: а) объемные со шлемовидным окончанием, 1,2 x 4,5 см; б) объемные со шлемовидным окончанием трапециевидного сечения с выпуклой спинкой, 1,2 x 4,6 см, в) объемные сдавленные с боков треугольного и трапециевидного сечения, с выпуклой спинкой, со шлемовидным окончанием, 0,8 x 7,5 см; г) объемные сдавленные с боков, треугольного и трапециевидного сечения с выпуклой спинкой, со шлемовидной вершиной и с вильчатым основанием, 1 x 8 см, д) объемные сдавленные с боков треугольного и трапециевидного сечения, с выпуклой спинкой, со шлемовидной вершиной и с основанием типа «ласточкин хвост», 1,4 x 7,2 см, е) объемная, с каплевидным окончанием, с одной стороны и с фигурным основанием с другой, на спинке — прорези, 1,3 x 7,5 см.

Типы 4-5 относятся к составным, вытянутым накладкам с подвесками. Служили декоративным украшением упряжи.

*Typ 4** плоские с петельками — гнездами для штифта, с одной стороны и со шлемовидным или заостренным окончанием на другом. На штифте крепилась объемная подвеска — стержень (0,4-0,7 x 4,5-5 см) прямоугольного или круглого сечения, 0,8 x 8,5-10,5 см, щиток: 0,8-4,5-5,5 см. Три подвески найдены на Мурзихинском селище, в слоях второй половины XI — начала XII в.

*Typ 5** объемные, украшенные насечками, с гнездами для штифта с одной стороны, со шлемовидным или заостренным окончанием с другой (1,1 x 5,5 см). На штифте крепилась подвеска — стерженек (0,6 x 5,6-6 см) круглого сечения, украшенная декоративными поясками — перемычками, 1,1 x 10,2 см. Близкие варианты накладок такого типа найдены на Юловском городище в Пензенской области (раскопки Г.Н.Белорыбкина)³².

Щиток этих накладок практически неотличим от щитков для пряжек типа В-2. Однако рамки в данном случае всегда имеют

шлемовидное окончание и более узкое гнездо для крепления ушка подвески.

Тип 6 относится к вытянутым составным — комбинированным накладкам с колечком. Выполняли они роль распределителей ремней оголовья конской упряжи.

Тип 6 объемные, сдавленные с боков, с одной стороны гнезда для штифтов, с другой — петля, 1,3 x 9,2 см.*

Типы 7-14 относятся к составным вытянутым накладкам с общим соединительным кольцом. Выполняли роль распределителей ремней оголовья конской упряжи.

Тип 7 плоские с ровным основанием, с петлей для кольца, 0,8-1 x 2-3,5 см. Наиболее крупный размер — 1 x 4 см. Отличаются от декоративных накладок размером кольца (диаметр 1,7-2,5 см, стандартный размер — 2-2,5 см).*

Тип 8 плоские с фигурным основанием типа «ласточкин хвост» и округлыми вздутиями у петли, 2,5 x 7,3 и 1 x 5 см.*

Тип 9 объемные прямоугольного сечения с фигурным («вильчатым») основанием, 1,3 x 5,6 см.*

Тип 10 объемные треугольного сечения с фигурным («вильчатым») основанием 1,2 x 4,4 см.*

Тип 11 плоские с фигурным основанием, типа «ласточкин хвост», 1,1 x 4,5 см и 1 x 2,5 см. Могли быть как частью ременной (уздечной) гарнитуры, так и декоративным украшением с плоской подвеской в роли которой выступала вытянутая прямоугольная подвеска со шлемовидным окончанием (1,4 x 7 см).*

Тип 12 плоские подтрапециевидной формы, со шлемовидным окончанием с одной стороны и широкой петлей для кольца с другой. 1,5 x 7 см.*

Тип 13 плоские со шлемовидным окончанием и декоративным оформлением щитка, 1,3x4,7 см.*

Тип 14 объемные со шлемовидным окончанием. 0,8-1,4 x 4,6-7 см.*

Типы 7-15 относятся к составным вытянутым широким накладкам с общим соединительным кольцом. Выполняли роль распределителей ремней оголовья конской упряжи.

Тип 15 широкие: а) плоские со шлемовидным или приостренным окончательным, 1,7-2 x 4,2-5 см; б) объемные с килевидным окончанием, 1,4 x 3,2 см; в) объемные широкие с декоративной перетяжкой и четко обозначенным делением декоративного поля, 1 x 3,5-5 см.*

Данные накладки скорее всего служили для тройного соединения ремней в легкой уздечке.

Типы 16-17 относятся к вытянутым коротким, объемным накладкам без подвесок. Выполняли декоративные функции по украшению ремней. Могли быть наконечниками ремней или концевых ремешков.

Тип 16 а) с ровным основанием и со шлемовидным окончанием, с гладкими краями, 1,2 x 2,4 см; б) с плоским основанием и со шлемовидным окончанием и с «перетяжкой» в верхней половине щитка, 1-1,2 x 2,5-3,3 см. Некоторые накладки украшены циркульным орнаментом.*

*Typ 17** с выемчатым основанием и со шлемовидным окончанием, 1,2 x 3 см.

Типы 18-19 относятся к объемным накладкам с подвеской-колечком.

*Typ 18** прямоугольные: а) с ровным верхним краем, 2,3-3 x 2-2,6 см; б) с ровными краями и с квадратной прорезью в центре, 3 x 3 см; в) с фигурным верхним краем, типа «ласточкин хвост», 2,2-2,8 x 1,7-2,6 см.

По всей видимости, накладки этого типа входили в один поясной набор вместе с накладками типа Б1в, В1а и пряжками типа Б6. Возможно использовались такие накладки и для украшения уздечных ремней.

*Typ 19** «очковидные» а) с округлыми краями, 2,2-3 x 2 см; б), с выделенным центром, 2,8 x 1,7 см; в) с округлыми концами и выделенным, приостренным центром, 2,3-3 x 2,4 см. Накладки варианта «в» могли использоваться в сочетании с пряжками со специальными крючками, типа Е-3 или же типа рис.6-2, 3, 10.

Typ 20 относится к плоским накладкам, с подвеской-колечком.

*Typ 20** а) квадратные, с прямыми краями и декоративными вертикальными насечками, с ушком, 1,7 x 2,7 см; б) с кружочками на концах, 1,6 x 2,8 см.

Происхождение типов 18-20 следует признать оригинальным для рассматриваемого региона. По крайней мере, в материалах южной Сибири они считаются пришлой формой «отражающей» влияние запада³³. Датируются со второй половины XI до середины XII в. Наиболее распространены в конце XI-XII вв.

Отдел В. (15 экз.) Ромбовидные. Простые. Служили декоративным украшением ремней упряжи.

Typ 1 относится к плоским накладкам, типы 2, 3 — к объемным.

*Typ 1** а) с округлыми концами, 1,5 x 3 см; б) с фигурными краями с кольцом и со сквозными отверстиями на щитке, 1,5 x 2,5 и 3 x 3 см; в) прорезная, с декоративными розетками на углах 3,3 x 3,3 см.

*Typ 2** со шлемовидными окончаниями, 1-1,2 x 2,5-3,5 см близки накладкам типа Б16. Датируются XI-XII вв.

*Typ 3** с округлым завершением концов и декоративным колечком (1,7 x 3 см). Служили частью шарнирных деталей и самостоятельным декоративным украшением. Имеют бронзовые прототипы (рис.21-7). Датируются домонгольским временем.

Отдел Г. (16 экз.) Треугольные.

Выполняли декоративные функции. Все объемные.

*Typ 1** с выпуклыми сторонами, 1 x 1,3 см.

*Typ 2** с вогнутыми сторонами, плоским основанием и (шлемовидным) фигурным острием, 1,2-1,7 x 4 см.

*Typ 3** с вогнутыми сторонами, с округлым острием, 1,3 x 2,3 см.

*Typ 4** с выемкой в основании и выступом на конце, 1 x 1,6 см. Датируется XI-XII вв.

Отдел Д. (26 экз.) Фигурные.

Тип 1, 21 — накладки объемные, тип 2-20 — накладки плоские.

Тип 1 накладка в виде трех дисков (розеток) — центрального и двух боковых, 1,5 x 5 см.*

Тип 2 прямоугольная с «усами» — «Т-образные», 1,7 x 5,7 см использовались для украшения сбруи³⁴.*

Тип 3 прямоугольная со шлемовидным окончанием, с одной стороны и с многолепестковой розеткой с другой, 9,2 x 4,3 см. Служила, скорее всего, украшением налобного ремня уздечки.*

Тип 4 геральдическая, 1,5 x 2,5 см. Имеется подобное изделие из кости (рис.17-16).

Тип 5 геральдическая с фигурными краями и с колечком — подвеской, 2,8 x 2,8 см.

Тип 6 фигурная в виде стилизованного цветка. 3 x 4,5 см.

Тип 7 вытянутая с фигурно оформленными концами, 1,6 x 3,6 см.

Тип 8 вытянутая с полукруглыми выступами у основания и средней части, 2,4 x 7,8 см.

Тип 9 в виде подковки с небольшими розеточками на концах, 2,5 x 3 см. Аналогия на Царевском городище³⁵.

Тип 10 Подромбическая с фигурными краями и прорезями в верхней половине щитка. 4,6 x 5,4 см.*

Тип 11. Геральдическая с выступающими верхними углами. 2,2 x 3 см.

Тип 12 Круглая с двумя боковыми выступами 2,5 x 2,5 см.*

Тип 13. Круглая с треугольным основанием и сквозным отверстием в центре диска 1,5 x 4,5 см.

Тип 14. Подтреугольная с фигурным краем и сквозным отверстием у основания 2,5 x 4 см.

Тип 15. Фигурнопрорезная в виде стилизованных растительных побегов 2,2 x 2,2 см. Имеются бронзовые аналоги (рис.21-16).

Тип 16. В виде геральдического щита со сквозным фигурным отверстием в центре. 2,2 x 2,5 см. Стилизация типа Д15.

Тип 17. Каплевидная 1,2 x 2,2 см.

Тип 18. Сердцевидная 1,2 x 1,5 см.

Тип 19. Фигурно-прорезная, вытянутая: стилизация растительных побегов. Имеются бронзовые аналоги (рис.18-24; 21-И).

Тип 20. Подпрямоугольная, сдавленная с боков. 4,6 x 1,4 см.

Тип 21. Подпрямоугольная вытянутая с круглым центром и ромбическими окончаниями. По центру сквозное отверстие. Сечение накладки треугольное. 2 x 6,5 см.

Отдел Е. (3 экз.). Фигурные с боковыми выступами.

Тип 1-3 накладки плоские.

Тип 1 В виде геральдического щита. На поле — несколько выпуклых линий. Инкрустирована серебром. 2,8 x 3,1 см*

Тип 2 Квадратная. Инкрустирована серебром. 3,2 x 2,8 см.*

Тип 3 Прямоугольная с небольшим крючком на конце: «крюк на пластине». 2,4 x 10 см. Вероятно относятся к накладкам сбруи³⁶. Вообще, данный тип накладок довольно разнообразен. Встречаются*

плоские и объемные накладки с крючком и с шлемовидным завершением (рис.6-3, 10). К этому же типу относятся фигурные и фигурно-прорезные накладки с крючком (рис.6-1, 2, 7). Вероятно дальнейшим развитием этого типа стало появление так называемых «колчанных» крючков с небольшим крюком на одном конце и петлей с колечком на другом (рис.6-4-6, 8, 9). Возможно их использование для крепежное приспособление на седле.

Накладки типа Б18а, Б19б, Г2, Б4, пряжки типа В1а встречены на Кузьминском могильнике в Удмуртии³⁷, где этот материал датируется XII в. Большая часть этих предметов входила в состав поясного набора. Найдены такие предметы и в других удмуртских могильниках — Чиргинском, Мало Венижском (накладки типа Б1б, Б1в, Б19в), Чемшай II³⁸. Выявлены они и на удмуртских городищах, в частности на Иднакаре (ГМТР, № 5571-7, накладка типа Б5, рис.10-39). Прямые аналогии накладке типа Е3 есть в материалах аскизской культуры.

Стремена. Основные типы стремян были очень широко распространены территориально и бытовали достаточно долго по времени³⁹. На булгарских поселениях XI-XIV вв. встречаются стремена следующих типов.⁴⁰

Тип ВI (рис.14-1, 4, 16) — с прямоугольной выступающей вытянутой горизонтальной петлей и широкой овальной подножкой. В одном случае, дужка уплощенная (рис.14-4), в другом широкая, расширяющаяся у подножки (рис.14-16). Характерный контур арочный. Высота 140, ширина 133, ширина подножки 60, ширина прорези для пугища 37 мм. Соответствуют типу VIIIА по А.Н.Кирпичникову, который датирует их 2 половиной XII — первой половиной XIII в⁴¹. В Заволжье и южнорусских степях стремена этого типа встречаются в X-XIII вв., в Урало-Волжском регионе они, по мнению В.А.Иванова и В.А.Кригера являются хронологическим признаком конца XIII-XIV вв.⁴²

Тип ВIV (рис.14-5.) — с прямоугольной не выступающей горизонтальной петлей и широкой (?) подножкой. Дужка уплощенная (ширина 20 мм) прямоугольная в сечении перпендикулярно поставленная к подножке. Контур арочный, близкий к трапециевидному. Высота 130, ширина 110, ширина подножки 35, ширина прорези для пугища 30 мм. Соответствуют типу X по А.Н.Кирпичникову, который датировал их XII-XIV вв.⁴³ Г.А.Федоров-Давыдов отмечал их типичность для 2 половины XIII-XIV вв.⁴⁴ Комплекс керамики постройки VI Лайшевского селища, где найдено стремя этого типа, датируется концом XIII — первой половиной XIV в.⁴⁵

Тип ВV (рис.14-17) — является разновидностью типа ВI. Он имеет подпрямоугольную горизонтальную петлю, чуть выступающую над плоскостью дужки, массивную дужку (петля уплощенная) и своеобразную подножку — в виде овала из 3 прутков. Контур арочный. Высота 168, ширина 157, ширина прорези 35, размер подножки 100 x 65 мм. Точные аналогии неизвестны. Найден в кладе на Семеновском острове⁴⁶, вместе со стременем типа ВI. Клад по комплексу находок датируется 2 половиной XIV в.

Тип ГI* (рис.14-2, 7, 11-13) — с расплющенной верхней частью дужки имеющей треугольную форму (стрельчатое завершение). Под-

ножка узкая, овальной или прямоугольной формы. Характерный контур — арочный. Дужки плоские прямоугольные в сечении, перпендикулярно поставленные к подножке. Найдены на Мурзихинском и Семеновском селищах. Несколько отличается поделка с V Семеновского селища⁴⁷ (рис.14-13). Дужка у нее массивная, квадратного сечения; подножка широкая, прорезь узкая, контур — овальный. У изделий этого типа высота 115-130 мм., ширина 120-140 мм., ширина подножки 30-35 мм., ширина прорези 17-25 мм. Пышно украшено насечками стремя с Семеновского острова (рис.14-12), остальные изделия не орнаментированы. Такие изделия А.Н.Кирпичников отнес к типу VII, отметив, что они широко производились в XII-XIII вв. Г.А.Федоров-Давыдов считает их характерными для XII в⁴⁸.

Близко к выше описанным изделиям стремя с килевидным завершением пластинчатой дужки и широкой, значительно прогнутой, подножкой (рис.20-1, 2). Дужка стремени с одной стороны и верхняя часть подножки так же снаружи украшены инкрустацией. На дужке с двух сторон имеется арочный орнамент из серебряной проволоки заключенный в тонкую рамку из того же материала. Под арочками и между ними помещены медные «капельки». Такие же медные «капельки» в рамке в виде сердечка помещены на подножку (рис.20-1).

По типологии А.Н.Кирпичникова стремя относится к типу IX, датированного XII — серединой XIII вв.⁴⁹ Среди таких стремян довольно много инкрустированных медью и серебром изделий (техника витковой инкрустации). Характер узора на наших стременах выполнен в иной манере чем на древнерусских и может быть признан местным⁵⁰.

Тип ДІ (рис.14-8) — с расплощенной верхней частью дужки, верхний край последней образует округлый выступ над прорезью для пугтища. Контур — арочный. Подножка плоская, обломана. Высота 120, ширина прорези 27 мм. Стремя найдено на Мурзихинском селище.

Тип ДІІ (14-10) — аналогичный предыдущему, но с закругленной книзу подножкой. Контур яйцевидный. Дужка одного стремени массивная, в сечении близкая к квадрату (рис.14-10), поставлена перпендикулярно к подножке, последняя несколько выгнута. Высота 142-160, ширина 132-150, ширина подножки 45-55, ширина прорези 25-28 мм. Найдено на селище Дамба I — 2 половины XIII-XIV в. и в погр.8 могильника Песчаный остров 2 половины XIV в.

Тип ЕІ (14-6,9) — с расплощенной верхней частью дужки, образующей правильную дугу. Контур близкий к арочному. Подножка широкая. Высота 124-126, ширина подножки 50, ширина прорези 25-40 мм. Найдены на Мурзихинском, Дамба I селищах и в погр.8 могильника Песчаный остров второй половины XIV в.⁵¹

Тип ЕІІІ (рис.14-3) — с петлей выступающей в нижней части дужки. Контур — круглый. Дужка плоская, отверстие узкое, шириной 10 мм. Найдено на Лайшевском селище.

Стремена типа ДІ, ДІІ, ЕІ, ЕІІІ являются характерными для 2 половины XIII-XIV вв.

Тип ИИ (рис.14-14) — с плоской верхней частью слегка закругленной. Дужка массивная несколько расплощенная у подножки. Последняя весьма оригинальна — в виде круга на плоской пластине. Контур грушевидный. Высота 165-180, ширина 13-155, ширина прорези 30, размер подножки 55 x 65 и 55 x 55 мм. Данный тип не имеет аналогий. Найдены они в кладе на Семеновском острове. По форме близко вышеупомянутым изделиям стремя, найденное в Казанском Кремле (раскопки Н.Ф.Калинина); оно имеет прямоугольную петлю с широкой прорезью и подножкой в виде круга как у типа ИИ. Скорее всего эти стремена датируются не ранее XIV в.

Удила и псалии⁵². (рис.14-18-36) Рассматриваемые изделия односоставные (рис.14-18-19) и двусоставные (рис.14-20-22). Различаются двусоставные удила формами псалий и окончаниями грызл. Односоставные и двухсоставные удила по форме окончания грызл делятся на одно петельчатые и двух петельчатые (по количеству отверстий — петель для крепления приспособлений уздечки). Е.П.Казаков датирует односоставные удила с одной петлей (рис.14-18) X-XII вв. с 2 петлями в разных плоскостях (рис.14-19) — X — началом XI вв.⁵³ Двусоставные удила с одной петлей и кольчатыми трензельными кольцами имеют широкие рамки бытования (рис.14-20-21). В пределах X-XI вв. встречались удила с двух петельчатым окончанием грызл (восьмерковидное)⁵⁴.

К двух составным удилам относятся псалии следующих видов. Плоские с двумя прорезями⁵⁵) симметричные (рис.14-24, 26) и псалии плоские ассиметричные (рис.14-25, 33). Одна прорезь в псалии служила для надевания на конец удил, другая — для крепления ремня оголовья (рис.14-34, 35). Интересна псалия этого типа с фигурно-объемным оформлением с одной стороны и в виде стилизованной плоской конской головки с другой. Датируются они XI — началом XII в. Оформление их характерно для памятников аскизского круга.

Объемные стержневидные псалии с двумя отверстиями (рис.14-26-30), являются разновидностью рассмотренных выше плоских псалий. Бытовали они видимо одновременно. Окончания псалий нередко украшались кольцевыми насечками. Удила с такими псалиями наиболее близки удилам типа Б1 по классификации Г.А.Федорова-Давыдова X-XI вв.⁵⁶, и типу I по билярской классификации двусоставных удил, встречающихся до 2 половины XI в. и наиболее характерных для IX-X вв.⁵⁷. Ранние аналоги таких псалий встречены в Танкеевском и Большетарханском могильниках⁵⁸. Судя по находкам на VI Алексеевском и Лашевском селищах, время бытования их — конец X — начало XII в., период наибольшего распространения — XI век.

Практически одновременно с ними используются стержневидные псалии с двумя небольшими отверстиями в самом изделии (рис.14-31, 32). Датируются они концом X — началом XI в.⁵⁹ Возможно заготовкой костяной псалии близкого к рассматриваемому типу является поделка из Биляра (рис.17-19а-г). Преимущественно в XI в. имели хождение стержневидные псалии с одной петлей-дужкой

(рис.14-23, 36). Можно отметить, что в целом развитие псалий, скорее всего шло в аналогичном направлении, что и в других регионах, в частности в Минусинской котловине⁶⁰.

Кольчатые удила (рис.14-20, 21) — состоят из двух, соединенных крючками грызл в загнутые свободные концы которых вставлены кольца, которые здесь объединяют функции псалия и поводного кольца⁶¹. Они наиболее распространены как на городских, так и на сельских булгарских поселениях. Узкой датировки кольчатые удила не имеют⁶², но наиболее массово встречаются с XII века. Отметим, что грызла с широкими раскованными крючками для колец характерны для XIII-XIV вв.

Размеры кольчатых удил различны. Так у изделий с Мурзихинского, Лайшевского, Дамба I,II, Разбойничий остров селищ длина одной части грызл 65-110 мм, сечение квадратное и круглое. Кольца разного сечения и размеров. Диаметр их от 30-35 до 85 мм. Наиболее распространен размер колец 40-43 и 50-53 мм, сечение круглое, квадратное, реже ромбическое.

Таким образом, рассмотренные категории предметов составляют достаточно единый в общем плане набор связанный, в основном с конской упряжью, и в меньшей степени с деталями костюма (поясного ремня).

Конская упряжь (рис.15-I; 19-5,6)⁶³. Основное использование накладок и большей части пряжек было в качестве деталей и украшений конской упряжи. Реконструировать (рис.15-III, IV, V; 19-1,2) ее можно опираясь на опубликованные данные⁶⁴.

Кроме того необходимо отметить ряд деталей сделанных из другого материала, которые использовались в конской упряжи. Это костяные застежки недоуздука (рис.17-1-5, 22), костяные подпружные пряжки (рис.17-6,7). Достаточно многочисленны костяные подвески-украшения различных форм (рис.17-8-15). Наиболее богатый набор подвесок, украсивший сбрую изготовлен из серебра (Бутаевский клад) (рис.16). Из серебра же сделаны нашивки на кожаные ремни упряжи и две крупных бляхи (Булгар) (рис.18-28-43). Отметим, что в ордынское время известны подвески — бубенцы (рис.18-26)⁶⁵.

Для жесткого крепления ремней оголовья использовались ромбические и под треугольные бронзовые накладки (рис.18-18,19,20), а для украшения налобного ремня использовались накладки с фестончатым краем (рис.18-17), решмы (рис.18-16). Сами ремни соединялись бронзовыми тройниками (рис.18-11-14) или же бронзовыми кольцами к которым крепились ремни. Трудно сказать, могло ли иметь место совместное использование в одном наборе украшений и деталей из разного материала, тем не менее полностью отрицать такую вероятность нельзя.

Из подсобных сбруйных принадлежностей, встречен инструмент для шнуровки — прорезывания ремней сбруи в отверстия (Мурзихинское селище)⁶⁶.

Особенности конского снаряжения с использованием украшений аскизского типа заключаются в преимущественном использовании

нии железных декоративных элементов на облегченной уздечке. На Руси техническое оформление легкая узда получила уже в X веке (тройник в виде кольца с 3 обоймами), причем, здесь отсутствовали какие-либо украшения ремней⁶⁷. У булгар такой тип средств управления лошадью получает наибольшее распространение в XI в., хотя появление его относится несомненно к X веку. Об этом свидетельствуют находки в погребениях Танкеевского могильника. Всего здесь встречено 25 пар таких соединительных колец⁶⁸.

К XI столетию почти полностью выходит из употребления цельнолитая бляха-тройник для подвижного соединения ремней оголовья и стержневидные псалии, замещающиеся кольчатыми удилами. Вместе с тем, если на Руси преобладающими являются бронзовые детали конской упряжи, то у булгар с XI в. материалом для этих изделий становится железо. Бронзовые и серебряные украшения так же использовались, но в большинстве случаев в парадном наборе.

Поясной ремень. В бытовом костюме железные накладки и пряжки могли использоваться в качестве деталей и украшений поясного ремня. Наиболее близкой аналогией являются материалы удмуртских могильников⁶⁹. В ряде погребений (погр. 147, 129, 144) II Билярского могильника, как и в удмуртских некрополях встречены железные и бронзовые (погр. 129, 144) детали кожаных поясов (накладки типа Б1, Б18/19) с кольцами-соединителями⁷⁰. Эти погребения все мужские, ориентированы головой на север.

Таким образом, булгарские накладки и пряжки из железа использовались в качестве поясной гарнитуры и как детали сбруи.

Технология изготовления пряжек и накладок. Изготавливались накладки и щитки для пряжек из небольших железных заготовок. Одна из них найдена на Мурзихинском селище. Это прямоугольный брускочек 2,8 x 2 см; толщиной 0,7 см с выступом в нижней части (рис.12-38). Плоские изделия могли изготавливаться из вытянутых железных пластин 1 x 8-11 см при толщине в 0,4 см найденных в большом числе на Чакме, и в меньшем количестве на Мурзихе (рис.7-25-29).

Заготовки обрабатывались в горячем (?) состоянии с помощью небольшого зубильца техникой сложной ковки с использованием прорубки и просечки⁷¹. Применялись зубила с шириной рабочей части в 0,7-1,4 см; 1-1,5 см; 2,2-2,7 см (рис.7-6, 10, 14, 18, 19).

Характерной особенностью многих таких изделий является долевая прорубка (например: рис.12-37 и др.). Получившееся углубление служило для уменьшения веса предмета, а так же для вставки крепежных шпеньков, количество которых зависело от формы изделия (как правило их было от 2 до 4 штук). Шпеньки длиной не более 1 см, сделанные из тонкой железной проволоки, пропускались в небольшие сквозные отверстия в щитке.

Верхняя часть шпенька расклепывалась заподлицо с внешней поверхностью щитка, а нижняя — при крепежке к основе ремня. Толщина ремня не превышала 0,4 см, в основном — 0,2 см. Замыка-

ющая головка клепки-шпенька как правило неаккуратная, вытянутой формы. Шайбы-фиксаторы использовались очень редко.

Украшение изделий. Достаточно распространенной была техника украшения железных пряжек и накладок набивной таушировкой⁷² — инкрустацией серебряной или медной проволокой поверхности поделки. Аналогичные приемы украшения прослежены не только на пряжках и накладках, но и на других изделиях — в частности стременах (рис.20-1). Стилистически это оформлялось в виде набивки хаотичных углублений специальным керном типа — рис.7-3, 17, 20, 21, 22. В булгарских материалах преобладала инкрустация медью. Тонкими медными проволочками или пластинками украшались ручки ключей (XII в.) (рис.7-32, 33, 34), бронзовые накладки (рис.7-38), железные иглы-застежки (рис.7-39). Встречается инкрустация золотом (фольгой), например на пряжке (рис.7-1) или височных украшениях (рис.8-41, 42).

Особенности булгарских изделий. Оформление. Особенностью булгарских пряжек следует считать применение циркульного орнамента или круглых выемок в оформлении щитков пряжек.

Другим приемом, широко вошедшем в практику мастеров, стало приданье щитку фигурной формы, что типично для объемных изделий. Достигалось это украшением изделия декоративными деталями — перетяжками, поперечными насечками, приданiem средней части объема с помощью «снятия фасок» с боковых сторон. Нередко на пряжках применялась инкрустация щитка серебром или медью. Причем на стадии подготовки применялся такой прием как «насечение поверхности изделия квадратным или круглым углублением»⁷³.

Какой тип таушировки здесь применялся — ленточный или проволочный сказать трудно. В коллекции госмузея Татарстана имеется пряжка украшенная листовой таушировкой (рис.7-1). Поэтому полностью исключить такую возможность для других железных пряжек (так и накладок) нельзя. Отметим, что описанные приемы характерны для изделий аскизской культуры и получают распространение в XI-XII вв.⁷⁴ Аналогичное явление отмечено и для накладок. Это относится, в частности, к такой форме оформления окончаний накладок как «фигурноскобчатость» (по И.Л.Кызласову).

В целом в отличие от аскизских вещей булгарские их разновидности характеризуются появлением «вильчатых» окончаний на пряжках и накладках, а так же в подвижном соединении щитка и рамки для пряжек. Производство таких предметов отмечается не ранее XI в. Наибольшее бытование большей части пряжек с неподвижным соединением щитка приходится на вторую половину XI — начало XII в. Пик производства пряжек с подвижным соединением — относится к середине — второй половине XII в. Скорее всего, к концу XII столетия мода на такие пряжки заканчивается.

В золотоордынский период количество украшений из железа такого рода заметно сокращается. Характерной формой становятся фигурные поделки в виде розетки⁷⁵. Этот же мотив используется и

для оформления деталей изделий. В единичных случаях он встречается на накладках домонгольского времени. Другие украшения ордынского периода отличаются большей затейливостью формы.

Территориальные особенности булгарских находок. Анализ имеющихся материалов показал наличие территориальных особенностей в составе пряжек и накладок на булгарских памятниках, а также различия как по типам, так и по стилю оформления деталей предметов, найденных на городских и сельских поселениях.

Особенности типологических комплексов находок. Наиболее представительный набор как пряжек так и накладок дало Лайшевское селище — «Чакма» в Лайшевском районе Татарстана — крупный ремесленный центр обработки железа сельского типа. Здесь было найдено 40% всех накладок и 35% пряжек.

Среди пряжек наибольшие серии на Чакме — представляют шарнирные пряжки с прямоугольным щитком со шлемовидным или килевидным окончанием (рис.12-18) (тип В1, В3). Из накладок (116 экз.) самые распространенные — изделия прямоугольной или квадратной формы (76%). Серии таких накладок (рис.12-21, 22) имеют прямоугольный или очковидный щиток с ровным или фигурным краем и с подвеской колечком снизу (тип Б18б, в). Эти детали ременной гарнитуры дополнялись оригинальными типами поделок, встреченными пока только на Чакме. Это деталь соединителя ремня (рис.4, тип Б6), массивная накладка с выпуклой спинкой (рис.4, тип Б3б), небольшие прямоугольные накладки с килевидным или шлемовидным окончанием с одной стороны и с ровным или выемчатым с другой (рис.4, тип Б16а, г). В комплекте с ними очевидно, состояли миниатюрные накладки (рис.4, тип Г 1,3).

В единственном экземпляре известна накладка со сквозным отверстием в центре и накладка с фигурным щитком (рис.4, тип Б18б, 20а, б). Встречены на селище правда в небольшом количестве, накладки ромбической формы (рис.4, тип В1а, б) и фигурные (рис.4, Д 1, 4, 5).

Мурзихинское селище. Комплекс находок очень близок предыдущему. Не исключено, что значительная часть их изготовлена на Чакме. Однако, отметим, что на Мурзихинском селище большее количество декорированных изделий (рис.12-32, 33, 35, 39, 40, 43, 45, 46). Оригинальны накладки типа Г2 (рис.11-30, 31), не встреченные на других памятниках. К особенностям мурзихинского комплекса нужно отнести наличие набора массивных, объемных накладок и пряжек (рис.12-31, 34). Показательно, что накладки с подвесками в значительной степени представлены плоскими образцами (рис.12-24-26), хотя в подъемном материале встречаются и объемные экземпляры (рис.12-29, 30).

Остолововское селище. Выделяется из известных изделий «аскизского круга» комплекс плоских накладок о deala E (рис.12-11, 12). В целом набор железных изделий с этого памятника более эклектичен и содержит значительное количество оригинальных поделок. Среди последних отметим плоскую пряжку типа Б5 (рис.12-10) имеющую бронзовый аналог (рис.18-3).

VI Рождественское селище. (рис.11-10-12). Комплекс изделий здесь в какой-то мере напоминает мурзихинский, но незначительное количество собранных здесь изделий не позволяет проводить корректичные параллели. Можно только отметить, что в оформлении окончаний объемных изделий более распространен мотив «ласточкин хвост» (рис.11-10, 12). *V Рождественское селище* по составу находок очень близко VI Рождественскому, но изделия здесь более массивны, плоские практически не встречаются. Промежуточное положение между рождественскими и мурзихинскими находками, по составу изделий занимают *VI и XIII Алексеевские селища* (рис.11-14-29). Здесь встречены пряжки типа Б7 (рис.11-14, 21) накладки типа Б1б и Г3 (рис.11-25, 26). Близок по типу изделий этим памятникам материал с *IV Старокуйбышевского селища* (рис.13-53-56). Стоит отметить здесь находку накладки типа Д8 (рис.13-57), стилистически близкую отделу Е и типу накладок Б20б.

Достаточно устойчивый набор изделий характерен для *Биляра* (рис.10-15-32). Здесь имеются орнаментированные циркульным орнаментом изделия (рис.10-30), оригинальные типы пряжек (рис.10-29. Тип А6б) и, вместе с тем, уже известные нам по другим памятникам пряжки типа Б7 (рис.10-32), В1 (рис.10-31), а так же оригинальный вариант пряжки типа Б5 (рис.10-28). Кстати данный тип представлен и на городище *Кашан I* (рис.11-1). Кроме того в коллекции из Биляра имеются и более простые типы украшений (рис.10-15, 16). Городище *Сувар* демонстрирует нам «гибридный» вариант пряжки типа В2 (рис.10-5), близкой по стилю типу В5, но с шарнирным соединением рамки и щитка. Близок к этим памятникам материал со *Старо-Нохратского городища* (рис.10-7-10)⁷⁶, с *Омарского (?) городища* (рис.10-2-4).

Ярко выраженной индивидуальностью комплекса обладают находки с городища *Великие Болгары* (рис.10-11-13). В частности, отметим вариант накладок типа Б20б (рис.10-13). Оригинальные типы встречены на *городище «Городок»* (рис.10-40-41). Менее выразителен комплекс находок с *Русско-Урматского селища* (рис.10-33-37), хотя и здесь имеются оригинальные типы изделий (рис.10-36).

В целом, отсутствие представительных серий рассматриваемых изделий позволяет только упомянуть о наличие таких предметов на городище *Джукетау*, *Утяковском* (рис.10-1), *Муромском городке*, *Рождественском*, *Старокуйбышевском городицах* (рис.1-4) и ряде других (рис.1-II). То же можно сказать и о памятниках в *Восточном Закамье* (бассейн реки Шешма и ее притоки) (рис.9-2, 3, 15-17). Вместе с тем, стоит отметить, что несомненной оригинальностью, а может быть и «аскизским» происхождением⁷⁷ отличается находка с *Екатерино-слободского I селища* (рис.9-3). Зато «булгарский стиль» демонстрирует изделие с *Сосновкинского I селища* (рис.9-16). Находит аналогии на памятниках Центрального и Западного Закамья часть объемной пряжки (?) (рис.9-17).

Таким образом, можно отметить несколько моментов. Это наличие единой «моды» на украшения этого рода и достаточно устойчивый и

заметный «стандарт» формы и отделки характерный для изделий «булгарского стиля». Присутствие на памятниках рассматриваемых предметов «оригинального» происхождения, выполненных в иной манере и вероятно не булгарского изготовления. Определенные особенности встречаемости типов изделий на разных памятниках и наличие «гибридных» форм, позволяет предположить, что не существовало единого центра производства таких поделок.

Технологические особенности. Рассмотрим особенности изготовления пряжек и накладок, учитывая полученные нами выводы при анализе формы. Как уже отмечалось, пряжки и накладки встречаются плоские и объемные. *Плоских изделий* толщиной 0,2 см немного. Если на *Мурзихе* они прокованы достаточно ровно с небольшими заглублениями для шпеньков с тыльной стороны (рис.12-24), то на *Чакме* при довольно большом типологическом разнообразии они изготавливались не толще 0,3-0,4 см. Причем, небольшое заглубление с обратной стороны образовывалось при нанесении параллельных неглубоких чередующихся ударов инструментом. Украшены эти изделия насечками и в одном случае таушировкой. *Остоловское селище* дает практически единый в технологическом плане пласт находок (рис.12-9), но весьма разнообразный по типам. Близки им изделия с *VI Рождественского селища*.

Объемные изделия все имеют выемку с тыльной стороны для облегчения веса и более надежного и простого крепления штифтов. Отмечено несколько способов «выруба» паза — это 1) открытый контур (рис.12-8), когда выемка выходит к краю предмета, 2) замкнутый контур (рис.12-5), когда до края изделия остается несколько миллиметров и 3) прерывистый контур (рис.12-4, 9), когда делались только выемки для штифтов.

На *Мурзихинском селище* изделия с выемками замкнутого контура имеют, как правило, ровные и аккуратные края и округлого сечения дно (рис.12-35, 42 и др.). В одном случае заметны следы боковых прорубов при овальном сечении⁷⁸ Встречается неровная выемка с округлым дном⁷⁹ либо круглая выемка⁸⁰. Украшены эти изделия насечками и таушировкой.

На *Чакме* выемки круглого сечения довольно аккуратны, только в отдельных случаях имеются изделия близкие к треугольному сечению (рис.12-22). На *Остоловском и VI Рождественском селищах* выемки замкнутого контура имеют преобладающееся круглое сечение (рис.112-5; 11-9).

Изделия с разомкнутой выемкой встречены на Мурзихе с боковым уклоном⁸¹ треугольного сечения. При круглом сечении дно несколько углублено у шпеньков и у края⁸². При меньшей толщине изделия углубление достигалось параллельными ударами зубильцем (рис.12-45; ГМТР, А-19-258).

Треугольное сечение выемки характерно для поделок выполненных неаккуратно. Здесь узкая неровная канавка, углубленная несколькими ударами в месте крепления шпеньков или около них. Наиболее это

характерно для Чакмы. В значительно меньшем количестве это отмечено на *Мурзихе*⁸³.

Выемки с прерывистым контуром (с перемычкой) выполнялись достаточно аккуратно, за исключением Чакмы. Размеры выемок от 1,2 см первая и 1-3 см — вторая, как правило треугольного сечения. Достаточно интересны изделия с Мурзихи с неглубокими выемками нанесенными аккуратными ударами зубильцем (рис.11-30, 31; ГМТР, А-19-293, 292).

Таким образом, наблюдения над технологией производства показывают, что технологические приемы изготовления предметов достаточно разнообразны, хотя размеры и форма изделий обусловили характер их исполнения. Прослеженные особенности могут свидетельствовать о том что изготовлением таких изделий занимались разные мастера.

Из других категорий изделий близких к «аскизским», отметим следующие. **Навершия плетки.** Изготавливались из кости и металла. Костяные навершия устойчивы по форме и размерам (рис.17-20, 21). Особый интерес представляет находка с Ага-Базара (рис.18-8). Навершие это отлито из бронзы в виде головы фантастического существа со сквозными отверстиями-глазницами, рельефным гребнем из 2 полосок в виде веревочки и рельефным же орнаментом на тулове. Аналогичное изделие найдено в Пермской губернии⁸⁴.

Предметы вооружения. Наиболее близкие аналогии сибирским материалам мы обнаруживаем при анализе находок наконечников стрел. Не останавливаясь подробно а этой теме⁸⁵ отметим только такие типы наконечников как трехлопастные вытянуто-пятиугольные⁸⁶, боеголовковые (рис.20-7, 21, 11), плоские, ассиметрично-ромбические (рис.20-9, 23), боеголовковые, (рис.20-13-15, 16, 24) томары (рис.20-8) и овально-крылатые (рис.20-19). Все они находят многочисленные параллели в материалах к востоку от Урала. Ряд типов (рис.20-13-17) имел также широчайшее распространение на всей территории восточной Европы. Основная масса наконечников датируется в рамках X-XI вв. реже — XII веком включительно. Исключение должны составлять трехлопастные наконечники стрел, бытовавшие преимущественно в IX-X вв. хотя на памятниках поволжского бассейна они использовались в XI в⁸⁷. Вероятно, эту поправку надо учитывать и для всех памятников Волго-Камья.

Изделия «аскизского круга» в Поволжье и Прикамье (рис.1-II).

Финские памятники. Датировка большинства памятников где встречаются рассматриваемые предметы детально и аргументировано изложена в публикациях. Большая часть памятников относится к XI, XII вв. Наиболее ранние материалы относятся к началу XI в. (Крюково-Кужновский, Шокшинский могильники). В публикациях, как правило сделана и типология этих изделий⁸⁸.

У **марийцев** XII-XIII вв. зафиксированы пряжка типа В2 и набор накладок типов Б18, Б16 и В2⁸⁹. Причем здесь накладки типа Б18 использовались в качестве соединительной части ремня, крепясь не вдоль, а поперек ремня, а колечком соединяясь с кольцом — соединителем самого ремня. Аналогично использовались накладки

отдела Б близкие типу Б11⁹⁰. Все они происходят из погребения №6 Выжумского II могильника. Накладки и пряжки здесь имеют хорошо выраженный объем, по оформлению деталей преобладают те же моменты, что и у булгарских изделий (шлемовидное завершение), что сближает их с булгарскими. Использовались они в качестве поясной гарнитуры.

В целом, на памятниках древних мари эти предметы единичны и скорее всего являются привнесенными. Время бытования их скорее всего первая половина XII в., поскольку на более ранних памятниках они не встречаются.

На **удмуртских** памятниках такие изделия весьма многочисленны⁹¹. Кожаный пояс с железными накладками являлся достаточно типичным для мужских захоронений⁹². Выразителен в этом плане набор из погребения № 23 Кузьминского могильника, состоящий из железных объемных предметов: пряжки типа В1 (8 x 2,2 x 0,8 см), двух железных накладок типа В2 (4,2 x 1,4 x 0,6 см) и одной накладки типа Б16б (3,2 x 1,2 x 0,7 см)⁹³. Пряжкой такого же типа и накладкой типа Б16в/г представлен набор в погребении № 208⁹⁴. В погребении № 203 этого же могильника кроме этих изделий (пряжка — 1 экз.; накладки типа Б16в/г — 3 экз.; Б16а — 1 экз. типа Б1г — 1 экз.) встречена еще накладка типа Б18а (2 экз.)⁹⁵.

Интересно, что на чепецких памятниках имеются как плоские образцы, так и с четко выраженным объемом, встречаются шарнирные привески⁹⁶, а так же оригинальные типы соединений типа накладки Б18, но с шарнирным креплением подвески к рамке⁹⁷. Выемка на обратной стороне и пряжек и накладок имеет замкнутый контур и сделана достаточно аккуратно (там где это можно было проследить).

В захоронениях отсутствуют кости лошади, а детали конской упряжи встречаются очень редко⁹⁸, поэтому можно с осторожностью предположить использование их в уздечном наборе. Хотя специфичность некоторых типов изделий (тип Б5, Б4) и находки их на поселениях, позволяют более уверенно говорить об этом.

В целом, несомненно, что железные пряжки и накладки в большей части местного изготовления и были в употреблении с конца XI-XII вв.

Отметим, что такого рода изделия (тип Б19) встречены на верхней Каме, например в погребении №8 Аверинского I могильника XII-XIV вв., причем, как отмечают исследователи, этот некрополь отличается некоторым своеобразием⁹⁹.

Полифункциональны были железные пряжки и накладки у **мордовских племен**. Использовались они как часть уздечного набора. Например в погр. №4 могильника Выползово VI, датированного XI-XII вв. найдена накладка типа Б13¹⁰⁰.

В качестве поясных украшений использовались железные накладки в погребении №60 Мордовско-паркинского могильника¹⁰¹. Отметим, что изделия здесь плоские из листового железа, более простых форм (типа Б18, В2, Б16а). Дата этих погребений — начало XII в. Традиция использования железных украшений пояса имеет более

давние корни. Так А.В.Циркин выделяет тип прямоугольных плоских штампованных накладок с бортиком на лицевой стороне и с ушком внизу для кольца (5 экз.). Встречены они в пп. 20, 67, 73, 151, 156, 160, 165, 172, 214 Шокшинского могильника¹⁰². аналогичные находки имеются в 21 погребении Крюково-Кужновского могильника. это прямоугольные обоймицы с подвесными колечками внизу: погр. № 16, 25, 27, 45, 53, 57, 90, 122, 213, 295, 296, 298, 357, 364, 375, 437, 487, 499, 502, 517, 580. Они составляют 3,5% от всех (586) исследованных на могильнике погребений. Датируется этот могильник с VIII до начала XII в.¹⁰³

Стоит сказать, что у мордвы наблюдается в это время сильное заимствование ряда элементов культуры у южных соседей — кочевников. Это прежде всего предметы вооружения — сабли (хотя они встречались и в более ранних материалах). С начала XI, а в большей части в XII-XIII вв. фиксируются самостоятельные захоронений коней, как целиком, так и в расчлененном виде, иногда вместе с черепом собаки¹⁰⁴. Взаимосвязь этих явлений казалось бы очевидна, но это не так.

Захоронения с конем (как явление культа) являются одной из особенностей погребального обряда племен муромы в VIII-X вв. Отмечается, что уже к «концу VIII в. у муромских племен сформировался строгий ритуал захоронения лошадей в однотипных погребальных сооружениях с определенным характером членения туши и расположением частей коня в могиле»¹⁰⁵. Истоки этого культа у муромы, по мнению В.В.Гришакова, следует усматривать в местной финской среде правобережья Волги¹⁰⁶.

Исходя из этого связывать напрямую железную уздечную гарнитуру с кочевым миром будет не корректно.

Захоронения с конем известны и на славянских землях в бассейне верхней Оки и правобережья Верхней Десны (Калужская и Смоленская области) XI-XIII вв. и связаны они, вероятно, с Прибалтикой (литовцы, ятвяги) и Север-Западной Русью. Отмечается, что в «лесной полосе Восточной Европы они, как правило, встречаются только в тех районах, где славяне территориально смешались с местным прибалтийско-финским населением»¹⁰⁷. Причем в Прибалтийских землях культ коня достигает своего апогея в XII-XIII вв.¹⁰⁸

Стоит так же сказать, что сильное восточное влияние отмечается и в комплексе наступательного вооружения¹⁰⁹, не исключено что здесь мы так же наблюдаем распространение «аскизской моды».

Инструментарий. В качестве основного инструмента¹¹⁰ при производстве данного вида продукции, использовались: молотки, зубильца, пробойники; применялся, очевидно и вспомогательный инструмент — клещи (щипцы).

Встречены небольшие молоточки (рис.7-2) прямоугольной формы с оттянутым бойком чеканом. Нижняя часть чекана сделана в виде головы животного и отходит от туловища под прямым углом. Длина таких молоточек, в среднем 50, высота чекана 25, размер бойка

18 x 13 и 22 x 15 мм. Такие молотки найдены в Биляре, Болгаре и на ряде селищ в низовьях Камы.

Зубила (рис.7-6, 14, 18, 19) делались из железного дрота, прямоугольного в сечении. Заточка была, как правило с обоих сторон. Небольшое зубильце длиной 16 см при ширине ударного края в 0,8 см, найдено в погребении № 64 Маловенижского могильника в Удмуртии¹¹¹.

Пробойники (бородки) (рис.7-7, 8, 9, 16, 17, 20). Они представляют из себя железные стержни с уплощенным черешком прямоугольного сечения и круглой в сечении рабочей частью, сужающейся на конус. Длина их 85-90, диаметр 4 мм. К числу последних можно отнести и еще два изделия из квадратного в сечении дрота с уплощенным приостренным окончанием и следами ударов на верхней части стержня (рис.7-3, 4). Близкое изделие выявлено в погребении №17 Маловенижского могильника¹¹².

Клеци (рис.7-5) встречены, практически, одного типа и различаются только размером. Большие kleци (Мурзихинское селище) имеют длину 370, длину губок 55 мм. Малые kleци (Лаишевского селище — Чакма) более миниатюрны — длина 195, длина губок 30 мм. В работе могли использоваться и другие инструменты или приспособления (рис.7-11, 23, 24, 30).

Ассортимент и качество таких предметов в целом не отличалось как в Волжской Булгарии, так и на сопредельных территориях — у финских народов. Особенno это хорошо прослежено на прикамских ремесленных центрах (Иднакар, Дондыкар и др.)¹¹³. Данный инструментарий являлся универсальным в кузнечном деле и только сравнительно небольшие размеры изделий могут свидетельствовать об использовании их для производства рассматриваемых изделий.

Матрицы (рис.7-35-37). Бронзовые литые матрицы служили для изготовления из цветного металла реплик накладок «аскизского» типа. Не исключено что с их помощью делались отиски в глиняных литейных формах.

Технология изготовления стремян и удил.

Соответствующий анализ технологии изготовления булгарских изделий был проведен Ю.А.Семыкиным. Им установлено, что стремена изготавливались из сырцовой стали и из пакетированных заготовок¹¹⁴.

Датировка материала. Булгарские памятники. Датировка проводилась по стратиграфии, по аналогиям и по общей дате памятника (если материал подъемный). В культурном слое такие находки отмечены на Остоловском, VI Алексеевском и Мурзихинском селищах. *Мурзихинское селище* (рис.1-1, №2). На Мурзихинском селище раскопами I-VII в 1994-1996 гг. изучено 444 кв. м. К булгарскому времени относятся слои серой и темно-серой супеси, последний делится на 2 горизонта. В нижних отложениях серой супеси (—35 см от современной поверхности) найдены — железный наконечник стрелы (тип 84-2, по А.Ф.Медведеву) — не ранее XII века (рис.8-3), железная рамка от пряжки, деталь бронзового украше-

ния (рис.8-10, 15), железные накладки с подвесками (тип Б4) от конской упряжи (рис.8-11,12), встреченные и в слое и в сооружениях. Данный уровень сопоставим со 2 штыком выборки культурного слоя и датируется концом XI — началом XII века. Верхние отложения этого слоя относятся к XII в.

В слое темно-серой супеси, мощностью до 35-40 см, найдены стеклянная желтая, круглая, зонная бусина (рис.8-7) однотипная с бусами (рис.8-6,8) из сооружений (раскоп II), и мозаичная из западины в нижнем горизонте слоя (раскоп III), встречающиеся с конца XI века. Датируется слой XI в, преимущественно, серединой — 2 половиной столетия. В сооружениях, на раскопах Мурзихинского селища найдены — костяной затыльник от ножа (рис.8-2, раскоп III), костяной наконечник стрелы (рис.8-4), бусы (рис.8-5,6), в том числе и бусина —«лимонка», датирующаяся X-XI вв.; железная накладка (тип Б4 — рис.8-11) и серебряный перстень (рис.8-14; раскоп III).

Стратиграфически, и по находкам, ямы датируются концом XI — началом XII в. Наиболее ранние сооружения были построены в начале XI в. (яма 5, раскоп II), когда только начиналось формирование отложений культурного слоя. В слое начала XII в. найдено железное сверло (рис.8-13). Основной материал раскопов не выходит за рамки XII столетия. Кроме того, в нижнем горизонте темно-серой супеси зафиксированы находки керамики эпохи бронзы (рис.8-24), а в подъемном материале найдены кремневые изделия этого времени (рис.8-28). Дату XI век — дают аналогии древнерусским сосудам из стратиграфического горизонта 2 половины XI в.

Интерес представляют фрагменты толстостенных лепных с примесью среднего шамота и, видимо, дресвы сосудов, орнаментированных грубыми двойными линиями «псевдоромбическим» рисунком (рис.8-24), а также отисками полой тростинки (рис.8-23) найденные в раскопе III и вероятно, связанные с кочевым миром. При раскопках найден фрагмент кругового сосуда с процаррапанным рисунком (рис.8-27). Из подъемного материала происходят бронзовые украшения финского круга — сюльгама (рис.8-17), часть шумящего украшения (рис.8-18).

Для славянских и финских памятников XII в. характерна техника изготовления литой бронзовой пряжки лировидного типа (рис.8-66) с селища. Здесь же обнаружен серебряный шатон со вставкой и треугольными пирамидками зерни (рис.8-15), а также браслеты — витые из четырех, спаренных по две, медных проволок (рис.8-23); кованые пластинчатые, украшенные пунсонным рисунком (рис.8-22) и литье из золотистой бронзы (рис.8-19, 20). Причем, один из последних подработан ковкой при разогреве заготовки (расковка лопасти браслета) и украшен циркульным орнаментом (рис.8-20). Датируются они XI-XII вв. таким образом основная масса подъемного материала с селища относится к XI-XII вв.

VI Алексеевское селище (рис.1-I, №8). Раскопами в 1992 г. здесь вскрыто 593 кв.м. Анализ материала позволил выявить комплексы середины — 2 половины XI века («А»), конца XI — первой трети XII в. («Б») и 1-2 трети XII века («В»)¹¹⁵. Предметы «аскиз-

ского» облика встречаются на памятнике в слоях и сооружениях второй половины XI — начала XII вв. (рис.23-1-4, 13). Второй половиной XI — началом XII в. датируется тот тип вятического височного кольца, которое было найдено на селище (рис.8-75).

Остоловское (Речное) селище (рис.1-1, №4). Раскопами 1997, 1999 гг. изучено 268 кв. м. Железные пряжки (тип В1) и накладки типа Б4 найдены в слоях XI — рубежа XI-XII вв.; в слое начала — 1 половины XII в., а так же в отложениях середины — 3 четверти XII в. Подъемный материал, в основном, относится к X-XII вв. (рис.8-61-65). Показательно височное кольцо смоленско-полоцких кривечей XI-XII вв.¹¹⁶ (рис.8-65).

Чакма (Лаишевское селище) (рис.1-1, №1). Ранняя дата селища Чакма устанавливается по находке «костылька» (рис.8-34), аналогичному изделиям из Большетарханского могильника. К первой половине XI в. можно отнести находки части куфического дирхема (рис.8-33) на селище. Подавляющая часть материала с памятника относится к XII — середине XIII в. (рис.8-35, 37, 45, 51-60) причем, характер его позволяет предположить, что селище являлось ремесленным сельским центром¹¹⁷, и местом торговли. Об этом свидетельствуют находки частей серебряных (рис.8-38-40), и медных с золотой фольгой (рис.8-41, 42) украшений, привезенных из городских центров. На Чакме встречаются и предметы распространенные в ордынское время (рис.8-48, 50, 47, 44). Вместе с тем, анализируя состав подъемного материала можно говорить, что расцвет ремесленной деятельности на селище относится к домонгольскому времени¹¹⁸.

Интересный материал дала постройка № XVII в западной части Чакмы (Лаишевское селище). Здесь вместе с другими вещами была найдена накладка типа Б19. По составу изделий постройка датируется XII в.

VI Рождественское селище (рис.1-1, №5). Материал конца X-XI вв. выявлен на этом памятнике (рис.8-67-73). **Билярское городище. (рис.1-1, №12).** Пряжка типа В1 найдена в слое XII века.

Итак, анализ археологических данных свидетельствует о том, что выявленные предметы «аскизского» облика появляются и бытуют на булгарских памятниках с XI по XII вв. включительно.

Хронология. Таким образом, появление наборов с железными накладками и соответствующими им типами пряжек приходится на середину — вторую половину XI в. Прослежена и такая хронологическая особенность пряжек как массивность щитка (плоский или объемный). Причем, если на рубеже XI-XII вв. распространяются пряжки с плоским щитком, то уже в первой половине XII столетия появляются объемные щитки, а так же щитки с вильчатым завершением. Объемные щитки пряжек с неподвижным и шарнирным щитком в это время, как правило, имеет четкое оформление окончания шлемовидной или килевидной формы.

Анализ материала показывает, что в материальной культуре народов региона четко прослеживается «аскизская линия» прежде всего в

железных предметах связанных с конской упряжью и деталями костюма. Остается ли это единственным такого рода примером или имеются еще какие-либо следы этнокультурных заимствований?

Тюркский пласт в древностях региона¹¹⁹.

«Аскизский стиль». Интересной особенностью рассматриваемых материалов является наличие бронзовых аналогов железным щитковым пряжкам «аскизско-булгарского типа» с вильчатым окончанием, кроме поделок копирующих чисто «аскизские» изделия (рис.18-1-4). Отметим, что бронзовые пряжки автоматически копируют железные прототипы, вплоть до пазов с тыльной стороны (рис.18-3). Причем такое «освоение» моды происходит уже в момент когда сформировался «булгарский тип» железных изделий.

Интересны накладки — распределители уздечного ремня с парными прорезями и рубчатой перемычкой между ними. Этот комплект включает в себя наконечник ремня и накладку выполненные в этом же стиле (рис.22-4-8). Характерна стилизация форм окончаний — от «фигурноскобчатых» к зубчатым прорезям. Предметы этого набора плоские с тыльной стороны, за исключением прорезей и «гребешков». Материал из которого они выполнены — скорее всего латунь, имитирующая серебро или сталь, поскольку поверхность их до сих пор имеет белесоватый оттенок, что видимо связано с определенным содержанием цинка с сплаве.

Из этого же материала сделаны накладки и пряжки геометрической формы с орнаментом в виде рельефных насечек (рис.22-16-24).

«Огузо-кимакский стиль». Эта тема связана с проблемой атрибуции значительного количества фигурно-прорезных накладок, в массе представленных в музейных коллекциях с булгарских памятников и прежде всего с Булгарского городища¹²⁰.

Фигурно-прорезные накладки в том виде в котором мы сейчас можем исследовать (рис.21-1-21) являются результатом стилистической «обработки» растительных орнаментальных композиций в булгаро-финско-угорской среде. Отсюда — наличие растительных мотивов, характерных для исламского искусства, при сохранении общей композиции, характерной для оформления ряда венгерских изделий (рис.22-Д, Е, Ж). Вместе с тем, наблюдается процесс «модных» трансформаций — наличие железных аналогов бронзовым «гибридам» (рис.5. тип Д15, Д16, Д19).

В качестве определенного прототипа таких изделий можно отметить железные пряжку и накладки выполненные в этом стиле (рис.22-И, К) из кургана близ с. Пчела Бухтарминского района Восточно-Казахстанской области, датированного VIII-X вв. н.э. Ф.Х.Арсланова считает такие изделия изготовленными кимакскими мастерами Прииртышья и усматривает в них стилизованные мотивы сюжетов искусства Ближнего Востока, в частности образ Сэнмурва¹²¹.

Значительное число фигурно-прорезных пряжек и накладок имеется в погребальных памятниках финно-пермского круга. Однако, проникновение таких наборов в финно-пермскую среду не оказало определяющего влияния на местные традиции. Изменилась прежде всего смысловая нагрузка изделий — они стали украшением костю-

ма. Отметим, также тот факт, что обмен «новшествиями» был взаимным. Аналогичный набор изделий, включая «этнические» украшения выявлен на булгарских памятниках¹²².

В вымских могильниках фигурно-прорезные накладки встречены в одном комплексе с накладками с рельефным орнаментом и с предметами булгарского происхождения (например погребение 124 Ыджыдъельского могильника: рис.21-Б, В, Д, Е, Ж), и датируются XI-XII вв.¹²³ Интересен поясной набор из погребения 20 и 24 Лоемского могильника в Прилузском районе Республики Коми, включающий характерные типы бронзовых накладок и пряжек (рис.21-А, Г). Аналогичные изделия фигурно-прорезные и с объемным декором найдены также в погребениях 27, 5, 34 того же могильника¹²⁴. Э.А.Савельева датирует его XIII-XIV вв., хотя здесь встречаются вещи и более ранних типов¹²⁵. Исходя из имеющихся материалов можно предположить, что данный поясной набор сложился не ранее середины XI века и бытовал вплоть до XIII в. Косвенно это подтверждают и находки из Муранского могильника (рис.21, З-Н)¹²⁶.

«Киданьско-чжурченский стиль». Накладки и пряжки с «рубчатым орнаментом» и фигурным краем (рис.22-13-15). Накладки этого типа встречаются и на верхней Волге¹²⁷. Аналогии им есть памятниках приамурских чжурченей¹²⁸ (рис.22-А, Б). Такие же аналогии можно привести и для одной накладки с фигурными краями и прорезью для ремня¹²⁹ (рис.22-29, Г), а так же фрагментам пряжек оригинальной формы (рис.22-19, 20, В). Последние пряжки имеют латунный (?) щиток и железный язычок.

«Монгольско-китайский стиль». Интересен набор накладок с подвесками (рис.22-1-3) имеющих аналогии в предметах близких к китайскому искусству. Схожие изделия встречены в ордынских древностях¹³⁰. (рис.22-3).

«Гунно-финский стиль». Другой темой является происхождение накладок с кольцами, использовавшиеся для крепления различных предметов в сбруе и в качестве украшения. И.Л.Кызласов отмечает их западное происхождение¹³¹, но оговаривается, что там они связаны в основном с поясом, а в асизской культуре они уже железные и имеют типичное для этой культуры оформление¹³². Показательно, что использование бляшек с кольцами для украшения ремней оголовья (трензельных поводьев) известно у мордвы с IV-V вв.¹³³ Не менее широко этот тип украшений был распространен в среде финских племен. Своебразный тип шарнирных подвесок (Б5) имеет близкие прототипы в подвесных двойных ремешках с бронзовыми наконечниками VI-VII вв. рязано-окских могильников¹³⁴. Вместе с тем, для ряда памятников южного Зауралья III-V вв. «гунно-сарматского круга» (по С.Г.Боталову и Н.А.Полушкину) так же характерны накладки с кольцами и шарнирные подвески¹³⁵. Для более определенных выводов о истоках и эволюции этих изделий необходимо специальное исследование.

Таким образом рассмотренные материалы позволяют сделать несколько выводов. Во первых, сравнение булгарских изделий «асиз-

ских истоков»¹³⁶ с находками с сопредельных территорий, показало наличие близких вещевых комплексов, включающих железные пряжки и накладки, в материалах финских памятников XI-XIII вв. Отличительной особенностью большей части финских материалов является функциональное использование железной гарнитуры для украшения поясного ремня. Имеются отличия в способах крепления щитка и рамки пряжки, а так же в составе поясного набора.

Во вторых, комплексный анализ материалов с памятников финского круга свидетельствует о многочисленных параллелях в оформлении ряда украшений с кочевым, тюркским миром. Проникновение это было обусловлено определенной «модой» на такие украшения, чему, вероятно, во многом способствовала как собственная культурная традиция (прорезные накладки и пряжки поломской и неволинской культур, украшения с подвесками у поволжских финнов с азелинского времени), так и взаимодействие с булгарским ремеслом.

В третьих, появление у булгар в XI в. железной поясной гарнитуры совпадает и с изменениями в оформлении и бронзовых изделий этого типа¹³⁷. Кроме того, сопоставление рассматриваемых находок и групп керамики на булгарских памятниках¹³⁸ показало, что предметы «аскизского типа» четко коррелируются с рядом керамических форм, в частности с рядом типов керамики XIII ЭКГ (этнокультурной группы) — тип «джукетау» (рис. 23; 24-9, 10). Причем такая связь отмечена на ряде исследованных поселений (рис. 26). Отметим, что по данным Т.А.Хлебниковой и Н.А.Кокориной в формировании ряда этнокультурных групп булгарской посуды были определяющими огузо-печенежские и кипчакские влияния¹³⁹.

В четвертых, распространение легкого типа уздечки на обширной территории Волго-Камья в X-XIII вв. с характерными железными деталями в какой-то мере увязывается со степными реминисценциями у балто-финских народов. Отдельно это явление исследовано В.И.Кулаковым у средневековых сембов в Прибалтике (Калининградская область). По мнению исследователя, для X-XI вв. проникновение элементов степной культуры связано с непосредственными контактами сембов через участие их в составе дружин киевских и булгарских князей¹⁴⁰. Кроме приемов таушировки¹⁴¹, железных деталей конской уздечки¹⁴² практически, все разнообразие прусских стремян восходит к тюркским и протомадьярским прототипам VIII-X вв. (Кулаков В.И., 1994, с.110).

В целом, анализ материалов Поволжья и Прикамья показывает что многие элементы средневековой материальной культуры народов региона формировались на многокомпонентной основе, существенную роль на складывание которой оказал тюркский мир. Этот специфический этнокультурный симбиоз особенно ярко прослеживается прежде всего на выразительных предметах «аскизского круга». Показательно, что тюркские заимствования оказывались очень устойчивыми и как явление моды имели место в течение почти полутора столетий, претерпев изменения в функциональной сфере (у финских

народов), приобретя местные стилистические и технологические особенности (Среднее Поволжье — Волжская Булгария) при местном производстве изделий такого типа.

Для понимания этого культурного феномена необходимы дополнительные комплексные исследования археологических материалов региона.

Примечания:

¹ Кызласов И.Л., 1983. Аскизская культура южной Сибири X-XIV вв. М. / САИ, вып.Е3-18.

Ю.С.Худяков рассматривает археологические материалы XI-XII вв. в Туве и Минусинской котловине под наименованием памятников эпохи «сүүктэр», подвергая сомнению правомерность выделения хронологических рамок и интерпретации памятников относимых к «аскизской культуре» (Худяков Ю.С. Кыргызы на Енисее. Новосибирск. — 1986. — 79 с.). Д.Г.Савинов высказал предположение о двух вариантах археологической культуры на Енисее XI-XII вв. — тувинском и минусинском, относящихся к домонгольскому времени. Позднее он рассматривает, три этапа аскизской культуры, принимая названия данные И.Л.Кызласовым — эйлигхеймский, малиновский и каменский, но ограничивая верхний предел их рамками XIII в. (Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994. — с.151).

² Например: Мештерхази К. Памятники аскизской культуры у с. Ракмаз (Венгрия) // Проблемы археологии Евразии. Советско-венгерский сборник. Кемерово, 1984.

³ Савинов Д.Г. Государства и культурогенез... — с.152 (приведена литература). Кызласов И.Л. Пребывание древних хакасов в Восточной Европе (конец X — начало XIII вв.) // Славяне и их соседи (тезисы 17 конференции) Славяне и кочевой мир. Средние века — раннее — Новое время. М.: ин-т славяноведения РАН. — 1998; Кызласов И.Л. Следы пребывания древних хакасов в городах Руси XI-XIII вв. // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Спб. — Псков, 1997, т.1.

⁴ Гришаков В.В. Два погребения с саблями из Мордовско-Паркинского могильника // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Труды. вып.107. Саранск, 1992

⁵ Руденко К.А. Культура кочевников и Волжская Булгария в XII-XIV вв. (по археологическим данным) // Сборник тезисов региональной научной конференции «Проблемы взаимодействия национальных культур» (межэтнические общения в полигэтничном регионе). Часть 2. Астрахань, 1995. — с.64-65; Казаков Е.П. Об этнокультурных компонентах народов юго-восточной Европы в Волжской Булгарии (по археологическим материалам) // Татарская археология, 1997, №1. — с.66, рис.7; Руденко К.А. К вопросу о взаимодействии волжских булгар с поволжскими и прикамскими финнами в XII-XIV вв. (по материалам селищ) // Finno-Ugrica, 1998, № 1(2), с.17-18, рис.3; Руденко К.А. «Аскизский» вопрос в археологии Приуралья // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф.Генинга. Часть 1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. Материалы конференции. Екатеринбург, 1999. — с.115-119.

⁶ Архипов Г.А. Марийцы XII-XIII вв. (к этнокультурной истории Поветлюжья) Йошкар-Ола. — 1996; Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI-XIII вв. Ижевск. — 1992; Мартынов В.Н. Захо-

- ронения коней в могильниках мордвы левобережья р.Теши в конце I — начале II тыс. н.э. // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Труды, вып.107. — Саранск. — 1992.
- ⁷ Бусыгин Е.П. Русское сельское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры. (середина XIX — начало XX вв.). Казань, 1966. — с.4, 5.
- ⁸ Не все рассматриваемые детали конской упряжи относятся к «аскизскому» кругу — имеется целый ряд типов очень широко распространенных во времени и пространстве. Изделия «аскизского типа» специально оговариваются в описании, а типы помечены звездочкой (*).
- ⁹ Руденко К.А. К вопросу о взаимодействии волжских булгар с поволжскими и прикамскими финнами в XII-XIV вв. (по материалам селищ) // Finno-Ugrica, 1998, № 1(2), с.18
- ¹⁰ Руденко К.А. Некоторые итоги исследований булгарских памятников Нижнего Прикамья в 1988-1998 гг. // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тезисы. М. — 1999. — с.101-103.
- ¹¹ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М, 1966.
- ¹² Размеры изделий: ширина, высота и толщина. Высотный показатель включает в себя и размер подвесок (колечки и стреженьки).
- ¹³ Кирпичников А.Н., Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. Л.: Наука. 1973 / САИ, вып. Е1-36. — с.77.
- ¹⁴ Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. — табл. XI-17. — с.54.
- ¹⁵ Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997. — рис.121-12-16; Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ук. соч. — табл.XI-17.
- ¹⁶ Мартынов В.Н. Захоронения коней в могильниках мордвы левобережья р.Теши в конце I — начале II тыс.н.э. // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. / Труды НИИЯЛИ, вып.107. Саранск 1992. — табл. II-6; III-7, 8, 13; VII-5.
- ¹⁷ Кирпичников А.Н., Ук. соч. — с.77, рис.43-6.
- ¹⁸ Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. (этапы этнокультурной истории). М.: Наука. 1992. — рис.58-4.
- ¹⁹ Мартынов В.Н. Ук. соч. — табл.IV-16; Плетнева С.А. Древности черных клубков М.: Наука, 1973 / САИ, вып.Е1-19; Федоров — Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М 1966, тип III; Казаков Е.П., Коминтерновское II селище // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань. 1993. — рис.5-23.
- ²⁰ Например: Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М.: Наука 1981. — рис.75-1.
- ²¹ Кирпичников А.Н. Ук. соч. — с.77. рис.43-4.
- ²² Хузин Ф.Ш., Великий город и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань. 1988. — рис.2. Билярское городище. кв. V/12 раскопа XXXVIII Билярского городища. Глубина 30 см (инв.№ 1390).
- ²³ Мажитов Н.А. Ук. соч. — рис.75-4.
- ²⁴ Гришаков В.В. Ук. соч. — табл.IV-6.
- ²⁵ Руденко К.А. Отчет о археологических работах в Татарстане в 1995 году. Казань, 1995; он же Отчет о археологических работах в Татарии в 1996 г. Т.1. (раскопки археологических памятников). Казань, 1996; он же. Отчет об исследованиях археологических памятников в Татарстане

- в1997 г. Часть II. Казань, 1998 г.; он же. Отчет о раскопках Остолоповского селища в Алексеевском районе Татарстана в 1999 году. Казань, 2000 / Архив ИА РАН; он же. Датировка находок «аскизского круга» из Волжской Булгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань, 2000. — С.47-127.
- ²⁶ Кокорина Н.А. Гончарные горны Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань. 1983. — рис.3-19, с.64.
- ²⁷ Архипов Г.А., Марийцы XII-XIII вв. (К этнокультурной истории Поволжья). Йошкар-Ола. 1986, рис. 34-8.
- ²⁸ Архипов Г.А., Марийцы XII-XIII вв. (К этнокультурной истории Поволжья). Йошкар-Ола. 1986. — рис.34-6,7.
- ²⁹ Архипов Г.А., Марийцы XII-XIII вв. (К этнокультурной истории Поволжья). Йошкар-Ола.-1986. — рис.7-Б.
- ³⁰ Макаров Л.Д. Древнерусские памятники среднего течения реки Пижмы // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола, 1994 / АЭМК, вып.23, рис.3-16.
- ³¹ Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г., Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959-1966 гг. // Поволжье в Средние века. М.: Наука.1970, табл. IV-13.
- ³² Фонды кабинета археологии Пензенского педагогического института: ГКМ-1, 3756, 31675, 311741. Аналогичные найдены на Мурзихинском селище: рис.12-25, 32.
- ³³ Кызласов И.Л. Ук. соч. — с.35.
- ³⁴ Аналогии: Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. Новосибирск: Наука, 1982. — рис.86-5; 88-8; 105-4
- ³⁵ Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Ук. соч. — табл. V-10.
- ³⁶ Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. Новосибирск: Наука, 1982. — рис.85-1,2.
- ³⁷ Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI-XIII вв. Ижевск, 1992. — рис.18.
- ³⁸ Иванова М.Г. Погребальные памятники... Ижевск, 1992.
- ³⁹ Стремена имеющие аналогии в аскизских древностях отмечены звездочкой (*).
- ⁴⁰ Типология стремян разработана Г.А.Федоровым —Давыдовым (Федоров-Давыдов Г.А., Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М, 1966) А.Н.Кирпичниковым (Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX-XIII вв. — Л., 1973 / САИ, вып. Е1-36. — с. 50-54). В данном случае использовалась типология Г.А.Федорова-Давыдова.
- ⁴¹ Кирпичников А.Н. Ук. соч, табл.XV-7, 8, 9, с.51.
- ⁴² Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). — М.: Наука, 1988. — С.26, 27.
- ⁴³ Кирпичников А.Н. Ук. соч. — с.45,54, рис.29.
- ⁴⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Ук. соч. — с.116.
- ⁴⁵ Руденко К.А.,Булгарская металлобработка в золотоордынский период // Историко-археологическое изучение Поволжья. — Йошкар-ола, 1994. — рис. XL-1-4.
- ⁴⁶ Халиков А.Х. Семеновский клад железных изделий // Из истории ранних булгар. — Казань, 1981. — С.103, рис.1-31-34.
- ⁴⁷ Казаков Е.П. Булгарские памятники приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань. — 1988. — С.79, рис.3-33.

- ⁴⁸ Кирпичников А.Н. Ук.соч., С.50; Федоров-Давыдов Г.А. Ук.соч., с.115.
- ⁴⁹ Кирпичников А.Н. Снаряжение ... — с.52, 53.
- ⁵⁰ В какой-то мере форма и стиль орнамента близки аскизскими образцам: Кызласов И.Л. Аскизская культура....табл. XVI.
- ⁵¹ Руденко К.А. Могильник на острове «Песчаный» // Татарская археология, № 1-2 (4-5). — Казань. 1999. — С.61-76, рис.3-1, 2; 5-1, 2.
- ⁵² Использованы классификационные признаки Г.А.Федорова-Давыдова уже применявшиеся при систематизации удил из Биляра. Федоров-Давыдов Г.А. Ук. соч., с16-20; Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X-XIII вв. М, 1985. — с.193.
- ⁵³ Казаков Е.П. Булгарское село. — с.105, рис.36.
- ⁵⁴ прототипы их есть в материалах памятников Южной Сибири IX-X вв.: Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате... — рис.5-2.
- ⁵⁵ Плоские псалии с 2 прорезями отмечают принципиальное новшество — распространение удил с упором (в Минусинской котловине с XI в.): Савинов Д.Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие н.э.) // Советская этнография, 1977, №1, с.40.
- ⁵⁶ Федоров-Давыдов Г.А. Ук. соч... — с.18, 115.
- ⁵⁷ Культура Биляра... с.195.
- ⁵⁸ Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии. М.: Наука, 1993.
- ⁵⁹ Казаков Е.П. Булгарское село... — с.105, рис.36-30. Культура Биляра... с.197, табл.LXV-6.
- ⁶⁰ Савинов Д.Г., Ук. соч. — с.31-47, рис.8.
- ⁶¹ Кирпичников А.Н. Ук. соч., с.17.
- ⁶² Культура Биляра... с.199.
- ⁶³ Снаряжение верховой лошади подразделяется на средства управления, средства предохранения лошади и средства обеспечивающие удобное положение всадника. Средства управления лошадью: уздечка, состоящие из удил (трензеля), повода и оголовья (в данном случае — трензельного) (Книга о лошади. использование лошади и уход за нею. т.IV. М. с.134). Оголовье (рис.15-I) состоит из 2 нащечных, суголовного (затылочного), налобного и подбородного, переносного (нахрапного) капсуля. К этому разделу нужно отнести шпоры, корду (тесьянную ленту с ремнем и пряжкой на одном конце) и бич (плетку-камчу) в разных системах оголовья могли использоваться ремни в разном сочетании (Ковалевская В.Б. Конь и всадник. Пути и судьбы. М, 1977, с.15). Средства предохранения лошади: попона. Средства обеспечивающие удобное положение всадника: седло и путлище со стременами. Сюда же относятся подпруги (пристегивающиеся к приструже).
- ⁶⁴ В частности на материалы деталей оголовья из Николаевки (Кирпичников А.Н., Снаряжение... — табл.XII, рис.15, с.31). или на многочисленные и детальные реконструкции оголовий из могильников пруссов (например: Кулаков В.И. Прусы (V-XIII вв.). М.: «Геоэко». 1994, рис.55) Правда стоит отметить, что не имея ни одного собственно булгарского целого комплекса данная реконструкция будет достаточно условной.
- ⁶⁵ Соединительные детали ремней оголовья в ордынское время так же несколько отличны от домонгольских (рис.19-15).
- ⁶⁶ Казаков Е.П., Руденко К.А., Беговатов Е.А. Мурзихинское селище // Древние памятники приустьевого Закамья. Казань, 1993. — с.42-66.
- ⁶⁷ Кирпичников А.Н. Снаряжение... — с.31.
- ⁶⁸ Казаков Е.П., Культура ранней Волжской Болгарии.(этапы этнокультурной истории). М.: Наука. 1992. — с.155, рис.58-7, 8.
- ⁶⁹ Иванова М.Г., Погребальные.. — рис.19.

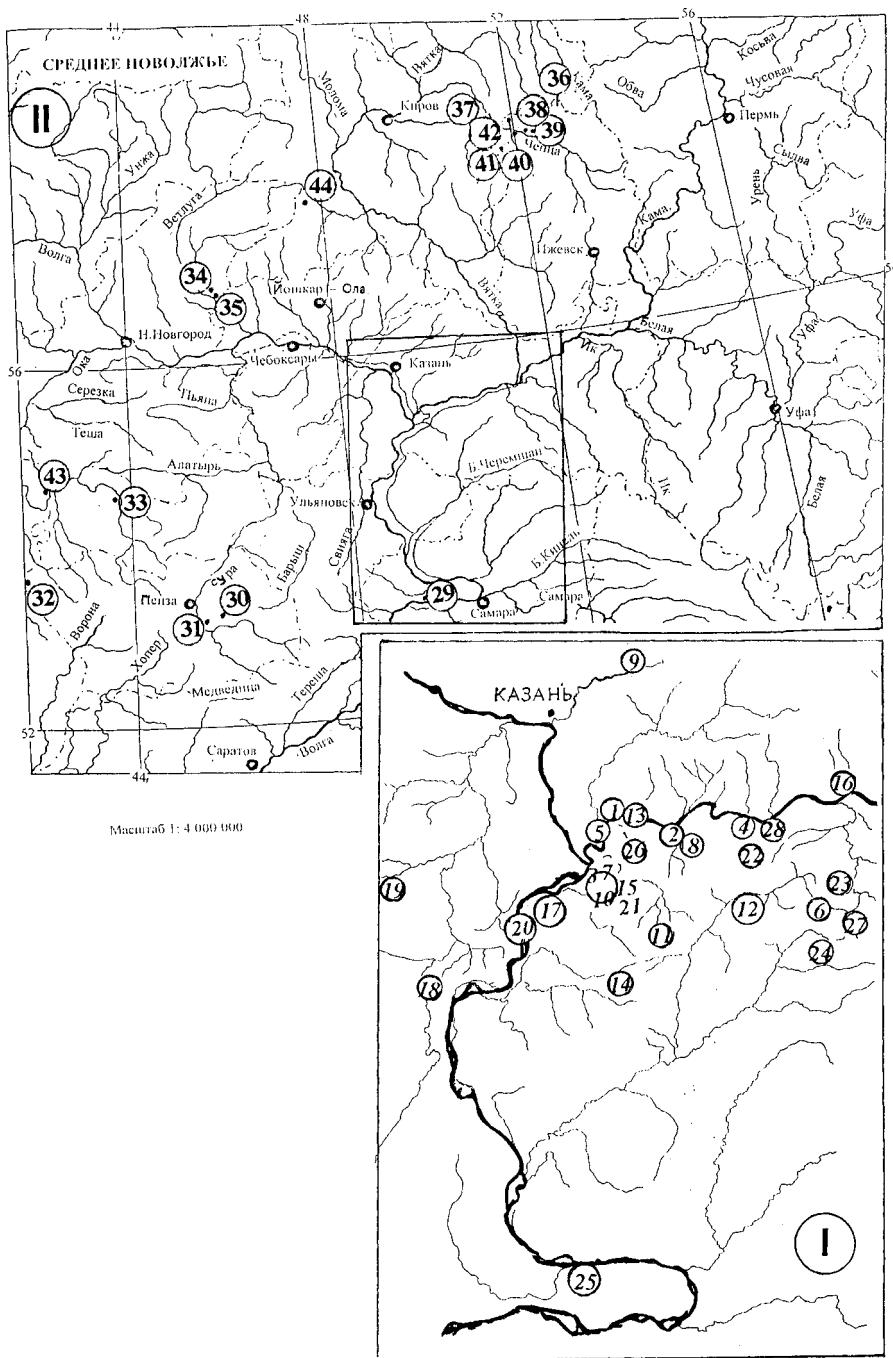
- ⁷⁰ Халикова Е.А. Билярские некрополи // Исследования Великого города. М.: Наука. 1976. — рис.68.
- ⁷¹ Павлинская Л.Р. Некоторые вопросы техники и технологии художественной обработки металлов // Материальная и духовная культура народов Сибири. Л.: Наука. — с.71-85.
- ⁷² Павлинская Л.Р. Художественный металл как источник для изучения этнокультурных контактов // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л.: Наука, 1984. — с.99-113.
- ⁷³ Павлинская Л.Р. Художественный металл..
- ⁷⁴ Павлинская Л.Р. Художественный металл... — с.112.
- ⁷⁵ Как отметила Г.А.Пугаченкова, на миниатюрах монгольской школы XIII-XIV вв. традиционный костюм монгольской знати использует в качестве пояса узкий кожаный ремешок без накладных украшений. Пояса с фигурными пряжками, нередко в виде розеток появляются только в нарядном городском костюме, но там ни характеризуют иную культурно-историческую среду. Пугаченкова Г.А. Погребение монгольского времени в Халчаяне // СА, №2, 1967. — с.256.
- ⁷⁶ Часть материала из данной коллекции может относиться к находкам из Билярского городища.
- ⁷⁷ Накладка плоская (тип Б2а) с тонкими, проработанными деталями. Выделяется фигурное завершение окончаний изделия: фигуроскошатое с одной стороны и шлемовидное со стилизацией «растительного мотива» с другой.
- ⁷⁸ пряжка — ГМТР, А-19-635.
- ⁷⁹ ГМТР, А-19-279
- ⁸⁰ ГМТР, А-19-274.
- ⁸¹ ГМТР, А-19-631.
- ⁸² ГМТР, А-19-233.
- ⁸³ ГМТР, А-19 — 284, 286, 287, 289, 290.
- ⁸⁴ Отчет ИАК за 1895 г. СПб. (в Чердынском у. Из сборов Береженцева), с.71. рис.175.
- ⁸⁵ Руденко К.А. Датировка находок «аскизского круга» из Волжской Булгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань, 2000. — С.56-64. рис.10-15.
- ⁸⁶ Названия типов даются по Ю.С.Худякову: Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. VI-XII вв. Новосибирск. 1980. — с.79, табл.XIX.
- ⁸⁷ В частности на мордовских памятниках: Циркин А.В. Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н.э. Красноярск, 1987. — с.207, 213.
- ⁸⁸ Циркин А.В. Материальная культура... — с.63. выделен 1 тип (группа III, отдел А).
- ⁸⁹ Архипов Г.А., Марийцы XII-XIII вв. — рис.34:6-9.
- ⁹⁰ Архипов Г.А., Марийцы XII-XIII вв — рис.34-10.
- ⁹¹ Иванова М.Г., Погребальные... — с.50-51.
- ⁹² Иванова М.Г. Погребальные... — с.55.
- ⁹³ Кузьминский могильник (раскопки М.Г.Ивановой) Коллекция АК Удм ИЯЛ. № 136/752, 745.
- ⁹⁴ Кузьминский могильник (раскопки М.Г.Ивановой) Коллекция АК Удм ИЯЛ. № 136/7503, 7505.
- ⁹⁵ Кузьминский могильник (раскопки М.Г.Ивановой) Коллекция АК Удм ИЯЛ. № 136/7471-78
- ⁹⁶ Иванова М.Г., Погребальные. — рис.18:19.
- ⁹⁷ Иванова М.Г., Погребальные. — рис.32:21.
- ⁹⁸ Например погребение № 186 Кузьминского могильника (раскопки М.Г.Ива-

- новой). Здесь найден фрагмент кольчатаых удил: АК Удм ИЯЛ. № 136/7081.
- ⁹⁹ Голдина Р.Д., Кананин В.А.. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989. — с.39, рис.65:16.
- ¹⁰⁰ Мартынов В.Н. Археологические памятники мордвы конца I — начала II тысячелетия в Горьковской области // Материалы по археологии Мордовии. Труды. вып.85. Саранск, 1988. — с.123, табл. VI:3.
- ¹⁰¹ Гришаков В.В. Два погребения с саблями из Мордовско-Паркинского могильника // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Труды. вып.107. Саранск, 1992. — табл. IV: 6-9.
- ¹⁰² Циркин А.В. Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н.э. Красноярск, 1987, с.63, рис.19-8.
- ¹⁰³ (Иванов П.П.) Материалы по истории мордвы VII-XI вв. Дневник археологических раскопок П.П.Иванова). Моршанская, 1952. / Крюково-кужновский могильник. — с.9.
- ¹⁰⁴ Мартынов В.Н. Захоронения коней в могильниках мордвы левобережья р. Теши в конце I — начале II тысячелетия н.э. // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Труды . вып. 107. Саранск. 1992. — с.57.
- ¹⁰⁵ Гришаков В.В. Конские погребения VIII — первой половины X вв. Чулковского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. — с.132.
- ¹⁰⁶ Гришаков В.В. Конские... — с.133.
- ¹⁰⁷ Успенская А.В. Женское погребение с конем X в. из Березовецкого могильника // Новое в археологии. М., 1972. — с.136.
- ¹⁰⁸ Прошкин О.Л., 1995. О некоторых курганных погребениях верхнего Поочья и Верхнего Подесенья // Археологические памятники Среднего Поочья. Труды. Вып.4. Рязань. 1995, с.118.
- ¹⁰⁹ Циркин А.В. Материальная культура... — с.213-214.
- ¹¹⁰ Технологический анализ инструментов слесаря провел Ю.А.Семыкин: Семыкин Ю.А., Казаков Е.П. Технология кузнецного производства на сельских поселениях домонгольской Волжской Болгарии // Краеведческие записки Ульяновского областного краеведческого музея. вып.8. Ульяновск. 1989. — с.128; Семыкин Ю.А. Технология кузнецного производства Биляра // Биляр-столица домонгольской Булгарии. Казань, 1991. — 88-89; Семыкин Ю.А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. — с.137.
- ¹¹¹ Коллекция АК Удм.ИЯЛ, №50-3355
- ¹¹² Коллекция АК Удм.ИЯЛ, №50-1024.
- ¹¹³ Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М: Металлургия, 1997. — с.228-231.
- ¹¹⁴ Семыкин Ю.А. Технология... Биляра. — с.95.
- ¹¹⁵ Руденко К.А. К вопросу о хронологии булгарских древностей (по материалам селищ Алексеевского района) // Биляр и Волжская Булгария. Изучение и охрана археологических памятников. Тезисы. Казань, 1997, с.74-76. Руденко К.А. VI Алексеевское селище. Казань, 2000. — с.33-40.
- ¹¹⁶ Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982. — табл. XLVIII.
- ¹¹⁷ Руденко К.А. Булгарское ремесло XII-XIV вв. (по археологическим данным) // Всероссийская научно-практическая конференция «Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана».

- 12-14 сентября 1995 года. Материалы. Казань, 1997. — с.40, 41.
- ¹¹⁸ Руденко К.А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI-XIV вв. (на примере Лайшевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы международного полевого семинара, посвященного 100 летию со дня рождения А.П.Смирнова и 25 летию исследований городища Иднакар. Ижевск-Глазов, 1999. — с.73-102.
- ¹¹⁹ Более детальный анализ булгарских украшений из цветного металла будет дан в отдельной статье.
- ¹²⁰ ГМТР, 7719. Коллекция А.Ф.Лихачева.
- ¹²¹ Арсланова Ф.Х. Пряжки «византийского» типа из Прииртышья // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984. — с.126, 127, рис.2.
- ¹²² Руденко К.А. К вопросу о верованиях сельского населения низовьев р. Кама в XI — середине XIII вв. // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (К 450-летию преподобного Трифона, Вятского чудотворца). Материалы Международной научной конференции. Том 1. Киров, 1996. — с.151-154.
- ¹²³ Савельева Э.А. Вымские могильники XI-XIV вв. Л., 1987. — с.158.
- ¹²⁴ Савельева Э.А. Лоемский могильник. Этнокультурная принадлежность // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в Северном Приуралье., Сыктывкар, 1995 / Материалы по археологии Европейского Северо-Востока, вып.13. — рис.11-1, 2; рис.10-14, 21, 24, 25.
- ¹²⁵ Савельева Э.А. Лоемский... с.131. Интересна в этом плане бронзовая прорезная накладка (рис.10-22) имеющая аналогии в кочевнических древностях ордынского времени, в частности в погребении близ Тирасполя с монетами 1291-1310 гг. (Фабрициус И.В. Археологическая карта Причерноморья УССР., вып.1. Киев, 1951, табл. XXII-8
- ¹²⁶ Все эти изделия происходят из недокументированных раскопок и сборов конца XIX — начала XX вв. и могут происходить из более ранних, чем ордынские погребения. Этот факт отмечал еще А.П.Смирнов: Смирнов А.П. Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. Казань, 1957. — с.22, 23.
- ¹²⁷ Экспозиция Вологодского краеведческого музея.
- ¹²⁸ Шавкунов Э.В. Культура чжурчженей — удигэ XII-XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990.
- ¹²⁹ Правда сходные украшения можно найти и на памятниках сросткинской культуры.
- ¹³⁰ Белореченские курганы: ОАК за 1896. — СПб, 1898, — рис.25 (раскопки Н.И.Беседовского).
- ¹³¹ Д.Г.Савинов отмечает не разработанность вопроса о происхождении железных изделий аскизской культуры с геометрической системой орнаментации, указывая на возможность «западной линии» их происхождения, а так же отмечая отдельные аналогии в сросткинской культуре (Савинов Д.Г. Государства и культурогенез... — с.146, 147.
- ¹³² Кызласов И.Л. Аскизская..... — с.34.
- ¹³³ Ахмедов И.Р. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники Среднего Поочья. Труды, вып.4. Рязань. 1995. — рис.4:2; 3:9.
- ¹³⁴ Ахмедов И.Р. Из истории... — рис.4-1.
- ¹³⁵ Боталов С.Г. Полушкин Н.А. Гунно-сарматские памятники южного Зауралья III — V вв. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996. — рис.2-20-23, 31. Авторы отмечает аналогии таким предметам в

- материалах азелинской культуры (Там же. — с.184, 186).
- ¹³⁶ Сравнительный анализ булгарских изделий см.: Руденко К.А. К вопросу о взаимодействии волжских булгар с поволжскими и прикамскими финнами в XII-XIV вв. (по материалам селищ) // Finno-Ugrica, № 1(2), с.17-19.
- ¹³⁷ Мурашева В.В. Убор воина и коня в Древней Руси как социально-этническая категория (по материалам наборных украшений X-XIII вв.). Автореф. канд.дис. М. — 1994. — с.21.
- ¹³⁸ Как видно из таблиц по материалам VI Алексеевского селища (рис.23). Отметим, что такая зависимость прослеживается на разных временных отрезках жизни данного поселения.
- ¹³⁹ Кокорина Н.А., Хлебникова Т.А. Керамика тюркоязычного населения Волжской Булгарии X-XIII вв. // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань. — с.109-111.
- ¹⁴⁰ Кулаков В.И., 1986. Степные реминисценции у раннесредневековых сембов // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. — с.145.
- ¹⁴¹ Кулаков В.И., 1990. Древности пруссов VI-XIII вв. М., 1990 / САИ, вып.Г 1-9. — с.37, рис.21. Отметим наличие у сембов достаточно разнообразных типов легкой узды, с деталями изготовленными, в ряде случаев, из железа (тип 4) и украшенных таушировкой. Центром распространения их ранее считался дружиный центр XI-XII вв. в земле аукшайтов.
- ¹⁴² Происхождение железных накладок с квадратными или треугольными боковыми вырезами связывается с вендельскими образцами VIII в.: Кулаков В.И., 1994. Прусы (V-XIII вв.). М.: «Геоэко», 1994. — с.60.

Рис.1. Рассматриваемый географический регион. I — Казанское Поволжье; II — Среднее Поволжье. Расположение памятников упоминающихся в тексте. (I): селища: 1 — Лайшевское (Чакма); 2 — Мурзихинское; 3 — Семеновское II, V; 4 — Остоловское; 5 — Рождественское I, V, VI; 6 — Екатерино-Слободское I, II; 7 — Старокуйбышевское городище, I, IV, V, VII; 8 — Алексеевское VI, XIII; 9 — Русскоурматское; 10 — Измерское; 11 — Старонохратское городище; 12 — Билярское городище; 13 — Кашан I городище; 14 — Суварское городище; 15 — Девичий городок городище; 16 — Дигитлинское городище; 17 — Болгарское городище; 18 — I Красносюндюковское городище; 19 — Тигашевское городище; 20 — Балымерское городище; 21 — Коминтерновское II; 22 — Утяковское; 23 — Сосновское Б; 24 — Новомокшинское IV; 25 — Муромский городок городище; 26 — Городок городище; 27 — Черемухово Слободское городище.
 (II): 29 — Муранский могильник; 30 — Юловское городище; 31 — Золотаревское городище; 32 — Крюково-кужновский могильник; 33 — Мордовско-паркинский могильник; 34 — Выжумский II могильник; 35 — Руткинский могильник; 36 — Аверинский II могильник; 37 — Кузминский могильник; 38 — Маловенижский могильник; 39 — могильник Чемшай; 40 — Чиргинский могильник; 41 — Качкашурский могильник; 42 — городище Иднакар; 43 — Шокшинский могильник; 44 — Еманаевское II селище.

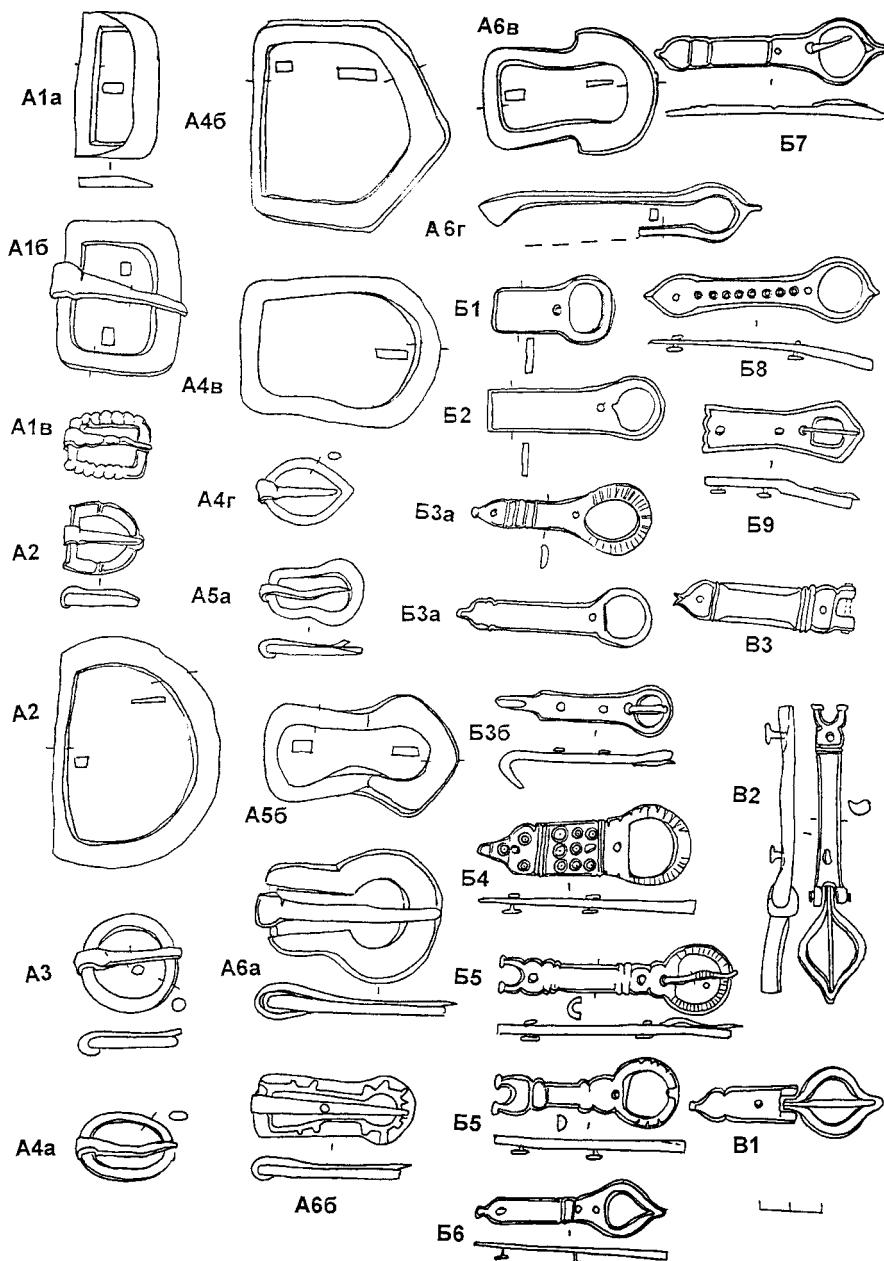

Рис.2. Типы железных пряжек.

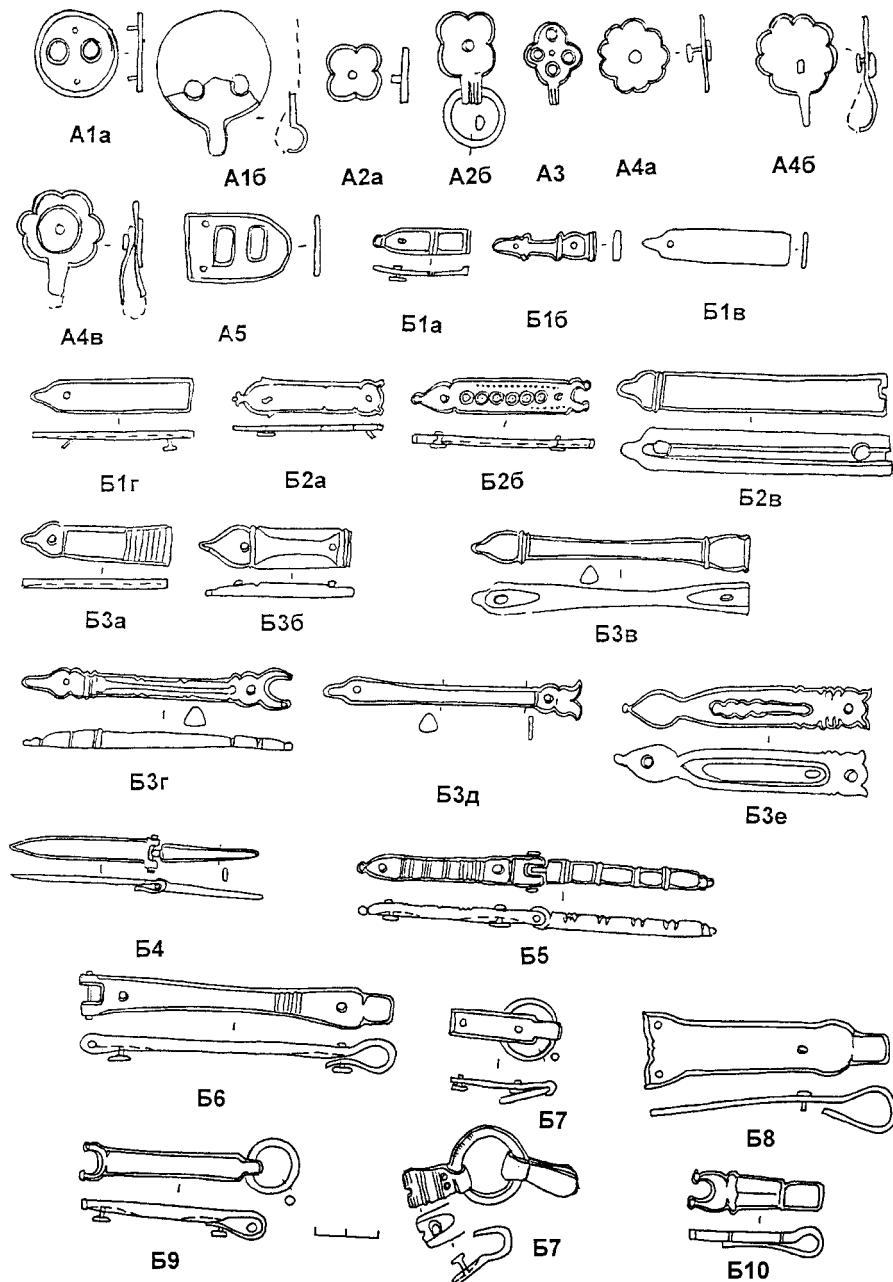

Рис.3. Типы железных накладок.

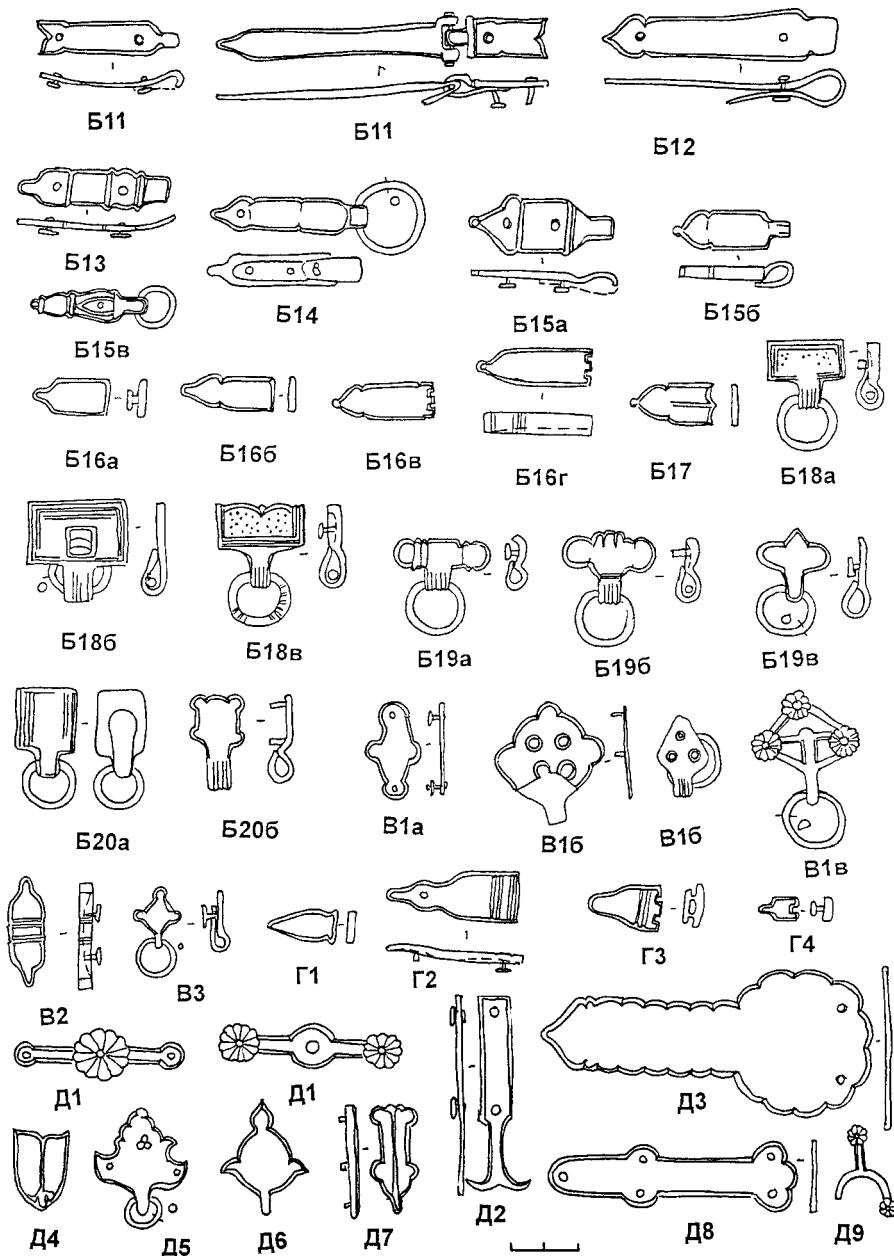

Рис.4. Типы железных накладок.

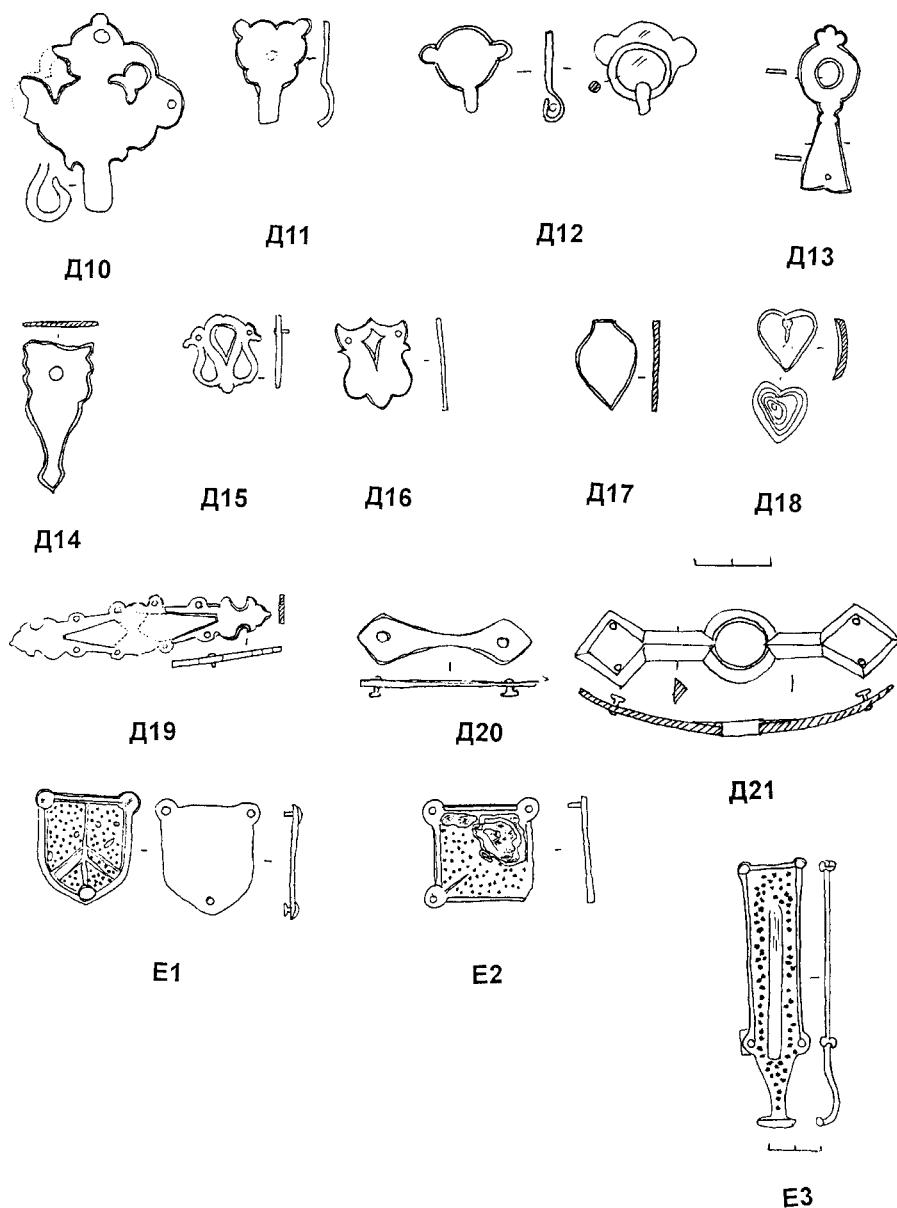

Рис.5. Типы железных накладок.

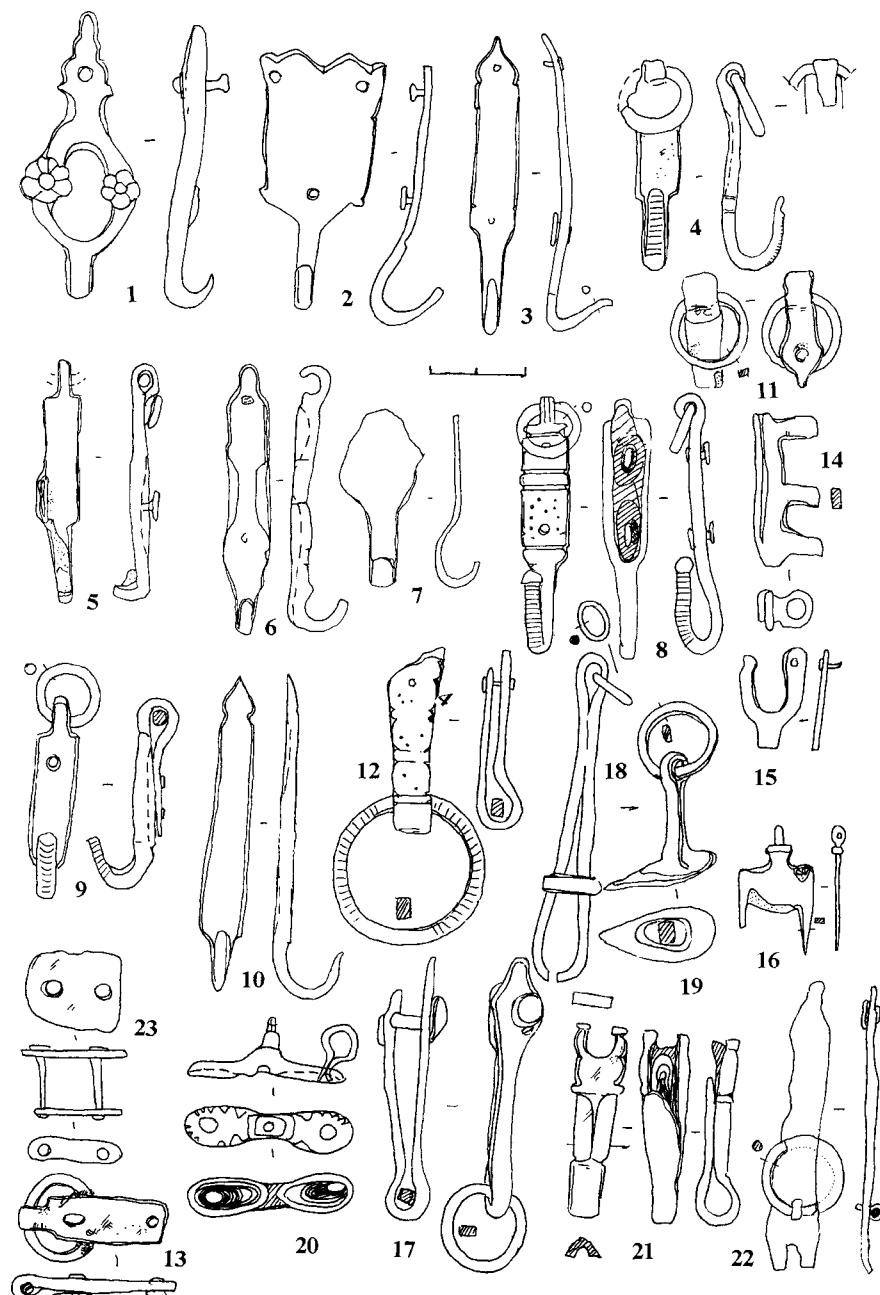

Рис.6. Изделия из железа. ГМТР 5666-1 Сувар (раскопки А.П.Смирнова): 1; ГМТР 5427 — Биляр: 2, 3; Чакма: 7, 8, 11, 12, 14, 15-17, 20-23; Мурзиха: 5, 6, 13, 18; Остолопово: 4; V Семеновское: 9, 10 (по Е.П.Казакову).

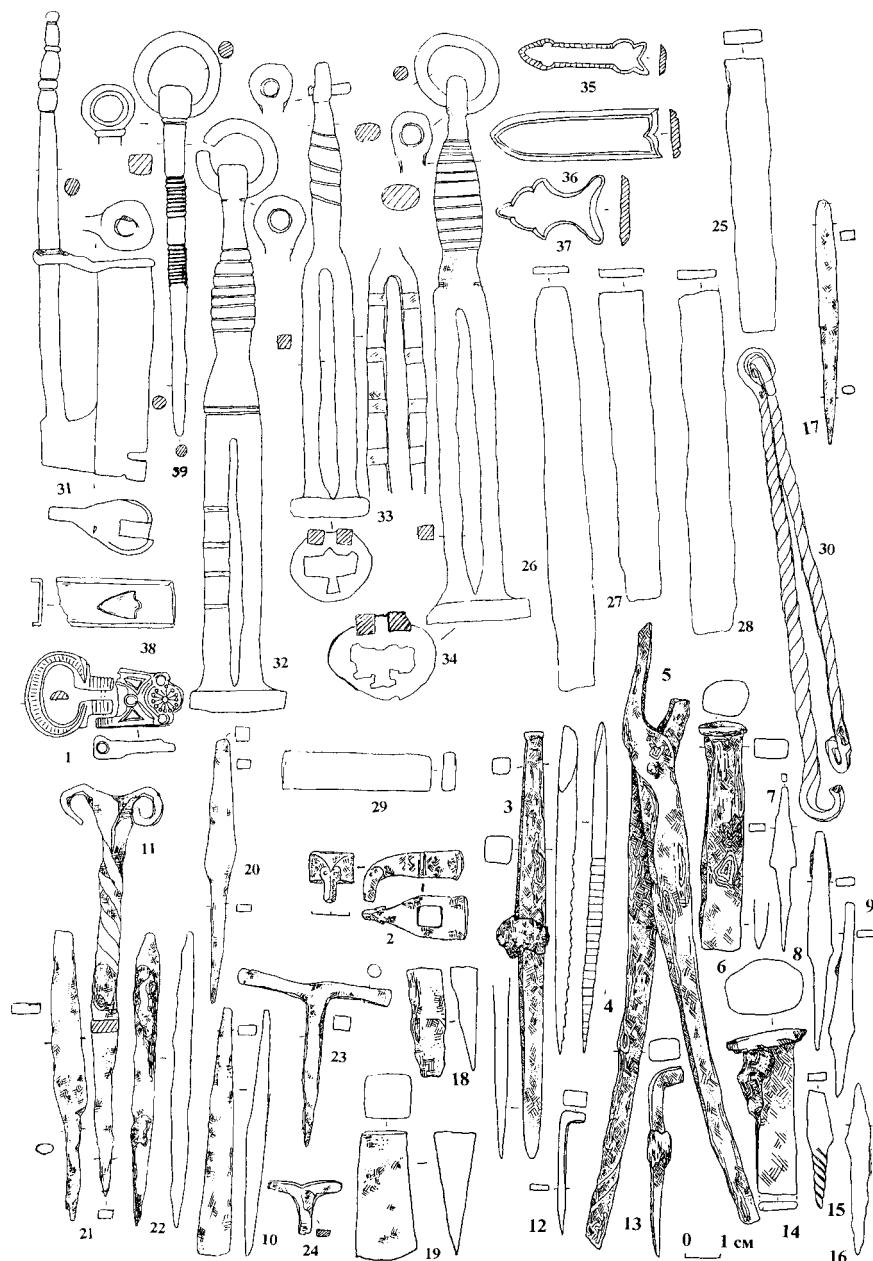

Рис.7. Ремесленный инструментарий, заготовки и изделия. ГМТР: 1; ГМТР, 5427-Биляр (коллекция А.Ф.Лихачева): 2, 31-34, 38; ГМТР, 7719-Болгар 35-37; Алексеевское XIII: 2; остальное — Чакма. 1, 35-38 — бронза, остальное — железо.

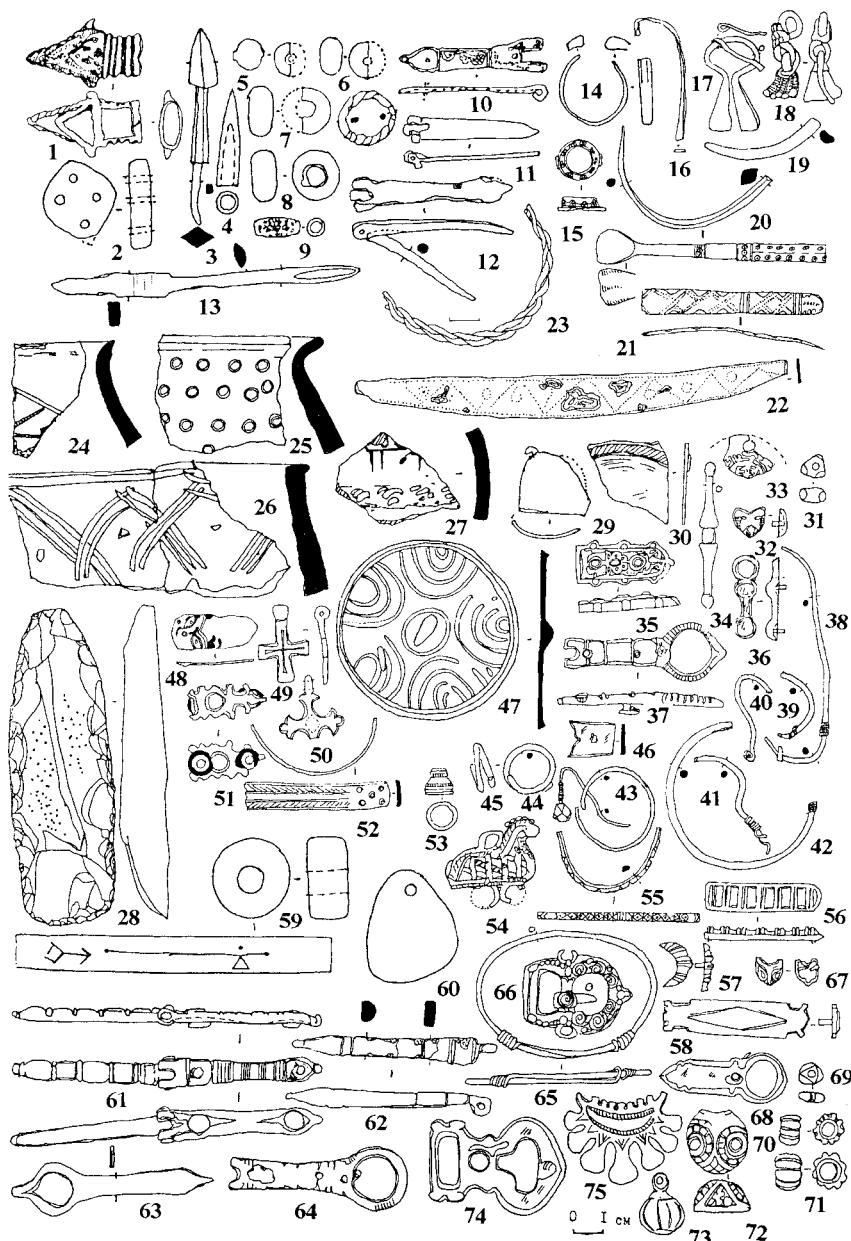

Рис.8. Подъемный материал с селищ низовий р. Кама. Мурзихинское селище: 1-28, 66; Чакма: 29-60; Остолоповское селище: 61-65; VI Рождественское: 67-74; VI Алексеевское: 75. Бронза: 1, 17-22, 29, 30, 32-37, 44-47, 49-58, 65-68, 72-75. Железо: 3,10-13, 61-64. Серебро: 14, 15, 33, 36-44, 48. Кость: 2, 4. Стекло: 5-9, 31, 69-71. Камень: 28, 59, 60. Остальное — глина.

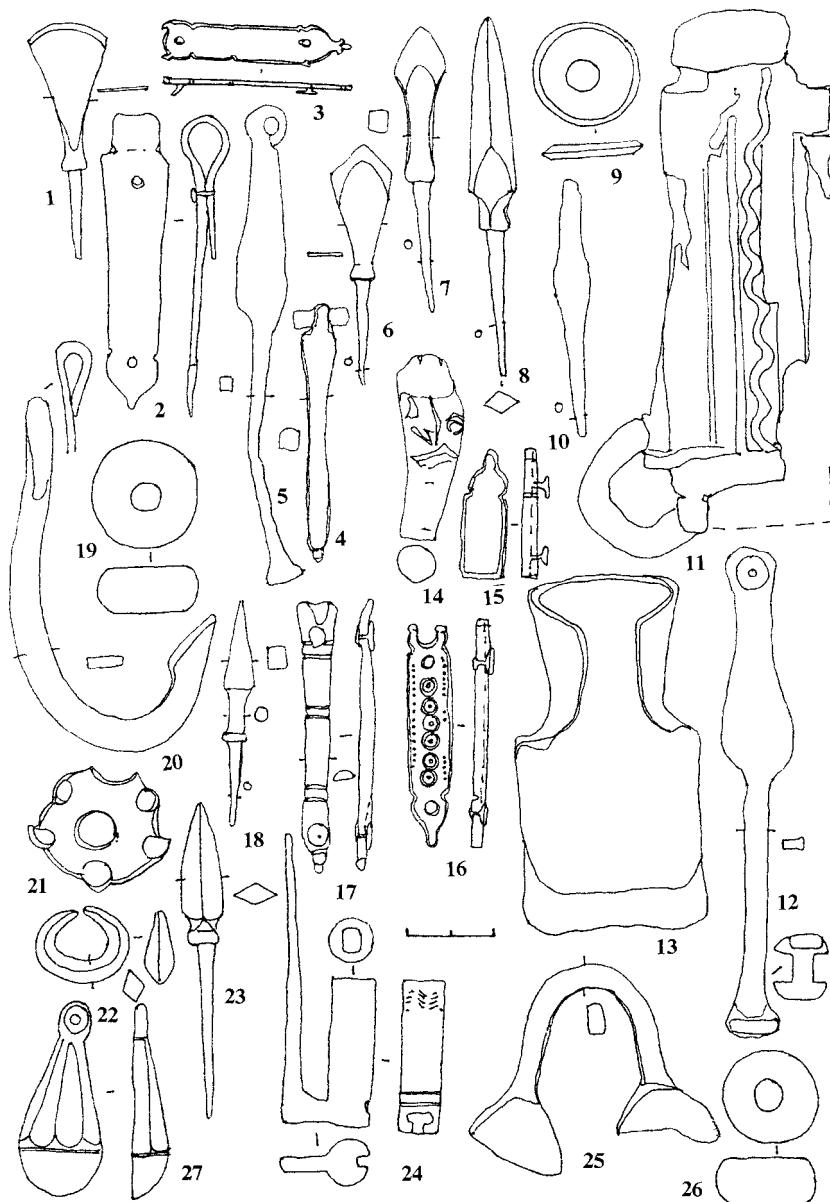

Рис.9. Находки с памятников Чистопольского и Новошешминского районов. Черемухово слободское городище: 1, 2; Екатерино-слободское селище I: 3-7; Екатерино-слободское селище II: 8; Елховское V: 1-9, 10; Сосновкинское I селище: 11-18; Таталкинского селища: 19, 20; Среднетолкишкое II селище: 21-23; Большетолкишкое I селище: 24; Малополянское I селище: 25, 26; Староромашкинское I селище: 27. 14 — глина; 9, 19, 26 — камень (шифер); 21, 22, 25, 27 — бронза; остальное — железо.

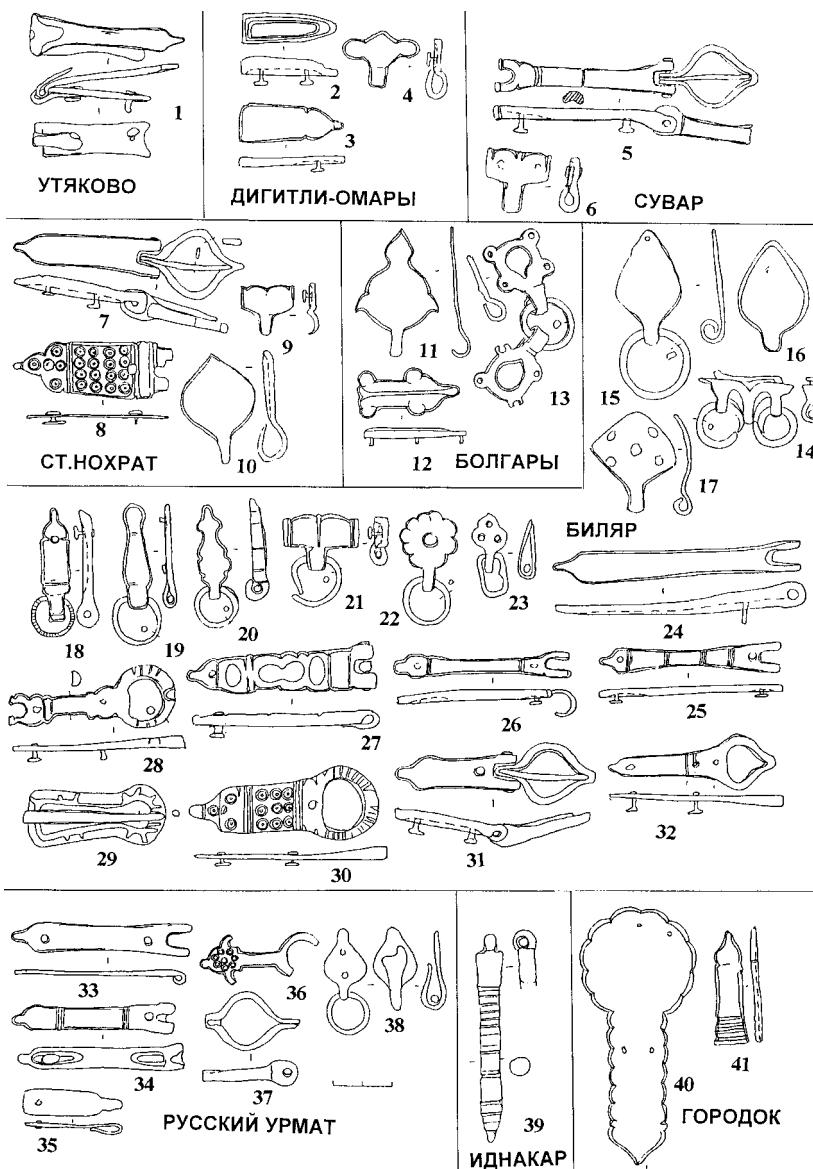

Рис.10. Железные изделия. ГМТР (от В.П.Мелехина) — Утяковское городище (?): 1; ГМТР 5428 — Омары-Дигитли (ОА-60/46-48; П.А.Пономарев, И.А.Износиков): 2-4; ГМТР 5666 — Сувар (раскопки А.П.Смирнова) — 5; ГМТР 8833 (коллекция В.В.Егерева): 7-10; ГМТР 5363, ОА-I — Болгары (коллекция ОАИЭ): 11-13; ГМТР 5427 — Биляр (коллекция А.Ф.Лихачева): 14-32; АКУ 128 — Русско-урматское селище (раскопки Н.Ф.Калинина): 33-38; ГМТР, 5571-7 (коллекция ОАИЭ, 1893г.) — Иднакар: 39; ГМТР, Р-97 — городище «Городок»: 40-41.

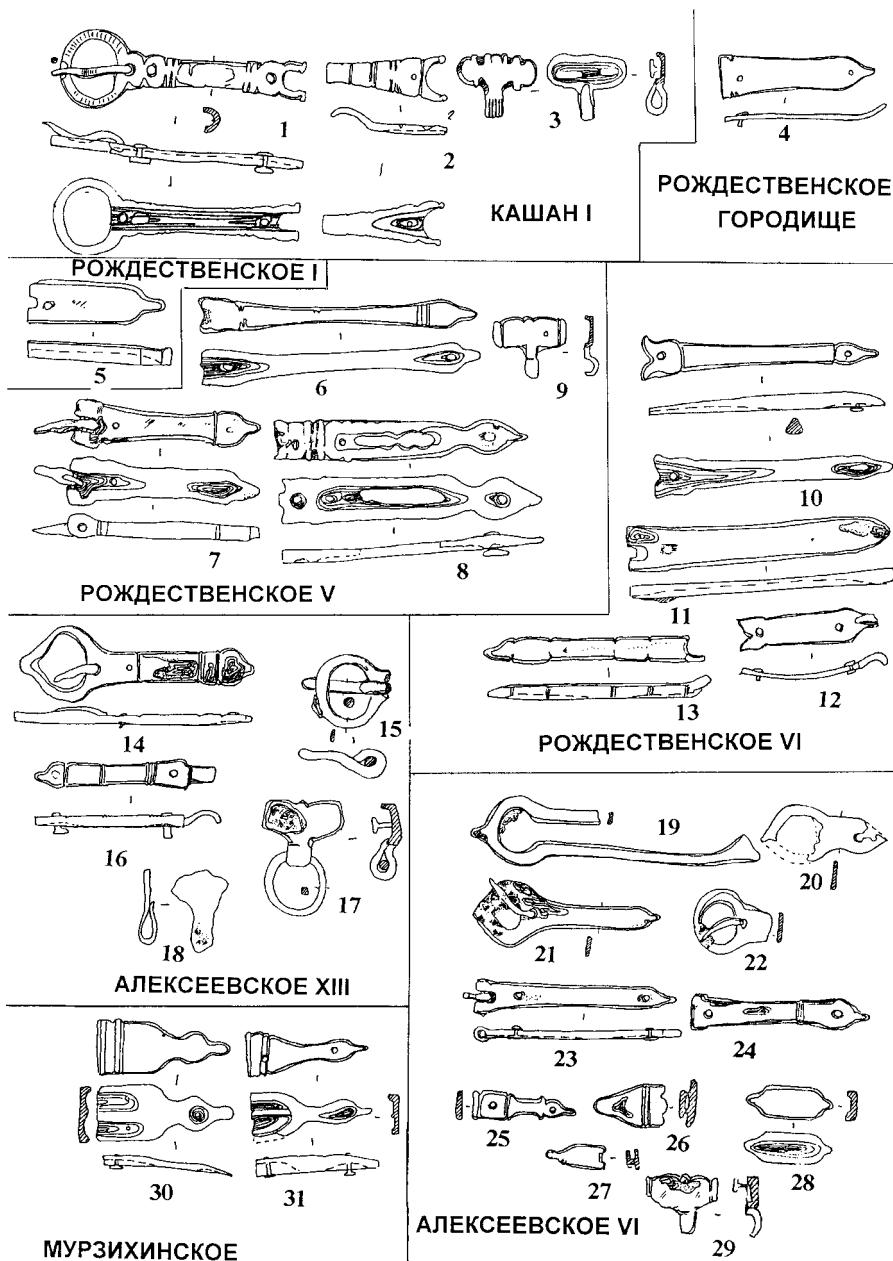

Рис.11. Железные изделия. Городище Кашан I: 1-3; Рождественское городище:4; Рождественское I селище: 5-9; Рождественское VI селище: 10-13; Алексеевское XIII: 14-18; Алексеевское VI: 19-29; Мурзихинское: 30, 31.

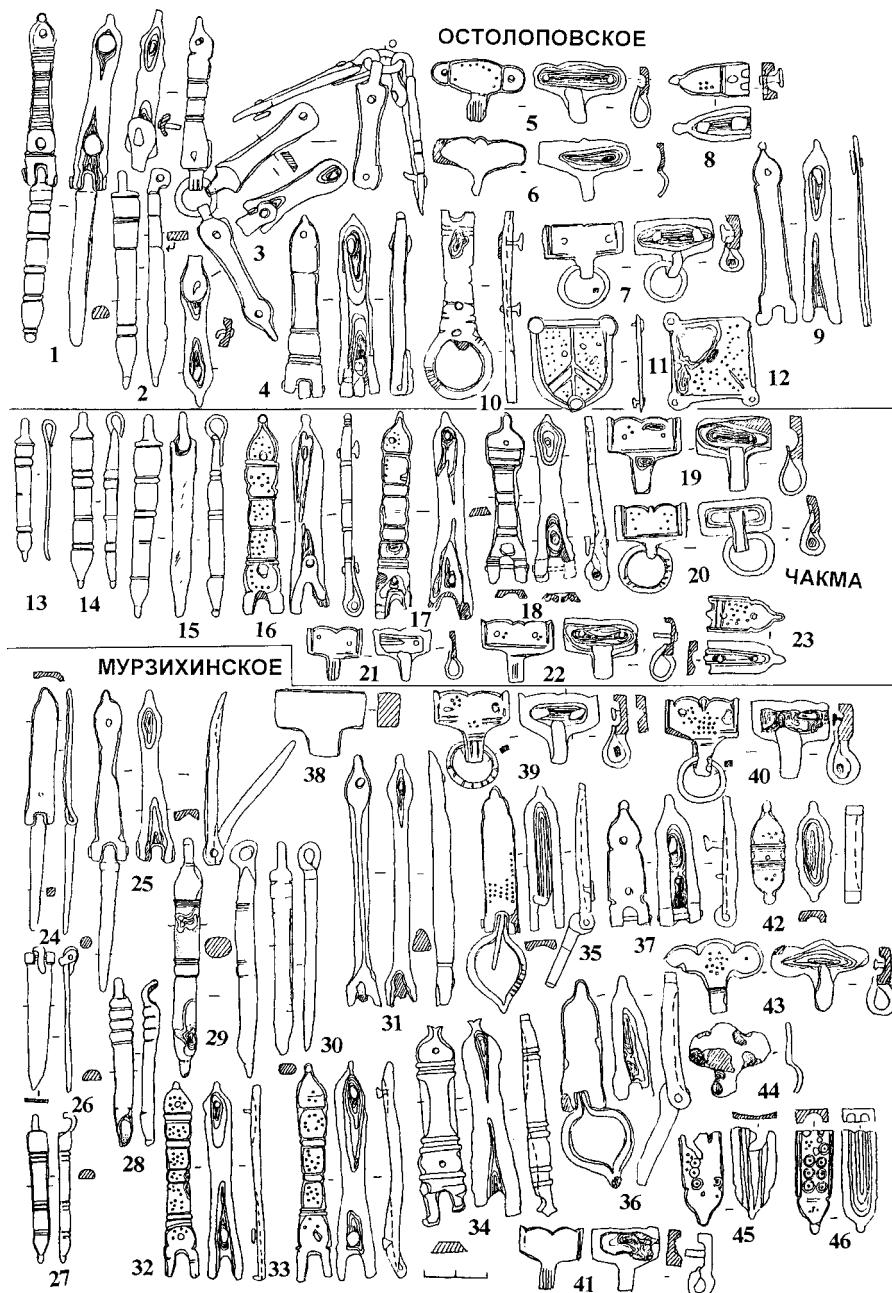

Рис.12. Железные изделия. Найдены с Остолоповского (1-12), Чакмы (13-23) и Мурзихинского (24-46) селищ.

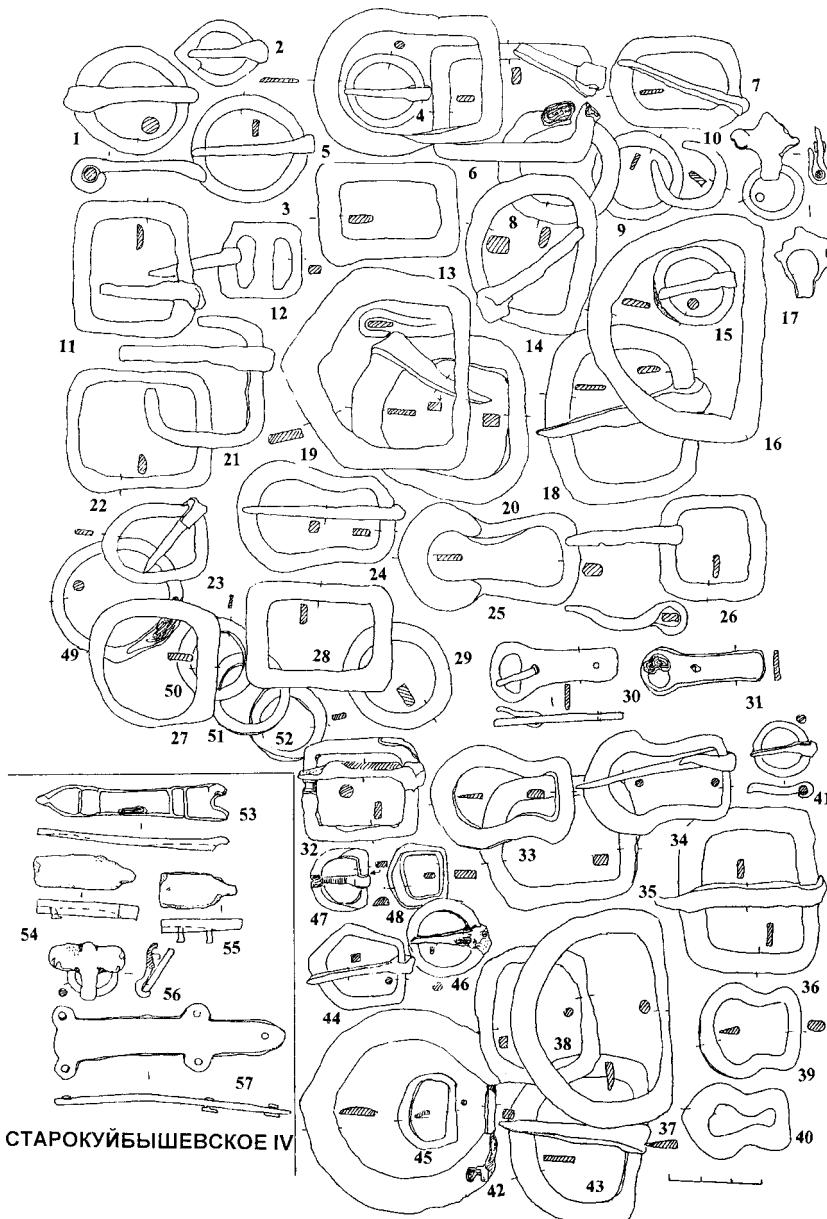

Рис.13. Железные пряжки. АКУ 251/Кр 189-36 — Старокуйбышевское городище; Чакма: 1-29 (аналогичные: Семеновский остров. Старокуйбышевский комплекс), 31, 42-52; ГМТР 24658, А-30-104 — Остолопово: 35, 43; Алексеевско-лебяжское селище: 33; ГМТР, ОА-65-137 — Биляр: 34; Рождественское городище: 36; V Рождественское селище: 37, 38; VI Рождественское: 39-41; IV Старокуйбышевское: 53-57.

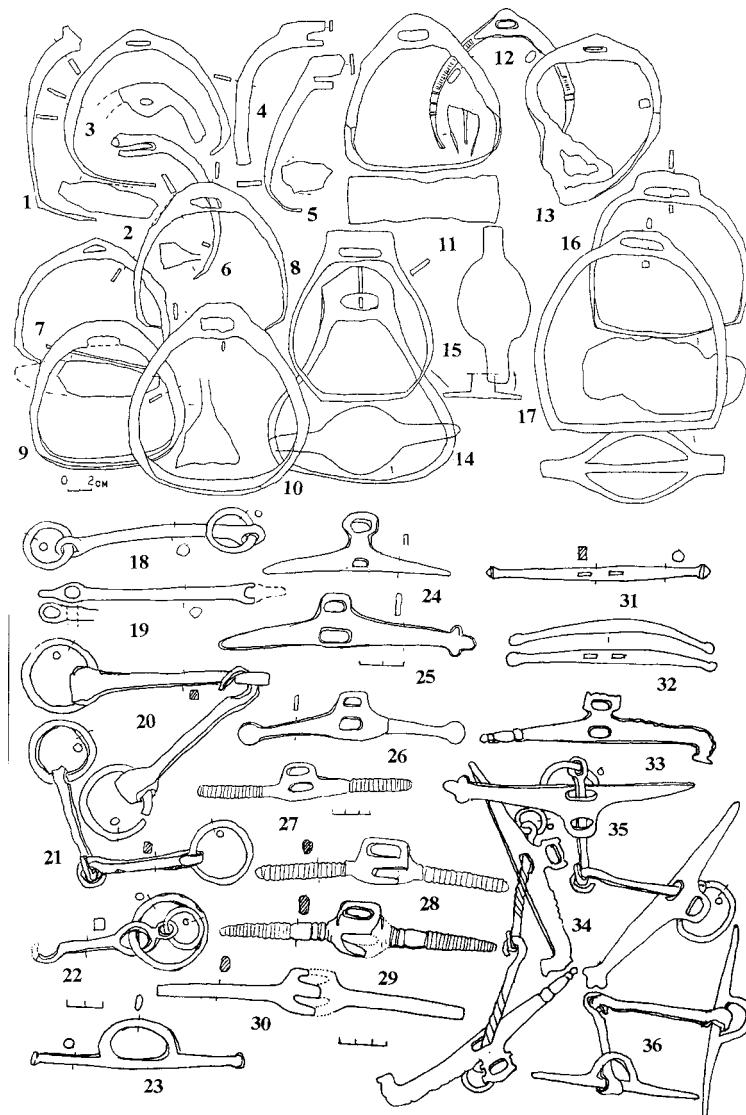

Рис.14. Железные стремена и удила. Стремена. 1-5 — Лайшевское (5 — постройка VI в западной части); 6-8 — Мурзихинское; 9, 10 — Дамба I; 11, 12, 17 — I Семеновское; 13 — V Семеновское; 14, 16, 18 — II Семеновское; 15 — Казанский Кремль (раскопки Н.Ф.Калинина. Коллекция ГМТР-КАФ — 5/1106). Удила: Измери: 18, 19, 24, 32; Чакма: 20, 21; VI Алексеевское: 18, 31; Мурзихинское: 20, 21; Старокуйбышевское городище: 21; I Семеновское селище: 22; VI Рождественское: 23, 25; Биляр: 26, 27, 29, 28, 30?: V Рождественское: 23, 36 (по Т.А.Хлебниковой); ГМТР, 5395-5 Чистопольский уезд: 33, 34; ГМТР 5428: 35. №№18-22, 24, 25, 32 — по Е.П.Казакову.

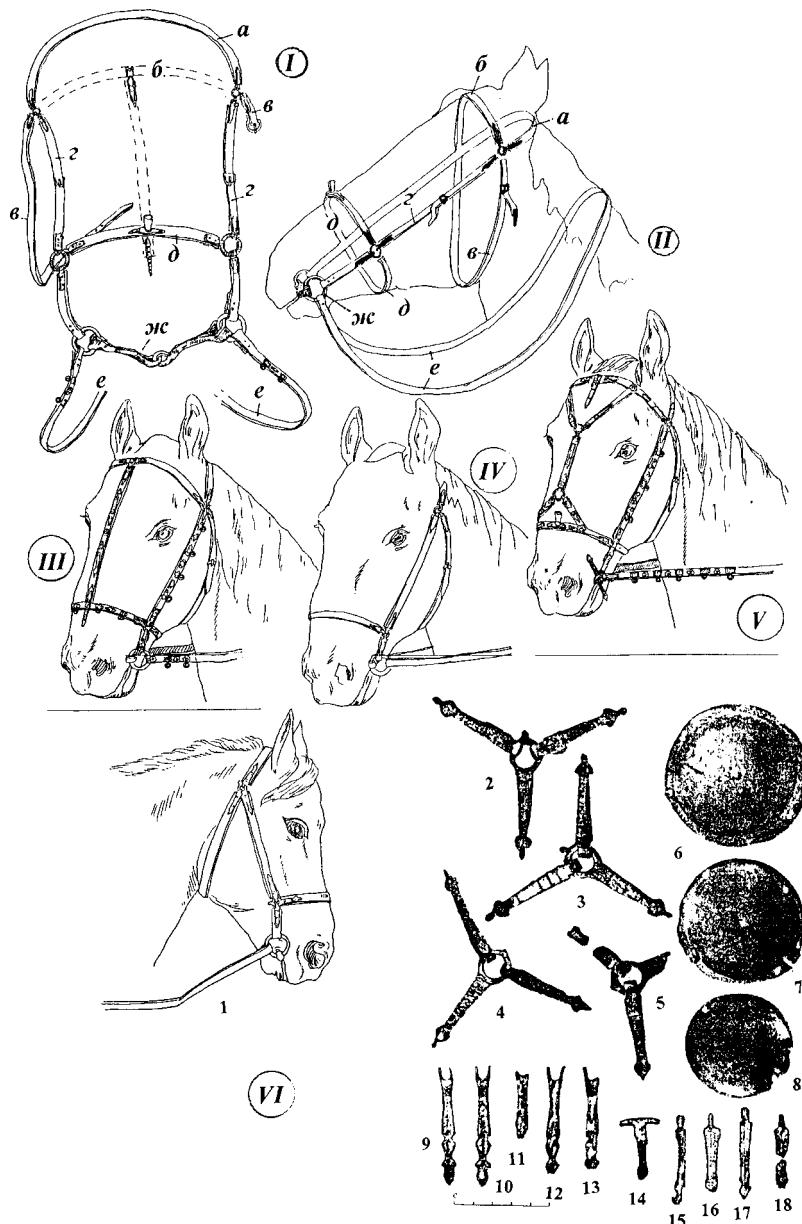

Рис.15. Реконструкция булгарской уздечки. I, II — расположение ремней оголовья. а — затылочный; б — налобный; в — подбородочный; г — нащечный; д — наносный; е — поводья; ж — удила. III, V — возможные варианты реконструкции расположения железных деталей уздечки XI—XII вв. VI — уздечный набор из Николаевки (по А.Н.Кирпичникову). 1 — реконструкция А.Н.Кирпичникова.

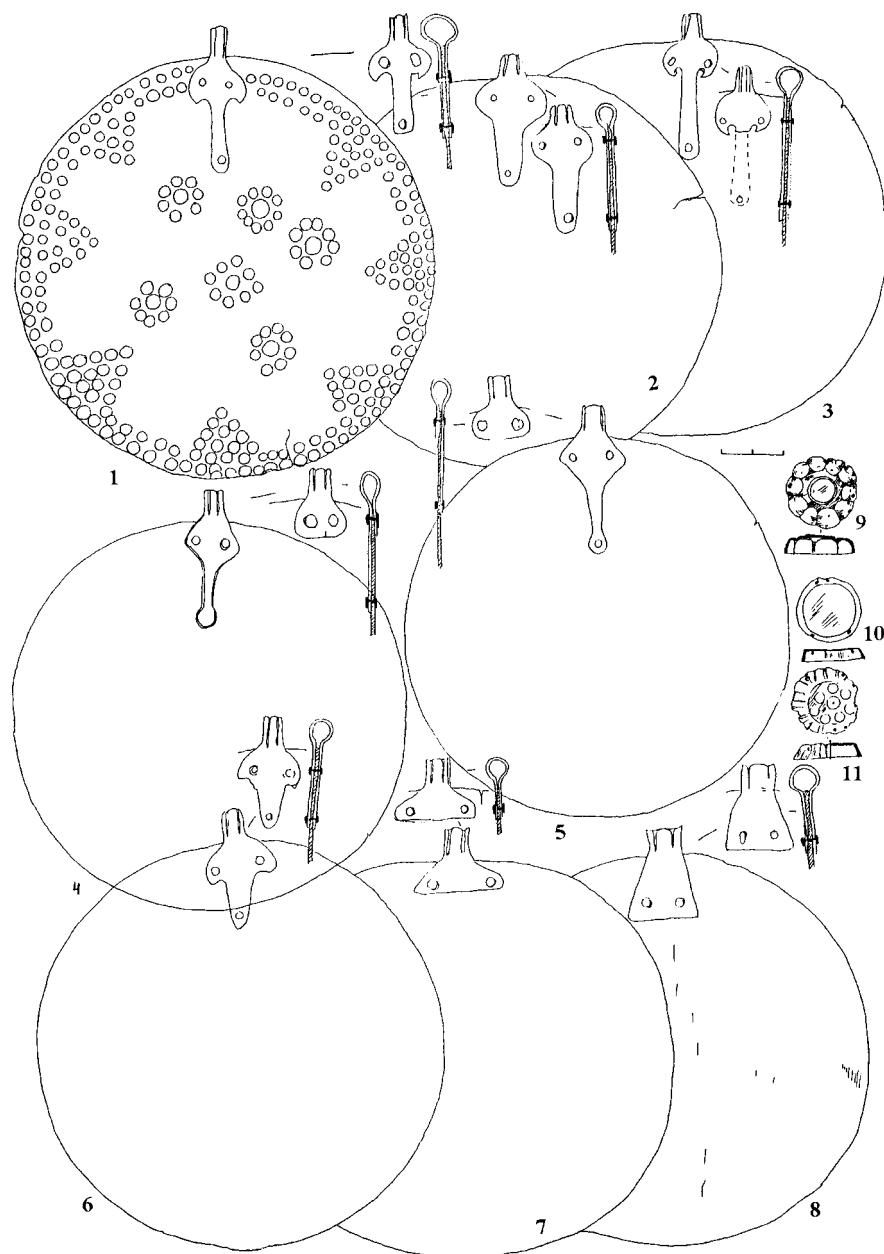

Рис.16. Бутаевский клад. ГМТР, 13380. Серебро.

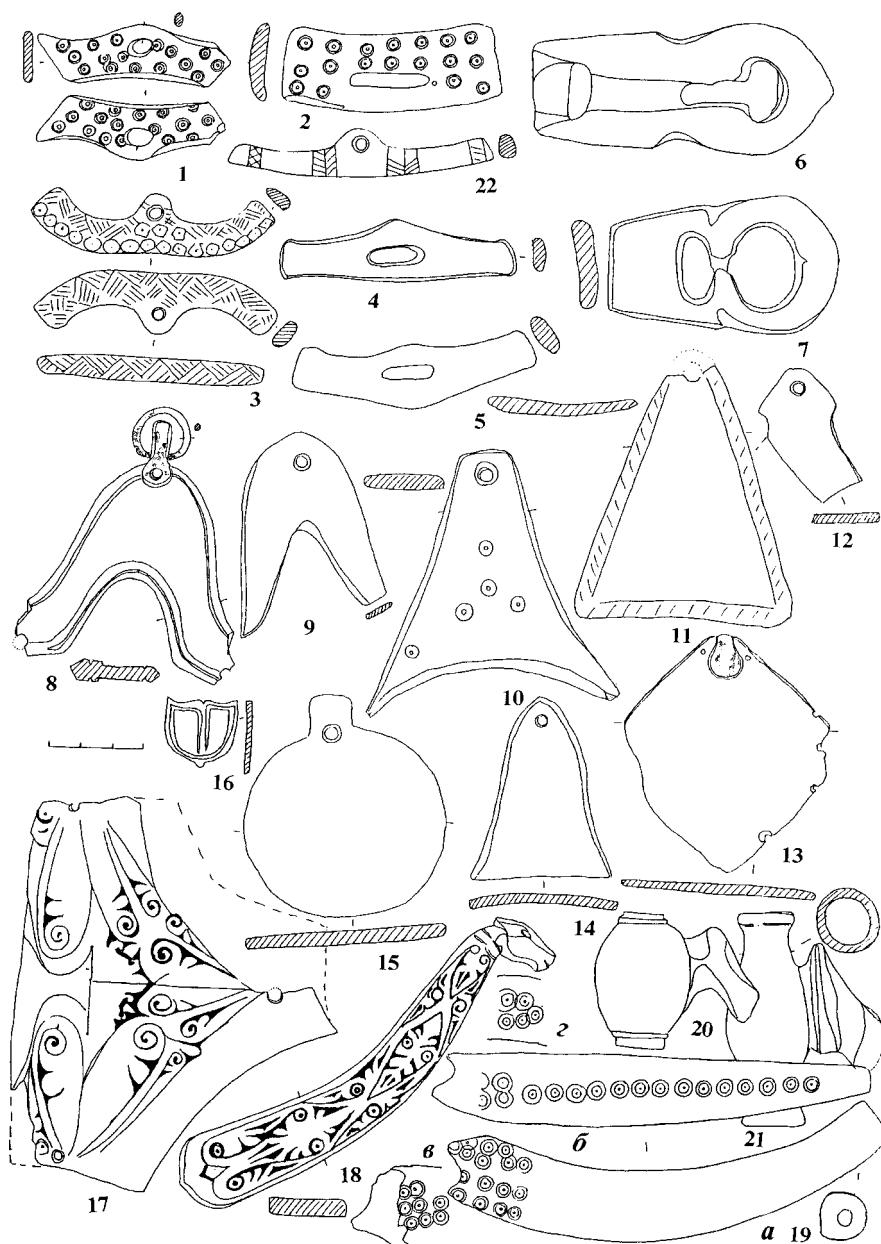

Рис.17. Изделия из кости. АКУ-85-93 (АМУ — 313-140): 1; ГМТР 5427 — Биляр: 2-4, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 22; ГМТР 8831-100 (коллекция В.В.Егерева) — Биляр: 5; ГМТР 1186-4.

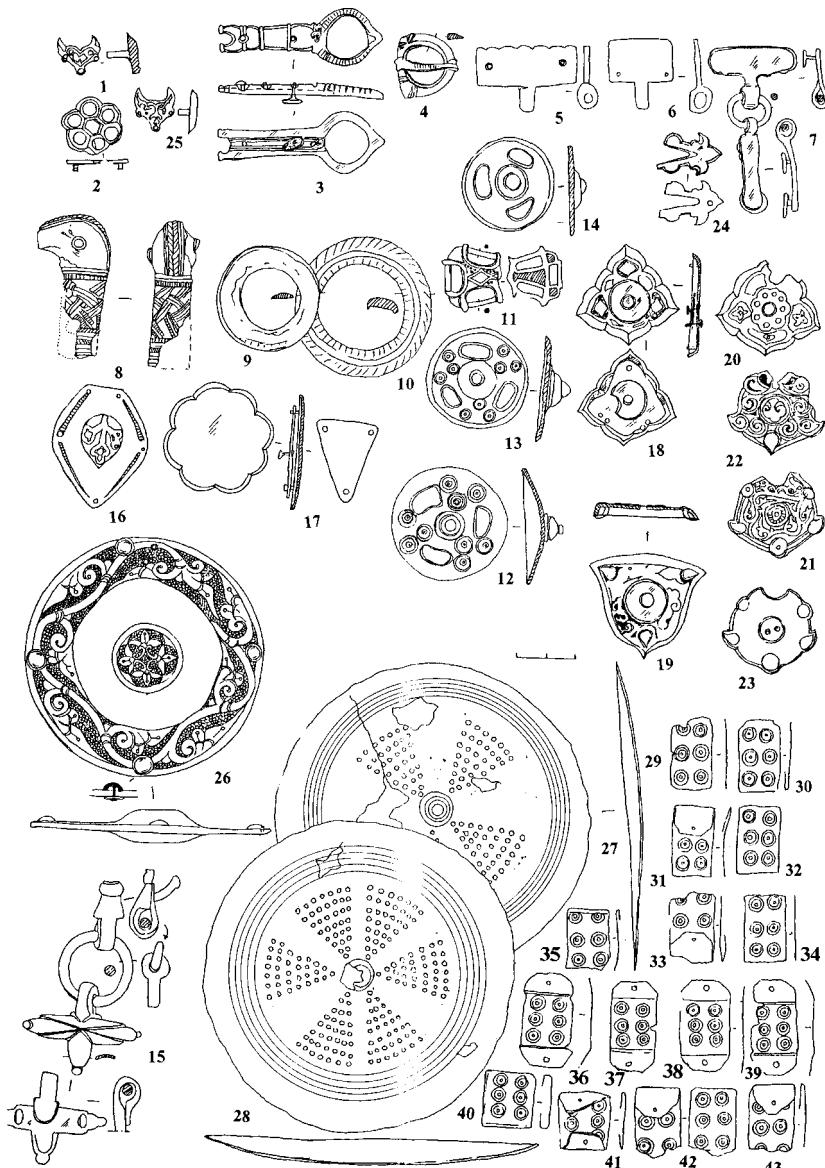

Рис.18. Изделия из цветных металлов. ГМТР 7733 (коллекция Н.Ф.Высоцкого) — Болгары: 16, 22, 25, Чакма: 2, 3, 9, 17; ГМТР 7719 (коллекция А.Ф.Лихачева) — Болгары: 4, 5, 6, 24, 27-43; ГМТР 5477 — Булгар (коллекция А.Ф.Лихачева): 20-45; ГМТР 21821: 26; Ага-Базар: 8; ГМТР 5427 — Билиар (А.Ф.Лихачев): 7,10, 20, 21; Измери (по Е.П.Казакову): 11; АКУ — 2: 12, 15, 23; АКУ 251/652: 13; ГМТР 8834 (коллекция В.В.Егерева) — Билиар: 14; ГМТР 5522 (Н.Ф.Высоцкий) — Болгары: 22, 27-43 — серебро; остальное — бронза.

Рис.19. Седла (3-5) и ремни упряжи. Костяные псалии (7). 5, 6 7 — по Laszlo Gyula. 3 — по А.Н.Кирпичникову; 4 — по Ю.С.Худякову. 1 и 2 — варианты реконструкции конской упряжи.

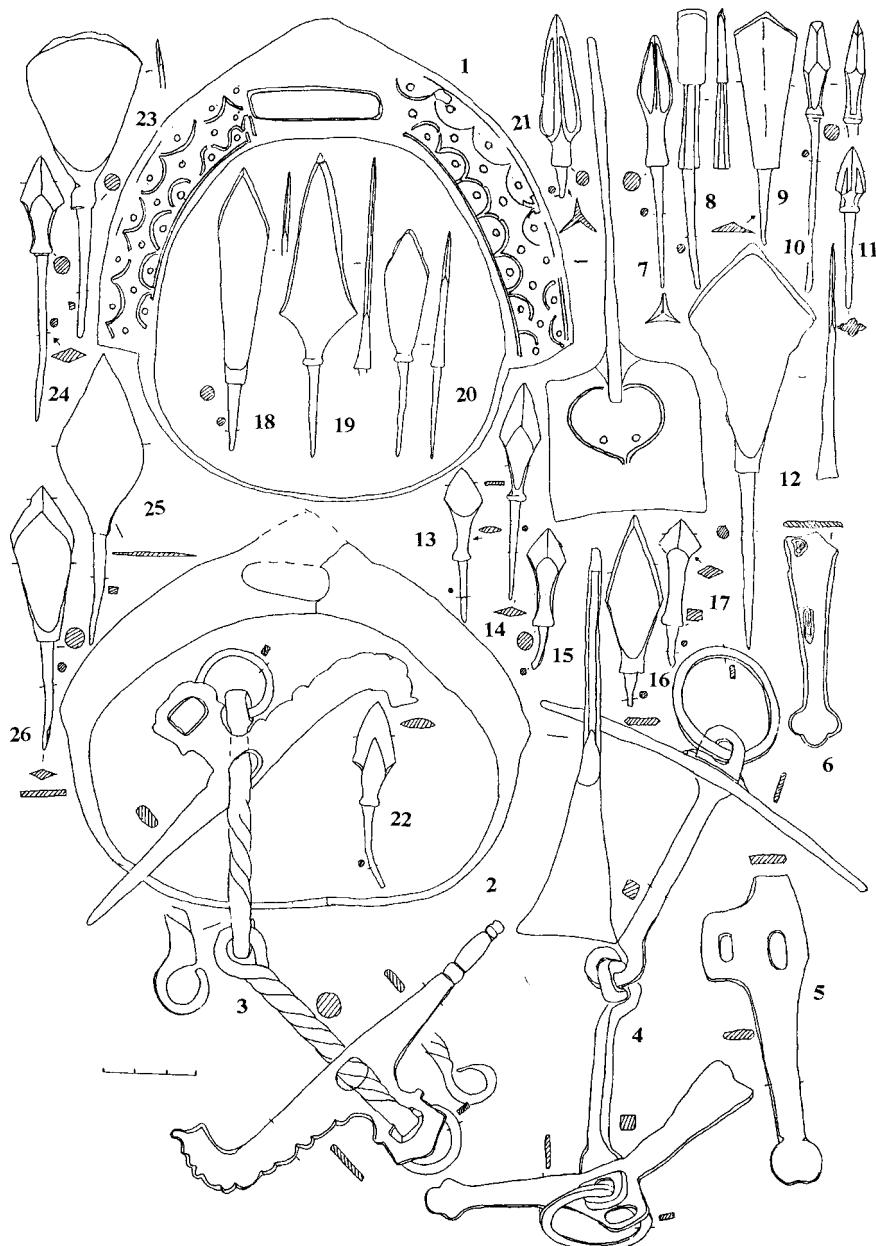

Рис.20. Предметы «аскизского» типа с булгарских памятников. 1, 2 — стремя; 3, 4 — удила; остальное — наконечники стрел. ГМТР 5395-5 Чистопольский уезд; 3; ГМТР: 1; ГМТР 5428 — Биляр; 4; ГМТР 8834 — Биляр; 5; ГМТР 5427 — Биляр; 7-11; Чакма: 2, 21,22; VI Рождествено: 6; VI Алексеевское: 12-17; Остолопово: 18-20; Городище «Городок»: 23-26.

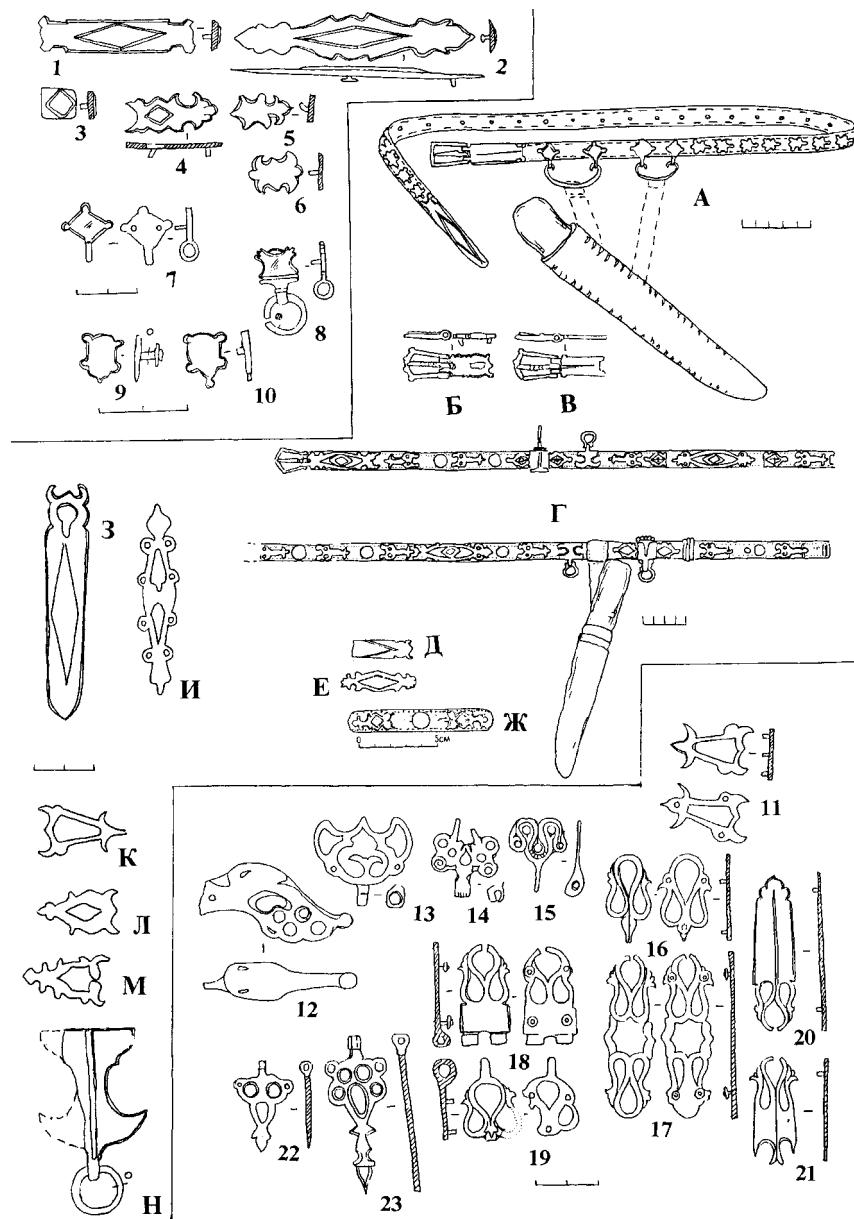

Рис.21. Изделия из бронзы и их аналогии. Чакма: 1, 3, 4, 5, 7, 9, 10, 11, Остолоповское: 15; Мурзихинское-6; ГМТР 7719 — Булгар: 4, 8, 13, 14, 16, 17, 18, 22, 23; ГМТР 5363, ОА-I — Булгар: 1, 3, 7, 21; ГМТР 8834 — Биляр: 12; ГМТР ОА-56-30 — Спасский уезд: 20. А,Г — Лоемский могильник. Б, В, Д-Ж: вымские могильники (А-Ж — по Э.А.Савельевой); 3-Н: Муранский могильник (по Е.А.Алиховой). Все бронза.

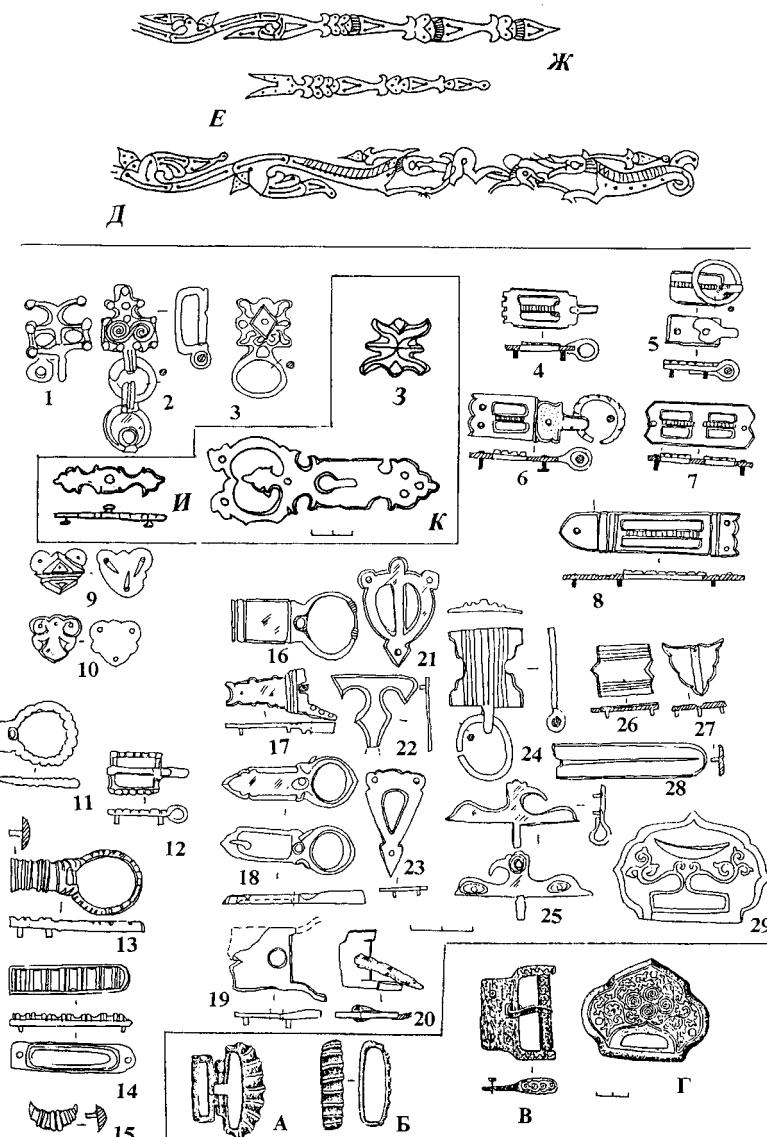

Рис.22. Изделия из бронзы и их аналогии. ГМТР 7733 (Н.Ф.Высоцкий) — Болгары: 1-4, ГМТР 22939, (А-5-6, 37, 39): 6, 9, 10; Чакма: 5-7, 11, 13, 14, 15, 19-20, 22, 25, 28.; ГМТР 7719 (А.Ф.Лихачев) — Булгар: 4, 16, 17, 23, 24; ГМТР 5421 — Булгар: 29; Семеновский остров: 6, 13, 26; селище «Разбойничий остров»: 12, 21; VI Рождественское: 18. А-Г: Шайгинское городище (по Э.В.Шавкунову); И, К: курган у с. Пчела, Бухтарминский р-н Восточно-Казахстанской области (по Ф.Х.Арслановой); З: Белореченские курганы; Ж — прорисовка рисунка на «Wiener» сабле (по V. Budinsky-Kricka и N. Fettich); В, Г, И, К — железо, остальное — бронза.

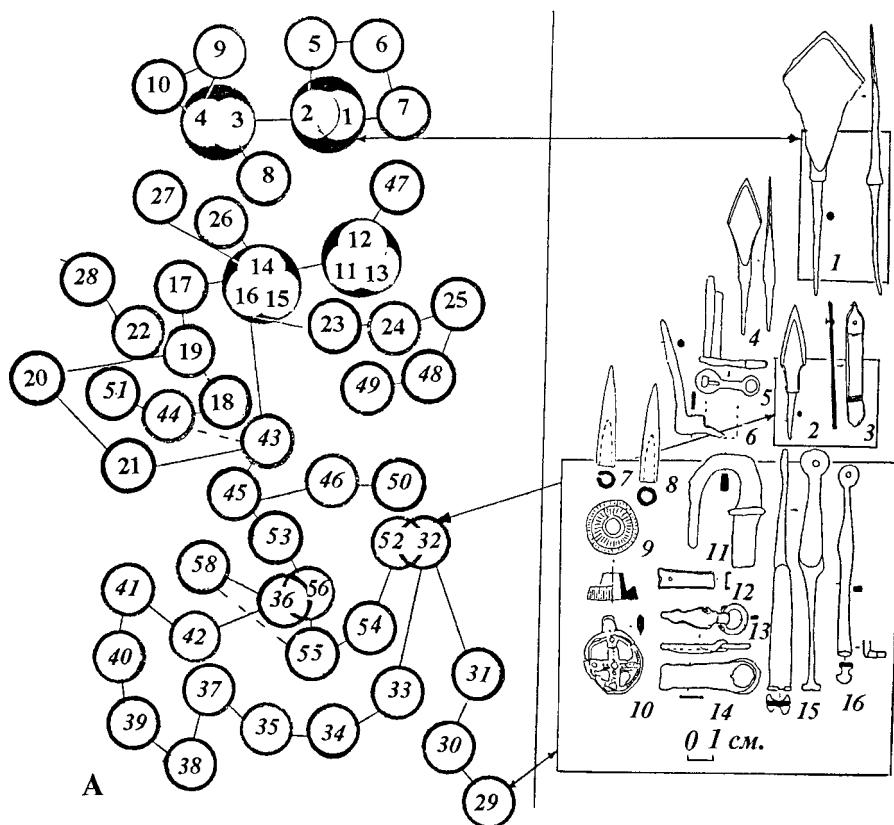

Рис.23. Сопоставительная таблица датирующих вещей из закрытых комплексов и культурного слоя VI Алексеевского селища с формами керамики. После № позиции сначала указывается номер раскопа, после запятой номер ямы, через дефис указаны глубина находки от поверхности., потом в круглых скобках — номер по коллекционной описи. В квадратных скобках указан номер участка. 1) I,4-1 (2610), 2) I,5 — 45 (2601), 3) I,5 — 40 (2600), 4) р.III, [Г/3] — 25 (2458), 5) р.I, [Г/10], 30 (2631), 6) р.III [З/9] — 42 (2542), 7) р.III [Ж/6], — 35 (2521), 8) р.III [Ж/6] — 20 (2515), 9) р.III [Ж/6] — 30, (2522), 10) р.III [Ж/6] — 30, (2519), 11) III,18 (2592), 12) р.III [З/6]; 30, (2535), 13) р.III [Ж/5] — 15, (2513), 14) р.III [З/9] — 45, (2544), 15) р.III [Ж/7] — 40, (2511), 16) р.III [Д/4] — 30, (2485). Номера в кружках на рисунке 23А соответствуют номерам на рисунке 24 и 25.

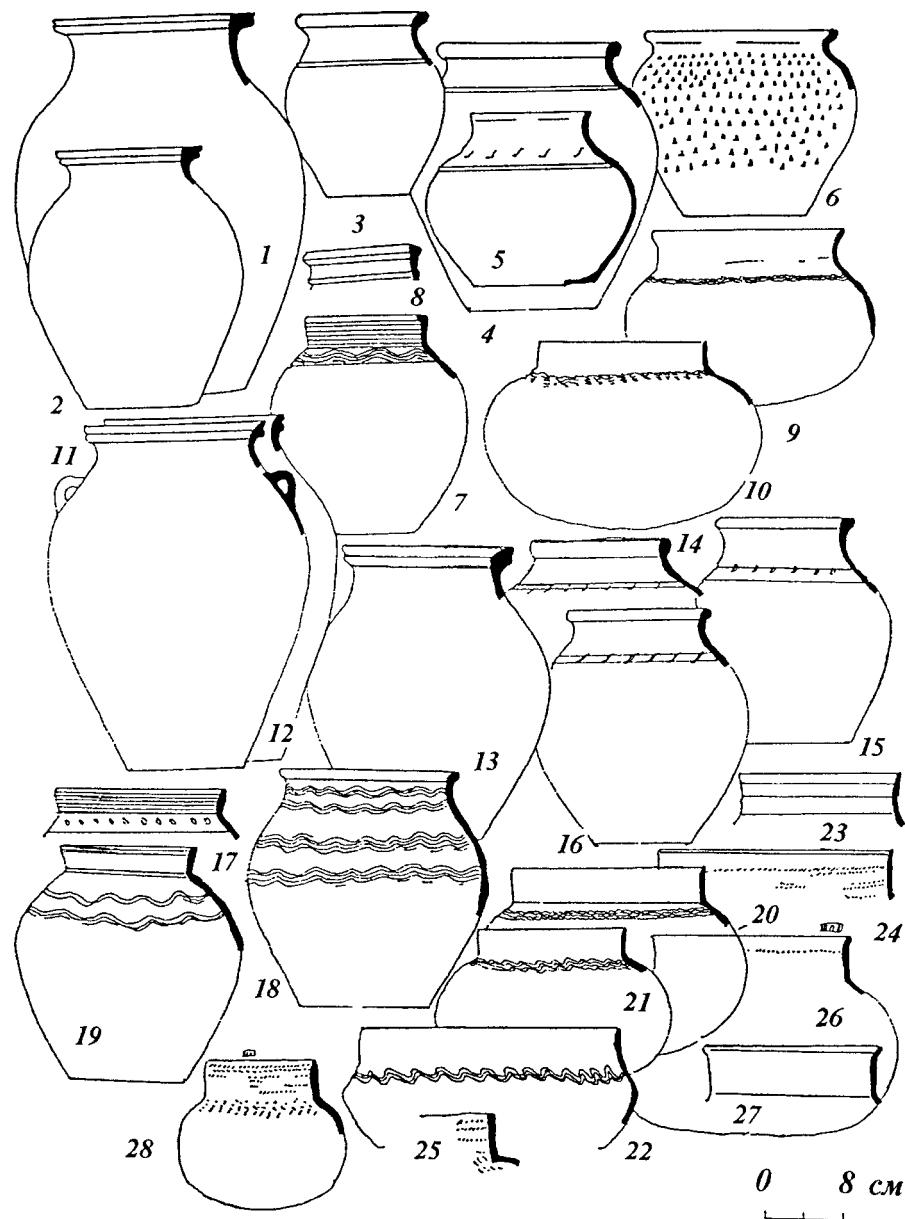

Рис.24. VI Алексеевское селище. Керамика. 20-21: XIII ЭКГ (по Т.А.Хлебниковой и Н.А.Кокориной); 23-26, 28: VIII ЭКГ. Остальная — круговая (I группа).

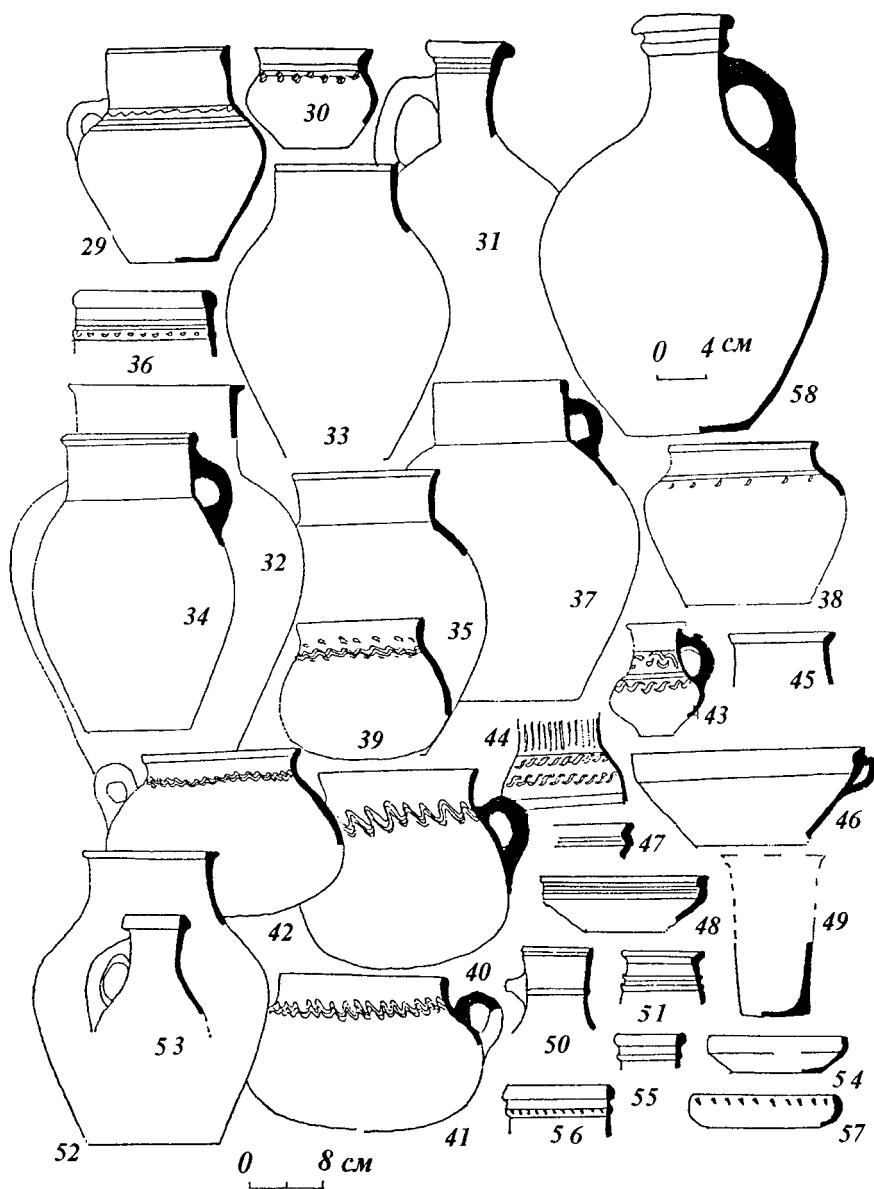

Рис.25. 39-41: XIII ЭКГ. Остальная — круговая (I группа).

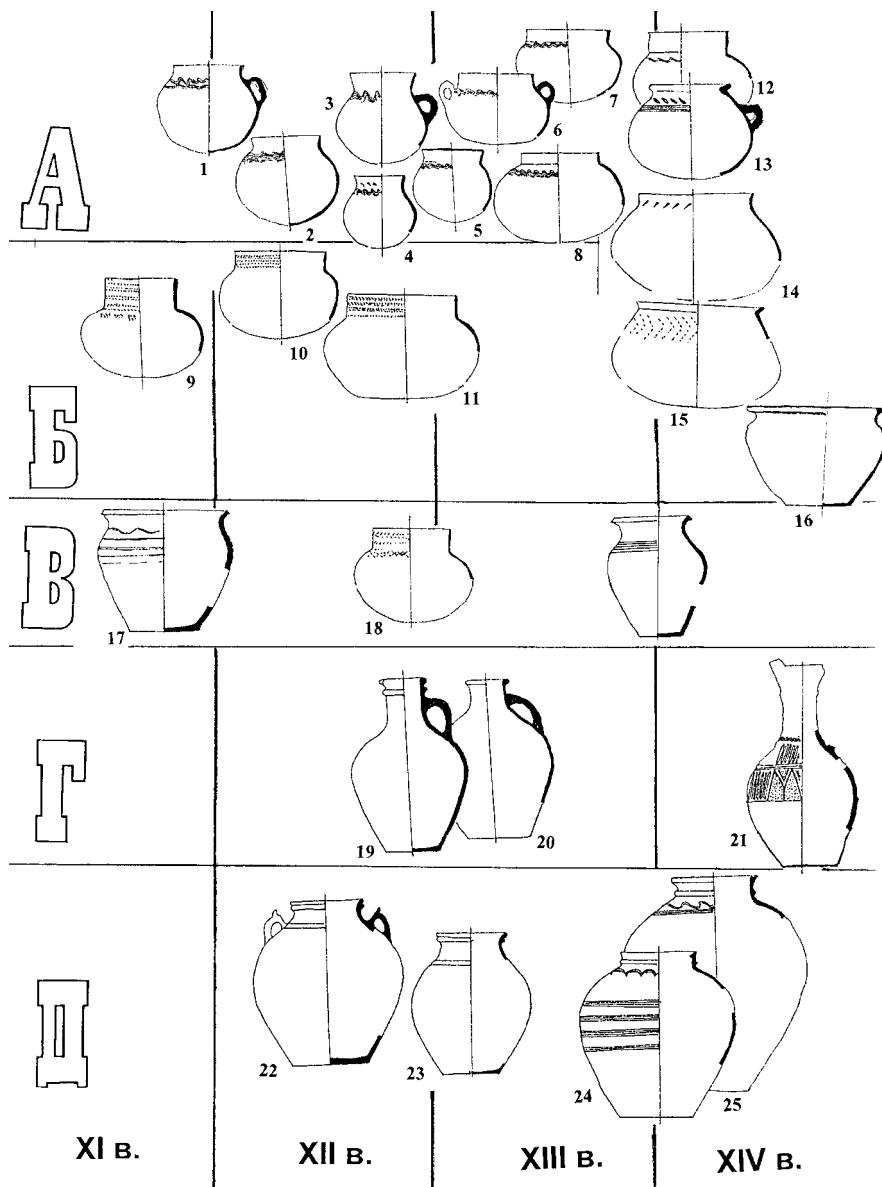

Рис.26. Хронологическая таблица булгарской керамики. А — керамика типа «Джукетау» — XIII ЭКГ; Б — керамика с толченой раковиной в тесте (VII,VIII ЭКГ). В — керамика с шамотом (XI, VIII ЭКГ). Г (кувшины), Д (корчаги): круговая керамика (I группа). 13, 14, 15 — XVIII ЭКГ; 16 — «славяноидная» керамика XVI ЭКГ. По материалам Чакмы, VI Алексеевского и Мурзихинского селищ.

Екатерина Армарчук

Степь Копьеносных Наездников —

взгляд из XX века

В «Татарской археологии» в обзоре археолого-исторической литературы втор. пол. XX в. по гунно-тюркской тематике были вскользь упомянуты имена русских эмигрантов — ученых евразийской школы, поначалу заявивших о себе на Западе пражскими публикациями 1920-х гг.¹ В связи с этим необходимо назвать имя талантливого исследователя Д.А.Расовского, тоже работавшего и печатавшегося в Праге в сборниках Seminarium Kondakovianum с 1927 по 1938 гг. Возможно, по причине эмигрантской, «забытой» судьбы о нем редко и мало упоминали в советское время. **Д.А.Расовский** — автор четырех очерков, посвященных средневековым кочевникам южнорусских степей домонгольского времени — печенегам, торкам-гузам и половцам.² Предыстория их появления на свет довольно стара. Дело в том, что в русской исторической науке на протяжении трех последних столетий особое внимание уделялось вопросам становления государственности на Руси и в том числе условий, в которых оно изначально протекало. Одним из таких условий являлось кочевническое, «варварское» окружение Киевских земель с юга и юго-востока, и потому изучение взаимоотношений Древней Руси и Степи и самих степняков — Копьеносных Наездников — было и остается необходимостью.³ Уже более полувека пролетело со времени опубликования Д.А.Расовским цикла статей. За этот период отечественное кочевниковедение прошло огромный путь, оформившись в самостоятельное течение и следя, в числе прочих, двумя взаимодополняющими руслами. Это, во-первых, упомянутое традиционное в русской исторической науке изучение разных аспектов взаимосвязи Киевской Руси и кочевников, а, во-вторых, более молодое направление — археологические исследования, позволяющие облекать в плоть и кровь реальных фактов умозрительные письменные свидетельства.

Еще на исходе прошлого века необходимость и неизбежность подхода-синтеза в исследовательской методике (археология + этнография + антропология + лингвистика + письменные источники) понимали **Н.Е.Бранденбург**, **В.А.Городцов**, **А.А.Спицын** и др., первыми в 1880-х гг. начавшие раскопки кочевнических древностей на территории Восточной Европы. Расовский помимо их публикаций вовлекает в свои исследования наряду с письменными и совсем свежие археологические данные, признавая их за «единственный прямой источник».⁴ Правда, последних во времена Расовского было немного, а оторванность от России существенно затрудняла ознакомление с ними. И тем не менее в таком подходе и широком использовании топонимики — его новаторство в отличие от предшественников, например, П.В.Голубовского.⁵

В России же со второй половины 1940-х и примерно до начала 1990-х гг. приток новых материалов стремительно увеличивался

благодаря крупномасштабным археологическим раскопкам в зонах экономического освоения и на объектах будущего хозяйственного строительства в Поволжье, Волго-Донских степях, Калмыкии, Алтае и Сибири. Параллельно активизировались научные археологические исследования в разных регионах — помимо указанных, на Украине, Урале, в Татарии, Башкирии, Казахстане, Туве, Хакасии и др. (динамику и размах работ хорошо отражают серийные издания МИА и АО). С началом 1990-х гг. в связи с изменениями в политической и экономической жизни страны количество и объем полевых работ снизились, произошло перераспределение приоритетов в выборе перспективных научных тем и направлений. Тем не менее, накопленные за полстолетия материалы и поддерживаемые ныне в значительной степени энтузиазмом ученых полевые исследования обеспечивают научную деятельность, а новые методы обработки информации выводят ее на современный уровень обобщения и осмысливания. Таким образом, появилась возможность сравнить исследования Д.А.Расовского с результатами археологического кочевниковедения к исходу века и тем самым яснее представить себе его роль.

В современной российской археологии одной из первых работ по систематизации восточноевропейских кочевнических древностей X — XIII вв. является работа С.А.Плетневой, базой для которой послужили все доступные к середине XX в. материалы.⁶ По сути, это — хронологическая классификация погребальных обрядов, вещевых комплексов и каменных изваяний кочевников, дополненная описанием и анализом их культуры и политической истории с использованием большого корпуса письменных источников. Методологическую основу этой и во многом схожих с ней работ Л.П.Зяблина⁷ и Н.Д.Мец⁸ составляет этноархеологический подход, т. е. этническое определение носителей выделенных типов погребального обряда с сопровождающими вещами, апробированный еще на рубеже XIX — XX вв. Н.Е.Бранденбургом, В.А.Городцовым и А.А.Спицыным. Однако, в отличие от предшественников, наметивших четыре группы кочевнических погребений (печенежская, торческая, половецкая и «татарская») **С.А.Плетнева** выделила дополнительные группы смешанного типа (печенежско-торческую, черноклобуцкую и оставленную потомками носителей салтово-маяцкой культуры — отюреенным населением донецких степей). Вместе с тем, она отметила пестроту и большую перемешанность погребального обряда и вещевого материала кочевников, значительно затрудняющие классификацию. Эта работа, бесспорно, стала своего рода точкой отсчета в дальнейших исследованиях кочевнических древностей.

Иначе подошел к решению проблемы **Г.А.Федоров-Давыдов**.⁹ Отказавшись от постоянной привязки типа погребального обряда к конкретной этнической группировке, он пошел по пути создания, во-первых, типологической и хронологической шкалы кочевнического вещевого материала и, во-вторых, типологической классификации элементов погребального обряда. Существенным моментом в работе над хронологической шкалой являлось определение датирующих, ведущих

категорий предметов и, на мой взгляд, увязка кочевнических древностей с поселенческими, т.е. находками из четко датированных слоев древнерусских городищ. Что касается последнего, то в этом же направлении велись работы по систематизации предметов вооружения и конского снаряжения древнерусского времени на территории Восточной Европы, итогом которых стали своды, включившие в себя и кочевнические комплексы.¹⁰ Применение методов статистической обработки данных позволило скоррелировать типы вещей и признаки погребального обряда и получить четыре хронологические группы кочевнических древностей с указанием типов погребального обряда, преобладающих на каждом временном этапе. В целом, работу Г.А.Федорова-Давыдова отличают от предыдущей более широкие временные рамки, включившие и золотоордынский период, и охват не только южнорусских, но и поволжских земель. Кроме того, она тоже содержит анализ многих аспектов социально-экономической степной жизни того времени. Оставившие кочевнические памятники народы проникали в Восточную Европу последовательно, один за другим, в какой-то степени смешиваясь позднее. Что касается элементов погребального обряда и конкретных вещей, то они не всегда и не все менялись в ходе этнических миграций, продолжая частично сосуществовать старые с новыми, и поэтому созданная Г.А.Федоровым-Давыдовым хронологическая шкала, которой пока что нет альтернативы, работает до сих пор.

Следующим этапом являются источниковедческие публикации С.А.Плетневой коллекции черноклобуцких древностей из раскопок Н.Е.Бранденбурга в Поросье и свода половецких каменных изваяний. Обе служат своего рода археологическими иллюстрациями к исследованиям Д.А.Расовского: первая дополняет его статьи о Черных Клобуках и кочевнических племенах на Руси и в Угрии. В ней дано хронологическое определение поросских вещевых комплексов; детально классифицирован погребальный обряд, делящий поросские курганы на несколько групп, отражающих племенную пестроту черноклобуцкого объединения, и затронуты вопросы взаимоотношений черноклобуцких конфедератов и всего объединения с Русью.¹¹ Вторая работа, как и большой очерк Д.А.Расовского «Половцы», посвящена лишь одному этому народу. Она содержит анализ сведений культурно-бытового и этнографического характера, которые дает специфическая категория источников — половецкие каменные статуи. Исходя из ареала статуй и их типов С.А.Плетнева предложила свое определение границ Половецкой земли, оформившихся к началу XII века, а внутри них — территорий основных половецких группировок, союзов орд.¹²

В 1981 году вышла в свет коллективная монография «Степи Евразии в эпоху средневековья», открывающая серийное издание «Археология СССР». Это первое отечественное издание, объединившее весь кочевнический материал IV — XIV вв. степного пояса Евразии и подводящее итоги исследований на тот момент времени.¹³ В ее разделах, касающихся восточноевропейских кочевников X — XIII вв.,

главным образом, повторены основные положения перечисленных выше публикаций. Принципиально новой явилась возможность привлечь к сравнению и анализу большой пласт включенных в данный том материалов по Южному Уралу, Казахстану и Средней Азии, Южной Сибири — регионов, расположенных к востоку от европейской территории и приближенных к исходному ареалу кочевнической культуры эпохи раннего и развитого средневековья, берущей начало от гуннов и тюрок Центральной Азии и Алтая.

В отличие от этого издания, преследующего главным образом публикационные цели, обобщению и теоретическому осмыслению кочевнической культуры в целом посвящена книга С.А.Плетневой о кочевниках средневековья. Она содержит концепцию трехстадиального развития кочевничества в эпоху средневековья (таборное, полукочевое, полуседлое), разработанную с учетом предшествующих точек зрения на социально-экономические отношения в его сфере и на базе всего массива археологических источников.¹⁴

Наконец, две работы 1990 года завершают цикл исследований того же автора по печенежско-торческо-половецкой тематике. Одна представляет собой новый взгляд на кочевнический могильник рубежа I — II тысячелетий у Саркела — Белой Вежи, пока являющейся единственным в Подонье и потому служащий опорным памятником. В ней дана интерпретация социальной структуры и этнического состава оставивших его сообщество, которая опирается на анализ топографии погребений и антропологические выкладки.¹⁵ Другая книга — это история половцев от их происхождения до завершающих их судьбу событий и, кроме того, обзор общественно-экономических отношений и идеологических воззрений в их среде.¹⁶

Все упомянутые работы — это наиболее важные вехи в изучении средневековых восточноевропейских кочевнических древностей. Помимо них существует множество других публикаций по частным вопросам или отдельным проблемам, внесших свой вклад в это изучение, а благодаря размаху раскопок появились региональные базы данных по погребальному обряду и культуре кочевников Заволжья, Южного Урала и Казахстана, Южной Сибири, Алтая, Тувы и Хакасии. Результаты их обработки изложены во многих монографиях, имеющих непосредственное отношение к нашей тематике, которые по мере необходимости будут использованы ниже.

Обратимся к конкретному материалу. По *первоначальной классификации южнорусских кочевнических древностей к печенежским погребениям* были отнесены 48 комплексов IX — XI вв. со следующими признаками подкурганного погребального обряда: 1 — небольшая земляная насыпь, но преобладание впускных погребений, 2 — неглубокая грунтовая могильная яма прямоугольной или овальной формы, 3 — западная ориентировка умершего, уложенного вытянуто на спине, 4 — сопровождающее захоронение головы и ног коня (шкуры или чучела), лежащих в анатомическом порядке слева от покойника с той же ориентировкой, на одном уровне или чуть выше

него на приступке-подсыпке (встречены захоронения тех же частей коня без человека). Погребения содержали скромный по количеству и составу набор вещей из предметов конского и воинского снаряжения, отличительной особенностью которого являлись односоставные удила, т.н. «удила без перегиба». Учитывая временную распространность таких удил от конца IX до XIII в., С.А.Плетнева обозначила ее пик X — XI веками, сочтя этот тип индикатором печенежской группы, в которой преобладали захоронения X в.¹⁷ Ареал этих погребений охватывал степи к западу от Волги до Левобережного Дуная с концентрацией в наиболее тогда изученных местах — Поросье, на Северском Донце и Ростовской области.¹⁸

В отличие от печенежского, *торческому* погребальному обряду кроме тех же признаков было свойственно использование деревянных конструкций при устройстве могил — гробовищ, облицовок, настилов над погребенным. Торческую группу составили только три погребения с Северского Донца, а почти отсутствие торческих могил было объяснено кратковременным пребыванием торков-гузов на исследуемой территории.¹⁹ В классификации присутствует третья группа из 150 комплексов погребений смешанного типа — торко-печенегов и Черных Клобуков. Они также в основном совпадают с печенежскими, но дополняются новыми обрядовыми чертами: 1 — захоронением полного остова коня (в то же время сохраняется обряд погребения его шкуры и при этом отмечены редкие случаи замены частей коня частями быка), 2 — отсутствием в могилах костей коня в ряде случаев, 3 — изменением ассортимента погребального инвентаря, появлением оборонительных доспехов, сбруйных украшений, бытовых предметов и украшений в женских могилах.²⁰ Большинство погребений этой группы датировалось исследовательницей в пределах IX — XII вв., остальные XIII — XIV вв. Основой их массива составили поросские, помимо того зафиксированы они на Северском Донце и в низовьях Дона, Днепра и Днестра.

Анализ поросских погребений конца XI — XIII вв., к которому позднее вернулась С.А.Плетнева, позволил скорректировать предложенную ранее схему. Менее всего это коснулось первой, печенежской группы. Появление в поросских печенежских курганах середины — второй половины XII в. вместо костей коня целой его туши, уложенной на брюхо с подогнутыми ногами, по ее мнению, отражает половецкое влияние.²¹ Кроме того, во всех этих погребениях есть гробы. Их инвентарь характеризуется присутствием не только односоставных удил, но и вtokовидных наконечников копий (не забудем, что это относится уже, главным образом, к XII в.).

Надо сказать, что односоставные удила по классификации Г.А.Федорова-Давыдова делятся на два типа. Бытование типа VI без псалиев, с кольцами на концах ограничивается им XII в. при датировке методом вычисления коэффициента взаимовстречаемости вещей и установления цепочек взаимосвязанных синхронных типов.²² Вместе с тем, традиционное привлечение аналогий для датировок показало, что

удила типа АI с «крылатыми» псалиями относятся к IX — X вв., а типа БI к XII в. (!) выходят из употребления.²³ Думается, более права в вопросе о возрасте удил без перегиба и псалиев С.А.Плетнева, сужающая дату их основного хождения до X — XI вв.²⁴

Более заметные дополнения обновили группу торческих древностей. К специфическим чертам торческого погребального обряда привилось еще две: усложненное оформление могилы в виде приступок или заплечиков и подсыпок и, во-вторых, размещение костей коня выше покойного — слева на приступке ямы или на крышке гроба.²⁵ Как и печенеги, поросские торки стали на определенном этапе хоронить с умершим целого коня.

Согласно Г.А.Федорову-Давыдову, в степях от Урала до Днестра в период с конца IX по XI вв. распространились погребения под земляной насыпью, во-первых, по типу АI в простой яме с западной ориентировкой костяка и без костей коня, а во-вторых, по типам БI — БIII с той же ориентацией и захоронением черепа и ног коня в анатомическом порядке. Останки лошади размещались в яме над человеком, на дне ямы слева от него или на ступеньке. Иногда могилы перекрывались плахами, фиксировался деревянный настил под костями лошади или обкладка деревом стенок ямы. Такие погребения разбросаны в Южном Приуралье, по нижнему течению Волги, Дона и Днестра, но тяготеют к восточной части ареала. Одновременно в степях существовали погребения без коня типа АIV — в ямах с уступами вдоль длинных стенок и типа АVI — в ямах с подбоем в южной стене и уступом вдоль северной, а также с костями коня типа БVI — в яме с аналогичным подбоем и типа БХ — в простой яме, где череп и ноги коня лежат справа от человека с той же западной ориентировкой.²⁶

С учетом тогдашней малочисленности данных Г.А.Федоров-Давыдов сделал вывод о преждевременности попытки разделить погребения этого периода на печенежские и торческие и далее на локальные варианты. Еще С.А.Плетнева обратила внимание на то, что это практически невозможно сделать ввиду сильной перемешанности этих народов во время их жизни в южнорусских степях. До сих пор не удается это в отношении погребений конца IX — конца XI вв. в Днестровско-Прутском междуречье.²⁷ Г.А.Федоров-Давыдов усомнился и в самой возможности существования принципиальных отличий в погребальном ритуале печенегов и торков-гузов, приняв гипотезу об их этническом и культурном родстве. Он первый выявил своеобразие вещевого материала восточной части печенежско-торческого мира, т.е. наличие в комплексах: 1 — фигурных нашивок типов ДII — ДIV в форме стилизованных птичьих фигурок и вариаций на эту тему, 2 — копоушек II типа с овальной ажурной пластиной на конце, 3 — лепных сосудов типов АI и БI — БIII в виде орнаментированных кувшинов с невысоким горлом и горшков с ручками и без них.²⁸

Правда, впоследствии Федоров-Давыдов сделал шаг на пути указанной дифференциации. Это произошло при обнаружении и расту-

щем числе в нижневолжских, нижнедонских и калмыцких степях курганных подбойных погребений, окруженных ровиками подквадратных очертаний и укладывающихся в рамки втор.пол.VII — нач.X вв. Им выдвинута гипотеза о принадлежности таких погребений ранним печенегам периода Хазарского каганата.²⁹ Вообще, вопрос о курганах с квадратными ровиками и подбоями остается пока сложным и дискуссионным, мнения археологов о них расходятся. На основании находок византийских солидов чеканки с 602 по 745 гг., поясной гарнитуры, салтовских сосудов и ряда вещей салтовского облика (серьги со стерженьком) считают возможным соотносить их с собственно хазарами.³⁰ По ряду признаков выявляется также центральноазиатская, предположительно, тюркотская струя в этих памятниках.³¹ Одно из будущих направлений в исследованиях верхней хронологической группы этих памятников можно связать с «хазарскими печенегами», упомянутыми в источнике конца X в. «Худуд ал-Алем». Локализация их расходится: хазарских печенегов помещают либо к востоку от Днепра до Дона, либо на приусьтевых землях Дона и Кубани или в конце X в. в Северокавказской степи к западу от Ставропольской возвышенности.³² Есть мнение, что они еще в IX в. несли воинскую службу в Хазарском каганате, а с приходом основных масс печенегов из Заволжья откочевали на южные окраины каганата, не затронутые переселениями конца IX-начала X вв. Тогда-то они и стали называться «хазарскими печенегами».³³

Подводя итог этому этапу огузо-печенежских археологических штудий, я присоединяюсь к справедливому замечанию, что выделенные С.А.Плетневой этнические, а Г.А.Федоровым-Давыдовым хронологические группы совпали почти по всем параметрам. Разница состоит в том, что Федоров-Давыдов прибавил к ним подбойные захоронения. Что же касается птицевидных нашивок, копоушек с ажурной ручкой и орнаментированных лепных сосудов, то Плетнева причислила их к печенежской материальной культуре.³⁴

Спустя четверть века существенный вклад в *изучение печенежских и огузских памятников* внес **В.А.Кригер**, суммировавший данные о 93-х погребениях огузо-печенежского времени в Заволжье и Южном Приуралье. Благодаря установленной иерархии признаков погребального обряда (общие, локальные и частные) и корреляции их с инвентарем ему удалось разделить весь массив погребений IX — XI вв. на две группы в зависимости от деталей погребального обряда. В **первую** вошли погребения, совершенные чаще в простых прямоугольных могилах и реже в ямах с уступами и ступеньками, часть которых имела деревянное перекрытие. Сопутствующие половине захоронений череп и ноги коня, отчлененные от путовой кости до копыта, укладывались на перекрытие, ступеньку или засыпь могилы почти всегда с той же ориентировкой, что и человек, а иногда с противоположной. Пятая часть умерших помещена в гроб или колоду, господствующая ориентировка западная и юго-западная. Только в этой группе обнаружены удила с изогнутыми S-видными

и прямыми «гвоздевидными» псалиями типов БI и БIII по Федорову-Давыдову, копоушки II типа, птицевидные нашивки, кольцевидные серьги и предметы из золота и серебра.³⁵ Эта группа представлена комплексами из курганов у пос.Увак, Верхне-Погромное, Заплавное, Средняя Ахтуба, на дюне у Лапаса и др.

Вторую группу составили погребения в простых прямоугольных могилах, редко перекрывавшихся деревянными плахами или досками, в основном с той же или изредка восточной ориентировкой костяков. Ее отличительной особенностью являются способы конских погребений: череп и ноги коня (от копыта до пута) либо что-то одно из них находятся на дне ямы, как правило, слева, а иногда справа от человека и так же ориентированы. Инвентарь состоит из оружия и конской сбруи, в наборе которой только здесь встречаются удила без перегиба, часто в сочетании с керамикой. Во вторую группу входят комплексы из могильников Покровский, Александровский, Волчанское, у п/л «Золотая Нива», Ханская могила, Алебастровая гора и др. Картографирование погребений обеих групп не разделило их территориально, но показало, что первые больше концентрируются на левом берегу Волги в Волгоградском Заволжье от устья Еруслана до истока Ахтубы, а вторые севернее них.³⁶

Погребения первой группы В.А.Кригер сопоставил с огузскими. В дальнейшем он уже уверенно связал их с огузским этносом и ограничил их распространение в основном междуречьем Волги и Эмбы, хотя единично они встречаются в Нижнем Подонье и южнорусских степях.³⁷ Кстати, Д.А.Расовский учел в своей работе материал из раскопанного в 1927 г. могильника на Алебастровой горе в Оренбуржье, предположительно приписав его печенегам или торкам.³⁸

К основным, отличительным признакам погребального обряда огузов В.А.Кригер отнес следующие: 1 — прямоугольная могила (такая же в насыпи, если погребение впускное), 2 — деревянное перекрытие на заплечиках или из поперечных плах на засыпи, 3 — погребение черепа или черепа и ног коня на засыпи или на перекрытии. К вспомогательным, единично встречающимся признакам причислены прямоугольная могила с сужающимися ко дну стенками, могила со ступенькой в северной стенке или уступами вдоль длинных сторон, подбойная могила со ступенькой во входе, кости ног коня справа или слева от погребенного на дне ямы, шкура коня на ступеньке.³⁹ Инвентарь огузских погребений содержит такие этнически показательные вещи, как копоушки и птицевидные нашивки-подвески описанных выше типов и свинцовые пряслица в женских и детских могилах, а в мужских — уздечные наборы, в т.ч. накладки с «рубчатым» краем и миндалевидные решмы с выпуклиной, а также поясные наборы и серьги с несомкнутыми концами, с бусиной и с заходящими концами I, X и XII типов по классификации Г.А.Федорова-Давыдова. Для поясных и сбруйных накладок-блоках характерна растительная и геометрическая орнаментация, часть вещей изготавливалаась из драгоценных металлов.

В комплексы входили, кроме того, другие предметы конской упряжи и оружие. В.А.Кригер пришел к выводу, что характерные вещи — украшения-фигурки птиц, копоушки, свинцовые пряслица и определенные уздечные наборы — вместе с тем являются хронологическим индикатором, ибо встречаются только в погребениях X — начала XI вв.⁴⁰ Любопытно, что птицевидные нашивки-подвески и близкие к ним ажурные украшения, копоушки, детали поясных наборов (ременные наконечники с фигурным вырезом с одной стороны и разной формы бляшки-накладки) и сбруи (сердцевидные бляхи-решмы с личиной-колокольчиком по центру) имеют прототипы в кимакских древностях IX — X вв. и сросткинской культуре. Попадание этих выразительных предметов к огузам и печенегам Д.Г.Савинов объясняет контактами с кимако-кипчакскими племенами в период обитания всех их в казахстанских степях.⁴¹ Такое толкование кажется мне более корректным, чем точка зрения В.А.Кригера, привязанная к весьма спорной теории прибайкальского происхождения огузов и, следовательно, их связям с носителями сросткинской культуры в этой области.⁴²

Итак, можно констатировать, что Кригеру, вернувшемуся после Плетневой и Федорова-Давыдова к попытке разделить печенежские и торческие (огузские) погребения, удалось конкретно обозначить огузский пласт древностей и его локализацию в Заволжье и Приуралье. Данные письменных источников о территории расселения огузов неоднократно обсуждались в научной литературе. Известно, что с конца IX по начало XI вв. они кочевали по рекам Эмба, Орь, Илек, Уил, Урал вплоть до Нижней Волги на западе, а на востоке до Южного Прибалхашья, но наиболее компактно обитали в Приаралье, низовьях Сырдарьи и Северном Прикаспии.⁴³ Восточноевропейская часть этой территории совпала с ареалом огузских погребений, особо сосредоточивающихся в среднем течении Илека, низовьях Узеней и Еруслана и по Ахтубе. Здесь огузы безраздельно господствовали в X и начале XI в. до разгрома их кипчаками в промежутке между 1030-1050 гг. и ухода в южнорусские степи, и потому объясняма единичность огузских захоронений этого времени в степях к западу от Волги, которые можно приписывать наемникам хазарского кагана, т.е. отдельным огузским отрядам.⁴⁴ Правда, в междуречье низовий Волги и Дона районы современной Калмыкии остаются пока относительно малоизученными, а происходящие отсюда комплексы описаны и классифицированы не лучшим образом.⁴⁵

На юге огузские земли не ограничивались каспийским побережьем и включали плато Устюrt вплоть до его Восточного чинка у Аральского моря. Свидетельства письменных источников о пребывании здесь кочевников, в т.ч. огузов,⁴⁶ продолжают дополняться открытыми **В.Н.Ягодиным** новыми археологическими памятниками IX — XIV вв. Это курганы и грунтовые могильники, загоны для скота и святилища в придачу к сигнальным башням и небольшим городищам-крепостям, известным ранее благодаря работам Хорезмской архе-

олого-этнографической экспедиции.⁴⁷ Курганы IX — XI вв. под каменной или грунтовой насыпью с каменной обкладкой «черепахой» топографически и по обряду типа А I и Б III аналогичны южноуральским и пока хронологически не разделены. В их инвентаре преобладают предметы конской упряжи и вооружения, а бытовые вещи и украшения встречаются редко.⁴⁸ Часть местных крепостей этого времени нетрадиционно трактуется Ягодиным как крепости-ставки огузских племенных вождей. В их керамическом комплексе есть лепная посуда не хорезмийского происхождения, подобная саркельской печенежско-торческой IX — X вв.⁴⁹ В целом, отмечается этнокультурное единство погребений IX — XI вв. на Устюрте и Южном Урале и в Нижнем Поволжье. В Мангышлакской области в Северо-Восточном Прикаспии в ходе археологических разведок обнаружены курганы X — XI вв., городище Жезды и каменные сторожевые посты IX — X вв., тоже относимые к огузам.⁵⁰ Я сознательно оставляю в стороне тему об огузских городищах и поселениях на Нижней Сырдарье, тяготеющую к вопросам, поставленным Расовским в статье о расселении печенегов и торков на Руси, так как она требует специальной публикации.

Исследованием кочевнических курганов в Заволжье, Приуралье и на Южном Урале занимался также **В.А.Иванов**, а потому посмотрим на его выводы. Во-первых, В.А.Иванов делит здешние погребения X — XI вв. на две локально-типологические группы: горно-лесных районов и предгорий Южного Урала, с одной стороны, и Урало-Волжских степей, с другой. Общим для обеих групп являются земляные насыпи, могилы простой конструкции, западная и юго-западная ориентировка и положение покойников вытянуто на спине. О первой мы говорить не будем (с точки зрения Иванова, она после кушнаренковских и карайкуповских могильников замыкает культурно-хронологическую цепочку, отражающую последовательную линию развития населения указанной зоны). Вторую, важную для нас группу, отличают такие обрядовые признаки: 1 — одиночные погребения под насыпью, 2 — практика впусканых погребений, 3 — деревянные перекрытия над могилами, 4 — захоронение черепа и ног коня (шкуры) рядом с человеком.⁵¹

По мнению В.А.Иванова, малочисленные пока вещевые наборы из погребений обеих групп не образуют статистически обусловленные комплексы, а состоят из выделенных ранее типов, характерных для этого времени. (В этом противоречие В.А.Кригеру, которому удалось определить такой комплекс огузского погребального инвентаря). Это яйцевидные стремена с высокой петлей, удила со стержневидными псалиями и кольчатые без перегиба, бронзовые подвески в виде птиц и копоушки с ажурными ручками, поясные наборы с растительной орнаментацией, гладкие сбруйные налобные бляхи и решмы, удила с 8-образными концами и костяными или бронзовыми псалиями с концами в форме рыбьего хвоста (сросткинского типа), орнаментированные бронзовые бубенчики.⁵²

Совмещение территории печенежских кочевий по письменным источникам X в. с ареалом археологических памятников X — XI вв. Заволжья и Приуралья очертило степную зону между южной оконечностью Уральских гор и Куйбышевским и Саратовским Заволжем, которая совпала с локализацией выделенной Кригером второй группы погребений. В.А.Иванов также установил, что в инвентаре этих погребений часто присутствуют поясные наборы и очень редко — стоящие в изголовье глиняные сосуды (что опровергает старый тезис об ограниченности вещевых комплексов печенежских захоронений исключительно предметами конской сбруи и вооружения), а их обряд совпадает с печенежским в южнорусских степях. Коэффициент типологического сходства курганов выделенной Кригером второй группы и южнорусских печенежских курганов подтвердил этническую близость оставившего их населения. Это дало Иванову возможность говорить о существовании именно здесь Заволжской Печенегии в X — XI вв., которую ограничивали с запада Куйбышевское и Саратовское Заволжье, с севера бассейн Самары и южные пределы современной Башкирии, с востока Уральский хребет, а с юга низовья Узеней и Илека.⁵³ Вопрос о Заволжской Печенегии, очень скромно освещенный письменными источниками, вставал и раньше. Ее помещали между рр.Волгой и Уралом от каспийского побережья на юге до Жигулевских гор на севере, а по времени относили к IX в.⁵⁴ Нетрудно заметить, что Иванов значительно сократил и передвинул ее территорию.

В отличие от предыдущего случая, коэффициент типологического сходства курганов первой группы (по Кригеру) с печенежскими южнорусскими и урало-поволжскими X — XI вв. (по Иванову) оказался невелик. Это упрочило гипотезу В.А.Кригера об огузской принадлежности выделенной им первой группы. Таким образом, современные точки зрения диаметрально противоположны в своем подходе к огузо-печенежским древностям. Одни основаны на теории последовательной смены одного кочевнического этноса другим или разделения огузо-печенежской миграции в Восточную Европу на две хронологические волны. Суть ее в следующем: в первой половине IX в. печенеги из Зауралья и присырдарьинских степей продвигаются в Заволжье, откуда в конце этого века бегут в южнорусские степи под ударами огузов, претендующих на их земли между Волгой и Южным Приуральем. В первой половине XI в. под натиском кипчаков с востока огузы вынуждены покинуть Заволжье и уйти на запад, повторив судьбу печенегов.⁵⁵ Другие мнения зиждятся на идее хронологического и материального единства печенежских и огузских памятников, причем Г.А.Федоров-Давыдов не дифференцирует их территориально, а В.А.Иванов локализует в X — XI вв. на смежных территориях.

В итоге, главное заключается в том, что характеристики погребального обряда и материальной культуры печенегов и огузов, данные разными исследователями, во многом совпадают. Конечно, разноаспектность учитываемых при классификациях многочисленных обрядовых признаков, способных отражать помимо этнических соци-

альные, временные, культурно-бытовые и прочие перемены, значительно усложняют их трактовку и подчас вызывает скептическое отношение к этноархеологическим определениям. Тем не менее, мы можем и должны обращаться к ним, иначе «письменная» и «археологическая» традиции исследований никогда не дополнят друг друга.

В середине XI в. на территории Восточной Европы появляются новые кочевые племена, по отношению к которым в письменных источниках утвердились разные названия: в русских летописях — «половцы», в венгерских хрониках — «куны», в византийских и западноевропейских исторических сочинениях — «команы» и «куманы», а в мусульманских — «кипчаки», собственно тюркский термин. Этому народу посвящен монографический по объему и содержанию труд Д.А.Расовского «Половцы», издававшийся пятью выпусками. Он как бы итоговый в цикле всех публикаций автора в Seminariūm Kondakovianum, т.к. подводит черту под его исследованиями тюркоязычных кочевников Восточной Европы X-XIII вв. И в данном случае Расовский — зачинатель, предпринявший первую попытку свести воедино имевшиеся тогда факты и гипотезы о происхождении и расселении половцев и описать их историю. В отличие от отечественных коллег-предшественников он по-новому преподносит тему, отталкиваясь от азиатского прошлого половцев, их давних и далеких истоков, и — выходит далеко за ее пределы, касаясь также огузов и печенегов.⁵⁶ Потянув за конец нити, Расовский принял распутывать тугой клубок сложных политических и культурно-этнических переплетений, который представляет собой история и генезис тюркоязычных народов со времен древнетюркских каганатов. Разумеется, современное отечественное кочевниковедение вносит свои коррективы в ту краткую и общую схему, которую некогда нарисовал Расовский, имея в своих руках сильно ограниченную в сравнении с нами палитру археологических источников и исследовательских гипотез.

В первую очередь, требует уточнения тезис автора об алтайской прародине древних тюрок. Здесь надо иметь в виду, что к этой прародине имеет отношение лишь одна конкретная этническая группа — род Ашина, называвшая себя «турк» (китайское «туцзюе» с вариантами «ту-кюэ» или «тугю» и монголизированное «тюркют»).⁵⁷ Теперь ранняя история этой группы связывается не только с южноалтайским регионом, куда Ашина попадают во второй половине V в., но и с областями Гаочан в Восточном Туркестане и Ганьсу в Северо-западном Китае, где их предки обитали в III — начале V вв.⁵⁸

Расовский кратко прослеживает историю обоих Тюркских и Уйгурского каганатов с 552 по 840 г. и упоминает втянутые на определенном этапе в их орбиту различные племенные объединения, в том числе печенегов и огузов. Присоединяясь к мнению В.В.Бартольда, он называет огузов и печенегов родственными народами, обитавшими в конце VIII — начале IX вв. по соседству: в сырдарьинских низовьях огузы, а к северу от них печенеги.⁵⁹ Сейчас это территориально-хронологическое соотношение представляется несколько другим.

Общепринятым является аргументированное **С.Г.Кляшторным** тождество ранних печенегов с «кенгересами» начала VIII в. тюркских рунических памятников и «кангарами» в сочинении Константина Багрянородного. Их прародину Кенгю-Тарбан (Отрарский оазис или округ Фараб мусульманских источников) помещают в среднем течении Сырдарьи.⁶⁰ Происхождение кангаров-кенгересов вырисовывается как длительное по времени и отличающееся большой этнической смешанностью.⁶¹

Принимая кенгересов за древнее консолидирующее ядро печенегов, следует отказаться от прежних гипотез *относительно печенежской прародины*. Ее помещали либо возле рр. Урала и Волги,⁶² либо в Приаралье и низовьях Сырдарьи. В последнем случае печенегов возводили к местным сакским племенам («апасиаки» — «пасианы» Птолемея).⁶³ Далее, нужно признать участие в этногенезе печенегов двух основных компонентов — потомков местных ираноязычных племен, входивших некогда в кангюйское объединение, и пришлых с востока тюркоязычных групп.⁶⁴ Отмечаются разные темпы последующей ассимиляции печенегов в системе огузского племенного союза, которая в целом завершилась в XI-XII вв. уже в Восточной Европе. Что же касается их исконной среднесырдарыинской территории, то здесь печенеги не упоминаются источниками с конца IX в., т.к. часть их родов откочевала в разных направлениях, а другие вошли сначала в огузское, а позже в кипчакское племенное объединение. Наверное, обязательно с учетом этого поглощения печенегов огузами и их языковой общности можно считать эти народы родственными.⁶⁵ Археологические памятники и культуры, в том числе каунчинская, отрарско-каратаяуская и поздняя джетыасарская, которые можно увязывать с ранними печенегами и их сырдарыинскими предками, стали известны благодаря работам казахских археологов на Средней Сырдарье и Хорезмской археологической экспедиции в Восточном Приаралье.⁶⁶

Вопрос об исходной области огузского этногенеза по сию пору остается дискуссионным. В данном случае под огузами подразумеваются «гузы», упоминаемые в мусульманских источниках с IX в. севернее Мавераннахра от восточного каспийского побережья до округа Исфиджаб на Средней Сырдарье. Заинтересованных читателей отсылаю к разбору основных теорий на этот счет, имеющемуся в литературе.⁶⁷ На мой взгляд, заслуживает внимания достаточно обоснованная *точка зрения С.Г.Агаджанова*, согласно которой начальный этап формирования огузов как одной из этнических общин Средней Азии связан с Западным Семиречьем, где до середины VIII в. обитала основная их масса. Роль восточной, семиреченской струи в огузском этногенезе не отрицал и **С.П.Толстов**, хотя он — автор теории приаральского происхождения огузов, по которой их коренными предками являются местные массагето-аланские племена.⁶⁸ В связи с падением Западнотюркского каганата в 742 г. и захватом Семиречья карлуками в 766 г. начинается перемещение огузских племен в области сначала среднего, а затем нижнего течения Сырдарьи и в Приаралье в борьбе с жившими

здесь печенегами-кангарами и другими степными племенами.⁶⁹ В низовьях этой реки огузы обосновались примерно к концу IX в. — На те же причины огузской миграции указывал и Расовский, вот только обитание огузов у Аральского моря он удревнял на сто лет, с чем сейчас нельзя согласиться.⁷⁰

Д.А.Расовский, переходя к собственно половцам, начинает с вопроса о множественности их имен и попытки И.Марквартта ответить на него. Исходная посылка Марквартта, вслед за ним Расовского и затем многих других ученых заключается в признании кимаков предками половцев-кипчаков. Кроме того, в движении половцев **И.Маркварт** усматривал участие кунов и кай, считая тех и других вместе с кимаками монгольскими по происхождению племенами, но не слишком повлиявшими на этническую и языковую сущность половцев. Отдельные положения Марквартта и хронологические и источниковые нестыковки в его построениях вызвали критику современников, о чём упоминает Расовский, а вот тезис о роли кимаков в ранней истории половцев-кипчаков и сейчас не оспаривается, но значительно уточняется.

Какими видятся *генезис и начальные этапы истории кипчаков по новым исследованиям и гипотезам?* Известно, что в мусульманских источниках термин «кипчак» впервые упоминается в списке тюркских племен Ибн-Хордадбеха (820-912 гг.), сведения которого, возможно, частично восходят к VIII в.⁷¹ Тюркская надпись на «Селенгинском камне» — уйгурской стеле в честь Моюн-чура середины VIII в. из Шине Усу в Монголии — в чтении Г.Рамстедта и С.Г.Кляшторного дает пока что самое раннее употребление термина «кыбчаки» (кипчаки) в рунических памятниках.⁷² В ее строчках о войне уйгуров с тюркскими каганами в 742-744 гг. говорится о «тюрках-кипчаках» (по Рамстедту) или «тюрках и кипчаках» (по Кляшторному), причем кипчаки на протяжении полувека до этого выступают союзниками тюрок. Предпринятые поиски этого этнонима или его раннего эквивалента в других источниках привели к отождествлению, во-первых, понятий «сиры» тюркских письмен и «кыбчаки» Селенгинского камня, а во-вторых, этнонимов «се» и «сейньто» китайских источников и «сиры» в надписи Тоньюкука. Значит, кипчаки — это те же сиры и сейньто, которые после падения I Тюркского каганата, разгрома уйгурами в середине VII в. и гонений вынуждены были сменить старое имя на новое — «кыбчаки». В дальнейшем после гибели под ударами уйгуров II Тюркского каганата в 744 г. тюрки и их союзники кипчаки, вытесненные из «Отокенской страны», откочевали на пастбища верховий Иртыша и юго-западных склонов Алтайских гор.⁷³ Здесь археологически фиксируются во второй половине VIII — первой половине IX вв. новые варианты тюркских погребений с конем, получившие затем развитие в сросткинской культуре кимаков и ранних кипчаков.⁷⁴

Исследованием этнической истории кипчакских племен среднеазиатского региона целенаправленно занимался **С.М.Ахинжанов** (1939-1991).⁷⁵ Заметно поправив свою первоначальную концепцию,⁷⁶ он в

конечном итоге пришел к одному мнению с С.Г.Кляшторным, продававшим появление кипчаков в Восточном Прииртышье и на юго-западных алтайских склонах (где уже проживали йемеки) второй половиной VIII в. и объяснив его теми же политическими событиями. На новых землях кипчаки первое время находились под кимакским политическим влиянием.⁷⁷ Сведения мусульманских источников о кимаках и их племенном союзе-каганате, существовавшем с конца IX по начало XI вв., собрал и проанализировал **Б.Е.Кумеков**.⁷⁸ Признано, что основой раннего кимакского объединения семи племен стали «йемеки» арабских авторов («имаки» у Гардизи), они же — племена «яньмо» китайских источников, фигурировавшие с VII в. на северных границах Западнотюркского каганата и обособившиеся после его падения в 656 г. Видимо, тогда и начинается постепенное проникновение йемеков в бассейн Иртыша. В ходе цепной реакции распада каганатов в VIII-IX вв. и вызванной этим этнической передвижки вокруг йемеков возникло объединение племен, ставшее в конце IX в. кимакским государством. Оно было сложным по составу, полиглоссальным и насчитывало до 12 федератов, в т.ч. кипчаков, что хорошо иллюстрируется разнообразием погребений IX-X вв. на его основной территории. Она включала казахстанские земли Верхнего и Среднего Прииртышья, но сфера влияния каганата распространялась шире, и это отразилось в тюркизации местного населения лесостепного Обь-Иртышского междуречья и Приобья, заметной по здешним погребальным памятникам.⁷⁹

До недавнего времени считалось, что термины «йемек» и «кимек» (кимак) мусульманских авторов равнозначны.⁸⁰ Новая гипотеза С.М.Ахинжанова подвергла сомнению это тождество. По ней, термин «кимак» искусственный, сугубо книжный, которого нет в тюркских рунических текстах и китайских источниках и который может быть применим к народу «каи», еще обитавшему в начале IX в. в северо-восточных монгольских степях, но уже начавшему поэтапно мигрировать в Прииртышье. Это предположение заметно сближается с выводами И.Маркварта о монгольском происхождении племен каи и кимаков и, вообще, об участии тюркизированных монгольских элементов в цепи народных движений, приведших половцев в Европу. Согласно Ахинжанову, собственно этнонимом (к тому же, собирательным) слово «кимак» стало тогда, когда в IX в. сложилось кимакское объединение племен во главе с йемеками, подмявшими под себя поначалу и кипчаков. Таким образом, кимаки и кипчаки на ранних этапах представляли собой два разных этнических коллектива со своей историей и территорией. — Кимаки (каи) жили на востоке Центральной Азии в монголоязычной этнической среде и, вероятно, были ветвию татарского племени, а кипчаки обитали на отрогах Алтая и в верховьях Иртыша, на крайнем западе монгольских степей, и были тюркоязычными, как йемеки и уйгуры.⁸¹ Бесспорное рациональное зерно этой гипотезы — отсутствие знака равенства между понятиями кипчак и кимак, которое признавалось во времена Расовского.

Возвращаться к кимакам мы уже не будем, поэтому стоит сказать, что *археологические исследования кимакских древностей* в Восточном Казахстане были начаты в 1950-х гг. С.С.Черниковым и Ф.Х.Арслановой и затем продолжены Ю.И.Трифоновым, С.М.Ахинжановым, З.С.Самашевым, а на Западном Алтае — В.А.Могильниковым и др.⁸² Представляет интерес проблема соотношения кимакских памятников и открытой М.П.Грязновым сросткинской археологической культуры, частично вовравшей их в себя. Наряду с более осторожными оценками существует тенденция отождествлять сросткинскую культуру с культурой кимакского государства и тем самым значительно расширять ее ареал.⁸³

Главенство кимаков над кипчаками формально длилось до начала XI в., когда из-за нового, в масштабах всей Евразии брожения кочевых племен кончилась жизнь Кимакского каганата. До сих пор импульсом этого движения большинство ученых признает рост и территориальную экспансию государства китаев (киданей), сложившегося еще в начале X в. в Северном Китае. К этому можно только подключить новое, экономическое обоснование агрессии кипчаков по отношению к огузам, владевшим в начале XI в. главными торговыми путями на юг в Среднюю Азию и на запад в Восточную Европу, в которых остро нуждались кипчаки.⁸⁴ По источникам, этими сдвинутыми со своих кочевий кипчаками были племена «шары», т.е. «сары» — желтые. Расовский подробно излагает ход связанных с этим событий. Он прозорливо подметил, что тюркоязычные кочевые племена, от печенегов до половцев, перемещались на запад широкой волной, выплескиваясь гораздо севернее каспийско-уральских «азиатских ворот». На севере европейской территории эта волна докатывала до нижнего течения Камы и верховий Дона и Донца, а в азиатской части — до среднего течения Ишима и Тобола, т.е. до лесостепного пограничья. Археологические исследования показали, что очерченная Расовским территория в рамках урало-казахстанских степей и юга Западной Сибири действительно совпадает с областью расселения и влияния племен кимако-кипчакского объединения. Правда, точное время, степень и характер их проникновения в южные пределы тамошней лесостепи еще не всегда ясны, а изучение кипчакских урало-казахстанских степей пока набирает обороты.⁸⁵ Указанные районы в Восточной Европе в целом соотносятся с ареалом печенежских и огузских памятников.

Вероятно, на самом деле уже в конце IX в. часть кипчаков была независима, что вытекает из ранних мусульманских источников (Масуди, Худуд ал-Алем). Они описывают кипчаков в конце IX-X вв. как западную ветвь кимаков, помещая их к северу от печенегов, на пространствах от Западного Прииртышья до приаральских степей и юго-востока Урала, и говорят о наличии у кипчаков самостоятельных областей.⁸⁶ Относительно крайней западной ветви племен кимако-кипчакского объединения Б.Е.Кумеков выдвинул новую теорию. Согласно ей, этой ветви являемся куманы — родственное кипчакам племя, обитавшее к востоку от Волги задолго до своего появления

в Европе. Область их расселения представляется следующей: между северными приаральскими степями и предгорьями Южного Урала возле массива Мугоджары, где их южными соседями были огузы, западными — печенеги, северо-западными — болгары, а северо-восточными — кипчаки. Теория выстроена на базе источниковедческих изысканий и сопоставлений всех сведений о куманах у мусульманских авторов XII-XIV вв., но к ней также привлечены лингвистические данные по антропо-, этно- и топонимике. Все в совокупности позволяет, по мнению исследователя, видеть в куманах самостоятельное этническое подразделение, существовавшее уже в IX-X вв., а позже, в середине XI в. как авангард кипчакского движения появившееся в Приазовье и Причерноморье под калькированным русскими летописями именем «половцы».⁸⁷ Те же источники, в трактовке Кумекова, показывают, что и в XI-XIII вв. кипчакская этнокультурная общность была разделена Волгой на восточное и западное этнотERRиториальные объединения, и они отличались племенным составом. На этот факт деления степи на собственно кипчакскую и куманскую у географов XIII-XIV вв. ибн-Саида и Абу-л-Фиды, к коим апеллирует и Кумеков, ранее обратил внимание Г.А.Федоров-Давыдов. Наиболее устоявшейся пока считается локализация Кумании половецкого времени ал-Идриси в Восточной Европе.⁸⁸

Эта теория интересна как пример прочтения письменных источников с определенных методологических позиций (выявление разных временных пластов в компилиативных трудах средневековых авторов, деление источников на генетически неоднородные группы и т.д.). Она лишний раз подводит нас к тому, что должно стоять за отождествлением этнонимов источников и как много еще предстоит сделать на этом пути. — Так, С.А.Плетнева приводит другую любопытную версию, по которой в южнорусских степях в XI-XII вв. шло образование не одного, а двух родственных этносов. Это куны-куманы, кочевавшие западнее Днепра, и половцы, сгруппировавшиеся вокруг шары-кипчаков восточнее по Северскому Донцу и в Северном Приазовье. Важен ее вывод о том, что в начале «европейской» истории половцев такое деление было, видимо, вполне реальным.⁸⁹ В сущности, не столь уж противоречит данному предположению теория Кумекова, ибо она только отодвигает это деление в глубь времени и пространства. Будем надеяться, что археологам в дальнейшем удастся внести свою лепту в решение этой загадки, пока же реальные следы Кумании у Мугоджар не найдены. Вообще, для подробного ознакомления со всеми, в т.ч. ранними этапами истории половцев отсылаю читателя к указанной книге Плетневой. Выше я привела лишь свежие, дополняющие ее гипотезы.

Теперь перейду к *характеристике восточноевропейских половецких древностей второй половины XI-XIV вв.* Первоначально С.А.Плетнева выделила следующие признаки половецкого подкурганного погребального обряда в южнорусской степи: **1** — каменная обкладка насыпи или наличие в ней камней, **2** — сооружение специальной

ямы для сопровождающего захоронения коня (целой туши или ее частей), **3** — перекрытие над могильной ямой, **4** — устройство гробов из отдельных поперечных дощечек и **5** — восточная или западная ориентировка и вытянутое положение костяка.⁹⁰ Инвентарь погребений был насыщенный, разнообразный и состоял из оружия, конской упряжи (подчас, в полном комплекте, с седлом, стременами, уздой и цурками для пут), редких бытовых предметов, украшений. В обобщенном виде он выглядит так: в мужских могилах — сабля в ножнах, копье, деревянный лук со стрелами в берестяном или кожаном колчане с костяными или железными петлями для подвешивания, нож, кресало, плеть с костяной рукоятью, крученый «жезл», иногда металлический котелок или чаша и редко кольчуга и шлем. В женских — серьги с напускной бусиной, перстни, браслеты, витые гривны, лазуритовые подвески и реже бусы; туалетные принадлежности — зеркала и гребни; нож, кресало, ножницы, изредка прядлица, а также остатки головных уборов или накосников. В тех и других могилах иногда сохраняются детали обуви (кожаных сапог) и одежды, т.е. распашных халатов из шелка или парчи с костяными или бронзовыми пуговками-бубенчиками, нижних шелковых рубах, штанов-шаровар.⁹¹

Впоследствии выяснилось, что усложненное устройство гробов является хронологическим показателем периода второй половины XIII-XIV вв., а погребение частей коня в половецких могилах или целого коня в печенежско-торческих — это признаки смешения обрядов у населения черноклобуцкой поросской конфедерации в XII-начале XIII вв. и позже.⁹² Г.А.Федоров-Давыдов тоже констатировал, что половцы принесли с собой в южнорусские степи обычай использовать камень в устройстве могильной насыпи и погребать покойника головой на восток, а с ним целого коня, для которого иногда делалась отдельная яма. Картография Федоровым-Давыдовым погребений половецкого времени, отражающая статус-кво 1960-х гг., показывает, что в XII — начале XIII вв. они разбросаны преимущественно в степях у среднего течения Северского Донца и в низовьях Дона, в Приазовье, Нижнем Приднепровье, Поросье и приднестровских землях. Заметно меньше их было в Поволжье и Заволжье.⁹³

С приходом монголов восточноевропейские погребения степняков приобретают новые черты. В комплексах погребений золотоордынского времени новые предметы — это вопросовидные серьги, орнаментированные зеркала, амулетницы-трубочки, кошели-футляры, крупные стрелы-срезни, резные раскрашенные колчанные накладки из кости, стремена с арочной дужкой и широкой подножкой. Во второй половине XIII-XIV вв., главным образом, в Поволжье, Заволжье и на Южном Урале в могилах распространяются подбои и еще такие специфические вещи, как вырезанные из бронзового листа амулеты-фигурки человечков и монгольские женские головные уборы «бокка».⁹⁴ Теперь подбойные погребения золотоордынского времени зафиксированы и в Нижнем Подонье.⁹⁵ Тогда же во всей степи от Урала

до Дуная растет число погребений с северной ориентировкой и кое-где появляются каменные кладки над могилами вместо насыпей. Все эти признаки Федоров-Давыдов связал с новыми, пришлыми с востока, из Сибири группами (монголов?), которые, на его взгляд, кардинально не изменили этнический состав степи.⁹⁶

Дальнейшие работы уточнили ситуацию в разных частях восточноевропейской степи. Так, в *междуречье Днестра и Дуная* и особенно в буджакских степях Нижнего Подунавья вплоть до середины XIII в. погребения печенежско-торческих племен, видимо, вытесненных сюда половцами, по численности и типовому богатству намного превосходили сами половецкие. Большинство же половецких могил обнаружено к востоку от Днестра на Тираспольщине и датируются второй половиной XI-XIII вв. Следовательно, еще нет оснований говорить о преобладании половцев в Северо-Западном Причерноморье до середины XIII в. Кстати, это же не позволяет уверенно помещать здесь Куманию западноевропейских источников, если куманов отождествлять с половцами.⁹⁷ Во второй половине XIII — первой половине XIV вв. количество и разнообразие типов погребений здесь резко увеличиваются, но из-за большого притока Черных Клобуков, на сей раз из Поросья, и незначительного проникновения ордынцев, а доля половецких памятников уменьшается.⁹⁸

Активизировавшиеся с 1970-х гг. исследования курганов кипчакского времени XII-XIV вв. на Южном Урале и в Заволжье подтвердили кое-какие старые наблюдения и внесли много нового:

— по-прежнему, доля курганов XII-начала XIII вв. здесь совсем мала, подавляющее большинство приходится на вторую половину XIII-XIV вв.

— подбои появляются в указанных областях еще в домонгольскую эпоху не только при половцах, но и при печенегах и огузах, о чем уже шла речь, и их ареал заходит за р.Урал. Захоронения в подбоях есть также гораздо восточнее, например, в прииртышских кимакских могильниках IX-XI вв. Акчий II и Карапаш.⁹⁹

— такие локальные, поволжские по Федорову-Давыдову, признаки погребального обряда, как меловая подсыпка, остатки тризн, заупокойная пища и следы огненного ритуала часто фиксируются в Приуралье и на востоке евразийских степей в казахстанских могильниках X-XIII вв.

— происхождение традиции северной ориентировки Иванов и Кригер тоже связали с востоком Евразии.¹⁰⁰ Вместе с тем, северная ориентировка, меловая или угольная подсыпка и заупокойная пища могут в поволжском регионе в X-XIII вв. объясняться местными старыми корнями.¹⁰¹

Систематизация южноуральских курганов XII-XIV вв. привела к следующим результатам. Материал распределился по обрядовым чертам на две типологические группы — восточную предгорных районов и западную степных равнин. Первую отличает каменное устройство насыпей, второй характерны земляные насыпи. Обеим

группам свойственные множественные общие признаки, а каждой еще и локальные. Они обнаружили большое сходство с могильниками тех же веков в Заволжье: западный южноуральский массив тяготеет к погребениям «царевского» типа южных районов Нижнего Поволжья, восточный южноуральский близок северным нижневолжским погребениям «быковского» типа. В целом, нижневолжские памятники показывают генетическую общность между собой и их можно объединить с соседними западноуральскими памятниками. В конечном итоге, исследователи выдвинули тезис об этнокультурном родстве кочевников, которым принадлежали земляные курганы (с определенными другими признаками) на Южном Урале, нижневолжские курганы и курганы на территории кимако-кипчакского объединения юга Западной Сибири. Их роднят обрядовые обычай: земляные насыпи с костищами и остатками тризны; могильные ямы простые, подбойные или с уступами длинных стенок, куда упиралось деревянное перекрытие; погребения умерших с западной или северной ориентировкой и иногда в гробах или колодах; редкие захоронения коня или его частей. Этими кочевниками, по мнению исследователей, были кипчаки, но, скорее всего, кимако-кипчаки, пришедшие в Урало-Поволжье с монголо-татарским нашествием. Восточная группа южноуральских могильников, с точки зрения Иванова и Кригера, тоже принадлежит к кипчакскому миру, хотя яркие их черты — использование камня в насыпи и погребение целого коня — встречаются на восточном и западном полюсах степного мира.¹⁰²

Свежие материалы из кочевнических курганов золотоордынской эпохи в восточноевропейских степях тоже ярко демонстрируют многообразие тех же деталей погребального обряда, что и в кимако-кипчакском мире. Эта пестрая картина отражает этническую сложность, многокомпонентность населения степей в монгольское время и требует ее тщательного дальнейшего изучения в тесной связи с исследованием кимако-кипчакских древностей. Настает необходимость классификации этих новых источников, и такая работа началась. Среди разнообразных погребений нижнедонских курганов XIII-XIV вв. **В.А.Ларенок** выделила две основные группы:

1. С чертами половецкого времени — подбои, деревянные носилки или гробы, западная ориентировка, сопровождающее захоронение коня или его чучела на ступеньке.
2. С новыми признаками — ямы с заплечиками и деревянным перекрытием со сбруей коня на нем, северная ориентировка, заупокойная пища в виде определенного набора костей овцы.

С учетом инвентаря новые погребения приписывают монголам.¹⁰³ Как правило, курганы обеих групп имели окружные ровики. Надо сказать, что к первой группе в целом примыкают погребения из поволжских могильников Солововка II и у хх.Шляховский и Ветютнев (правда, с неустойчивой ориентировкой), относимые их исследователями тоже к поздним половцам.¹⁰⁴ Вторая группа нижнедонских погребений, в т.ч. могильника на р.Сал, объединима с нижневолжс-

кими погребениями XIII — перв.пол. XIV вв. Царевского могильника и отдельными на территории Калмыкии, хотя полное совпадение всех деталей обряда все-таки не наблюдается.¹⁰⁵ Единственной общей чертой для всех этих локальных групп курганов являются кольцевые ровики вокруг насыпей. Вероятно, можно ее считать хронологическим показателем курганов золотоордынского времени не только на Нижней Волге, но и в Нижнем Подонье.¹⁰⁶ И последнее мое добавление: заметно растет число данных о курганах XIV в. с сырцовыми вымостками и оградками в нижнедонских степях и заволжско-западноуральском регионе и соответственно по проблеме генезиса тамошних сырцовых мавзолеев.

Фактор нашествия и взвихренные им этнические перемены, запечатленные археологически, дают ключ к *трактовке культурной неоднородности земель по разным берегам Волги*, которая проявляется различием погребального обряда и наличием в половецких степях к западу от нее каменных баб. Это уже смыкается с проблемой определения «поля Половецкого» и «Дешт-и-Кипчак», т.е. кипчакской степи, чему много внимания уделил Д.А.Расовский.¹⁰⁷ Впервые по-научному подошел к изучению каменных баб как источника **Н.И.Веселовский**. Он изложил историографию вопроса на начало XX в. и составил свод каменных статуй восточноевропейских степей, предложив считать их половецкими.¹⁰⁸ Следующая ступень в изучении южнорусских каменных баб — это их анализ в 1958 г. С.А.Плетневой с искусствоведческой и этнографической позиций.¹⁰⁹ Надо сказать, что ей заметно помогли уже имевшиеся тогда исследования сибирских и монгольских изваяний, проведенные **Л.А.Евтиховой**, которые легли в основу аналогичного направления в сибирской и среднеазиатской археологии. Современную типологию каменных баб предложили Г.А.Федоров-Давыдов и С.А.Плетнева. Они подтвердили их половецкую принадлежность и датировали концом XI — XIII вв.¹¹⁰ Из поздних работ назову книги Л.С.Гераськовой и Я.Дашкевича и Э.Трыярски.¹¹¹

По накоплении материалов из всей евразийской степи стало ясно, что восточнее Волги в Казахстане и Семиречье в средневековые были распространены изваяния других типов, хотя все степные «истуканы» ведут развитие от древнетюркских статуй Алтая, Тувы и Монголии через кимаков к кипчакам. Трактовка южнорусских каменных баб как надгробных памятников была отвергнута, а их установка объяснена культовым предназначением. Возвышенные места, где находились бабы, видимо, являлись святынями. Судя по последним археологическим данным, существовало два их типа. Одни представляют собой ограниченную 4-угольной каменной оградкой иногда вымощенную площадку, в центре которой на пьедесталах стояли каменные или деревянные статуи лицом к востоку. Возле них обнаружены остатки жертвоприношений животных. Другие — это ямы в центральном или северо-восточном секторе кургана, внутрь которых помещались чаще деревянные статуи и перед ними тоже

жертвоприношения животных. Иногда такие святилища окружены кольцевыми ровиками со следами тризн внутри них.¹¹² Считается, что статуи были объектом культа предков, а каменные воздвигались в память богатым представителям племени или рода.¹¹³

Новая любопытная гипотеза состоит в том, что все статуи сначала ставились на курганах или холмах, но в зависимости от культа менялся и культовый обряд. Если совершались последние прощальные поминки с душой умершего, навсегда покидающей земную юдоль, то статую ломали, сжигали либо закапывали.¹¹⁴ Закопанные статуи неоднократно обнаруживаются в курганах, а образцом может служить хорошо сохранившееся святилище второго типа на р. Сал с тремя спрятанными в земле деревянными статуями.¹¹⁵ Для неоднократного отправления культа обожествленных предков-вождей или выдающихся представителей рода статуи оставлялись стоявшими на поверхности, ибо они воспринимались как заступники-посредники между миром богов и земным миром соплеменников. Постепенно множатся факты, что сооружение святилищ не прекратилось после прихода монголов из-за их политики ликвидации или угона половецкой знати и, видимо, какая-то ее часть могла по-прежнему отправлять старые культуры в местах своего прежнего обитания, не таясь и не пряча идолов, — по крайней мере, до мусульманизации в Золотой Орде в XIV в.¹¹⁶ Однако, чтобы получить большее признание, эта гипотеза требует веских доказательств в дальнейшем.

Картографирование статуй очертило область постоянных кочевий половцев. Анализ эволюционно-типологических рядов и этнографически показательных деталей статуй выявил динамику расселения половцев и локализацию их племенных группировок. В итоге, центр Половецкой земли обозначился в междуречье Днепра и Донца с прилегающими приазовскими степями, где статуй (в том числе всех ранних типов) было больше всего. Отсюда расселение шло на Средний Днепр и Верхний Донец, затем в низовья Донца, Предкавказье, Крым и в последнюю очередь в междуречье Дона и Волги. Практически не известны каменные бабы на западном краю степной ойкумены (у куманов и гузо-печенегов) и Правобережье Днепра, что позволяет приписывать обычай их установки именно шары-кипчакам. Половецкое объединение включало восемь союзов племен или орд: приднепровский, лукоморский, донецкий, приазовский, нижнедонецкий, предкавказский, крымский и поволжский.¹¹⁷

Бабы, могильники и разрозненные погребения, убежища и стойбища-зимники половцев, то есть конкретные следы жизни, с одной стороны, и письменные свидетельства, с другой, — вот два разных источника для определения «поля Половецкого». По названным причинам Расовский больше пользовался вторым, хотя неизвестную нам главу о материальной культуре половцев, естественно, собирался строить на первом источнике. Интересна и ценна его методика анализа летописных сообщений. С одной стороны, учет зимней и летней территорий кочевания, двух сезонных центров. С другой, отбор

тех фактов, где говорится не о походах и столкновениях половцев с русскими, а о вежах-станах, т.е. о кочевьях как землях обитания.¹¹⁸ Кстати, обратно поступил **К.В.Кудряшов**, поставив перед собой ту же задачу о границах Половецкой земли.¹¹⁹ Выводы Расовского о наличии в южнорусских степях дунайской, лукоморской и донецко-донской половецких групп неопровергимы. Другое дело — их локализация, которая несколько «плавает» в вариантах Кудряшова, Федорова-Давыдова и Плетневой. Донецко-донская группа сейчас разделена на две отдельные, а в Поволжье выделяются собственно поволжские половцы и саксины, в которых Расовский видел поздних хазар.¹²⁰ Дунайских половцев, может быть, правильнее пока называть днестровскими, если опираться на результаты археологов. Расовский не выделял из лукоморской группировки крымских половцев, хотя о половцах в Крыму он знал, что ясно из его очерка о *Codex Cumanicus*, и уделил им целый пассаж. Из-за отсутствия тогда данных он ничего не мог сказать о половецких группировках в Предкавказье и устье Волги, существование которых обозначилось позднее благодаря археологическим исследованиям.¹²¹ Так, половецкое присутствие в XII-XIV вв. в Северо-Западном Предкавказье несомненно и постепенно накапливаются материалы о нем.¹²²

Мне импонирует то, что *Расовский описал всю половецко-кипчакскую степь XI-XIII вв. от Иртыша до Дуная*, не забывая об азиатской родине половцев. Название «Дешт-и Кипчак» он применил ко всей этой степи, тогда как данным термином больше пользовались мусульманские авторы для обозначения более знакомой им азиатской, восточной ее части.¹²³ Западная была известна по русским летописям как Половецкая земля, доходящая до Волги.¹²⁴ А территорию к востоку от Волги до восточных пределов евразийских степей признают за Дешт-и Кипчак.¹²⁵ Приятно сознавать, что несмотря на удаленность от родины, он по духу, традициям и тематике интересов, безусловно, являлся русским ученым и проявил глубокую компетентность, тщательность работы и высокую требовательность к себе, без которых и на исходе нашего века немыслима настоящая наука.

На этом я завершаю свой общий обзор, в котором ставила целью показать не весь спектр исследовательских теорий и гипотез, а наиболее обоснованные и значимые современные мнения по вопросам, которые изучал Расовский. Высказанные в его адрес похвалы — отнюдь не конъюнктурные реверансы, но запоздалая дань рано, в 1941 г. ушедшему из жизни одаренному ученому, скрупулезно работавшему в кочевниковедческой отрасли науки. Я стремилась показать, какую лепту во второй половине XX в. внесли в это направление отечественные археологи, чьи выводы нередко подтверждают мысли Д.А.Расовского.

Примечания:

¹ *Фахрутдинов Р.* Кочевой мир средневековой Евразии (обзор археолого-исторической литературы второй половины XX в.) // ТА. — Казань,

1998. — № 2 (3).
- ² Расовский Д.А. О роли Черных Клобуков в истории Древней Руси // SK. — Praha, 1927. — Vol.I; *Он же.* К вопросу о происхождении Codex Cumanicus // SK. — Praha, 1929. — Vol.III; *Он же.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // SK. — Praha, 1933. — Vol.VI; *Он же.* Половцы. I. Происхождение половцев // SK. — Praha, 1935. — Vol.VII; *Он же.* Половцы. II. Разселение половцев // SK. — Praha, 1936. — Vol.VIII; *Он же.* Половцы. III. Пределы «поля половецкого» // Annales de 'L' Institut Kondakov (бывш. «SK»). — Praha, 1937. — Vol.IX; *Он же.* Половцы. III. Пределы «поля половецкого» // Annales de 'L' Institut Kondakov. — Praha, 1938. — Vol.X; *Он же.* Половцы. IV. Военная история половцев // Annales de 'L' Institut Kondakov. — Praha, 1938. — Vol.XI.
- ³ Мавродина Р.М. Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы). — Л., 1983.
- ⁴ Расовский Д.А. Печенеги... — С.55, 58; *Он же.* Половцы. I... — С.247; *Он же.* Половцы. III... — Vol.IX — С.77; *Он же.* Половцы. III... — Vol.X. — С.169, 173, 176.
- ⁵ Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX — XIII вв. — Киев, 1884.
- ⁶ Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. — М.-Л., 1958. — № 62.
- ⁷ Зяблин Л.П. Археологические памятники кочевников X — XIV вв. Рукопись канд. диссертации. — М., 1952.
- ⁸ Мец Н.Д. К вопросу о торках // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. — М., 1948. — Вып. 22.
- ⁸ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М., 1966.
- ¹⁰ Кирличников А.Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX — XIII вв. // САИ. — М.—Л., 1966. — Вып.E1-36; *Он же.* Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX — XIII вв. // САИ. — Л., 1971. — Вып.E1-36; *Он же.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX — XIII вв. // САИ. — Л., 1973. — Вып.E1-36; Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие VIII — XIV вв. Лук и стрелы, самострел // САИ. — М., 1966. — Вып.E1-36.
- ¹¹ Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков // САИ. — М., 1973. — Вып.E1-19.
- ¹² Она же. Половецкие каменные изваяния // САИ. — М., 1974. Вып.E4-2.
- ¹³ Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. — М., 1981.
- ¹⁴ Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. — М., 1982.
- ¹⁵ Она же. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела — Белой Вежи). — М., 1990.
- ¹⁶ Она же. Половцы. — М., 1990.
- ¹⁷ Она же. Печенеги, торки... — С.153-159, рис.2-4.
- ¹⁸ Там же. — С.161, рис.1.
- ¹⁹ Там же. — С.161.
- ²⁰ Там же. — С. 165-171, рис.5,7-10.
- ²¹ Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков. — С.22.
- ²² Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы... — С.105, 115.
- ²³ Там же. — С.19-20.

- ²⁴ Плетнева С.А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону... — С.48-49.
- ²⁵ Она же. Древности Черных Клобуков. — С.14, 20, табл.5.
- ²⁶ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы... — С.134, табл.14.
- ²⁷ Добролюбский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. — Киев, 1986. — С.53.
- ²⁸ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы... — С.67-68, 141-142, рис.9,12.
- ²⁹ Он же. Погребения хазарского времени из урочища «Кривая Лука» // Проблемы археологии степей Евразии. — Кемерово, 1984. — С.93-94; Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. — М., 1989. — С.19.
- ³⁰ Степи Евразии в эпоху средневековья. — С.71-72; Круглов Е.В. Хазарские погребения на р. Аксай // ДВДС. — Волгоград, 1992. — № 2. — С.159; Плетнева С.А. Древние болгары в восточноевропейских степях // ТА. — Казань, 1997. — № 1. — С.44.
- ³¹ Семенов А.И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. — Л., 1988. — № 29; Власкин М.В., Ильюков Л.С. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА. — М., 1990. — № 1. — С.150 и сл.; Безуглов С.И., Науменко С.А. Новые находки византийских и иранских импортов в степях Подонья // Донская археология. — Ростов-на-Дону, 1999. — № 1. — С.35-42.
- ³² Плетнева С.А. Печенеги, торки... — С.213, рис.1, 3; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X — XIII вв. — С.-Петербург, 1994. — С.53.
- ³³ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы... — С.136-137.
- ³⁴ Степи Евразии в эпоху средневековья. — С.213,218, рис.82.
- ³⁵ Кригер В.А. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (Х — XIV вв.). Автореферат канд. дисс. — М., 1985. — С.13-15.
- ³⁶ Там же. — С.16.
- ³⁷ Кригер В.А. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы // Новое в средневековой археологии Евразии. — Самара, 1993. — Рис.2.
- ³⁸ Расовский Д.А. Половцы. II. Разселение половцев. — С.166-167.
- ³⁹ Кригер В.А. Огузские курганы... — С.138.
- ⁴⁰ Там же. — С.139, рис.1.
- ⁴¹ Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. — Томск, 1979. — С.62-63.
- ⁴² Кригер В.А. Огузские курганы... — С.141.
- ⁴³ Якубовский А.Ю. Вопросы этногенеза туркмен в VIII — XI вв. // Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII-XIX вв. — Ашхабад, 1954. — С.7-9; Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX — XIII вв. — Ашхабад, 1969. — С.48 и сл., 72.
- ⁴⁴ Кригер В.А. Огузские курганы... — С.141, рис.2.
- ⁴⁵ Васюткин С.М. О типологии погребений средневековых кочевников Северо-Западного Прикаспия // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. — Пенза, 1990. — С.18-21.
- ⁴⁶ Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. — М., 1948.

- С.249; *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов... — С.77.
- ⁴⁷ *Ягодин В.Н.* Стреловидные планировки Устюрта (опыт историко-культурной интерпретации) // Археология Приаралья. — Ташкент, 1991. — Вып. V. — С.130, 164-165.
- ⁴⁸ Там же. — С.166,169.
- ⁴⁹ Там же. — С.171-175.
- ⁵⁰ *Галкин Л.Л.* Памятники Северо-Восточного Прикаспия // АО 1983. — М., 1985. — С.506; *он же.* Изыскания в Северо-Восточном Прикаспии // АО 1985. — М., 1987; С.566; *Самашев З., Галкин Л.Л.* Исследования в Северо-Восточном Прикаспии // АО 1996. — М., 1997. — С.397.
- ⁵¹ *Иванов В.А.* Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII — XIV вв. н.э. Автореферат докт. дисс. — М., 1990. — С.23-24.
- ⁵² Там же. — С.15-16.
- ⁵³ Там же. — С.35-36.
- ⁵⁴ *Расовский Д.А.* Половцы. II. Разселение половцев. — С.166; *Плетнева С.А.* Печенеги, торки... — С.164, рис.1.
- ⁵⁵ *Плетнева С.А.* Печенеги, торки... — С.162-165; *Кригер В.А.* Огузские курганы... — С.140, карта на рис.2.
- ⁵⁶ *Расовский Д.А.* Половцы. I. Происхождение половцев. — С.248.
- ⁵⁷ об этнониме см.: *Кононов А.Н.* Опыт анализа термина турк // СЭ. — М., 1949. — № 1; *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964. — С.18.
- ⁵⁸ *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники... — С.106-113.
- ⁵⁹ *Расовский Д.А.* Половцы. I. Происхождение половцев. — С.250-251.
- ⁶⁰ *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники... — С.161-179.
- ⁶¹ *Андреанов Б.В., Левина Л.М.* Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в I тысячелетии н.э. // Этнография и археология Средней Азии. — М., 1979. — С.97-98.
- ⁶² *Бартольд В.В.* Новый труд о половцах. Соч., т. V. — М., 1968. — С.395.
- ⁶³ *Толстов С.П.* Огузы, печенеги, море Даукара // СЭ. — М., 1950. — № 4. — С.51 и сл.
- ⁶⁴ *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники... — С.161-179; *Шаниязов К.Ш.* О роли канглийского компонента в этногенезе узбекского народа // Тюркология — 88. — Фрунзе, 1988. — С.507-508.
- ⁶⁵ об этнониме «печенег» см.: *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана Хивинского. — Л.-М., 1958. — С.92-93; *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы... — С.135-136; *Баскаков Н.А.* Микроэтнонимы узлов (огузов) — Черных Клобуков в русских летописях // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. — Budapest, 1982. — t.XXXVI (1-3). — С.41-42.
- ⁶⁶ *Байпаков К.М.* Город и степь в эпоху средневековья (по материалам Южного Казахстана и Семиречья) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата, 1989; *он же.* Археологические исследования в Казахстане (1991-1995 гг.) // Российская археология. — М., 1996. — №1; *Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья (в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.). — М., 1996; *она же.* К истории исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье // Приаралье в древности и средневековье. — М., 1998.

- ⁶⁷ Агаджанов С.Г. Некоторые проблемы истории огузских племен Средней Азии // ТС 1970. — М., 1970. — С.193-196.
- ⁶⁸ Толстов С.П. По следам... — С.244.
- ⁶⁹ Агаджанов С.Г. Огузская проблема и задачи ее изучения // ТС 1973. — М., 1975. — С.10-11.
- ⁷⁰ Расовский Д.А. Половцы. I. Происхождение половцев. — С.250.
- ⁷¹ Кумеков Б.Е. Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII-XIV вв. Научно-аналитический обзор. — Алма-Ата, 1987. — С.5.
- ⁷² Кляшторный С.Г. Кипчаки в рунических памятниках // Turcologica, 1986. — М., 1986. — С.153-162.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. — Л., 1984.
- ⁷⁵ Ахинжанов С.М. Кипчаки в истории средневекового Казахстана. — Алма-Ата, 1989.
- ⁷⁶ Он же. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. — Алма-Ата, 1976.
- ⁷⁷ Он же. Этногенетические процессы на территории Казахстана в конце I тыс. н.э. (кимаки и кыпчаки) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. II. История и археология. — М., 1990.
- ⁷⁸ Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. — Алма-Ата, 1972.
- ⁷⁹ Степи Евразии в эпоху средневековья. — С.30-31, рис.25; Могильников В.А. Некоторые итоги изучения культуры древних тюрок на юге Западной Сибири // Тюркология — 88. — Фрунзе, 1988.
- ⁸⁰ Кумеков Б.Е. Об этническом составе кыпчаков XI-начала XIII вв. по арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. — М., 1990. Вып.2. — С.123-124.
- ⁸¹ Ахинжанов С.М. Этногенетические процессы... — С.106-116.
- ⁸² Степи Евразии в эпоху средневековья. — С.43-46.
- ⁸³ Савинов Д.Г. Расселение кимаков в IX-X вв. по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. — Алма-Ата, 1976. — С.95-104; Он же. Этнокультурные связи енисейских кыргызов и кимаков в IX-X вв. // ТС 1975. — М., 1978. — С.214-219.
- ⁸⁴ Толстов С.П. Города гузов // СЭ. — М., 1947. — № 3. — С.91; Ахинжанов С.М. Из истории движения кочевых племен евразийских степей в первой половине XI в. // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. — Алма-Ата, 1980. — С.46-53.
- ⁸⁵ Степи Евразии в эпоху средневековья. — С.190-193.
- ⁸⁶ О локализации последних см.: Кумеков Б.Е. Арабские и персидские источники... — С.9-10; Савинов Д.Г. Об основных этапах развития... — С.60.
- ⁸⁷ Кумеков Б.Е. Арабские и персидские источники... — С.15-23; Он же. Об этническом составе кыпчаков... — С.118-130; Он же. К кипчакско-мадьярским этническим связям // Культура кочевников на рубеже веков (XIX-XX, XX-XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации. — Алматы, 1995. — С.71-73.
- ⁸⁸ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы... — С.149-150.
- ⁸⁹ Плетнева С.А. Половцы. — С.40-44.

- ⁹⁰ *Она же.* Печенеги, торки... — С.173.
- ⁹¹ Степи Евразии в эпоху средневековья. — С.214-217, рис.82-84.
- ⁹² Там же. — С.219; *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы... — С.130, 145.
- ⁹³ *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы... — С.147.
- ⁹⁴ Там же. — С.36-37, 69, 157.
- ⁹⁵ *Ларенок В.А.* Археологические памятники Нижнего Дона золотоордынского времени // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. ТД VII Донской археологической конференции 22-26 нояб. 98 г. — Ростов-на-Дону, 1998.
- ⁹⁶ Степи Евразии в эпоху средневековья. — С.231.
- ⁹⁷ *Добролюбский А.О.* Кочевники Северо-Западного Причерноморья... — С.56-65.
- ⁹⁸ Там же, с.72-73; *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы... — С.153.
- ⁹⁹ *Ахинжанов С.М.* Работы Новошульбинской экспедиции // АО 1981 г. — М., 1983. — С.431; *Самашев З.С.* Раскопки могильника Карапаш // АО 1981 г. — М., 1983. — С.444-445.
- ¹⁰⁰ *Иванов В.А., Кригер В.А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). — М., 1988. — С.64-65.
- ¹⁰¹ Степи Евразии в эпоху средневековья. — С.219.
- ¹⁰² *Иванов В.А., Кригер В.А.* Курганы кыпчакского времени... — С.45-50, 59-64, 66-67.
- ¹⁰³ *Ларенок В.А.* Археологические памятники Нижнего Дона... — С.128-129.
- ¹⁰⁴ *Мамонтов В.И.* Погребения поздних кочевников из курганныго могильника Солововка II // ДВДС. — Волгоград, 1993. — Вып.3. — С.151-172; *Круглов Е.В., Клепиков В.М.* Средневековые памятники из Фроловского района Волгоградской области // Там же. — С.138-151.
- ¹⁰⁵ *Ларенок В.А.* Позднекочевнический могильник на р.Сал // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. — Азов, 1991. — Вып.10. — С.122-123; *Мамонтов В.И., Ситников А.В.* Средневековые погребения Царевского курганныго могильника // ДВДС. Вып.3. — С.206; *Васюткин С.М., Кольцов П.М.* Исследования позднекочевнических погребений в зоне Калмыцкого магистрального канала (1989 — 1992 гг.) // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. ТД. — Кисловодск, 1994. — С.64-65; *Шнейдштейн Е.В.* Раскопки курганной группы Купцын Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. — Элиста, 1981. — С.116-117.
- ¹⁰⁶ *Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки курганов в зоне строительства... — С.53-56, 61, 72-80; *Васильева И.Н.* Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. — Куйбышев, 1979. — С.236.
- ¹⁰⁷ *Иванов В.А., Кригер В.А.* Курганы кыпчакского времени... — С.67; *Расовский Д.А.* Половцы. III. Пределы «поля половецкого».
- ¹⁰⁸ *Веселовский Н.И.* Современное состояние вопроса о каменных бабах // Записки Одесского общества истории древностей. — Одесса, 1915. — т.XXXII.
- ¹⁰⁹ *Плетнева С.А.* Печенеги, торки... — С.207-211.
- ¹¹⁰ *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы... — С.166-193; *Плетнева С.А.* Половецкие каменные изваяния.
- ¹¹¹ *Гераськова Л.С.* Скульптура середньовічних кочовиків степів Східноп

- Европи. — Киев, 1991; *Дашкевич Ярослав Р., Трыярски Эдвард. Каменные бабы Причерноморских степей. Коллекция из Аскании Новы. — Варшава, 1982.*
- ¹¹² *Швецов М.Л. Половецкие святилища // СА. — М., 1979. — № 1; Степи Евразии в эпоху средневековья. — С.221; Гуркин С.В. Еще раз о святилищах половецкого времени // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991. — Азов, 1993. — Вып.11.*
- ¹¹³ *Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. — С.72-76.*
- ¹¹⁴ *Гуркин С.В. Еще раз о святилищах половецкого времени.*
- ¹¹⁵ *Ларенок В.А. Святилище с деревянными изваяниями на реке Сал // ДВДС. — Волгоград, 1992. — Вып.2.*
- ¹¹⁶ *Гуркин С.В. Еще раз о святилищах половецкого времени. — С.138-144; Атавин А.Г., Андреева М.В. Половецкие святилища из Ставрополья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология. — Ставрополь, 1998. — Вып.1. — С.231-233.*
- ¹¹⁷ *Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. — С.18-23; Степи Евразии в эпоху средневековья. — С.220.*
- ¹¹⁸ *Расовский Д.А. Половцы. III. Пределы «поля половецкого». — Vol.IX. — С.82; Он же. Половцы. III. Пределы «поля половецкого». — Vol.X. — С.165.*
- ¹¹⁹ *Кудряшов К.В. Половецкая степь. — М., 1948.*
- ¹²⁰ *Расовский Д.А. Половцы. III. Пределы «поля половецкого». — Vol.X. — С.163-165; Плетнева С.А. Половцы. — С.149.*
- ¹²¹ *Расовский Д.А. Половцы. III. Пределы «поля половецкого». — Vol.X. — С.161-162*
- ¹²² *Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы... — С.131,161,250-251; ; Плетнева С.А. Половцы. — С.95-99; Зеленский Ю.В. Половцы в Прикубанье и Закубанье // Древности Кубани. Материалы памяти Каминского Владимира Николаевича. — Краснодар, 1997. Декабрь; Он же. История изучения половецких древностей Прикубанья и Закубанья // Древности Кубани. — Краснодар, 1998. Апрель; Армарчук Е.А., Малышев А.А. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. — Армавир — Москва, 1997. — Вып.3.*
- ¹²³ *Расовский Д.А. Половцы. III. Пределы «поля половецкого». — Vol.IX. — С.73-75, 166-175.*
- ¹²⁴ *Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы... — С.150; Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. — Рис.5.*
- ¹²⁵ *Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени... — С.68.*

Светлана Плетнева
ПОЛОВЦЫ У СЕБЯ ДОМА*

В течение нескольких тысячелетий, восточноевропейские степи были колыбелью кочевничества. Одна за другой набегали кочевнические волны из Азии на берега Черного и Азовского морей и многочисленных могучих рек, прорезавших с севера на юг богатейшие пастбищные угодья — необозримые степные просторы. Н.В.Гоголь создал великолепное стихотворение в прозе, посвященное девственной степи: «Степь, чем далее, тем становилась прекраснее ... Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытаптывали их. Ничего в природе не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов ...» («Тарас Бульба»).

Попадая в это царство многотравного изобилия после зауральско-западносибирских скудноватых сухих пространств и азиатских полупустынь, кочевники всеми силами старались закрепиться на этих землях, предоставляющих им возможность максимально полного развития кочевого скотоводства. По словам ал-Джузджани, писавшего свой труд в середине XIII в., «Туши (Джучи. — С.М.), старший сын Чингисхана, увидел воздух и воду Кипчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих»¹. И он решил, что нужно остаться в этих степях. И так, как мы говорили, делали все и до монголов приходившие сюда орды.

Обычно каждая климатическая зона ограничивает видовой состав стад. Особенно ярко это можно видеть на севере — в тундре, где разводят только оленей, или в африканских пустынях, в которых может выжить только верблюдов. Восточноевропейское степное разнотравье позволяло держать стада, в которые входили все виды домашних животных, способных к постоянному передвижению на довольно больших пространствах, т.е. практически всех, кроме свиней.

О составе половецкого стада мы можем судить по неоднократным упоминаниям о нем в летописях. Летописцы с удовольствием перечисляли захваченную во время удачного степного похода добычу, в том числе и скот — основное богатство кочевника. Впервые такое перечисление помещено под 1103 г., когда после победы над половцами у Молочной «взяша бо тогда скоты, и овце, и кони, и вельблуды». Это наиболее полная характеристика половецкого стада. Как мы видим, в него входили даже верблюды, а наличие в стаде «скотов», т.е. крупного рогатого скота, свидетельствует о развитости кочевнического хозяйства. К сожалению, обычно летописцы, рассказывая о добыче, просто указывают на взятие стада. Однако после особенно удачных походов они говорят о захваченных конях и

* Печатается по: Плетнева С.А. Половцы. — М.: Наука, 1990. — С.110-145.

овцах (1111 г.), о «скотах» и конях (1170, 1193 гг.). Естественно, самой ценной добычей всегда были кони — основная военная и рабочая сила в эпоху средневековья не только у кочевого, но и оседлого земледельческого населения, поэтому о них пишут чаще, чем об остальных взятых в вежах животных (юрты, кибитки, в данном случае — огражденное кибитками кочевые. — Ред.).

Кипчаки и кимаки, захватив степи и разделив зоны кочевания между собой, довольно долго кочевали по степям круглогодично, ведя так называемое таборное кочевание. Степь была настолько обширна и богата травами, что в первое время можно было кочевать, не деля ее на более мелкие участки между ордами, куренями и аилами.

Аммиан Марцеллин, писавший в конце IV в. о гуннах, находившихся на этой же стадии экономического развития, что и половцы в середине XI в., так характеризует кочевническое экстенсивное «хозяйствование» гуннских орд: «Придя на изобильное травою место, они располагают в виде круга свои кибитки... истребив весь корм для скота, они снова везут, так сказать, свои города, расположенные на повозках... Гоня перед собой упряженых животных и стада, они пасут их...»². Русский летописец был отлично осведомлен об этом способе кочевания. Рассказывая под 898 г. об утрах, проходивших мимо Киева, он говорит: «пришедше к Днепру, сташа вежами, беша бо ходяще, яко и половци»³. Мы знаем, что экономике, находящейся на стадии таборного кочевания, свойственен в общественных отношениях военно-демократический строй. А для последнего уже характерны социально-политические объединения типа союзов племен.

Именно такими союзами, во всяком случае первоначально, были объединения XI в., возглавленные в конце этого века Боняком, Шаруканом, Тугорканом, Урусобой и пр. Основной целью их был захват все новых и новых земель, максимальное владение степью, а где это было возможно, и лесостепными районами.

Однако довольно быстро этот процесс захвата прекратился — многогравные богатые пастбища вполне, видимо, обеспечивали кормами громадные стада. В то же время содержание скота на подножном корме круглогодично приводило к необходимости более рациональной организации освоения степи, в частности более строгого разделения кочевок на летние и зимние. Экономическая необходимость стимулировала установление для каждого степного подразделения определенных маршрутов перекочевок и более или менее постоянных мест для зимних и летних становищ.

Половцы уже в последние десятилетия XI в. перешли ко второй стадии кочевания. От первой она отличается, прежде всего, разделением пастбищ на определенные участки, принадлежавшие конкретным ордам, куреням и аилам, т.е. значительно большей стабильностью кочевых группировок, ограниченных в своем движении четкими пределами. Усиливавшаяся с каждым годом стабилизация сделала кочевников доступными для русских полков. Первые походы русских в степь — косвенное, но надежное свидетельство возникновения у

половцев определенных мест становищ. Другим доказательством является установка вблизи становищ и на кочевых маршрутах многочисленных святилищ предков с одной, двумя, десятью и более каменными статуями. Кроме того, в районах, наиболее населенных, начали сооружать над погребенными большие или малые курганы, а иногда и целые могильники (до этого половцы предпочитали захоранивать своих умерших родичей в древних курганных насыпях). Распространение каменных статуй и курганных захоронений, датирующихся по сопровождающим вещам XII в., дает представление о расселении половцев в степи. В предыдущей главе мы проследили, как расселялись половцы в первой половине XII в. (по распространению статуй «промежуточных» типов). Статуй следующей, «эволюционной» группы встречаются в значительно большем количестве сравнительно с ранними и «промежуточными». Это говорит, очевидно, не только о широком развитии камнерезного ремесла у половцев во второй половине XII в., но, по-видимому, и о количественном росте половецкого населения в ордах.

К сожалению, в письменных источниках почти не сохранилось сведений о размерах кочевнических, в частности половецких, орд. Тем не менее, по отрывочным упоминаниям мы можем все-таки составить какое-то представление об этом. Так, византийская царевна Анна Комнина писала о плenении 30 тыс. печенегов. Даже если допустить, что в битве погибли все печенежские воины, т.е. примерно 6-7 тыс. человек (напомним, что соотношение количества воинов от всего количества населения 1:5), то величина орды не превышала 40 тыс. Так, с 40-тысячной ордой откочевал в Венгрию из восточноевропейских степей хан Котян в 1237 г. Видимо, можно считать, что это был обычный, самый распространенный размер одной орды. В 1109 г. 2 декабря, боярин Владимира Мономаха Дмитрий Иворович с полком взял у Дона (Донца) 1000 половецких веж. В одну вежу, или, как их называли русские, чадь (большую семью), в среднем входило не более 35-40 человек, а значит, боярину удалось захватить в плен целую орду. Удался этот отчаянный набег потому, что зимой кочевники были, как правило, ослаблены, заняты поисками наиболее удобных пастищ, а если зима была суровой, то просто спасением скота от голодной смерти. И сами они, и их кони зимой нередко голодали и, во всяком случае, не были способны к решительным действиям. Надо сказать, что это обстоятельство отлично было известно на Руси: обычно русские отправлялись в степь за полоном и в последующие годы зимой (иногда подчеркивается, что зима была «лютой») или ранней весной, когда половцы еще не оправились от тяжелой зимы и, главное, не могли быстро маневрировать по степи из-за весеннего отела скота. Характерно, что и половцы при нападениях на русские земли всегда учитывали время наибольшей занятости населения княжеств полевыми работами и приходили на Русь летом (иногда по три раза за сезон!) или же, пользуясь бедственной засухой, почти беспрепятственно грабили русские пограничные села и городки.

Возвращаясь к вопросу о численности половецкой орды, следует вспомнить 7 тыс. воинов хана Селука, пришедших на Черниговщину в 1128 г. С учетом того, что часть воинов все же осталась в вежах, можно думать, что и орда Селука достигала того же «среднего» размера — 40 тыс. человек. Правда, были в степях и менее крупные группировки, например, орда Башкорда, в которую входили всего 20 тыс. человек. Еще меньше была орда (возможно, курень) хана Тоглия, о которой летопись упоминает в связи с событиями 1172 г. Размеры всей группы равнялись 7 тыс., а воинов они выставили 1200, т.е. и здесь примерно соблюдалась пропорция 1:5.

Несмотря на несомненное существование в степях самых различных по величине и политической значимости подразделений, представляется весьма вероятным, что размеры орд колебались от 20 до 40 тыс., причем преобладали 40-тысячные орды. Вместе с окружающими вежи стадами это были весьма представительные объединения, и недаром Аммиан Марцеллин писал о том, что гуннские становища напоминают ему города на колесах. Всего в восточноевропейских степях кочевало в первой половине XII в. не менее 12-15 орд, а это значит, что общее количество населения равнялось примерно 500-600 тыс. человек. Если учесть, что в среднем малая семья в пять человек, чтобы вести кочевое хозяйство, должна была иметь стадо, соответствующее по поголовью 25 лошадям (1 лошадь=5 голов рогатого стада+6 овец), то можно представить себе размеры передвигавшихся по степям соединений кочевий-веж. Следует помнить также о существовании степных богачей, имевших во владении стада, состоявшие из 10 тыс. коней и 100 тыс. голов овец⁴. Поэтому, несмотря на природные богатства, южнорусские степи фактически могли обеспечить в целом небольшое количество скотоводов-кочевников. Требовались новые земли и постоянная забота о добыче новых средств к существованию. Тем более что вновь, как два столетия назад, в Приуралье у шары-кипчаков (половцев) наметилась к середине XII в. тенденция к демографическому подъему. Донецкая орда начала активно расселяться на запад, и этот процесс продолжался и во второй половине XII в. «Донцы», судя по распространению каменных статуй, заняли уже правый берег Днепра вплоть до Ингульца и крымские степи. Интересно, что на Ингульце (Ивле, как называет его летописец) стояли «сторожи половецкие» — в 1193 г. в походе русские полки, прежде всего, столкнулись с ними, а потом уже пошли к Днепру — вежам и стадам. Ивля, видимо, была тогда как бы пограничной западной рекой половецких (шары-кипчакских) кочевий. Очень увеличилась численно нижнедонская группировка половцев, продвинувшаяся на восток по степям до среднего течения Дона. То же случилось и с предкавказской ордой, распространившейся не только в прикаспийских степях современной Калмыкии, но и в Дагестане (в грузинской летописи упоминаются «дербентские кипчаки»). Там уже в первой половине XI в. восточные авторы помещали город Саксин. Ал-Гарнати побывал там дважды — в 1131

и 1153 гг. Он писал, что основное население Саксина — гузы, а кроме них там живут хазары, болгары и сувары⁵. При этом гузы и болгары управляются разными эмирами. Этнический состав города позволяет нам предполагать, что Саксин возник на руинах хазарской столицы Итиль. Как городки на Донце, как Белая Вежа, Саксин превратился в ремесленный степной городок, вокруг которого раскидывали свои кочевья кипчаки-половцы. Сохранились сведения, что в конце XII в. город часто грабили отдельные кипчакские отряды. Тем не менее, он продолжал существовать вплоть до монгольского нашествия и даже дал области вокруг него свое имя. Его получили также и кочующие вокруг него половцы. Русский летописец именует их отдельно от половцев: «саксины» и «половцы» фигурируют в летописи в рассказе о нашествии монголов. Очевидно, это вполне оправданное деление, поскольку на Нижней Волге население было всегда очень смешанным. Недаром Рашид ад-дин уже в XIV в. называет кипчакские степи Поволжья «Дешт-и-Хазар», т.е. хазарские степи. Население Хазарского каганата продолжало жить вместе с новыми завоевателями. Вероятно, именно из-за смешанности населения здесь, на Нижней Волге, кипчаки не ставили святыни с каменными статуями: обычай «заглох» в чуждой этнической среде.

Как бы там ни было, но следует констатировать, что во второй половине XII в. половцы и куманы освоили все восточноевропейские степи. Подунайская орда кочевала на крайних западных придунайских степях, саксины — на поволжских. Друг от друга они были отделены почти 2000 км. Весьма значительны были их владения и в меридианном измерении. В Приднепровье и Подонье расстояние между северным краем их кочевий до Предкавказья и Крыма равнялось 500-750 км. Очень выразительно и в то же время точно характеризует границы Половецкой степи автор «Слова о полку Игореве». Он перечисляет «земли незнаемые», недоступные русским: Волга, Поморие, Посулие, Сурож, Корсунь, Тмутаракань⁶. Здесь перечислены, как мы видим, и Поволжье, и Приазовье-Причерноморье, и крымские города Сурож и Херсонес, и прикубанские (таманские) степи. Не говорится совсем только о западных рубежах, поскольку князь Игорь направлял свои полки не на куманские, а на собственно половецкие кочевья — на средний Донец.

Следует сказать, что монголы, захватившие степи после половцев, кочевали обычно вдоль рек — в меридианном направлении⁷. Зимой они располагали свои кочевья на юге, а на лето отходили к северу, нередко в лесостепные угодья, дававшие не только корм скоту, но и великолепную возможность организации облавных охот, всегда игравших большую роль в жизни кочевых народов.

Очевидно, несмотря на наличие больших и богатых городов, у золотоордынцев по существу сохранился первый способ кочевания — круглогодичный. Вести его позволяли необъятность степей и тот факт, что их было сравнительно немного, и они были в степях абсолютными хозяевами.

Совсем иное положение было у половцев. Разделив степи между ордами, они тем самым ограничили территорию передвижения по степи каждой отдельной группировки. Сезонные перекочевки велись внутри ордовой территории, что и отличает второй способ кочевания от первого. Размеры кочевий каждой орды не превышает 70-100 тыс. кв. км, т.е. в среднем каждое степное владение равнялось примерно одному из русских княжеств. Летние стойбища у половцев, по словам грузинских летописей, назывались айлаг, а зимние — кышлаг. Рашид ад-дин писал, что также называли свои сезонные ставки монголы⁸.

Меридианые маршруты существовали, возможно, только у донских половцев, откочевавших весной на берег Азовского моря. При этом длина маршрута была в целом очень небольшой — 150-200 км. Зимние становища располагались у них в северной части маршрута — на берегах правых притоков Северского Донца — Тора с малыми притоками. Об этом мы знаем из летописи, подробно разбирающей поход Игоря на половцев в 1185 г., и из «Слова о полку Игореве». Оба источника указывают, что кочевья Кончака стояли на Торе, недалеко от Донца. Мы уже писали, что вежа — это, скорее всего, поставленные в круг (как у гуннов) юрты. При передвижениях юрты ставились на большие повозки. Монах-францисканец Плано Карпини и монах-минорит Вильгельм Рубрук проехали по евразийским степям в XIII в. после завоевания их монголами. Оба очень подробно описали в своих записках-отчетах быт монголов. Он мало отличался от более раннего времени, поэтому вполне правомерно использовать их данные, в частности при характеристике половецких жилищ. Плано Карпини более лаконичен, поэтому приведем его сообщение: «Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скучести людей. Некоторые быстро разбираются и чинятся и переносятся на выочных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках. Для меньших при перевезении на повозке достаточно одного быка, для больших — три, четыре и даже больше, сообразно с величиной повозки...»⁹. Таким образом, кочевники пользовались двумя типами юрт — одни ставились на телеги, другие — стационарные — на землю.

Юртами пользовались также горожане. Так, ал-Гарнати говорит о том, что в Саксине жилищами служили громадные «палатки». Естественно, чем стационарнее становились зимние становища, тем больше появлялось в степи веж с наземными юртами. Именно такие юрты стояли в становище хана Кончака, привезшего туда пленного Игоря в 1185 г. Игоря поселили в одной из них. Собираясь бежать, он, выходя из жилища, «подоима стену и лезе вон», т.е. явно он жил в юрте с войлочными стенами, которые легко можно было откинуть

и поднять¹⁰. Как известно, Игорь был в плену весной и летом, однако становище было полно стационарных веж: летописец писал о бегстве князя «сквозь вежа» — через все обширное становище, тянувшееся по обоим берегам Тора до берега Донца, — «и потече къ лугу Донца», — писал автор «Слова»¹¹. Были известны половцам и жилища с глинобитными стенами. Пока мы знаем только одно зимовище с такими постройками — Белую Вежу. Обычно неразборные дома сооружались кочевниками, переходящими уже к третьей (полуседлой) стадии кочевания. Думается, появление у половцев глинобитных домов объясняется тем, что Белая Вежа после ухода оттуда русских осталась городком со сложившимися уже «градостроительными» традициями: следует помнить, что хазарское население города продолжало жить и даже заниматься некоторыми ремеслами в этом поселении, со всех сторон окруженному кочевьями до последних десятилетий XII в. Такие ремесленные поселки появлялись в степях и заселялись сначала этнически иным населением (остатками побежденных и завоеванных народов). Однако именно их влияние нередко вызывало первые шаги кочевников к оседлости, поскольку именно там оставались на лето не имевшие возможности кочевать беднейшие члены кочевых группировок. Экономическое и социальное расслоение приводило к тому, что их с каждым годом становилось все больше.

Впрочем, этот процесс у половцев был сильно замедлен, поскольку восстановление экономического потенциала каждого аила у них шло за счет грабежа соседних русских княжеств, на которые с поражающей последовательностью наводили их ссорившиеся друг с другом русские князья на протяжении нескольких десятилетий первой половины XII в. Не прекратили они этой практики и в последующие десятилетия.

Не говоря уже о движимом имуществе и скоте, тысячи русских людей отправлялись половцами на крымские рынки для продажи. Половцы быстро поняли всю выгоду тесного общения с торговыми крымскими городами. Подкочевывая к их стенам, подгоняя к ним скот и пленных, они отнюдь не стремились взять, разграбить и сжечь их, как делали они обычно на русском пограничье. Из крымских городов шли в степи роскошные вещи и драгоценные ткани, предметы местного ремесленного производства, вина в амфорах и пр.

Наиболее активно в XII в. шла торговля с Корсунью (Херсонесом), где царили византийские купцы, Сурожем (Судаком), который был освоен итальянскими купцами (в основном генуэзцами), и Тмурараканью, в которой, помимо византийцев, большую роль играли собственно тмурараканские купцы и ремесленники (как и в Белой Веже, преимущественно остатки хазарского населения).

В середине XIII в. араб Ибн ал-Асир писал о Суроже: «Этот город (Судак) кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он [лежит] на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждами: последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, бургасские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся в земле их»¹².

Замечательным памятником — свидетельством вполне налаженных отношений крымских городов с половецкой степью — является знаменитый Половецкий словарь (*Codex Cumanicus*), который был создан в одном из этих городов. Словарь составлен из двух тетрадей. В первой из них, наиболее существенной, помещены два списка слов. Один список состоит из 1560 слов, размещенных в порядке латинского алфавита в трех колонках: латинской, персидской и половецкой. Во втором списке (1120 слов) слова объединены в смысловые группы. В каждой от 4 до 90 слов. Безусловно, в основном они отражают потребности и интересы купцов и ремесленников, живших и работавших в приморском городе. Там мы находим такие слова, как базар, торговля, продавец, уплата, долг, цена, монета, меняла, чернила, бумага, перечисления предметов торговли, в основном названия тканей разных сортов, перечисления названий восточных товаров (пряностей, духов и пр.). драгоценных камней и, наконец, рабов. Группы слов отражают занятия ремеслами: строительным, портняжным, а также называют такие профессии, как врач, хирург, художник, трактирщик, мясник и т.д.

Кроме того, некоторые группы слов дают нам общие понятия, необходимые при характеристике человека (умный, красивый, знатный, щедрый), города (ров, мост, улица, дом и пр.), природы (гора, море, долина, трава и т.д.). Помещена там и специальная группа, рассказывающая нам о номенклатуре половецкого общества (на этом мы остановимся ниже).

Вторая тетрадь Словаря начинается половецко-немецким словариком и представляет собой бессистемный набор слов и фраз самого разнообразного значения. Там же помещены грамматические заметки по половецкому языку, список половецких загадок и христианские тексты на половецком языке или латино-половецкие билингвы.

Рукопись Словаря хранится в библиотеке св. Марка в Венеции. Датируется она 1303 г. Мы не знаем, указан в рукописи год составления Словаря или год его переписки или даже сшивки двух очень отличающихся друг от друга тетрадей. Очевидно, вторая тетрадь составлена была немецкими монахами-францисканцами, проникавшими в Крым и Причерноморье с целью проповеди христианства в середине XIV в.. Они, видимо, и сшили обе «половецкие» тетради и после этого Словарь попал на хранение в библиотеку.

Представляется, что процесс составления обширного словаря первой тетради, охватывающей многие вопросы жизни и быта крымского города и половецкого общества, проходил постепенно (поэтапно), а это значит, что нельзя считать Словарь «срезом» с узкого отрезка времени. Видимо, мы имеем все же возможность и право проецировать сведения, сохранившиеся в Словаре, не только на весь XIII, но даже и на XII в. (во всяком случае, на его вторую половину).

Данные Словаря о ремеслах относятся к городским крымским ремеслам. О собственно половецких производственных навыках нам дают представление некоторые виды и типы вещей (оружие и

украшения), находимые в погребениях, а также уже неоднократно упоминавшиеся нами каменные статуи.

В большинстве мужских захоронений вместе с покойниками помещали коня со сбруей и оружие. Обычно до нас доходят только металлические части этих категорий предметов: железные удила и стремена, подпружные пряжки, железные наконечники стрел, сабельные клинки. Кроме того, почти в каждом погребении мы находим железные небольшие ножики и огнива. Все перечисленные предметы отличаются необычайным единобразием размеров и форм. Эта стандартизация характерна для кочевников всей европейской степи вплоть до Урала. Изменения типов этих вещей происходили всюду почти единовременно. Все это позволяет заключить, что в зимних становищах у половцев (как и у других степняков) было неплохо налажено кузнечное производство со своими традиционно степными приемами и критериями. Из кузни в кузню быстро распространялись по степи нововведения: большая искривленность сабель, арочные простые стремена, удила с большими плоскими кольцами и т.д. Очевидно, разбросанные по степи мастера-кузнецы были довольно тесно связаны друг с другом.

Помимо железных вещей, в погребениях степняков постоянно находят остатки берестяных и кожаных колчанов (последние с железными «скобками»), костяные накладки-петли для берестяных колчанов, костяные накладки на лук и костяные «петли» для конских пут. Для всех этих вещей и отдельных деталей характерно также единобразие. Этот факт и к тому же тщательность отделки предметов (в частности, шлифовка поверхности кости) заставляют думать, что они изготавливались специалистами. В долгие голодноватые зимы какая-то часть половцев занималась, очевидно, дополнительно к пастьбе различными промыслами. Одни kleили луки, другие колчаны, третьи были костерезами. Были среди них и седельники, поскольку изготовление седла требовало специальных навыков и знаний, шорники. Конечно, сбрую для своего коня мог сшить любой кочевник, приобретя у кузнеца удила и соединительные кольца, однако сложные, украшенные дорогими бляхами сбруйные наборы, несомненно, делали специалисты-шорники.

В степных женских захоронениях попадаются самые разнообразные украшения. Возможно, часть их привозилась из соседних стран, однако половчанки носили своеобразный головной убор, характерные серьги и нагрудные украшения. Они не известны ни на Руси, ни в Грузии, ни в Византии, ни в крымских городах. Очевидно, следует признать, что их изготавливали степные мастера-ювелиры.

Основной частью головного убора были «рога», сделанные из серебряных выпуклых штампованных полуколец, нашитых на войлокные валики. Подавляющее большинство каменных женских изваяний изображалось именно с такими «рогами». Правда, иногда эти роговидные «сооружения» использовались и в качестве нагрудных украшений — своеобразных «гривен». Кроме них, половецкие женщины

носили и более сложные нагрудные подвески, игравшие, возможно, роль амулетов. О них мы можем судить только по изображениям на женских каменных статуях.

Особенной оригинальностью отличаются, по-видимому, весьма модные в степях серебряные серьги с дутыми биконическими или «рогатыми» (с шипами) подвесками. Их носили не только половчанки, но и черноклобуцкие женщины.

Иногда, очевидно, вместе с женщинами они проникали из степи и на Русь — отказаться от любимого украшения жена-половчанка не хотела.

Еще более типичным украшением для кочевников (половцев и черных клобуков) было употребление ими металлических зеркал, отлитых из светлой бронзы, прекрасно отшлифованных с одной стороны дисков с петлей на обратной стороне. Носили их женщины обычно в кожаных или матерчатых сумочках на поясе. На Руси зеркалами вообще не пользовались. Эта чисто восточная вещь была распространена в степях повсеместно с древности. Множество зеркал в средние века поступало к кочевникам из Китая и Ирана. Обычно обратная поверхность у них украшена сложнейшими узорами — изображениями растений, животных, драконов и пр. В Хазарском каганате нередко делали отливки с этих роскошных экземпляров, половецкое производство зеркал, видимо, явилось прямым продолжением хазарского. Не исключено, что и продолжали его потомки хазарских литеищиков, оставшиеся жить, как мы видели, в Саксине, Белой Веже, городках на Донце и т.д. Правда, они уже не рисковали делать копии с восточных образцов. Зеркала были простые — на обратной стороне, кроме массивной петли в центре, выделялся бортик и иногда два перекрещивающихся у петли валика, образующих крестовидный знак.

Таким образом, есть все данные говорить о существовании в половецком обществе какой-то ремесленной прослойки. Одни из ремесленников предпочитали сидеть в становищах и городках, другие могли быть бродячими, переходящими из становища в становище в поисках заказов. Такими бродячими мастерами были, видимо, многочисленные скульпторы, изготавливавшие по заказам половцев каменные изваяния. Это было налаженное сложное дело, включавшее знания, навыки и таланты архитекторов, камнерезов и скульпторов. Мы уже неоднократно указывали на то, что каменные статуи устанавливались в квадратных в плане святилищах. Стены святилищ складывались обычно из плитняка настолькоочно, что нижние «венцы» многих из них достояли до наших дней. Иногда по периметру святилища ставились небольшие фигуры животных, которые должны были сопровождать предка в быту и на охоте: коня, верблюда, барана, кабана, медведя. Видимо, изготовлению их не придавалось особо важного значения (не исключено, что многие из них сделаны из дерева и не дошли до нас), поскольку «вялились» они довольно небрежно: считалось достаточным, чтобы в фигурке укладывался хотя бы вид животного.

Значительно больше времени и сил, а также способностей тратил мастер на изготовление человеческой скульптуры. Во-первых, он должен был найти для этого заранее рассчитанных величины и пропорций камень — видимо, заказать его в одной из окрестных каменоломен. Во-вторых, получив камень, мастер размечал его, учитывая будущие пропорции статуи. В настоящее время эти пропорции (сильная укороченность нижней части) кажутся нам результатом недостаточной квалификации скульпторов. Такое явное, повторяющееся на всех, даже на самых совершенных, изваяниях нарушение, очевидно, возникло не случайно. Дело в том, что статуи ставились на постаментах и к тому же на высоких местах. Подойдя к изваянию вплотную для принесения жертвы, человек должен был взглядом охватить всю скульптуру, а не только ее ноги, которые в случае изображения их естественной длины, казались бы чудовищно длинными. Половецкие камнерезы решили эту проблему, нарушив пропорции фигур. Однако в изображении остальных деталей некоторые из них достигали высокого мастерства, особенно в изображении лиц, в которых иногда видно стремление не только к формальному портретному сходству, но и отражению характера умершего предка.

Скульпторы отлично знали и свойство камня выветриваться на открытом воздухе. Для сохранения своих произведений они тщательно шлифовали поверхность, на что также уходила масса времени и умения. Затем они раскрашивали их какими-то органическими красками. Таким образом, статуи выглядели весьма живописно и, безусловно, производили очень сильное впечатление на всех проезжавших мимо и на собственных родичей. Полного расцвета изготовление статуй достигло во второй половине XII в. В конце этого столетия и в начале следующего появились в степях «стеловидные» статуи. Они верно изображали фигуру — с грудью, выпуклым животом, вогнутой спиной, тщательно проработанными чертами головных уборов и лиц, но ваялись без рук и ног. Такой переход к некоторой условности изображения, как правило, в любой отрасли искусства появляется на ее закате, поэтому возможно, что мода на установку каменных статуй понемногу начала затухать в степях.

Следует сказать, что одновременно с ваянием каменных скульптур изготавливались и аналогичные им деревянные статуи, что свидетельствует прежде всего о процветании у половцев и деревообделочного ремесла. Ясно, что они дошли до нас в единичных экземплярах и, как правило, в очень плохом состоянии. Тем не менее сейчас уже можно сказать, что их было так же много, как и каменных, и они так же ярко раскрашивались. Вероятно, стены части святилищ сооружались не из камня, а в виде частокола. Позднее появились и иные святилища, но на них мы остановимся ниже.

Помимо явственно выделяемых ремесел, половцы постоянно занимались обработкой тех продуктов, которые они получали от скотоводства и отчасти охоты.

Судя по сведениям Рубрука и Карпини, домашними делами, в которые входили и весьма трудоемкие и требующие серьезных

производственных навыков, занимались обычно женщины. «Обязанность женщин, — писал Рубрук, — состоит в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и грут, приготовлять шкуры и сшивать их, а сшивают они ниткой из жил... Они шьют также сандалии, башмаки и другое платье. Они делают также войлок и покрывают дома. Овец и коз они караулят сообща и доят иногда мужчины, иногда женщины»¹³. Карпини добавляет к этому: «Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, что они носили колчаны и луки... Жены их все делают: полушибки, платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи...». О мужчинах Карпини писал так: «Мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе...»¹⁴. Более наблюдательный и писавший более подробно Рубрук сообщил о мужчинах несколько больше: «Мужчины делают луки и стрелы, приготовляют стремена и уздачки и делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс, то есть кобылье молоко, делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и выют их»¹⁵. Выше мы уже говорили о том, что железные предметы, седла и луки не мог изготовить своими силами и средствами сам кочевник (воин или пастух). Это делали мужчины-ремесленники (кузнецы и пр.). Цитированные сообщения о делах и обязанностях мужчин и женщин интересны подчеркиванием строгой регламентации домашних работ.

Так, между двумя полами был разделен скот. Женщины ведали козами, овцами, коровами и получаемыми от них продуктами, мужчины — конями и верблюдами. Женщины делали войлок и ставили жилища, мужчины занимались изготовлением для «домов» деревянного остова и деревянных повозок. В целом же, как мы видим, женщины по дому и в быту были заняты значительно больше, чем мужчины. Оба автора рассказывали об обычаях татар и монголов, но жизнь кочевых обществ всех эпох, как мы уже говорили, мало разнится, особенно при условии близости стадии кочевания.

Рассмотрим общественные отношения половцев, характерные для второй стадии кочевания. Многочисленные набеги на соседей и далекие походы, несомненно, приносили в степь громадные богатства, но обычно они попадали в руки руководителей похода — аристократов, а рядовые воины получали немного. При неудачном походе, смерти главы семьи, падеже скота, наконец, весьма разорительных набегах русских воинов в степь, а также и грабительских набегах кочевников друг на друга рядовое население степи разорялось полностью и попадало в зависимость от богачей. Резкое экономическое разделение общества неизбежно приводило к превращению родовой аристократии в феодальную знать. Кочевание родовыми куренями было заменено аильным, т.е. семейным. Правда, аилы богачей иногда были столь же крупными, как ранее были курени, но состоял аил не из более или менее равных экономически семей, а

из одной семьи (двух-трех поколений) и ее многочисленной «обслужи», в которую входили и бедные родственники, и разорившиеся соплеменники, и военнопленные — домашние рабы.

В русской летописи такие большие семьи именовались чадями, а сами кочевники, вероятно, определяли его словом «кош» — «коч» (кочевые). Вполне вероятно, что именно от этого термина попало в русские летописи и фольклор «сказочное» название «кошкой» (в сказках это всегда ярый враг русского богатыря).

В XII в. аил-«кош» стал основной ячейкой половецкого общества. Аилы не были равновелики, а главы их не были равноправны. В зависимости от экономических и внеэкономических причин (в частности, принадлежности семей к родовой аристократии) все они стояли на разных ступенях иерархической лестницы. Одним из заметных внешних атрибутов власти кошевого в семье был котел (казан). Интересен в этой связи факт нахождения погребениях богатых воинов XII — начала XIII в. кованых или клепаных из медных полос небольших котелков (многие из них имели явно символическое значение, поскольку практически использовать их было нельзя). Русский летописец в один из редких периодов мира с половцами (в 1201 г.) писал о самом крупном тогда половецком хане Кончаке, что этот могущественный правитель может котел на плечах перенести через Сулу¹⁶. Сказано это было в виде комплимента силе Кончака. Однако же перенести обычный котелок не только через Сулу, но через Днепр мог любой человек. В чем же дело? Очевидно, Кончак был кошевым такого большого подразделения, что его котел для прокормления всех его людей должен был быть огромным. И тем не менее могучий Кончак мог его перенести! Хан действительно не раз переходил Сулу в набегах на Переяславское княжество. Характерно, что летописец неоднократно называет его «поганым кощеем», т.е. кошевым. Таким образом, самый сильный хан был, прежде всего, кошевым. Следует учитывать также, что, несмотря на феодальную иерархию, понятие рода (куреня) не исчезло ни из общественных институтов, ни из хозяйственных градаций. В кочевых обществах всех времен сильна была так называемая вуаль патриархальности, поэтому курени — родовые организации — сохранились в виде анахронизма в половецком обществе. Кошевой самой богатой, а значит, влиятельной семьи и был главой рода, т.е. нескольких больших семей. Так, например, в летописи говорится, что Кончак в 1172 г. пришел на помощь князю Глебу «с родом своим», видимо целым куренем. В другом источнике — «Сказании о пленном половчанине» — сообщается, что основной герой повести, отпущеный из русского пленя, «иде в дом свой и созвал весь род свой и племя...»¹⁷, а в «Житии черноризца Никона» даны сведения еще об одном половце, который «крестися и быс мних и с родом своим»¹⁸.

Однако род-курень был единицей «промежуточной»; объединяющей аилы организацией была орда. Дело в том, что даже большой курень или аил не мог кочевать в степях в полной безопасности.

Нередко аилы сталкивались из-за пастбищ, еще чаще происходил угон скота (барамта), а то захват веж или пленных жаждущими скорого и легкого обогащения удальцами. Необходима была какая-то регулирующая власть. Она вручалась выборным путем на съезде кошевых главе наиболее богатой, сильной и влиятельной семьи (вместе с тем и куреня, к которому она принадлежала). Так аилы объединялись в орды. Очевидно, глава орды получал высший титул — хан. В русской летописи этому соответствовал титул князя. Мы знаем, что летописцы называли князьями и правителей больших княжеств, и владетелей небольших уделов. Только киевский князь именовался великим князем. У половцев же великим назван только Боняк (правда, в речи Кончака, призывающего своих воинов к мести и походу на Русь). О сыне же самого Кончака Юрии было сказано «больший всех половцев». Поэтому по данным русской летописи мы не можем разобраться в высшей титулатуре половцев.

В первой половине XII в. через степи проезжал еврейский купец Петахья, оставивший «путевые записки», в которых он, естественно, писал и о половцах, в частности об их социальном устройстве: «Куманы не имеют общих владетелей, а только князей и благородные фамилии» (Петахья). По существу, он писал то же, что и русский летописец, разделив всех степных аристократов на две социальные группы. Возможно, что в первой половине XII в., когда половецкие объединения были сильно «потрепаны» русскими походами в степь, социальные градации у половцев действительно несколько стерлись и не бросались в глаза «сторонним наблюдателям». Однако нам представляется возможным использовать для анализа половецкой иерархии позднейшего времени еще один источник, а именно *Codex Cumanicus* (Половецкий словарь). В нем титулу хана соответствует в латинской колонке слов *īmperator*, а в персидской «шах». Следующий за ханом, согласно Словарю, титул «солтан» («гех» — по-латыни). Этот титул большинству исследователей представляется поздним, возникшим в золотоордынское время, тем более что и сам Словарь многие датировали началом XIV в. Однако в конце XII в. в «Слове о полку Игореве» этот титул упоминается в обращении киевского князя к Ярославу Осмомыслу: «... стреляши с отня зата стола *салтани* за землями...» Считалось, что в данном случае имелись в виду турецкие султаны, против которых, возможно, могли ходить галичане в числе одного участников из крестовых походов. Мне кажется, что факт упоминания этого титула в двух источниках, имеющих прямое отношение к половцам, позволяет нам все же говорить о существовании его у половцев. Вероятно, они и были главами отдельных орд. Иногда в летописи указывается, что в плен попало несколько «лепших князей» половецких. Может быть, этим определением отделял летописец солтанов от следующего указанного в Словаре титула «бег» (*princeps* по-латыни). Беги (беки) — главы крупных кошев. Русские называли их князьями, иногда «уньшими князьями». Наконец, «бей» — самый низший половецкий аристократический титул (благородные фамилии, по Петахье) переводился на латынь словом *bagon*. Русский летописец именовал их, по-видимому,

«добрими мужами», а позже (в конце XII в.) появилось еще одно определение — «господичи», также относящееся к этому титулу. Следует еще упомянуть «княжичей», о которых неоднократно писали летописцы, перечисляя половецких аристократов. Так же именовали они и юных сыновей своих (русских) князей, не получивших еще «уделов». Вероятно, и у половцев это были дети ханов, солтанов и беков, не ставшие еще главами собственных аилов.

Такова была иерархия аристократической части половецкого общества. Именно в память о них возводили родичи богатые святыни с каменными статуями. Статуи изготавливались преимущественно в двух канонических позах: стоящими и сидящими. Характерно, что мужские стоящие статуи обычно изображались с оружием (саблями, луками, колчанами), на сидящих его не было никогда. На поясе у них помещались только ножи и кошелки. Объяснить это различие можно, видимо, разницей в общественном положении предка при жизни. Умершие, изображенные стоя с оружием, были воинами, которые, возможно, погибли в битве; сидящими же изготавливались статуи аристократов, не участвовавших по той или иной причине в военных действиях, умерших «естественной» смертью.

Мы уже говорили, какую огромную роль играли женщины в общественной жизни половцев. Об этом, прежде всего, свидетельствует большое количество сооруженных в их память статуй. Их было даже больше мужских — во всяком случае, сохранилось их больше. Женщины, как и мужчины, изображались стоящими и сидящими. Следует отметить, что стоящие, как правило, были одеты в более роскошные платья и сопровождались большим количеством вещей на поясе, что, безусловно, подчеркивает их более высокое положение в обществе. Не исключено, что в результате гибели мужа в походе его жена становилась на какое-то время главой коша. Вот ее после смерти и изображали в виде стоящей фигуры, а обычных жен богатых и знатных кошевых — сидящими. Характерно, что единственная дошедшая до нас статуя женщины-амазонки (с саблей, колчаном, луком) изображена стоящей (как и стоящие мужские статуи).

О высоком положении женщины у половцев можно судить также по уникальной статуе с ребенком. Женщина изображена с подчеркнутыми признаками пола. К груди у нее приник младенец, вероятно, долженствующий означать «продолжателя рода». Однако ребенок не мальчик, как следовало бы ожидать, исходя из данных о патриархальности половецкого общества, а девочка. Статуя, очевидно, символизирует образ женщины, дающей силы женщине же — непосредственной продолжательнице рода. Очевидно, счет родства в некоторых половецких родах долгое время оставался матрилинейным (от матери к дочери). Это подтверждается также и сохранившимися у половцев и упомянутым летописцем пережиточным обычаем «левирата» — обычаем жениться «на ятровии», т.е. на женах своего отца: жены как бы принимали нового «хозяина» в свой род.

На низших ступенях иерархической лестницы стояли главы небольших кошней — «кощеи» (рядовые воины) и простые пастухи,

которые не были «кощеями», так как для этого нужно было иметь кош — пастбища и достаточное для кочевки количество скота. Пастухи, как правило, попадали в экономическую зависимость от богачей-аристократов, которые давали им скот «на выпас» с условием выплаты половины приплода (феодальный степной закон «суана»). Это давало возможность пастухам в хорошие годы прокормиться вместе с семьей (женой и детьми). Нередко разорившиеся кошевые попадали в это зависимое сословие. Выходцы из этого сословия становились ремесленниками и даже изредка занимались земледельческим трудом, распахивая небольшие участки земли у зимних стойбищ. Разорение пастуха вело к невыполнению обязательств, а это становилось причиной уже полного закабаления и перехода более или менее самостоятельного пастуха в число «челяди» в большой семье — коше. В число челяди входили и «чаги» — женщины-служанки. И, наконец, на самом низу стояли «колодники» — взятые в плен русские или иные домашние рабы. Большинство захваченных шло, как говорилось, на рынки, но часть оставалась в кочевьях. В «Сказании о пленном половчине» автор прямо указывает на существование этой социальной категории в половецком обществе: «повеле рабам своим нарядится и стадо коней отлучити...»¹⁹. Тяжкая участь рабов многократно описывалась в летописях и других древнерусских произведениях. Под 1170 г. летописец перечисляет всех захваченных в половецких вежах зависимых людей. Русские ополонились тогда: «... и колодники, и чагами, и детьми их, и челядью, и скоты и конми, хрестьяны же отполонивше пустиша на свободу...»²⁰. Интересно, что начато перечисление с колодников, поскольку это были пленные половецкие воины, шедшие в рабство на Русь, освобождение которых было возможно только за большой выкуп. Чаги с детьми и прочая челядь захватывались в плен и фактически переселялись на Русь до конца жизни, вливаясь в число русских челядинцев в качестве домашних слуг, нянек и пр. «Хрестианы» — русские пленные рабы — освобождались при взятии половецких кочевий.

В эпоху военной демократии все могущие носить оружие, даже молодые женщины, участвовали в военных действиях. С переходом к классовым отношениям эта «практика» поголовного привлечения людей в походы и набеги продолжалась. Даже пастухи, если у них были кони, примыкали к той или иной «ватаге», идущей на Русь или еще дальше — на Дунай и Балканы. Поэтому очень часто количественно половецкое войско бывало очень значительным. Так, например, в 1060 г. в Черниговское княжество прихлынуло 12 тыс. половцев, в 1128 г. — 7 тыс., в 1159 г. на Киевскую землю подкочевало 20 тыс. Мы уже говорили, что, возможно, иногда половцы являлись на русскую землю вместе с вежами, но это случалось только тогда, когда они не опасались разгрома. Обычно же приходило «военизированное» население. Однако участие в войске большого числа недостаточно квалифицированных воинов приводило к тому, что половцы нередко терпели сокрушительные поражения: «...не възмогоша и стяга поставили», т.е. бежали при приближении русских, не принимая боя.

Если организатор набега был опытный военачальник, он обычно не гнался за количеством, а брал в поход столь же опытных и хорошо вооруженных воинов — «кощеев», каждый из которых имел и «подводного» (запасного) коня, и челядина для услуг. Очень подробно рассказывает летописец о полках Боняка, которые он привел на помощь князю Давиду в 1097 г. Всего половецких воинов было 300, а у Давида — 100. Давид, по словам летописца, встал в центре — под стягом. Боняк же первоначально ввел в бой только половину своих воинов, разделив их на три равных отряда по 50 человек в каждом. Вперед он послал стрельцов под командой удалого Алтунопы, а два других отряда поставил в засаду. Далее летописец пишет: «Алтунопа же пригна к первому заступу (к передовому вражьему полку. — С.П.) и стрелившему побегну перед угре, угре же погнаху по них, мъяху Бонака бежаща». Это обычный прием кочевников, используемый ими издревле в битвах: передовой отряд должен был обстрелять врагов и броситься в бегство, заманивая преследователей в засаду. В данном случае так и произошло.

Два засадных полка Боняка с двух сторон бросились на угров, а затем в битву, которая уже больше походила на избиение, подключены были все резервные силы половцев: «...и сбираша угров в мяч, яко сокол галице збивает. И побегоша угры»²¹. Рассказ об этой победе Боняка дает ясное представление о военных приемах (хитростях) половцев в битвах, в которых успеха добивались малым числом, но военным искусством. В открытых битвах такие небольшие соединения побеждали довольно часто. Основным принципом их было заманивание врага в ловушку. В следующей главе мы увидим, как в одном из самых крупных столкновений русских с половцами (в 1185 г.) последние использовали этот прием и добились полной и блестящей победы.

Нужно сказать, что каждое средневековое военное подразделение имело свой стяг — знамя. По стягам противники узнавали, кто в данный момент стоит перед ними. Стяги ставились перед битвой. Интересно, что в иллюстрациях Радзивилловского (Кенигсбергского) списка летописи прямостоящие стяги с вертикальными древками изображают всегда перед битвой или после победы, а при поражении стяги нарисованы всегда сильно наклоненными.

Неверно думать, что половцы не умели брать укрепленные города. За всю их историю в восточноевропейских степях они взяли сотни пограничных городков по Руси и Суле, в Болгарии, Венгрии и Византии. Обычно сообщается, что тот или иной городок или крепость были сожжены при взятии. По-видимому, половцы пускали в город зажженные стрелы (с горящей паклей). Хан Боняк отваживался даже на отчаянные налеты на Киев — в 1096 г. он ограбил окрестности города и «пожъже» на Берестовом «двор княж» — безусловно, хорошо укрепленную небольшую крепостицу. Прием зажигания городских жилищ стрелами половцы пытались сделать значительно более «эффективным» и опасным для Руси. Так, хан

Кончак в походе 1184 г. «пленити хотя грады русские и пожеши огнемъ: бяше бо обрел мужа такового басурменина, иже стреляше живым огнем, бяху же у них луци тузи самострелни, одва 50 мужьможешеть напрящи»²². Летописец описывал, видимо, своеобразные «катапульты», кидающие в город уже не клочки горящей просмоленной пакли, а снаряды (керамические сосуды), расплескивавшие горящую жидкость (нефть?). Вероятно, сосудики имели форму «сфероконусов», широко использовавшихся в разных целях во многих восточных городах, а также в Волжской и Дунайской Болгариях, Закавказье, Средней Азии. «Басурменина» (мусульманина) Кончак мог привести из всех этих стран, скорее всего из Азербайджана, поскольку Кончак, несомненно, сохранил связи с Грузией и соседними с ней государствами (именно его брат служил у царицы Тамары).

Этот поход закончился, даже фактически не начавшись, снаряды не были использованы, а «басурменина» русские взяли в плен. В данном случае интересно только желание половцев усовершенствовать свои осадные средства.

Что касается школы военного дела, то кочевники начинали учиться с самого раннего возраста. Карпини, например, говорил, что уже двух-трехлетних детей сажают на коней, и они скачут на них и учатся «пускать стрелы» из маленьких луков, изготовленных специально для них²³. Ребята учились стрелять, охотясь на мелких степных зверьков (сусликов, сурков, тушканчиков и пр.). Становясь взрослыми, они продолжали совершенствоваться в военном деле, постоянно участвуя в охотах. Охотой, как писал Рубрук, «они добывают себе значительную часть своего пропитания»²⁴. Очевидно, это была основная причина организации громадных облавных охот, как правило, возглавляемых крупнейшими военачальниками, самыми влиятельными аристократами. На охоту смотрели как на поход (набег) на чужую страну. К ней готовились, на охоте вырабатывались удаль и искусство воевать, на ней выявлялись самые лихие всадники, самые зоркие стрелки, самые умелые предводители. Таким образом, второй важной функцией охоты было обучение военному делу всех — от хана до простого воина и даже его «челядинца», т.е. всех, кто участвовал в военных мероприятиях: походах, набегах, баранте и пр.

Война и охота в значительной степени определяли экономику, социальный строй и быт кочевников. «Патриархальная вуаль» особенно ярко проявлялась именно во время военного похода или военизированной охоты. Патриархальность были проникнуты вся жизнь и мировоззрение половцев. Крупные феодалы (ханы, солтаны, беки) играли в своих группировках роль «старейшин», что не мешало им закабалять своих единоплеменников — пастухов. Интересно отметить, что на главах и военачальниках, во всяком случае в XI в., лежали еще жреческие обязанности, что характерно было для патриархально-родового строя. Мы уже рассказывали о полномочном «камлании» Боняка перед битвой — ясно, что в ответственные моменты хан сам предпочитал общение с духами. Надо сказать, что у Боняка были

некоторые необычные черты и во внешнем облике. Так, как бы не ругал летописец половецких князей, разорявших русские земли, но ни одного из них не назвал, как Боняка, шелудивым²⁵. Известно, что шелудивыми назывались люди, родившиеся в «сорочке», часть которой в виде высохшего лоскута кожи долгое время сохранялась на голове. Рождение в «рубашке» и по сей день считается счастливым предзнакомствием, а сохранение ее у взрослого человека в ту эпоху, несомненно, вызывало особое почитание его. Напомним, что этим же свойством (шелудивостью) отличался русский князь Всеслав Полоцкий²⁶, имевший, по словам автора «Слова о полку Игореве», волшебное свойство превращаться в волка и в этом качестве преодолевать огромные расстояния в кратчайшие сроки. Любопытно, что оба «шелудивых князя» (половецкий и русский) имели, согласно легендам, непосредственное отношение к волкам: могли разговаривать с ними, превращаться в них. Очевидно, недаром эти быстрые, отважные и жестокие звери в равной степени были волшебными героями тюркских, а также славянских, волшебных сказок. Кроме того, большинство героев тюркских сказок и некоторых русских часто бывают шелудивыми, а их боевые кони — шелудивыми жеребятами. Очевидно, шелудивость считалась признаком избранности, явной приближенности ко всему таинственному и «всевластному».

Наряду с ханами-жрецами была в половецком обществе и специальная жреческая прослойка — шаманы. Шамана половцы называли «кам», отсюда произошло и слово «камлание». Основными функциями были гадание (предсказание будущего) и врачевание, основанное на непосредственном общении с добрыми и злыми духами. Таким образом, факт существования шаманов является свидетельством того, что мир вокруг половцев был заполнен самыми разными «тайными силами», с которыми мог общаться только шаман, испрашивая у них помощи или изгоняя их от больного человека.

Уверенно можно говорить, что верования половцев мало отличались от языческих представлений всех остальных кочевников, а мы знаем, например, что гунны поклонялись солнцу и луне, гузы верили в волшебные свойства камней, кыргызы — гор, кимаки — рек и т.д.. Однако относительно половцев все это не было зафиксировано в источниках, поэтому подробно останавливаться на их верованиях и ритуалах, с ними связанных, мы не будем.

Зато есть многочисленные данные для характеристики погребального культа, культа предков и переразвития последнего в своеобразный культ предков-вождей.

Погребальный культ принадлежит к древнейшим формам религии. Несмотря на то что способы обращения с умершим зависели, как правило, от возраста, пола и особенно от его общественного положения, половецкий погребальный обряд отличается вполне определенными чертами, позволяющими нам говорить о связанных с погребальным ритуалом верованиях. Он характеризуется, как мы знаем, захоронением покойника с тушей боевого коня или с его чучелом: головой,

ногами, хвостом и шкурой, набитой соломой. Конь обычно взнуздан и оседлан, умерший — вооружен и погребен с необходимыми знаками отличия (украшениями, котелком, запасом пищи и пр.). После исполнения всех ритуалов, связанных с сооружением могилы, ее засыпали и над ней сооружали земляной или каменный курган. Рубрук так и пишет об этом: «Команы насыпают большой холм над усопшим... Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира; и они поставили перед ним для питья кумыс, для еды мясо, хотя и говорили про него, что он окрещен...»²⁷. Обряд здесь несколько видоизменен, хотя общая идея осталась прежней.

Заключается она, во-первых, в уверенности, что у каждого человека есть душа; во-вторых, что эта душа нуждается после смерти в том же окружении, какое было у человека при жизни. Поэтому в могилы помещалось довольно много вещей: столько, сколько могли положить туда оставшиеся на земле родичи. Очевидно, потусторонний мир представлялся половцам простым продолжением настоящего.

Тем не менее, переходя в иной мир, душа предка приобретала, по мнению половцев, особые возможности и силы для того, чтобы помогать людям (обычно родным), приносящим ей жертвы. Это убеждение свойственно всем народам, у которых господствующей формой религии был кульп предков. Широкое распространение половецких каменных статуй, находки святилищ с ними свидетельствуют в первую очередь о том, что кульп предков был главным компонентом их религиозных представлений. Мы уже говорили, что каменные изваяния могли заказывать только богачи. Бедняки, возможно, делали деревянные статуи или же ограничивались войлочным изображением предка, которое помещалось в обычной жилой юрте. О таких небольших домашних идолах писал Рубрук: «...над головою господина бывает всегда изображение, как бы кукла или статуэтка из войлока, именуемое братом хозяина; другое похожее изображение находится над постелью госпожи и именуется братом госпожи; эти изображения прибиты к стене; а выше, среди них, находится еще одно изображение, маленькое и тонкое, являющееся, так сказать, сторожем всего дома»²⁸.

Вполне вероятно, что западная ветвь, половцев, не ставившая каменных идолов, пользовались такими войлочными, более «подвижными» — переносными идолами.

Можно считать установленным фактом, что каменные статуи ставились только в память богачам. Святилища с ними сооружались под открытым небом в доступных для всех проезжавших и видимых издали местах. Рубрук писал об этом так: «Команы... воздвигают ему (умершему. — С.П.) статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу...». Все обязаны были приносить им жертвы, и поклоняться им. Об этом поклонении очень выразительно и поэтично рассказывает азербайджанский поэт XII в. Низами, жена которого была половчанкой:

И пред идолом гнется кипчаков спина...
 Всадник медлит перед ним, и, коня придержав,
 Он стрелу, наклоняясь, вонзает меж трав.
 Знает каждый пастух, прогоняющий стадо,
 Что оставить овцу перед идолом надо.

Низами

Следует сказать, что не всегда жертвоприношения были столь «невинны». Археологи обнаружили у подножья одной из статуй скелетик убитой девочки (пленной?). В русских сказках сохранился образ Булата-молодца, который, спасая побратима-царевича, превратился в каменное изваяние, и расколдовать его можно было, только полив на него кровь детей царевича. Возможно, в сказке отражен действительно существовавший у половцев жестокий обычай окроплять статуи предков детской кровью.

Вторая форма кочевания обусловливала некоторую ограниченность территории кочевания и определенность маршрутов перекочевок и степных дорог, а значит, как правило, ездили мимо каждого святилища члены одной орды, рода, семьи, т.е. кому принадлежала данная земля. Кажется весьма вероятным, что именно это обстоятельство способствовало постепенной трансформации семейно-родового культа предков в культ предков-вождей. В половецком обществе середины XII в. это не были уже родовые вожди-старейшины. Это были представители класса феодалов. Общие для орд и родов предки-покровители при жизни являлись правителями орд и крупных родов и семей. Сакрализация власти хана проявилась не только в вере в его магическую силу, но и в поклонении ему как верховному покровителю всей степной группировки. Этот культ вникал обычно у народов, стоявших на первых ступенях классового общества. У половцев он сосуществовал с культом предков, а не заменял его: святилища сооружались не только в память выдающихся деятелей, но и главам богатых родов и семей, а также женщинам. Перерастание одного культа в другой и в то же время их сосуществование еще раз подчеркивают ту «патриархальную вуаль», о которой мы говорили выше и которая окутывала все проявления общественной и духовной жизни половцев. В источниках мало дается сведений о половецких обычаях. Так, летописец сообщает нам только, что «половци закон держать отец своих, кровь проливать, а хвалящая о сем», т.е. законы их ограничивались «обычным правом». Одним из основных законов-обычаев была кровная месть, несомненно, являвшаяся анахронизмом в классовом обществе.

Еще об одном законе обычного права рассказывает нам Ибн-Баттута — арабский автор, писавший в первой половине XIV в.: «...у скотины их нет ни пастухов, ни сторожей вследствие строгостей постановлений их за воровство. Постановление же их по этой части такое, что тот, у кого найдут украденного коня, обязан возвратить его хозяину и вместе с тем дать ему 9 таких же (коней), а если он не в состоянии сделать это, то отбирают у него за это детей его, если же у него нет детей, то его зарезывают»²⁹. В скотоводческом

хозяйстве при необозримости стад этот жесткий закон был абсолютно необходим степнякам. Однако он, видимо, не исключал «обычая» баранты (барамты) — угона скота с соседнего кочевья. С барантой приходилось бороться уже силой и властью какого-нибудь могущественного хана, под «руку» которого охотно шли стенные группировки, способствуя образованию в степях новых объединений.

По словам крупнейшего советского этнографа С.А.Токарева, культ почитаемого предка является соединением «трех первичных представлений: идеи души умершего, тотемического прародителя и семейно-родового покровителя»³⁰. Если первая и последняя идеи довольно четко выделяются при исследовании каменных изваяний, то «тотемный предок» совсем не виден в этом источнике, хотя представления о нем были очень сильны и живучи в тюркоязычной среде. Мы видели прямую связь Боняка с волками-покровителями, бывшими, очевидно, древним тотемом рода, хотя, как известно, по дошедшей до нас тюркской легенде, прародительницей всех тюрков была волчица. Следует помнить, что Боняк общался с волками в конце XI в. — в период становления классового общества у половцев. Несмотря на пережиточные явления и анахронизмы, постоянно встречавшиеся в общественных отношениях, быту и религиозных представлениях, следует все-таки учитывать, что по прошествии 100 лет, в конце XII в., у половцев было уже достаточно развитое феодальное общество.

Идея «семейно-родового предка» к этому времени фактически стала основной в культе предков, переродившемся в культ вождей-предков. Тотемное содержание предка ушло в далекую легендарную древность. Ни разу ни в летописи, ни в иных письменных источниках даже бегло не упоминается о тотемных представлениях у половцев. Не прослеживаются они и в погребальных обычаях, и на каменных статуях.

В начале 80-х годов в связи с 800-летием написания великого произведения древнерусской литературы «Слова о полку Игореве» о нем было опубликовано много новых исследований. В одном из них была сделана попытка доказать господство или, во всяком случае, широкое распространение среди половцев тотемизма. Автор этой гипотезы Г.В.Сумаруков считает, что в 1185 г. князь Игорь, пока шел по степи на вежи Кончака, а затем бежал из плена, встречал много животных и птиц (волков, лиц, орлов, ворон, лебедей, сорок, галок, соловьев) и все это были, по его мнению, не настоящие животные, а половецкие роды, имеющие соответствующих тотемов-животных³¹. Говорить о такой силе и живучести тотемных представлений у половцев конца XII в. вряд ли правомерно. Следует подчеркнуть, что толкование текста автором звучит порой фантастично, а местами кажется, что он просто шутит с читателем. Г.А.Сумаруков полагает также, что половецкие стяги изображали животных-тотемов. Это действительно могла быть: так сохранялась память о древнем предке-покровителе, хотя доказательств такого обычая у нас нет. В Радзивилловской летописи и на единственном дошедшем до

нас рисунке-графитти, изображавшем всадника на постаменте одной из статуй, половцы держат стяги в виде узких длинных треугольных флагжков. Более ни изображений, ни описаний, ни находок стягов в археологических комплексах пока неизвестно.

Тем не менее, несмотря на фактическое отсутствие у половцев древнейших проявлений языческой религии, все основные прослеженные нами элементы их религиозных представлений были языческими.

Тесное общение с соседними христианскими странами (Византией, Русью, Болгарией, Грузией, Венгрией) и мусульманскими государствами (Азербайджаном, Волжской Болгарией и огромным миром среднеазиатских государств) привело, естественно, к проникновению этих двух религий в кочевые степи. Правда, сведений о принятии мусульмансства половцами не сохранилось (речь идет о дозолотоордынских кипчаках-половцах. — Ред.). Зато хорошо известно, что эта религия стала господствующей у кипчаков, оставшихся в Средней Азии. Восточноевропейские половцы, естественно, находились под сильным воздействием христианских стран, первую очередь, Руси. Монахи крупнейшего культурного и христианского центра Руси — Киево-Печерской лавры писали о переходе половцев в христианство целыми родами. Как правило, эту чуждую религию принимали в периоды опасности и тяжелых обстоятельств. В частности, в 1224 г. большое число половцев бежало от стремительно наступавших монголов в русские земли, многие из них крестились, в том числе «великий князь половецкий крестился Басты...»³². Нередко встречаются в летописи русские имена половцев: Василий, Гаврилко, Юрий и др. Очевидно, это свидетельствует о том, что все они получили имена при крещении, а в 1227 г. половец Борис (православный) писал папе Григорию, желая вместе с отцом перейти в католичество. Принимая новую религию, половцы отнюдь не отказывались от древних обычаем. Об этом сообщил в своей «записке» Рубрук: подробно рассказав о куманском погребальном обряде, он с удивлением добавляет, что умерший был окрещен.

Что касается западных половцев-куманов, постоянно общавшихся с венграми и откочевывавших на венгерское пограничье, то они уже через поколение начинали переходить в католичество. Нередко венгерский король, пуская их на свои земли, ставил непременным условием принятие христианства. Кочевники охотно крестились, но, судя по сохранившимся у них языческим именам, продолжали чтить и своих богов, свои святыни.

Следует сказать, что отношения половцев с соседями не ограничивались, конечно, импортом христианства.

Кочевники активно воспринимали и культуру этих стран: бытовые обычаи, некоторые детали одежды, предметы обихода, отдельные слова, приходившие в степь вместе с заимствованными предметами. Так, в Половецком словаре есть «половецкие» слова «изба», «печь», что, несомненно, говорит об освоении этих понятий половцами. Не исключено, что половцы, женившись на русских женщинах-полонянках,

переходили на зиму из юрт в избы с печами, поскольку каждая женщина предпочитает готовить на таком очаге, к которому ее приучила мать с детства. Попадая в степи, они сами складывали себе печи-каменки или лепили их из глины на каркасе из прутьев. Так же попадали в степь и характерные русские горшки.

Роскошные ткани в большом числе поступали к половцам с Востока и из Византии. Однако одежду они шили по своей (степной) моде, из дорогих материй кроились рубахи и кафтаны принятых образцов, штаны обычно были кожаными. От византийцев половцы переняли только нашивку роскошных полос — «clavev» на рукава. Такие нашивки имели право носить византийские аристократы. Такую же роль играли они и в одежде половецкой знати: большинство женских и мужских статуй изображено с «clavev» на рукавах.

Нельзя отрицать и обратного влияния — половцев на соседей. Так, известно, что византийцы и венгры заимствовали роскошные половецкие одежды, которые особенно широко были распространены среди придворных императора и короля. В Византию, как и на Русь, проникало кочевническое оружие — сабли и тугие луки, седла и некоторые формы стремян, видимо, более удобные или просто «модные» тогда у степных народов.

Тесное общение половцев с Русью привело к взаимному обогащению языков. К сожалению, о половецком языке мы можем судить только по полутора-двум тысячам слов Половецкого словаря, хотя, как мы видели, даже там удалось выявить явно славянские слова (древнерусские). В древнерусском же языке тюркологи находят громадное количество тюрканизмов, т.е. слов, в основе которых лежат тюркские корни. Общение славян и тюрок длится почти два тысячелетия, поэтому, естественно, не все тюркизмы попали в древнерусский язык от половцев, но значительная их часть относится именно к половецкой эпохе. Особенno ярко они звучат в «Слове о полку Игореве». Анализом слов-тюрканизмов этого памятника древнерусской литературы занимались крупнейшие русские и зарубежные ученые (П.М.Мелиоранский, Ф.Е.Корш, С.Е.Малов, Н.А.Баскаков, К.Г.Менгес и многие другие). Мы не будем излагать здесь результаты их исследований, нам важно констатировать самый установленный ими факт весьма оживленных связей двух больших этносов между собой.

И у половцев, и на Руси было много людей, хорошо знавших язык другого народа. Матери и няньки русских княжат и боярских детей нередко были половчанками: они пели детям половецкие песни, говорили с ними на родном языке. Ребята вырастали двуязычными. То же было и с простыми людьми во всех пограничных со степью княжествах. В половецких кочевьях жили тысячи русичей: жены, служанки, пленные воины. Наконец, к середине XII в. появилось много поселков русских «бродников», безусловно также бывших двуязычными.

На пограничье, возможно, среди черных клубков были, несмотря на распространенность знания половецкого языка на Руси, специальные переводчики. О них упоминает автор «Слова», называя «поганы-

ми тольковинами» (язычниками-переводчиками). О толковинах, живших на Днестре вместе с уличами и тиверцами, знал и писал русский летописец, сказав об этом мимоходом, как о хорошо известном факте.

Общение с развитыми феодальными государствами, окружавшими Половецкую степь (и восточную ее часть — Дешт-и-Кипчак) со всех сторон, способствовало быстрому переходу половцев к классовому обществу. Во второй половине XII в. в степях кочевали уже не аморфные родо-племенные объединения, готовые к любой военной авантюре, а возглавляемые феодальными владельцами орды, объединявшие крепкие ячейки — аилы (коши). Все они были живо заинтересованы в разносторонних отношениях и связях с соседями, и более всего — с Русью. Начинался новый этап истории половцев в восточноевропейских степях.

Примечания:

- ¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений. — М.; Л., 1941. — Т.1. — С.14.
- ² Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. — М., 1982. — С.20.
- ³ ПСРЛ: Ипатьевская летопись. — М., 1962. — Т.II. — С.18.
- ⁴ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. — Харьков. 1956. — С.126; Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. — СПб., 1884. — С.286.
- ⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XII-XIV вв. // Древности Восточной Европы. — М., 1969.
- ⁶ Слово о полку Игореве. /Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1950. — С.12.
- ⁷ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. — М., 1985. — С.38.
- ⁸ Анчабадзе З.В. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI-XIV вв. //Материалы сессии по проблемам происхождения балкарского и карачаевского народов. — Нальчик, 1960. — С.122; Тизенгаузен В.Г. Материалы... — Т.II. — С.78.
- ⁹ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. — М., 1957. — С.27.
- ¹⁰ ПСРЛ. — Т.II. — С.651.
- ¹¹ Слово... — С.28.
- ¹² Тизенгаузен З.Г. Материалы... — Т.1. — С.25, 26.
- ¹³ Путешествия в восточные страны... — С.100, 101.
- ¹⁴ Там же. — С.36, 37.
- ¹⁵ Там же. — С.101.
- ¹⁶ ПСРЛ. — Т.II. — С.716.
- ¹⁷ Памятники старинной русской литературы. — СПб., 1860. — С.73.
- ¹⁸ Памятники русской литературы XII-XIII вв. — СПб., 1872. — С.96.
- ¹⁹ Памятники старинной русской литературы. — С.73, 74.
- ²⁰ ПСРЛ. — Т.II. — С.540.
- ²¹ Там же. — С.245, 246.
- ²² Там же. — С.634, 635.
- ²³ Путешествия в восточные страны... — С.36.

²⁴ Там же. — С.98.

²⁵ ПСРЛ. — Т.II. — С. 303.

²⁶ Там же. — С.143.

²⁷ Путешествия в восточные страны... — С.102.

²⁸ Там же. — С.94.

²⁹ Тизенгаузен В.Г. Материалы... — Т.I. — С.282.

³⁰ Токарев С.А. Ранние формы религии. — М., 1964. — С.277.

³¹ Сумаруков Г.В. Кто есть кто в «Слове о полку Игореве». — М., 1983.

³² ПСРЛ. — Т.II. — С.741.

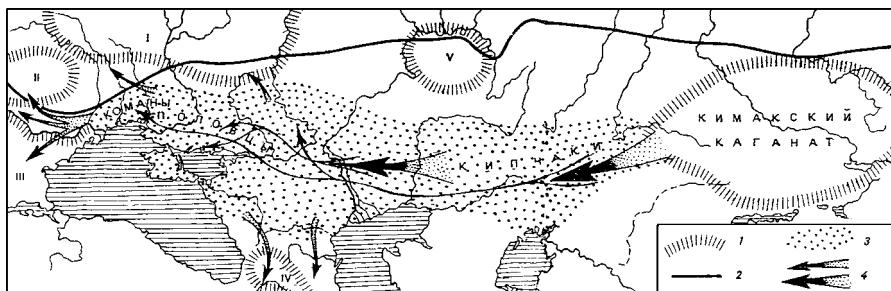

Рис. 1. Схема расположения и передвижений в степях кимаков (команов) и кипчаков (половцев). I — Русь, II — Венгрия, III — Болгария, IV — Грузия, V — Волжская Болгария. Условные обозначения: 1 — границы государств, 2 — северная граница степей, 3 — кочевнические общности, 4 — основные направления экспансии кимаков и кипчаков в X — начале XIII в..

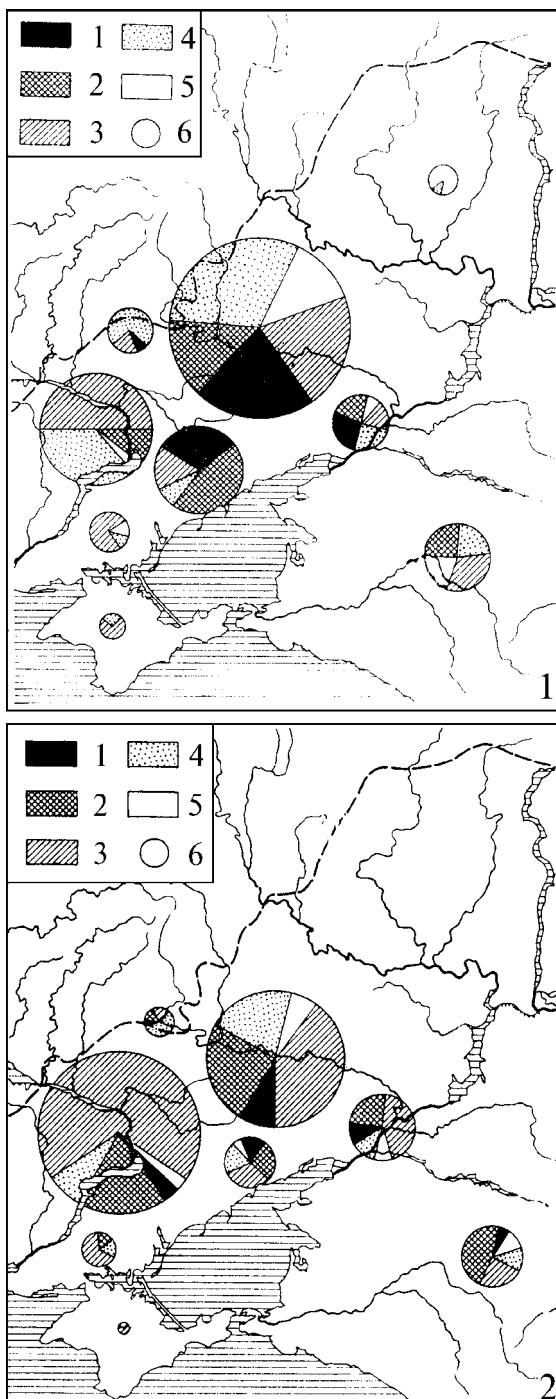

Рис. 2. Распространение каменных половецких статуй — мужских (1) и женских (2) в южнорусской степи. Условные обозначения: 1 — статуи XI в. (ранние), 2 — статуи первой половины XII в. (средний этап), 3 и 4 — поздняя, наиболее развитая скульптура периода расцвета — вторая половина XII в., 5 — статуи периода упадка (XIII в.), 6 — 10 статуй.

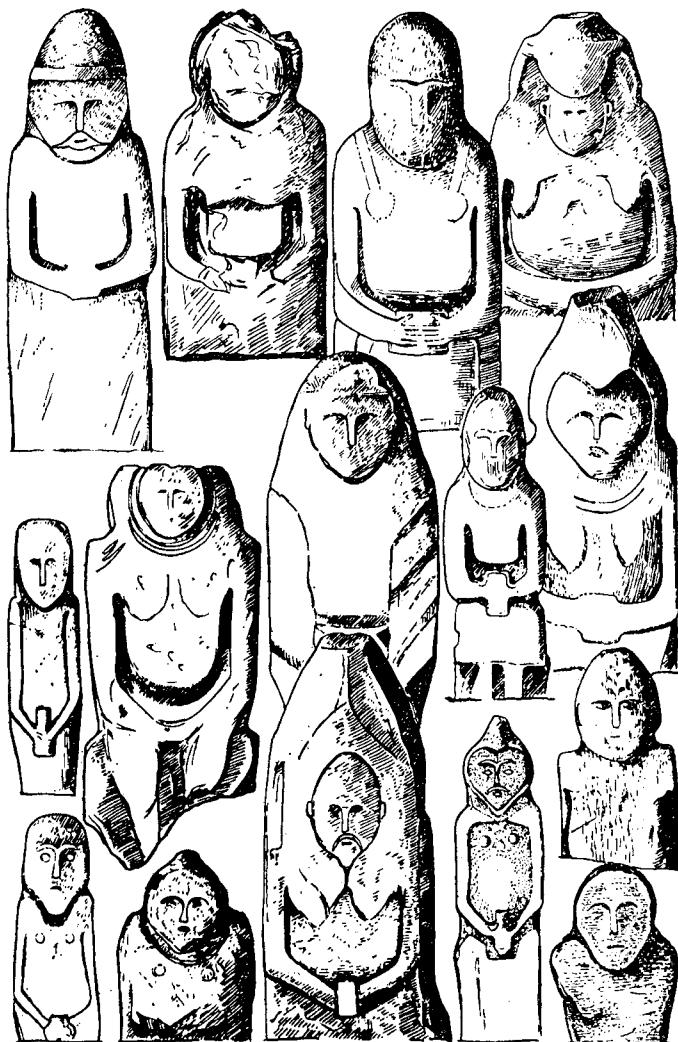

Рис. 3. Статуи раннего и среднего этапов.

Рис. 4. Первый организованный Владимиром Мономахом поход на донецкие вежи, возглавленный боярином Дмитром Иворовичем. Миниатюра Радзивилловской летописи.

Рис. 6. Русские князья захватили половецкие вежи и гонят их в плен. Миниатюра Радзивилловской летописи.

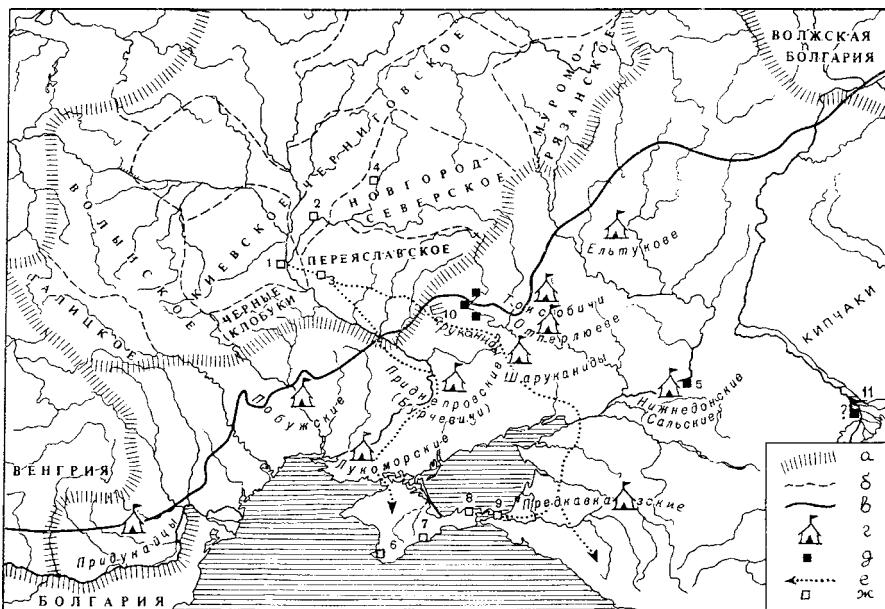

Рис. 5. Схема расположения орд в степях в первой половине XII в. Условные обозначения: а — границы государств, б — границы русских княжеств, в — северная граница степи, г — половецкие вежи, д — половецкие «городки» в степях, е — торговые пути через степь, упомянутые в летописи, ж — русские и крымские города: 1 — Киев, 2 — Чернигов, 3 — Переяславль, 4 — Новгород-Северский, 5 — Белая Вежа, 6 — Херсонес, 7 — Судак (Сурож), 8 — Корчев, 9 — Тмутаракань, 10 — половецкие городки на Донце, 11 — Саксин?

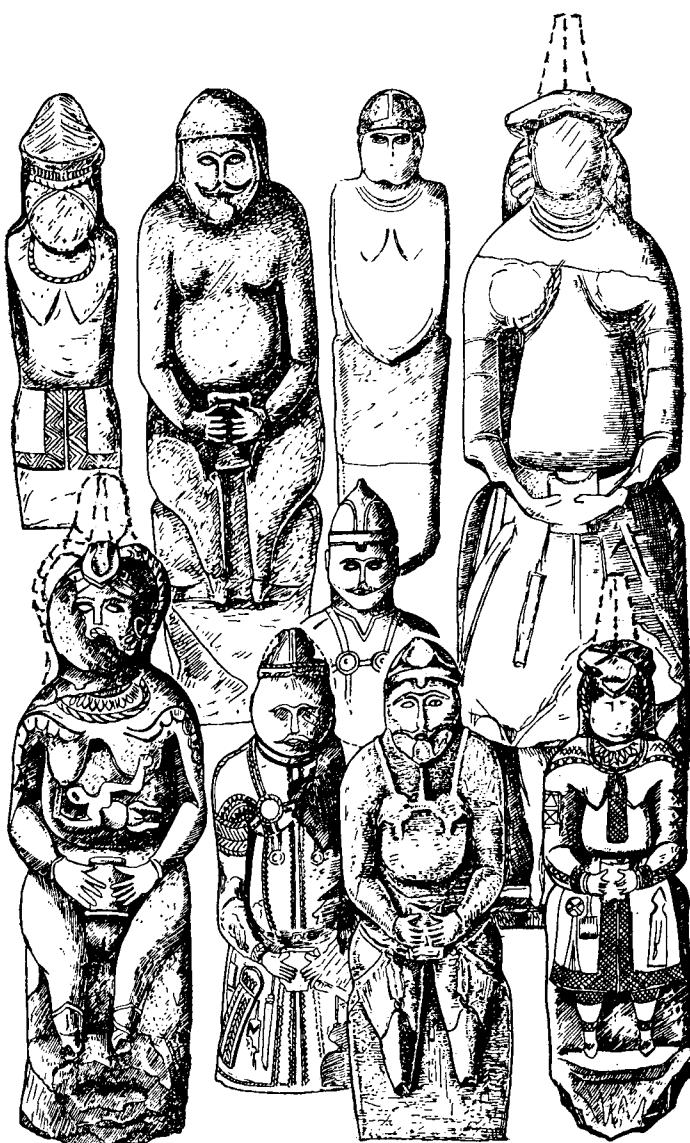

Рис. 7. Каменные статуи периода расцвета. Одна из женских статуй изображена в полном мужском вооружении: саблей, колчаном, нагрудными панцирными бляхами.

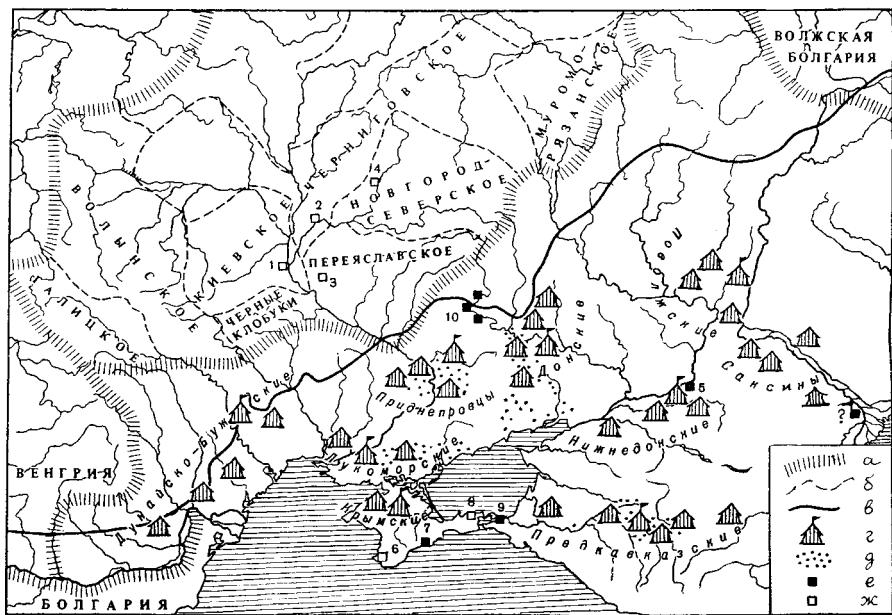

Рис. 8. Схема расположения половецких объединений во второй половине XII — начале XIII вв. Условные обозначения: а — границы государств, б — границы княжеств, в — северная граница степи, г — половецкие вежи, д — скопления в степях каменных статуй, е — степные половецкие городки и города, связанные с половецкими торговыми отношениями, ж — русские и крымские города: 1 — Киев, 2 — Чернигов, 3 — Переяславль, 4 — Новгород-Северский, 5 — Белая Вежа, 6 — Херсонес, 7 — Судак, 8 — Корчев, 9 — Тмутаракань, 10 — донецкие городки.

Рис. 9. Захват половцами «полона»: пленных, коней, «скотов» (рогатый скот). Миниатюра Радзивилловской летописи.

Рис. 10. Кровавая сеча русских полков Игоря с половцами. Раненого Игоря, упавшего на колено, берет в плен половецкий воин Чилбук. Миниатюра Радзивилловской летописи.

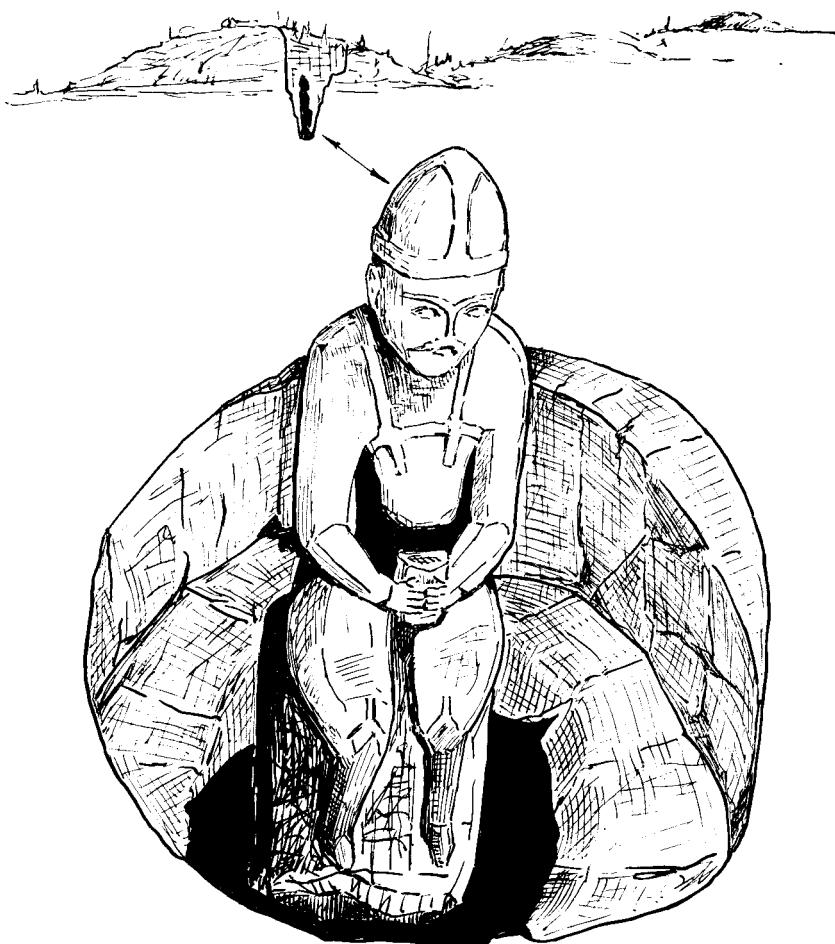

Рис. 11. Половецкие «скрытые» святилища. Статуя воина была вкопана в насыпь древнего кургана и глубже — в материк под курганом.

А. Половецкий воин XI в. Рисунок художника О.Федорова.

Б. Половецкая всадница-«поляница» XII в. Рисунок художника О.Федорова.

Айрат Губайдуллин

Способы возведения и типы булгарских оборонительных сооружений

Оборонительные сооружения за всю историю человечества, по крайней мере со времен Древнего мира, играли одну из важнейших ролей в системе становления и развития государств и государственных образований, а также межгосударственных отношений. Они являлись и являются показателем уровня развития того или иного народа не только в экономическом и политическом плане, но и, в каком-то смысле, духовном. Крепостные сооружения определяли и архитектурный облик городов с самого их основания.

Для наибольшей эффективности и долговечности оборонительных сооружений применялся целый комплекс мер, основанный на много вековом опыте и сложных инженерных вычислениях. Они включали в себя способы насыпки валов, чередование и взаиморасположение в них насыпей из однородного или различного по составу грунта, внутривальные конструкции, дополнительное укрепление отлогостей валов и рвов. Далеко не произвольной была и форма, которую придавали последним.

Обычно насыпи валов сооружались из грунта, взятого при рытье рва. Его состав часто диктовал и способ их возведения. По археологическим данным, накопленным к нашему времени, можно выделить как минимум четыре таких типа. Первый представлен чередующимися насыпями, частично перекрывающими друг друга, где первая насыпь сооружена вдоль рва, а все остальные как бы отступают от нее (рис.1). Второй тип также имеет «ступенчатую» структуру, однако, он более сложен, ввиду различного взаиморасположения слоев (рис.2). Для скрепления этих насыпей, как в первом, так и во втором случае, иногда применялось перекрытие из мощного слоя тяжелого суглинка. Третий тип характеризуется внутренним устройством валов, имеющих центральное ядро, которое перекрывается полностью одним или несколькими слоями, расположенными друг над другом (рис.3). Состав грунта в них варьирует. Иногда ядро сложено из тяжелой материковой глины, перекрывающая ее насыпь из более легкого суглинка; или же бывает наоборот: основа вала состоит из супеси, а остальные слои из суглинка. Четвертый тип наиболее простой по устройству насыпи. Он представлен однородным грунтом — суглинком или супесью (рис.4).

Прослеживается определенная закономерность: оборонительные насыпи первых двух типов, в большинстве случаев, являются на городищах основными, т.е. на них устанавливалась главная стена. Третий и четвертый типы, за некоторым исключением, характеризуют насыпи дополнительных валов, явившихся препятствием для продвижения противника к основной линии обороны.

Не исключено, что способ насыпки валов первого и второго типов был наиболее оптимальным для выдерживания веса крепостной

стены. Наиболее ранние аналогии этому имеются у некоторых позднеантичных укреплений Северного Причерноморья (1). Третий и четвертый типы, особенно последний, ввиду своей простоты, могли нести на себе лишь более легкие конструкции, например, частокол или тыновую ограду. Исключение здесь составляют оборонительные валы двух крупных городских центров Волжской Булгарии золотоордынского времени — Болгара и Кашана, которые относятся к третьему типу. У первого надземные конструкции были устроены в виде тарас (2, с.325), а у второго, предположительно, городней.

Вторым основным фактором, влияющим на сохранность оборонительной насыпи и препятствующим ее оплыванию, являлись внутривальные конструкции, состоявшие из срубов, заполненных землей и (или) вертикально установленных рядов бревен. Давая их реконструкцию, нельзя обойти вниманием и первоначальный облик самих насыпей. Имея данные по составу грунта, из которого они состоят, можно с долей вероятности определить как они выглядели первоначально. По этому поводу существуют специальные расчеты, приведенные в литературе по фортификации: величина заложения* «... изменяется по качеству земли: чем земля рыхлее, тем заложение делается больше, и наоборот, при твердом грунте, оно уменьшается» (3, с.10). На основе многочисленных опытов определено, что «... отлогости** насыпи из обыкновенной земли принимают заложение равное высоте насыпи; из песка или сыпучей земли в 1,1/2 и в два раза более высоты; из глины же, или крепкой земли — равно 2/3 высоты» (3, с.10).

В случае с земляными оборонительными насыпями городищ Волжской Булгарии необходимо, однако, делать поправку, т.к. обычно при насыпке валы утрамбовывались. Вследствие этого, могло уменьшаться и заложение отлогостей: «... при глинистом грунте до 1/3, при обыкновенном до 2/3, и наконец при сыпучем от 1 до 1,1/2 своей высоты» (3, с.10).

Опираясь на вышеприведенные расчеты, можно попытаться реконструировать и первоначальные формы*** некоторых булгарских валов, например, внутренние укрепления Билярского городища и оборонительную насыпь Болгарского городища.

Вал основной линии обороны внутреннего города Биляра состоит из четырех строительных периодов, в первой насыпи применен грунт из плотной гумусированной супеси (рис.5; реконструкция), во второй — грунт из чередующихся напластований плотного суглинка, супеси, пестроцвета и материковой глины (рис.6; реконструкция), в третьей — из материкового суглинка (рис.7; реконструкция), в последнем (четвертом) строительном периоде насыпь вала была увеличена путем

* Заложение — горизонтальное расстояние между вершиной и подошвой всякой отлогости.

** Отлогости — наклонные плоскости, ограничивающие вал и ров.

*** В отличие от форм, первоначальные размеры реконструировать гораздо сложнее, ввиду оплыва насыпей и трудностей в вычислении количества использованного грунта.

подсыпки еще раз материкового суглинка, доводившего ее высоту до 300-350 см, а ширину основания до 20 м. Таким образом, хорошо прослеживается эволюция этой линии вала с X по XIII вв.

Оборонительная насыпь в западной части Болгарского городища в основном состояла из супеси или супесчанистого суглинка (4, с.114). Основываясь на расчетах, приведенных выше, мы можем предположить, что этот состав грунта подразумевает и конкретную форму вала (рис.8; реконструкция).

В дополнение необходимо отметить — использование для укрепления отлогостей валов обкладки дерном, глиняной обмазки, обжига, каменных панцирей или решетки из деревянных слег и кольев являлось лишь дополнительной мерой защиты насыпей от осыпания и не было существенным фактором, определявшим их форму. На последнюю могли влиять только некоторые конструкции, типа «галльской стены» (*tigus gallicus*) (5, с.38) или внутривальных сооружений ступенчатой формы как у города Белгорода X в. (6, рис.19). У оборонительных насыпей, ядро которых составляли обычные срубы, величина заложения должна подчиняться тем же законам, что и у простых валов из грунта. Разница между ними заключается в большей долговечности первых, тогда как вторые должны были подсыпаться через некоторые промежутки времени. Исключение здесь могут составлять лишь оборонительные насыпи, имеющие ядро из тяжелого суглинка (вал городища Кашан 1). Булгарскими же военными инженерами, зачастую, применялось комбинирование некоторых вышеописанных мер, примером чему служит Суварское городище (7, с.234-236). Существует и малоисследованный раздел в фортификации Волжской Булгарии, касающийся профилировки рвов. Они являются обязательным элементом в системе военно-инженерных сооружений Булгарского государства, независимо от их типов.

Типичные профили рвов — трапециевидные (Краснокадкинское, «Великий город» (Биляр) (8,с.51; 9, с.66,83)) или треугольные (Боровкинское, Чувбродское, Луковское (Япанчино) городища). Имеются в небольшом количестве и рвы подпрямоугольной формы (Юловское городище) (10). На территории Волжской Булгарии отмечены городища как с тем или другим типом рвов, так и с их комбинированием на одном памятнике. Это, например, Татбураевское городище, где внешний ров трапециевидной формы, а внутренний — треугольной или наоборот: на Большекляринском городище внешний ров треугольный, а внутренний — трапециевидный. Исходя из сведений по этой теме, имеющихся в нашем распоряжении, а это 10% укрепленных поселений, можно, предположительно, констатировать наибольший удельный вес рвов треугольной формы.

Преимущества и недостатки этого типа заключаются в том, что «... рвы треугольные выгоднее трапециальных в том смысле, что переход атакующей колонны через треугольный ров затруднительнее и медленнее: по тесноте места он совершается только по одной шеренге, между тем как прочие должны ожидать очереди. ... Однако,

ж треугольные рвы имеют и свои невыгоды: 1) их труднее вырывать, а неприятелю легче забросать; 2) они могут быть употреблены тогда только, когда ширина их менее удвоенной глубины; в противном случае образуются весьма отлогие эскарпы, способствующие неприятельской эскададе (escalade), и 3) при одинаковой ширине и глубине треугольного рва с трапециальным, первый доставляет менее земли для насыпи...» (3, с.11-12). Чтобы избежать последнего неудобства, булгарские военные инженеры для увеличения насыпи вала часто брали землю и с внутренней стороны, создавая, таким образом, второй ров. Это, в первую очередь, относится ко всем оборонительным линиям со схемой один вал, два рва, примером чему является Чуру-Барышевское городище (рис.9).

Несколько более сложное сочетание укреплений в виде трех валов и двух рвов мы имеем на Большекляринском городище. Здесь внешний ров имеет треугольную форму, а внутренний, для компенсации недостающего количества земли, трапециевидную. Интересна оборонительная система Исаковского городища, состоящая из двух невысоких валов и рва между ними. Последний имеет треугольную в профиле форму, но с, относительно, пологими отлогостями, которые придали большую ширину рву, но в ущерб глубине (около 1 м) (11, с.2-3). Его строителям, видимо, пришлось выбирать между тем и другим, в результате было отдано предпочтение первому, тем более что это городище хорошо укреплено самой природой и занимает очень незначительную площадь — 0,324 га. Большинство исследуемых нами памятников также построены с использованием защитных свойств местности, т.е. относятся к 1 типу (подчиненные рельефу).

Касаясь профилировки рвов, необходимо отметить одну особенность — в некоторых случаях контр-эскарп более крутой, чем эскарп, что затрудняет противнику сход в ров, а осажденным позволяет вести эффективный обстрел его дна. Смотря по плотности грунта, в котором выкапывается ров, заложению контр-эскарпа дается «1/2 и 2/3 его высоты, т.е. глубины рва» (3, с.10); заложение же эскарпа равняется 2/3 или целой глубине рва (3, с.11). Примерами этому являются укрепления Утяковского и Луковского (Япанчино) городищ.

На территории Волжской Булгарии имелись и другие типы рвов с заложением эскарпа и контр-эскарпа примерно равным друг другу или когда контр-эскарп «делали пологим скатом, для удобнейшего производства вылазок и безопасного отступления» (12, с.364). К первому типу относится ров Исаковского городища, а ко второму рвы (внешний и внутренний) «цитадели» Богдашинского городища (13). Существовали также и комбинированные на одном памятнике рвы с различными заложениями, как, например, на Хулашском городище. Здесь внешний ров северной части укреплений имеет пологий контр-эскарп, а ров западной части — одинаковые отлогости (14, рис.3,5,7).

Разнообразие форм и типов рвов, предназначенных не только для пассивной, но и активной обороны говорит о специальном их выборе и применении для каждого конкретного случая, который зависел, в

первую очередь, от месторасположения памятника и его размеров. Последнее касается возможности содержать больший или меньший по численности гарнизон, что сказывалось на предпринятии попыток вылазок осажденными или отказе от них.

Заключая данное исследование, можно констатировать факт малой изученности различных аспектов фортификации, что заставляет нас внимательнее относиться ко всему комплексу источников, которые могли бы способствовать более полному раскрытию этой темы.

Примечания:

- ¹ Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). — Киев: Наукова думка, 1981.
- ² Хованская О.С. Оборонительная система города Болгара // МИА, № 61, 1958.
- ³ Теляковский А.З. Фортификация. — Спб., 1839, ч.1.
- ⁴ Краснов Ю.А. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1987.
- ⁵ Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. — М., 1990.
- ⁶ Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. — М.: Искусство, 1988.
- ⁷ Смирнов А.П. Волжские булгары // Тр.ГИМ, вып.ХIX, 1951.
- ⁸ Хузин Ф.Ш., Кавеев. М.М. Исследования внутренней линии обороны Билярского городища // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. — Казань, 1985.
- ⁹ Хузин Ф.Ш. Укрепления внешней линии обороны Билярского городища (к вопросу о времени возникновения и этапах строительства) // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. — Казань, 1985.
- ¹⁰ Белорыбкин Г.Н. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1986 году. — Пенза, 1987 // Архив ИА РАН.
- ¹¹ Губайдуллин А.М. Отчет. Археологические работы в зоне Куйбышевского водохранилища в пределах республики Татарстан. — Казань, 1993 // Архив ИИ АН РТ.
- ¹² Военный энциклопедический лексикон. — Спб., 1854-58 гг.
- ¹³ Измайлова И.Л. Отчет о полевых работах на Богдашинском городище и могильнике (Тетюшский район ТССР) и памятниках, разрушающихся в Куйбышевском районе ТССР в зоне Куйбышевского водохранилища (Старокуйбышевский (Спасский) комплекс памятников) в 1991 году. — Казань, 1991 // Архив ИИ АН РТ.
- ¹⁴ Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. — Чебоксары, 1972.

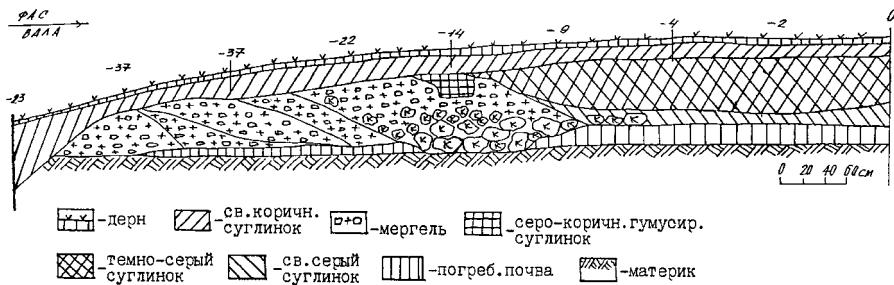

Рис. 1. Чаллыинское городище. Профиль первого (внутреннего) вала (тип 1).

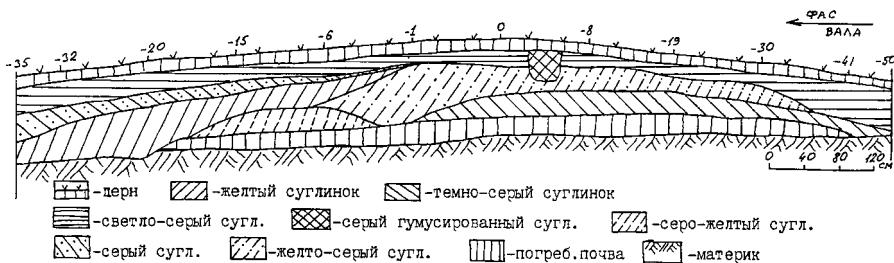

Рис. 2. Щербеньское II городище. Профиль вала (тип 2).

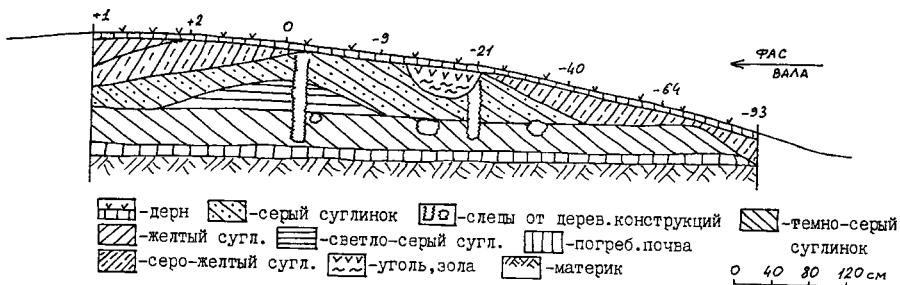

Рис. 3. Щербеньское I городище. Профиль первого (внутреннего) вала (тип 3).

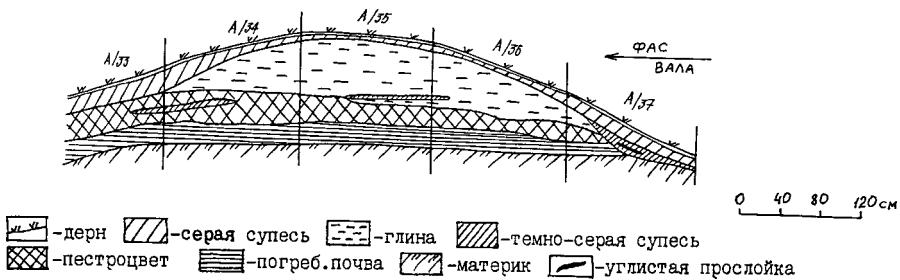

Рис. 4. Билярское городище. Профиль внешнего первого вала внутреннего города (раскопки Ф.Ш.Хузина) (тип 4).

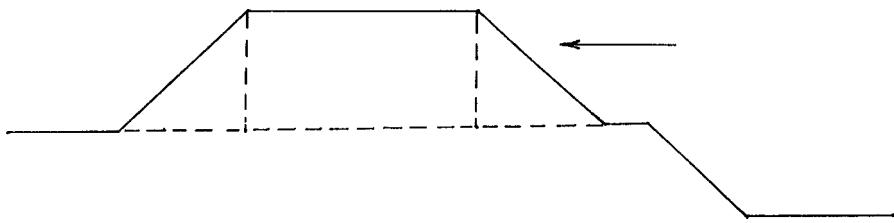

Рис. 5. Реконструкция внутреннего вала внутреннего города Биляра в первый строительный период. Заложение от 1 высоты вала.

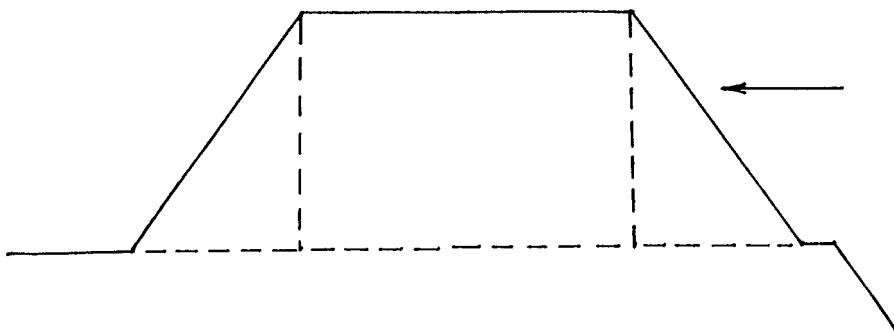

Рис. 6. Реконструкция внутреннего вала внутреннего города Биляра во второй строительный период. Заложение до $\frac{2}{3}$ высоты вала.

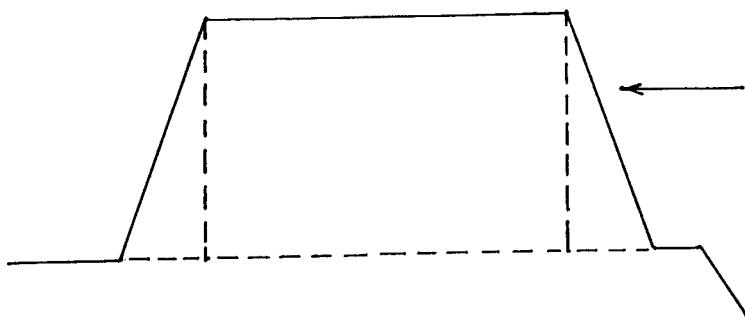

Рис. 7. Реконструкция внутреннего вала внутреннего города Биляра в третий строительный период. Заложение до $\frac{1}{3}$ высоты вала.

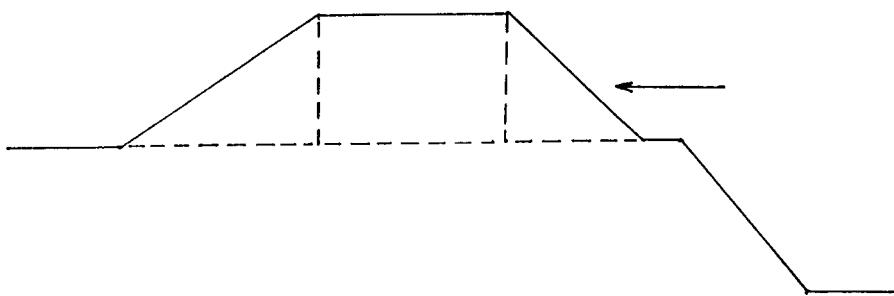

Рис. 8. Реконструкция вала в западной части Болгарского городища.
Заложение от 1 до 1,5 высоты вала.

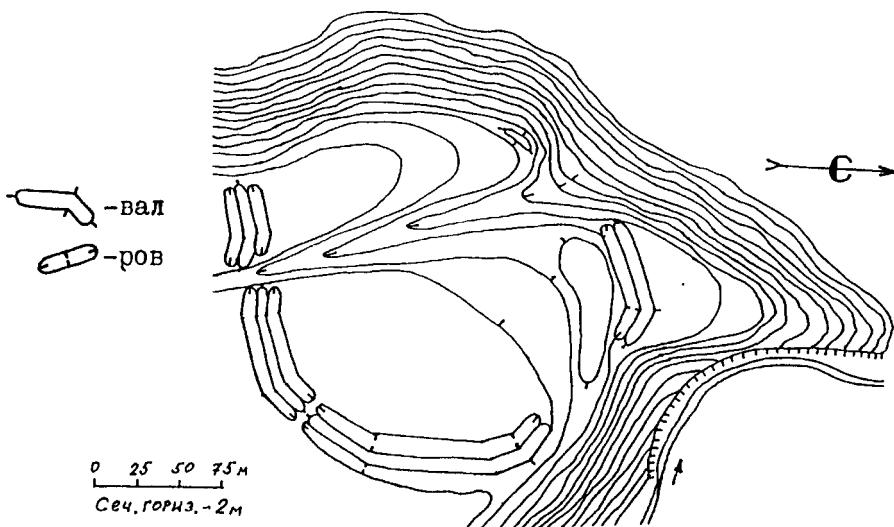

Рис. 9. Чуру-Барышевское городище. Общий план.

Нина Кокорина

Керамика в кипчакских традициях с Камаевского городища

Камаевское городище, остатки политического центра Иски Казани, удаленное от Казани на 45 км вверх по течению р. Казанки, с распадом Золотой Орды и образованием Казанского ханства, во второй половине XV в. становится одним из форпостов нового государства на севере. Благодаря археологическим исследованиям 40—50-х и 70—80-х гг. [1—4] на городище изучены остатки военно-оборонительных сооружений (валы, дозорная башня, гарнизонная казарма), мастерских по изготовлению оружия и иного военного снаряжения, т.н. «монетного двора» (с обилием монет местной чеканки, гривной для рубки заготовок, самих заготовок монет).

Археологические данные свидетельствуют о том, что в золотоордынскую эпоху в Предкамье сложились благоприятные условия для развития экономики, торговли и других сфер жизнедеятельности. Монголо-татарское нашествие вызвало активный отток населения из районов Закамья и способствовало тому, что ядро булгарских земель переместилось в золотоордынскую эпоху в Заказанье, поэтому не случайно Иски Казань стала в XIV — первой половине XV в. значительным ремесленным и торговым центром, во многом унаследовав культуру домонгольского Биляра [5]. Материалы гончарных мастерских Русско-Урматского селища XIII — первой половины XV вв. свидетельствуют о приходе мастеров не только из Биляра и Булгара, но и южных центров Золотой Орды [6]. При взаимодействии Казани и Иски Казани в начале XV в. вырастет и значение Камаевского городища как военного форпоста на северо-востоке булгаро-татарских земель. Жизнь в пригороде сосредотачивается не только на обслуживании крепости и ее гарнизона, но и всей казанской округи.

В объектах Камаевского городища*, датированных по нумизматическим и вещевым материалам второй половиной—концом XIV — первой половиной—серединой XVI вв., найдены остатки посуды, принадлежавшей представителям самых разных этнических групп булгарского и булгаро-татарского населения [7]. В данной статье рассматривается одна из редких и малоизвестных групп керамики, выделенная — согласно принятой в булгароведении номенклатуры [8—9] — в XXI группу позднезолотоордынского периода. Найдены этой керамики в домонгольских и золотоордынских памятниках (Биляр, Билярское 3, Джукетау, Чакма, Чаллынское, Болгар, Сюкеевское, Русско-Урматское и др.) свидетельствуют о широком расселении носителей XXI группы в районах к востоку от Волги. На Камаевском городище количество ее колеблется в слое — от 2,7% (р.IX; первая половина XV в.) до 39 % (р. XVIa; вторая четверть XV в.), в поздних ямах — до 56,6%, в объектах второй четверти — середины XVI в. (кузница с

* Раскопки Р.Г.Фахрутдинова 1970-1980-х годов.

каменными котлами, «монетный двор», помещение стражи) — 5,5% в нижнем горизонте и 21,4% — в верхнем. Отмечается явно заметное присутствие данной посуды на центральных раскопах.

Эта керамика ранее была описана Р.Г. Фахрутдиновым [2] как одна из разновидностей гончарной посуды джукуетауского типа (XIII группа): темно-серая или оранжевато-бурая, с примесью большого количества песка, плотного обжига, с волнистым и гребенчатым орнаментом; темно-серая, почти черная посуда, с примесью мелкого песка, без лощения и орнамента; грубоватая керамика коричневато-бурового или даже желто-красного цвета, с примесью дресвы и мелкого шамота, с редким орнаментом из линейных и волнистых узоров. Из данного описания становится ясным, что она очень разнообразна по примесям и цветовой гамме, вследствие чего не может быть отнесена к булгарской гончарной ремесленной посуде.

Несомненное сходство плоскодонной и круглодонной посуды XIII группы, преобладающей в районе Джукетау, воспринималось Т.А. Хлебниковой [10, с.169] как подражание круглодонной прикамской керамики XIII группы гончарной булгарской. Однако архаичность и своеобразие плоскодонной с запесоченным тестом, сохраняющиеся до XV в. в технологии, формах и декоре, дали мне основание, прежде всего по материалам Биляра и его округи XI—XV вв., выделить ее в отдельную группу от родственной XIII-ой (круглодонной) — с целью изучения ее генезиса и роли носителей XXI группы в этнокультурных процессах, протекавших в Волжской Булгарии, Золотой Орде и Казанском ханстве.

В комплексах Камаевского городища выявляются две разновидности посуды, близких по своим признакам керамике XIII и XXI групп и обозначенных в дальнейшем описании как **подгруппы XXI-1 и XXI-2**.

Подгруппа XXI-1 (рис.1) характеризуется примесью крупного и мелкого песка, иногда толченого известняка, раковины, прочным тонким черепком красно-розового, оранжево-красного, черно-серого цветов, плоскодонными формами смешанной ленточно-лоскутной техники, в отделке (на части сосудов) — следами заглаживания травой (горшки) или мокрой рукой до блеска (кувшины), редким тонким полосчатым или сплошным лощением (кувшины), выполненным галькой. В ней представлены кувшины, хумы, горшки, кружки; в числе редких находок — котел, светильник, чернильница, пряслице. Наиболее вариабельной формой являются горшки (девять типов), остальные представлены тремя (кувшины), двумя (кружки) или одним типом (см. типологию на рис.3). Украшены, как правило, волной «джукетау», асимметрично расположенной по верхней части тулов, а также отпечатками гребенки, фестонами, зигзагообразными и прямыми резными линиями, треугольными наколами и в трех случаях псевдошнуровыми отисками (рис.1, 1, 2).

Кувшинообразные представлены широкогорлыми столовыми сосудами с низкими горловинами в виде растрuba, цилиндра и закрытой

формы крупного размера. Кувшины типов 1 и 3 (рис.3, 1, 5) отделаны шнуровыми или псевдошнуровыми отпечатками по горлу и плечикам, но не по всей их окружности; поверхность заглажена и подлощена галькой; ручки имеют овально-уплощенную форму или с заметным выступом вдоль внутренней стороны, прямоугольную, круглую в сечении или с ложбинкой посередине. Эти кувшины наряду с горшками типа 8 (рис.3, 17) своими формой и отделкой нижней части горловин и плечиков (в виде отдельных оттисков шнура и его имитации) сходны с сосудами VII группы (угорской тюрканизированной) золотоордынского периода [11, рис.46, 2, 3, 5]. Прототипы форм кувшинов типов 1 и 3 известны в Танкеевском могильнике [12, рис.42, 92, 1, 2]. Кувшины типов 2 и 3 есть в Предкамье и на других памятниках, в частности на Чаллыинском городище [13, рис.15, 1, 4, 6]. Хумовидные сосуды с закрытой горловиной (тип 3) характерны для посуды кипчаков Центрального (Милыкудук [14, рис.14, 2; 15, рис.12, 15]) и Западного Казахстана (Сарайчик; раскопки Л.Л. Галкина, 1995 г.). Прототипы кувшинов с зигзагообразной волной по низкой широкой горловине (тип 2) имеются в посуде Джукетау домонгольской и золотоордынской поры, а параллели им — в памятниках Нижнего Узбоя XIV—XV вв. [16, рис.8, 1].

Кружки (рис.1, 18, 19, 3, 6—8) выделяются своей грушевидной формой, горлом — зауженным, с широким горизонтальным рифлением или с намеченным вверху раструбом, орнаментом — из пояса мелких резных линий, подчеркивающего горловину, и подлощенного вертикального фасчатого или прерывисто-фестончатого по тулову. Цельные формы известны в комплексах XI в. Биляра [9, рис.4, 13—15] и золотоордынского Болгара [11, рис.43, 21, 65].

Горшки различаются формой туловса, горловины, венчика и орнаментом. Тип 1 (рис.3, 9) — округлое тулоно, подцилиндрическое горло с уступом на плечике, сапожковидный венчик, без орнамента; близок горшкам VII и VIII групп прикамско-приуральского угорского и тюрко-угорского населения. Тип 2 (рис.3, 10) — подшаровидное тулоно, цилиндрическое горло, утолщенный край, две резных линии по горлу и неровный волнистый узор по верху туловса. Тип 3 (рис.3, 11) — подшаровидное тулоно, зауженный верх, отогнутый наружу раздвоенный венчик. Тип 4 (рис.3, 12, 13) — подцилиндрическое горло, скошенный вовнутрь край (аналогично горшкам VII и VIII групп). Тип 5 (рис.3, 14) — бочковидная горловина, уточненный и загнутый вовнутрь край, гребенчатые отпечатки по венчику и узор в виде многоярусной мелкой волны по горловине. Тип 6 (рис.3, 15) — реповидное тулоно, подцилиндрическое горло, скошенный вовнутрь венчик, крупногребенчатый штамп по плечику. Тип 7 (рис.3, 16) — подцилиндрическое горло, уточненный край, прямые резные и зигзагообразные линии по горлу. Тип 8 (рис.3, 17, 19, 24, 25) — реповидное тулоно, зауженная или подцилиндрическая горловина, утолщенный округлый или скошенный вовнутрь венчик, по горлу и верху туловса — многозонный узор из неровной волны «джукетау», пояса

прямых линий и гребенчатых отпечатков, а в одном случае — гирлянды по горловине и псевдошнуровые оттиски по плечикам; иногда подлощены; формой и богатой отделкой напоминают братинообразные булгарские сосуды. Тип 9 (рис.3, 20, 21) — широкобокое туло, низкая широкая отогнутая наружу горловина, без орнамента; напоминает небольших размеров корчаги.

Горшки типов 1—3, 7 и 9 находят параллели в керамике Сарайчика (раскопки Л.Л.Галкина). В сосудах типов 4 и 7, а также с псевдошнуровым узором (рис.3, 17) трансформируются традиции керамики VII и VIII групп тюрокизированного населения Волжской Булгарии. Горшки типа 5 передают традиции кушнаренковской посуды нижнекамского Больше-Тиганского могильника [18, рис.5, 23, 13, 4] и приуральских памятников [19, табл.XXI, 14, XXII, 6 и др.]. Один из братинообразных сосудов типа 8, найденный при расчистке кочевнического захоронения в 1983 г. [2, с.144—145], сходен по своей отделке с посудой XXI группы Биляра [9, рис.3, 1, 2, 4, 9, 18]. Камаевским сосудам этого типа близка по форме находка из кирпичного здания XIV в. Селитренного городища (раскопки Э.Д.Зиливинской, 1998 г.).

Сосуд типа хумчи (рис.3, 24) напоминает своей формой круговые и лепные хумы Алексеевского поселения «У дамбы», особенно один из них — лепной, баночной формы, украшенный гребенчато-волнистым узором «в небрежной манере» [20, рис. 5, 1, 4, 5, 7, 6]. Е.Е.Неразик связывает хумовидные сосуды с асимметрично расположенным по тулову орнаментом в виде неровных волн и зигзагов, известные в керамике Хорезма VII—VIII вв. [21, рис.12, 7, 11], с полукочевыми обитателями низовьев Сырдарьи и Амударьи. На приаральских памятниках обратили на себя внимание несколько образцов с поверхностью, затертой глиной до легкого лощения, что наблюдается — наряду с асимметричной манерой орнаментации — и на некоторых сосудах Камаевского городища (рис.3, 1, 5, 7). Эти особенности отражают, по всей вероятности, не только специфику поселенческого производства керамики, но и определенные этнические традиции.

Котлообразный сосуд (рис.3, 29) — с примесью крупного песка, известняковой крошки и шамота, красно-кирпичного цвета, шаровидной формы (диаметр 22 см), рогообразными выступами-ушками, заглаженный изнутри мягким материалом (кожей?), а снаружи травой, украшенный неровными глубокими прямыми и зигзагообразными линиями — своими фактурой и отделкой напоминает, прежде всего, круговые котлы XXI группы из Биляра [9, рис.4, 1—6], а формой сближается с билярскими лепными котлами VIII группы [22, рис.6, 6, 7, 9, 10].

Миниатюрные сосуды с ушками (рис.3, 26, 27) — желтовато-серого и темно-серого цвета, биконической формы (диаметр 10 см) — возможно, являлись светильниками. Они встречаются в слое XV в.

Пряслице (рис.3, 28) — буро-серого цвета, подтрапециевидное в сечении, с неровной нижней поверхностью — найдено вместе с гончарной посудой малиново-красного цвета с ангобом, относящейся к середине XV в. Подобные асимметричные пряслица известны в

могильнике Такталачук и других памятниках чиялийского типа наряду с находками песочной черной и красно-желтой керамики и глиняных поделок культового назначения [11, рис.35, 3].

Керамика подгруппы XXI-2 (рис.2) характеризуется запесоченным тестом (песок мелкий) с добавлениями известняка и шамота, толстым прочным черепком, заглаженной поверхностью, цветом — от желтого, коричневого, малиново-красного до темно-серого, почти черного, желтым ангобом; набор форм ограничен массивными горшками и сосудами специального назначения. Среди них — братинообразные с сосцами (рис.2, 2, 3, 5, 6), с ушками (рис.2, 4), с роговидными выступами (рис.2, 1), носик и ручки от кувшинов, блюдце, биконический сосудик (светильник?) (рис.2, 14, 15), пряслице, фрагмент донца кувшина с остатками клейма и стенки с кружковым орнаментом. Часть этих форм повторяет известные в подгруппе XXI-1: сосуды с ушками, цилиндрошайбные горшки (рис.2, 4, 6).

Горшочек с прямо отогнутым и срезанным наружу краем (рис.2, 1) — единственный экземпляр и, судя по «точеным» формам сохранившейся части, принадлежал биконическим сосудам с ушками-рожками, известным в позднезолотоордынском слое Болгара [11, рис.53, 8, 9]. Соответствия последним имеются, по Т.А.Хлебниковой, в нижневолжских золотоордынских городах, но в отличие от болгарских на камаевском, как и на южных образцах, нет лощения.

Самобытны по исполнению **братинообразные сосуды с сосцами-налепами** и, возможно, носиком, украшенные треугольными и семечковидными вдавлениями по валикам верхней части. Их прототипы, роскошные в своем исполнении, встречаются среди поливных изделий из кашина и красной глины позднезолотоордынских городов [23, рис.35, 5; 24, рис.26]. Отделка сосцами, треугольными и семечковидными вдавлениями, т.е. по целому комплексу признаков, характерна для керамики скотоводов Центрального и Западного Казахстана [15, рис.11—13, с.34—37]. А.Х. Маргулан керамику Аяккамыра считал, в частности, сходной с посудой западных кипчаков и печенегов Хазарии, с чем нельзя не согласиться.

Сосуды с рожками и сосцами, вероятно, в своих истоках являлись обрядовыми. Очевидна их связь с культом женского плодородия у племен кимако-кипчакского объединения [25, с.77—79]. Поливной сосуд из золотоордынского Биляра (Билярского З селища), определенный С.И.Валиуллиной как сосуд для розовой воды, имеет эпиграфических орнамент-надпись («успех») аналогично некоторым образцам из южных золотоордынских центров [26, с.52—53]. Характерные признаки культа плодородия сохранялись, по-видимому, у части восточных кипчаков с выраженным скотоводческим профилем хозяйства в отличие от кипчаков-шаров (западных, «светлых»), осевших в городах Хорезма [27—28], а затем и Волжской Булгарии [8] и мусульманализированных значительно раньше.

Сосудик сплющенно-шаровидной формы (светильник) — с узором из мелких наколов в виде многолучевой звезды, гребенчатого

зигзага и расчесов, черепком черного цвета — отражает традиции керамики гуно-эфталитского населения Северо-Западного и Центрального Казахстана, выходцев из Приаралья (джетыасарская культура [29, с.7, рис.6, 80—83]). Близкие по форме и стилю сосуды известны в Сарайчике (раскопки Л.Л. Галкина) и слоях XV в. Чебоксар [30, рис.39, 5].

Пряслице (рис.2, 3) — серого цвета, овальное в сечении, с орнаментом, который смотрится сверху как многолучевая звезда, а по окружности боковой стороны разделен на четыре сектора со знаком в виде косого креста в каждом. На Камаевском городище найдено еще одно подобное пряслице со звездообразным знаком и концентрическими линиями по бокам, но из кости. Такое же костяное пряслице с Бикбуловского селища [11, рис.12, 2] сопровождалось песочной керамикой окислительного обжига, которую стилистически и по формам можно отнести к подгруппе XXI-1. Орнамент из косых крестов по боковой части экземпляра из Камаева скорее напоминает повторяющуюся тамгу, хотя появление этого элемента в узорах булгаро-татарской керамики также относится к позднезолотоордынскому периоду и эпохе Казанского ханства.

Следует отметить, что крестообразные знаки наряду с ямочным и гребенчатым узорами входят в орнаментацию круглодонной и плоскодонной посуды кимакских курганов Казахстанского Прииртышья [31, рис.1—5]. В составе теста этой посуды также есть шамот, известняк, песок (кувишины). Обращает на себя внимание фрагмент с кружковым орнаментом в два ряда (нанесенным трубочкой), столь характерным для керамики поселений кипчаков Западного (Сарайчик), Центрального [14, рис.13, 1, 4, 14, 2, 15, 6] и Южного Казахстана [32, рис.4, 10, 11, 5, 19]. Встречается он и в памятниках джетыасарской культуры Приаралья [29, рис.20, 18, 42]. Для лепной керамики (с примесью песка) оседлых поселений Центрального Казахстана VIII—IX вв. (Милькудук, Болгана, Кулман, Аяккамыр [14, рис.13—15; 15, рис.11—13]) характерны узоры (наряду с асимметричным волнистым) в виде гирлянд, рядов арочек, кружков (нанесенных в два ряда, но зигзагом), гребенчатых, ямочных, семечковидных и других форм вдавлений, глубоких резных линий и широких рифов. Все эти элементы прослежены в керамике XXI и отчасти I групп Биляра XI—XIII вв. [8].

Об истоках посуды XXI группы и ее близости с XIII-ой и другими группами средневековой керамики Прикамья и Приуралья уже приходилось писать [8—9; 13]. Я связываю ее с собственно кипчакским компонентом в составе булгар-сакетимов — тюркоязычного населения восточных областей Волжско-Камской Булгарии, прослеживаемого здесь по материалам керамики с X в. (XIII и XXI группы). Тюркоязычный компонент булгар-сакетимов закладывается в Закамье на основе взаимодействия огузо-куман (IX и X группы) и кипчаков-шаров (XIII и XXI группы) Южного и Центрального Казахстана с прикамско-приуральским угорским населением [8]. В золотоордынский период этнический состав населения Волжской

Булгарии пополняется новыми кипчакизированными популяциями из южных и восточных районов Золотой Орды. Если керамика подгруппы XXI-1 Камаевского городища в какой-то мере продолжает традиции домонгольской посуды, то керамика подгруппы XXI-2 очень сильно отличается как от посуды булгарских групп, так и неполивной нижневолжских золотоордынских центров[33, рис.3]. Сходство этих двух подгрупп керамики и находки ее в Камаеве в одних и тех же объектах обращают на себя внимание.

Сосуды подгруппы XXI-2 с валикообразным оформлением верхней части, украшенной семечковидными вдавлениями и налепами-сосцами, богатой отделкой и формой отчасти подобны братинообразным горшкам подгруппы XXI-1. Повторяются также формы и орнамент миниатюрных сосудов с ушками (рис.3, 26,36), цилиндрошайбных горшков типа 5 подгруппы XXI-1 и горшка подгруппы XXI-2, отделанного отпечатками гребенки по вогнутому вовнутрь краю и мелкими волнистыми линиями по горловине (рис.3, 1, 4, 42). Ручки с желобком посередине, вероятно, принадлежащие кувшинам подгруппы XXI-2, не имеют лощения, в отличие от подлощеных неправильно-овальных ручек подгруппы XXI-1.

Обращает также на себя внимание различие в составе форм. Посуда первой и второй подгрупп практически не содержит чашеобразных форм: единичные фрагменты принадлежат, вероятно, сосудам специального назначения. Керамика подгруппы XXI-2, как уже отмечалось, характеризуется ограниченным набором форм, который, по все видимости, являлся дополнением металлических, а также гончарной посуды подгруппы I-2. Последняя, изготовленная на ручном круге с подставкой, отличается более отмученным мелкопесочным тестом, архаичными и не характерными формами кувшинов, кружек, горшков, мисок, чаши, триподов, отделанных по горловине и верху туловы мелким и желобчатым рифлением, поясами из гребенчатых отпечатков и пальцевых вдавлений, асимметричных волн, и присутствием серии крестообразных тамг, выполненных в технике оттиска и граффити на стенах сосудов. Гончарная керамика подгруппы I-2 повторяет некоторые формы (братьяны, корчаги, горшки) посуды XXI группы. Р.Г.Фахрутдинов рассматривал керамику, выделенную мною в XXI и I-2 группы, вместе с привозной нижневолжской (с тонким «волосяным» линейно-волнистым орнаментом) как собственно золотоордынскую кипчакскую, а керамику с чертами XXI группы отнес к джукуетаускому типу [2, с.142].

Изучение керамики XXI группы Камаевского городища — наряду с ее выделением в материалах памятников домонгольского и золотоордынского периодов (Джукуетау, Биляр, Болгар, Чаллынское, Чакма, Сюкеевское и др.) — показало, что она имеет свои более глубокие генетические корни, нежели посуда XIII-ой [8], и отличается от IX, X и других групп булгарской и булгаро-татарской керамики.

Рассмотрим, с чем же связано различие подгрупп керамики XXI группы Камаевского городища? Керамика подгруппы XXI-1 имеет ряд черт, свойственных посуде оттарско-каратауской культуры Южного

Казахстана (Ак-тобе, Ордакент, Шорнак-тобе и др.), а также памятников конца I тыс. н.э. Средней Сырдарьи. Именно в этих районах известны прототипы билярской керамики юго-восточных истоков второй половины XI—XII в. (котлы с уступчатой ручкой XXI группы, общебулгарские кувшины типов 1, 5, 9, горшки и чаши редких форм — сосуды с ушками, носиком, «сосцами», орнамент из зигзагов, отпечатков редкого гребенчатого штампа в сочетании с прямыми и волнистыми линиями) [29, рис.31, 9, 10, 13, 24, 25, 34, 44, 52, 53, 66, 32, 9—11, 14, 17, 18, 37, 48—51]. В комплексах каунчинской культуры встречаются сосуды миниатюрных форм, горшки типов 3 и 9, украшенные одинарной волной, сосуды с «сосцами» близких форм и кружковым орнаментом, ручки с крестообразными насечками и желобком по центру вдоль ручки [29, рис.62, 5, 6, 12, 14, 34, 44, 52, 55—56, 58, 77, 83, 63, 11, 52, 58—60, 89, 91, 110, 111, 120, 122, 64, 3, 12, 22, 33, 68, 77, 78, 83]; в отделке — асимметричная волна, гребенчатые отпечатки, узкое полосчатое лощение на сосудах с запесоченным тестом и сплошное «зеркальное» на сосудах с пластичным тонкоотмученным тестом. Керамика этого региона также и по технологическим признакам подразделяется Л.М.Левиной на две группы. Рифление кувшинов по горлу и тулову, красный и белый ангоб — все эти черты распространяются в X—XI вв. в посуде Биляра I и затем отчасти XXI групп. Вместе с носителями посуды VII и VIII групп, имевших контакты с кипчаками Центрального Казахстана, в общебулгарской посуде распространяются арочный, кружковый, зигзагообразный, гребенчатый и желобчатый орнаменты [34, рис.90, 92, 94—95].

Керамика подгруппы XXI-2 — с более толстым черепком, чем первая, заглаженная, но не лощеная — имеет ряд общих черт, с одной стороны, с керамикой отраско-каратауской культуры (что выразилось в сосудах с сосцами, ушками, рожками, носиком, желобчатым оформлением верха, орнаментом из наколов и кружков, ручками с бороздкой и т.д.), а с другой — с посудой оседлых поселений Центрального Казахстана VIII—IX вв. (Аяккамыр) и Приаралья (Кескен-Куюк-кала) — с запесоченным дресвяным и шамотным тестом, лепной и примитивно круговой с ленточным налепом, украшенной ямками, пальцевыми защипами, асимметричной волной и зигзагом по тулову и т.д.). В памятниках этого региона наиболее ярко проявился кердерский культурный комплекс. Его черты особенно заметны в отделке и некоторых формах подгруппы XXI-2, например, в горшках, горловина которых подчеркнута валиком с треугольными и семечко-видными отпечатками, аналогичных котлам и горшкам Беркут-калинского оазиса VIII в. [21, рис.5, 2, 13, 14, 11, 1, 4, 12, 14—24].

А.Х.Маргулан справедливо считал керамику Аяккамыра сходной с лепной посудой западных кипчаков и печенегов, выделявшейся исследователями в группу кочевнической керамики салтово-маяцкой культуры [15, с.34—35, рис.11—12]. Однако котлы кипчаков Центрального Казахстана VIII в. — полусферической формы, с полуокруглыми ручками-выступами — отличаются от кердерских [14, рис.13, 3] и в

то же время подобны каунчинским [29, рис.24, 36] и мало-пальцинскому IX группы [10, рис.44, 15]. Котлы кердерской культуры — сплющенно-шарообразной формы, с уступчатым устьем — близки по форме котлам VIII группы из Биляра XI—XII вв. с псевдошнуровым орнаментом [22, рис.6, 6—10]. Возможно, по форме им был близок, но не аналогичен и единственный котел подгруппы XXI-2 с Камаевского городища (рис.2, 16).

Сходство шарообразных котлов VIII и XXI-2 групп керамики Волжской Булгарии становится ясным на фоне исторических событий первой половины XI в., о которых писал С.М.Ахинжанов [25]. После известной цепи передвижений в среде азиатских племен кипчаки-шары и, вероятно, кай (с тамгой уран-змея) оказались вместе к X в. в Приуралье [25, с.106, 116], а затем в середине XI в. — в Волжской Булгарии. Близость и взаимодействие традиций носителей керамики XXI (кипчаки-шары), VII (туркские угры) и VIII (туркизированные угры) групп, особенно заметно прослеживаемых в комплексе Джекетау, не вызывает сомнения, поскольку взаимосвязь носителей этих групп керамики зародилась еще до их прихода в Волжскую Булгарию [13]. Найдены котлов XXI группы в слоях Биляра, начиная с середины XI в., связаны с оседанием кипчаков в Волжской Булгарии и формированием булгар-сакетимов или тюркских булгар. Они одновременны с находками котлов, выделенных Т.А.Хлебниковой в VIII группу посуды прикамско-приуральских истоков. Массовое изготовление котлов XXI группы в гончарных мастерских Биляра и концентрация их находок в центральной части городища (наряду с котлами VIII группы с псевдоверевочным орнаментом) свидетельствуют об их принадлежности не рядовым слоям городского населения. Эти сведения важны для понимания предыстории формирования поздней керамики подгруппы XXI-1 и роли их носителей в этнокультурных процессах, протекавших в крае в последующие золотоордынский период и эпоху Казанского ханства.

Традиции посуды подгруппы XXI-2 также не являются новыми для Волжской Булгарии. Горшкообразные сосуды с шамотом, желобчатым оформлением верхней части, резным и преимущественно ямочным орнаментом появляются в Поволжье в могильниках VIII—IX вв. эпохи Хазарского каганата [35] и характерны для II группы керамики поселений южных приволжских районов Волжской Булгарии с X в. [10, рис.72, 4—17], а также общебулгарской гончарной [10, рис.57, 5, 58, 7, 59, 1, 2; 36, рис.11, 19, 20, 17, 11, 14, 27, 2—5 и др.].

На донце одного из сосудов подгруппы XXI-1 с Камаевского городища сохранилась часть клейма в виде окружности со спицей (?) внутри (рис.2, 13). Факт клеймения, не характерного для посуды этой подгруппы, может указывать на принадлежность государственным мастерским, если вспомнить, что именно для общебулгарской гончарной керамики домонгольского периода свойственно клеймение, и в том числе посуды, выполненной в традициях входивших в ее состав иных этнических групп. По данным Р.Г.Кузеева, тамги в виде косого креста или окружности с перекрестьем (мотовило) были наиболее

распространенными у табынцев, а также у северо-восточных башкир племени айыу (медведь). **Айинцы** — племя центральноазиатского корня, обитавшее в Приаралье и в пограничье зауральской степи и лесостепи в контакте с уграми [37, с.190, табл.5—6].

Появление на Камаевском городище архаичной запесоченной гончарной керамики без лощения с целой серией крестообразных тамг (подгруппа I-2) вместе с XXI-ой, в которой аналогичные знаки есть на пряслице и на донце сосуда, свидетельствуют о приходе новой группы родственного населения. Пряслице с крестообразными знаками и тамги-граффити на кувшинах подгруппы I-2 (6 экз. с р.XVIIa) в виде косого креста возможно связать с пребыванием кипчаков на Камаевском городище. Аналогичные знаки встречались в Биляре [38, рис.2, 16, 19, 20] и Болгаре на кувшинах с запесоченным тестом, в том числе с линейно-арочным орнаментом. Этот знак отмечается М.Д.Полубояриновой на территориях, завоеванных монголо-татарами, и в тех образованиях, на которые затем распалась Золотая Орда [39, с.180]. Тождество со знаком на пряслице подтверждает его принадлежность представителям кипчакской среды. Если учесть, что клеймо в виде круга с перекрестьем называется у башкир «мотовило», являясь разновидностью тамги в виде косого креста, то новая группа населения, близкая башкирским родам айнинцев, принадлежала к тому же региону обитания в Дешт-и-Кипчак. Как уже отмечалось, тамга «косой крест» могла быть связана с пребыванием инкорпорантов кипчако-монгольских родов, в состав которых вошли еще в VIII—IX вв. печенеги.

Таким образом, керамика подгруппы XXI-1 передает огузо-кипчакские традиции, а XXI-2 — печенего-кипчакские с общим для них угорским вкладом. Изучение керамики Камаевского городища подгрупп XXI-2 и сопутствующей ей запесоченной I-2 позволяет связать распространение традиций этой керамики с наиболее сильными и активными в первой половине XV в. мангытами. Наиболее полно и объективно сведения исторических источников о мангытах периода сложения Мангытского юрта, называемого в XVI в. Ногайской Ордой, проанализированы М.Г.Сафаргалиевым [40]. Кочевья мангытов в первой половине XV в. соседствовали с башкирскими родами в Заволжье. Это подтверждается и находками керамики, близкой подгруппам XXI-1, XXI-2 и I-2, на Самарской Луке [41, рис.3, 1—5, 9]. В XVI в. владения мангытских князей (вернее, их летние выпасы) подходили на северо-западе, по рекам Самаре, Кинелю и Кинельчику, к границам Казанского ханства. В первой половине XVI в. ногайцы кочевали также в низовьях Сырдарьи, по берегам Аральского моря, у Каракорума, Барсункума и у северо-восточных берегов Каспийского моря [40, с.228—231]. Районы их обитания, как уже отмечалось выше, характеризуются распространением прототипов архаичной керамики подгрупп XXI-1 и XXI-2, а также I-2. Время бытования этих групп керамики на Камаевском городище ограничивается первой половиной XV — серединой XVI в.

Подводя итог, необходимо отметить, что в булгарской и булгаро-татарской керамике выявляется несколько волн проникновения и укоренения кипчакских традиций. Первая из них фиксируется в посуде

раннебулгарских могильников VIII—IX вв., вторая приходится на XI в. и лучше всего представлена в домонгольских Джукетау и Биляре, третья связана с золотоордынской эпохой (XIV в.), особенно ярко в Джукетау — вероятно, городе Чар (Шар), отмеченного на карте братьев Пицигани в низовьях Камы, четвертая падает на конец XIV — первую половину XVI в. и изучена по материалам Болгара, Ага-Базара, Казани и Камаевского городища, керамика кипчакских традиций которого и явилась предметом нашего анализа. Важно подчеркнуть, что наиболее зримо собственно кипчакские традиции (в лице значительных групп инкорпорантов) проявляются в исторически переломные моменты в судьбах булгарского и булгаро-татарского населения.

Примечания:

- ¹ Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. // ТКФАН СССР, сер. ист. наук. Казань, 1954.
- ² Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С.125-126 (здесь же — историография Иски Казани).
- ³ Фахрутдинов Р.Г. Раскопки Старой Казани // АО-1972. М., 1973. С.190; Он же. Исследования в Старой Казани // АО-1979. М., 1980. С.175-176; Он же. Раскопки Иски-Казани // АО-1981. М., 1983. С.177; Он же. Исследования Старой Казани (итоги раскопок 1970-х годов) // СА. 1984, № 4. С.181-182.
- ⁴ Фахрутдинов Р.Г., Кокорина Н.А. Исследования Старой Казани // АО-1983. М., 1985. С.181—182.
- ⁵ Кокорина Н.А. Керамика Биляра и Иски Казани: (К вопросу о преемственности булгарской и булгаро-татарской культур) // Культура, искусство татарского народа. Казань, 1992, С.55—63.
- ⁶ Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г. Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани // ТА. 1999. № 1—2. С.103—134.
- ⁷ Кокорина Н.А.Керамика Камаевского городища (культурно-хронологическое соотношение) // Заказанье. Проблемы истории и культуры. Казань, 1995. С.31—33.
- ⁸ Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI — начала XV вв.: (К проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1991.
- ⁹ Кокорина Н.А., Хлебникова Т.А. Керамика тюркоязычного населения Волжской Булгарии X—XIII вв. // Археология Волжской Булгарии: Проблемы, поиски, решения. Казань, 1993. С.106—116.
- ¹⁰ Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Булгарии: (К вопросу об этнокультурном составе населения). М., 1984.
- ¹¹ Казаков Е.П. Памятники булгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978.
- ¹² Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии (этапы этнокультурной истории). М., 1992.
- ¹³ Кокорина Н.А., Останина Т.И. Исследование Чаллынского городка (раскопки 1983, 1989 гг.) // В печати.
- ¹⁴ Маргулан А.Х. Джезказган — древний металлургический центр: (Городище Милькудук) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С.3—42.
- ¹⁵ Маргулан А.Х. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.

- ¹⁶ Юсупов Х.Ю. Приузбайские туркменские племена XIV—XV вв. Ашхабад, 1975.
- ¹⁷ Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С.7—102.
- ¹⁸ Халикова Е.А. Большое-Тиганский могильник // СА. 1976. №2. С.158—178.
- ¹⁹ Мажитов Н.А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977.
- ²⁰ Руденко К.А. Алексеевское селище и могильник «У дамбы» в Татарии // АЭМК. 1994. Вып.23. С.121—139.
- ²¹ Неразик Е.Е. Керамика Хорезма афригидского периода // ТХАЭЭ. 1959. Т.4. С.221—260.
- ²² Кокорина Н.А. О финно-угорском компоненте в булгарской и булгаротатарской культурах (по материалам керамики) // АЭМК. 1994. Вып.23. С.185—213.
- ²³ Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.) // ТХАЭЭ. 1959. Т.4. С.261—392.
- ²⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
- ²⁵ Ахинжанов С.М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С.65—79.
- ²⁶ Валиуллина С.И. Парадная посуда золотоордынского Биляра (по результатам раскопок Билярского III селища) // Гуманитарные науки (проблемы и аспекты изучения): Матер. итог. конф. Тат. гос. гуманит. ин-та за 1996 г. Казань, 1997. С.51—62.
- ²⁷ Бартольд В.В. Новый труд о половцах // Соч., т.В. М., 1968. С.392—408.
- ²⁸ Бартольд В.В. Кыпчаки // Там же. С.550—551.
- ²⁹ Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. // ТХАЭЭ. 1971. Т.7.
- ³⁰ Краснов Ю.А., Каюзовский В.Ф. Средневековые Чебоксары: (Материалы Чебоксарской экспедиции). М., 1978.
- ³¹ Арсланова Ф.Х. Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С.79—104.
- ³² Байпаков К.М. Раскопки усадьбы на городище Талгар // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С.71—80.
- ³³ Михальченко С.Е. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья // СА. 1973. №3. С.118—131.
- ³⁴ Григорьева Г.В., Терехина Л.С., Терехина Н.А., Халиков А.Х. Гончарная керамика Билярского городища: (По материалам раскопок 1967—1972 гг.) // Исследования Великого города. М., 1976. С.186—211.
- ³⁵ Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.
- ³⁶ Хлебникова Т.А. Гончарное производство волжских болгар X — начала XIII вв. // МИА.1962. №111. С.93—152.
- ³⁷ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: (Этнический состав, история расселения). М., 1974.
- ³⁸ Кочкина А.Ф. Знаки и рисунки на керамике Биляра // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989.
- ³⁹ Полубояринова М.Д. Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С.165—212.
- ⁴⁰ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
- ⁴¹ Матвеева Г.И. Изучение болгарских памятников домонгольского периода на Самарской Луке // Самарская Лука в древности. Куйбышев, 1975. С.128—141.

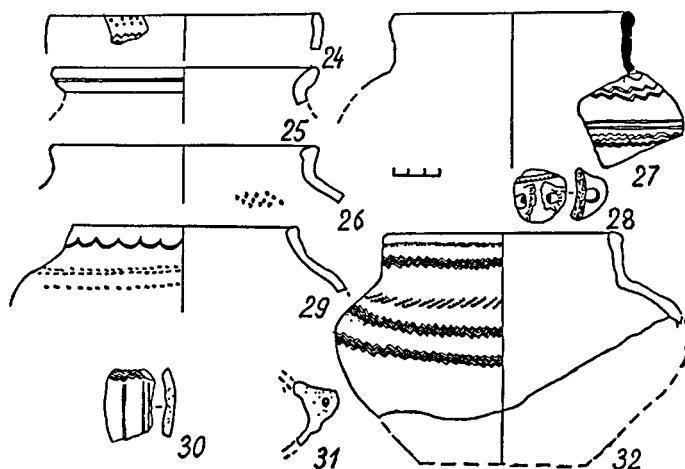
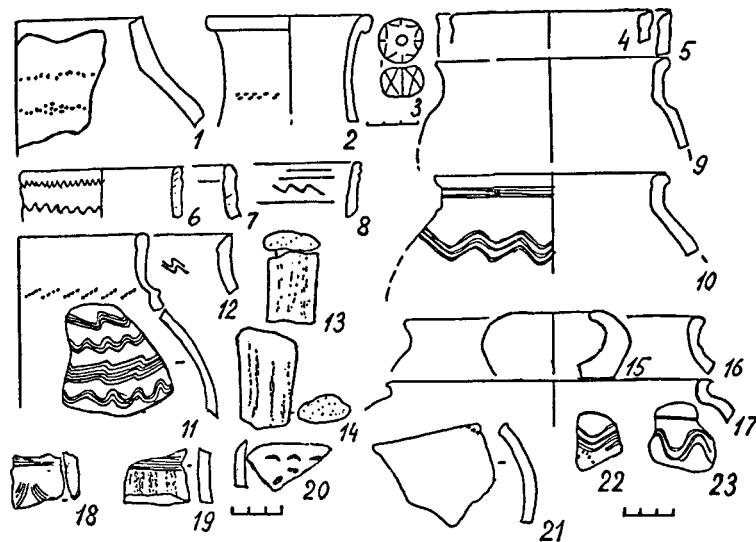

Рис. 1. Камаевское городище. Керамика XXI—1 группы (с обилием песка). 1, 2 — XVI^в, В—3, шт. 1; 3, 15, 16, 21 — соор. 1; 4 — п.м.; 5 — XIII, И—2, шт. 1; 6 — IX, Б—2, шт. 1; 7, 17 — X, Д—1, шт. 1; 8 — Ч, яма 11; 9 — XVI^{в?}; 10 — X, соор. 1?; 11, 12 — I, № 22—539; 13 — III, Е—7, шт. 2; 14, 19 — IX, Е—3, шт. 1; 18 — X, Д—7, шт. 1; 20 — XII, Е—5, шт. 1; 22 — X, А—14, шт. 1; 23 — X, А—11, шт. 1; 24 — XII, З—3, шт. 1; 25 — XIII, Г—5, шт. 1; 26 — V, Б—5, шт. 1; 27 — XV, ?; 28 — XIII, В—3, шт. 1; 29 — XVI^{в?}; 30 — XIII, А—2, шт. 1; 31 — XII, п.м.; 32 — XIII, погребение кипчака.

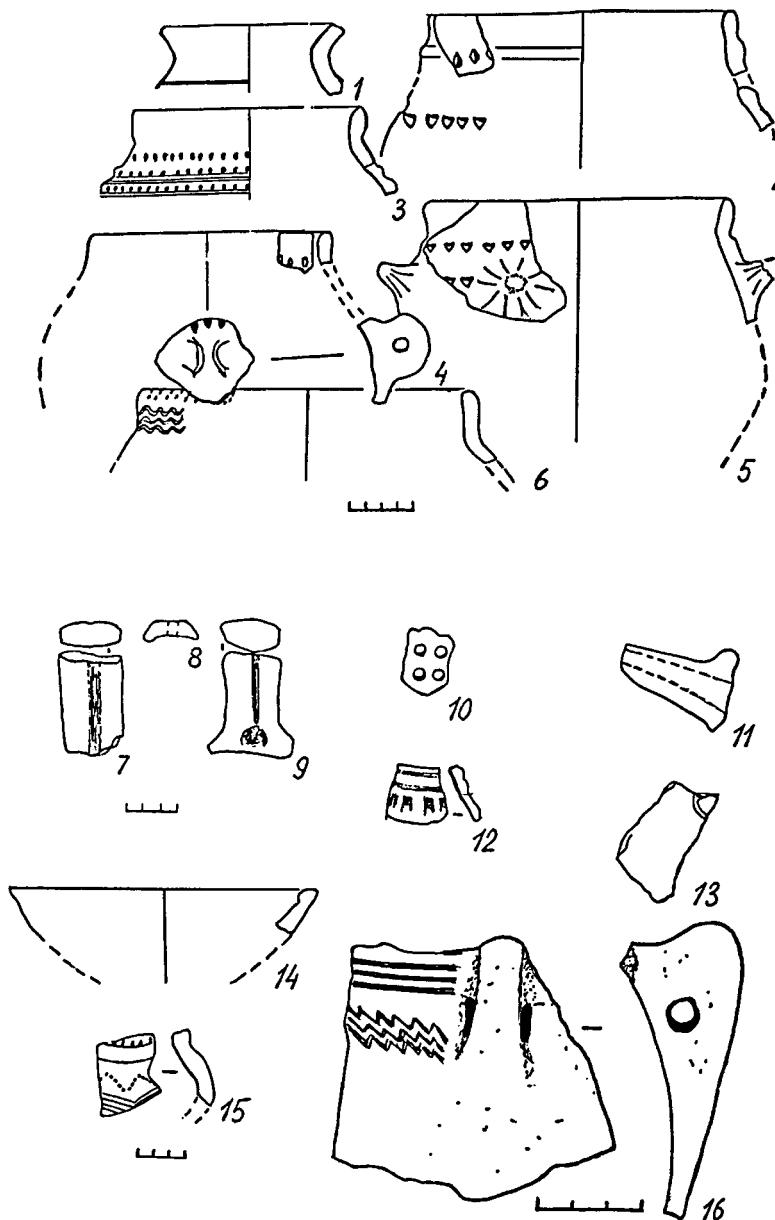

Рис. 2. Камаевское городище. Керамика XXI—2 группы (крупный песок, известняк, шамот). 1, 3 — V, Д—4, шт. 1; 2 — XVIa, яма 2; 4 — XVIб, ?; 5 — XVIб, яма 7; 6 — XVIб, А—6, шт. 1; 7 — XIII, 3—4, шт. 1; 8 — IX, шт. 1; 9 — VIII, Б—2, шт. 1; 10 — XVIб, А¹—5; 11, 12 — п.м.; 13 — XVIб, А—4; 14 — Тр. Б, 76, шт. 1; 15 — X, соор. 2; 16 — XIII, п.м.

категория типа			
КУВШИНЫ	1	2	3
КРУЖКИ	4	5	6
ГОРШКИ	7	8	9
КОРЧАГИ	10	11	12
КОТЛЫ СВЕТИЛЬНИКИ	13	14	15
БЛЮДА ЧАШКИ	16	17	18
	19	20	21
	22	23	24
	25	26	27
	28	29	30
	31	32	33
	34	35	36
	37	38	39
	40	41	42
	43	44	

Рис. 3. Камаевское городище. Систематизация форм керамики XXI группы.

Леонид Недашковский

**Новые книги о средневековых кочевниках
и Золотой Орде.**

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX — начала XV века). — Уфа: Издательство «Гилем», 1998. — 335 с.

Монография явилась результатом многолетних работ авторов. В ней приведены сведения практически о всех кочевнических погребениях IX-XV вв., исследованных в Нижнем Поволжье с XIX века до 1941 г. и, в большинстве своем являвшихся ранее неопубликованными и, следовательно, недоступными для многих специалистов по средневековой археологии Восточной Европы. Авторы тщательно проработали обширные материалы архивных и музейных собраний по своей теме.

Описанию погребений предшествует географическая характеристика региона, имеющаяся во введении, и обширная историографическая глава I, снабженная портретами выдающихся археологов, изучавших древности поздних кочевников Нижнего Поволжья в период до 1960-х гг. — А.А.Спицына, С.А.Щеглова, А.А.Кроткова, Б.В.Зайковского, П.С.Рыкова, П.Д.Рау и И.В.Синицына, а также краткими биографическими справками по этим и некоторым другим исследователям. Ярко показана судьба представителей саратовской археологической школы, испытавшей в рассматриваемое время два сильных удара — в эпоху революции и гражданской войны, а также во время сталинских репрессий 1930-х гг. В первой главе есть, на наш взгляд, лишь единственная неточность — А.А.Кротков назван учеником Б.В.Зайковского (с.34), однако эти исследователи пришли в археологию практически одновременно и оба являлись учениками С.А.Щеглова.

Значение второй главы книги, подробно характеризующей памятники средневековых кочевников Нижнего Поволжья, трудно переоценить. Глава разбита на восемь разделов: 1 — случайные находки дореволюционного периода, 2 — раскопки дореволюционного периода, 3 — раскопки после революции, 4 — раскопки П.С.Рыкова, 5 — раскопки П.Д.Рау и А.А.Кроткова, 6 — раскопки Н.К.Арзютова, 7 — раскопки А.Н.Дашука и И.В.Синицына, 8 — каменные изваяния в северной части Нижнего Поволжья. В ней описано 284 погребения (не считая материалов случайных находок XIX — начала XX в.) и 51 каменное изваяние, сопровожденные тридцатью иллюстративными таблицами и четырнадцатью рисунками и фото в тексте. Несомненно, что к этому огромному материалу монографии будут в дальнейшем неоднократно обращаться специалисты, занимающиеся средневековым прошлым Нижнего Поволжья и сопредельных территорий.

В качестве небольшого замечания стоит указать, что погребение у с. Подгорное, содержавшее золотоордынскую берестяную рукопись, было случайно обнаружено при земляных работах в 1930 г., поэтому, на наш взгляд, в описании его следовало бы поместить под этим

годом, а не под 1931, как это сделано в монографии (с.189). Следует также отметить, что авторы, со ссылкой на Г.А.Федорова-Давыдова, отнесли находку двух дирхемов 715 и 717 гг.х. к погребению № 3, вскрытыму на Увекском городище в 1919 г. экспедицией Ф.В.Баллода (с.103), в то время как в действительности эти монеты были найдены на Увеке в погребении № 2 мавзолея, исследованного в 1913 г. П.Н.Шишким¹. В главе, несмотря на ее очень высокое качество, все же не были учтены все захоронения конца IX — начала XV в., исследованные в довоенный период; например, пропущены два впускных золотоордынских погребения, вскрытые в 1934 г. П.С.Рыковым у Астраханского тракта недалеко от Саратова².

В третьей главе книги анализируются особенности погребального обряда памятников поволжских кочевников на трех этапах развития: огузо-печенежском (конец IX — середина XI в.), половецком домонгольском (вторая половина XI — начало XIII в.) и золотоордынском (вторая половина XIII — начало XV в.). Разбираются также вопросы хронологии и этнической интерпретации материалов, уточняются и критикуются выводы предшественников. Исследователи делают попытку разделить захоронения IX-XI вв. на огузские и печенежские. Для золотоордынского периода, погребения которого наиболее многочисленны, проведен сопоставительный анализ элементов погребального обряда по регионам — Волго-Донскому междуречью, Заволжью (быковская и царевская группы отдельно), Южному Приуралью. Результаты проведенных подсчетов позволили сделать выводы о значительной близости погребальной обрядности курганов золотоордынского времени на огромной территории от Дона до Урала.

Авторы предполагают, что отличия обрядности быковской и царевской групп подкурганных памятников Нижнего Поволжья, выделенных В.А.Ивановым и В.А.Кригером, обусловлены большей исламизацией кочевников царевской группы благодаря их близости к столичным центрам Золотой Орды (с.272-273). Нам представляется, что в этом отношении более обоснованной является точка зрения А.И.Ракушина о том, что и быковская, и царевская группы оставлены одним и тем же массивом кочевого населения в процессе меридиональных сезонных перекочевок, а различия в погребальной обрядности обусловлены традиционным забоем кочевниками скота в осеннее и зимнее время, когда в погребения, благодаря этому, попадало значительно больше, чем весной и летом, целых конских туш³.

Слабое место работы нам видится в безоговорочном признании авторами гипотезы В.А.Иванова и В.А.Кригера о том, что практически все инвентарные золотоордынские захоронения следует датировать второй половиной XIII — первой половиной XIV в., а безинвентарные с мусульманской ориентировкой — второй половиной XIV — началом XV в. (с.240-242, 258-259). Эта гипотеза уже справедливо подвергалась критике⁴. Ее опровергают даже материалы, приведенные в самой монографии — языческие погребения второй половины XIV в. с многочисленным и разнообразным инвентарем: в кургане 1 у

слободы Рудня 1924 г. (подбойное захоронение с костяком лошади, датировано монетой Кульны 1359-1360 гг.), в кургане 2 группы Б у села Харьковка 1925 г. (захоронение с северо-восточной ориентировкой, зольником в насыпи, датировано монетами, младшая отчеканена от имени хана Мюрида, правившего в 1362-1364 гг.). Приводимые авторами в качестве доказательства два кургана у села Кеппенталь (с.259), исследованные в 1891 г. и содержащие три вытянутых безинвентарных захоронения с западной ориентировкой, аргументом по существу являться не могут — монеты, найденные в них даже не были определены и, следовательно, вообще не могут датировать указанные золотоордынские захоронения.

Вопреки утверждению авторов (с.276), Г.А.Федоров-Давыдов не относил подкурганные погребения XIII-XIV вв. с западной ориентировкой в простых могильных ямах без костей коня к древностям черных клубков.

В заключение хочу подчеркнуть, что несмотря на высказанные нами второстепенные замечания, монография Г.Н.Гарустовича, А.И.Ракушкина и А.Ф.Яминова несомненно является очень важным исследованием по археологическим памятникам средневековых кочевников Поволжья, в котором добродушно приведен и профессионально проанализирован огромный фактический материал. Основные выводы книги не могут вызывать сколько-нибудь серьезных возражений. Хочется пожелать авторам дальнейших успехов в изучении и публикации древностей средневековых nomadov Нижней Волги.

Малов Н.М., Малышев А.Б., Ракушин А.И. Религия в Золотой Орде. Учебное пособие для студентов исторических факультетов. — Саратов: Издательство Саратовского университета, 1998. — 125 с.

В монографии впервые предметом специального анализа стали различные религиозные учения, которые исповедовало население Улуса Джучи. Авторы умело и профессионально используют в ходе изложения не только письменные, но и вещественные (археологические) источники по поставленной проблеме.

В предисловии дана дефиниция понятий «религия», «религиозная вера», «культ», «анимизм», «шаманизм» и т.д. Авторы рассмотрели основные аспекты существования различных верований в Монгольской империи и Золотой Орде, а также показали закономерность принятия ислама в качестве государственной религии джучидского государства.

Досадны имеющиеся в издании многочисленные опечатки, тем более те, которые допущены в цитатах из источников (например с.8, где слова Вассафа о владениях Джучи воспринимаются как данные о владениях Чингисхана).

Укажу на замеченные погрешности в изложении материала.

Употребляемое авторами словосочетание «Улус Джучи Монгольской империи» (с.3 и далее), думается, слишком сложно и надумано. Последние два слова лучше было бы опустить, т.к. с 1260-х гг.

джучидское государство являлось полностью независимым от Каракорума. Ввиду этого нельзя толковать Улус Джучи просто как «западную часть Монгольской империи» (с.8).

Восточные источники называют Золотую Орду не только Дешт-и-Кипчак, улус Бату, улус Берке, улус Узбека (с.8), но и улус Джучи: достаточно привести в пример таких известных персидских историков как Рашид-ад-дин, Шереф-ад-дин Йезди, Гаффари и Хайдер Рази⁵.

В данных о численности войск Токты и Ногая (см. с. 8, 33) число собственно монголов достоверно не названо, что авторами учтено не было.

Прилагательное «ханский», на наш взгляд, нельзя использовать применительно к древнетюркской эпохе: верховные правители тогда именовались каганами.

Данных о вытеснении и уничтожении монголами мордовской аристократии (с.15) в источниках нет. В любом случае это не могло повлиять на прекращение практики установки в степи каменных изваяний — мордва их не устанавливала, они традиционно признаются половецкими.

Глава I посвящена истории возникновения и развития терминов «монголы», «татары» и «монголо-татарское иго»; в ней авторы предложили собственную трактовку этих ключевых понятий.

В качестве замечаний по главе следует отметить, что датировка времени основания Казани является спорным вопросом, однако можно уверенно сказать, что в золотоордынское время она уже была крупным городом; денежное обращение в Казани сложилось еще в 1250-х — 1260-х гг. Следовательно 70-е гг. XIV в. (с.27) нельзя принимать за время основания этого города.

Выводы о наличии среди населения Золотой Орды целого ряда этносов Центральной и Восточной Азии, сделанные на основании сведений о распространении в Улусе Джучи несторианства и буддизма (с.33), кажутся неубедительными.

Непонятно, что понимают авторы под этнонимом «хазары» (с.33, 36-37, 68) для XIII-XIV вв. Приводимые в этой связи книги Б.Д.Грекова и А.Ю.Якубовского (1950 г.), а также Г.В.Вернадского (1953 г.), в данном вопросе отражают вчерашний день исторической науки.

«Подъем градостроительства» в Золотой Орде эпохи хана Берке, столь ярко охарактеризованный (с.98) известен лишь по факту строительства в этот период Соборной мечети в Булгаре⁶, причем роль государственных органов в этом строительстве неясна. Стремительный рост золотоордынских городов, возведенных самими завоевателями, начинается лишь в начале XIV в.⁷, а не в XIII — начале XIV в. (с.33).

Спорными представляются утверждения о том, что хазары, готы, ясы, аланы были одними из предков крымских и астраханских татар (с.35-36), а также, что название города Саратова происходит от индоиранского и персидского слова «сарт» (с.57). Все это выглядит неубедительно.

Глава II «Язычество и шаманизм» рассматривает традиционные верования кочевого населения Улуса Джучи. В первом параграфе дается история возникновения и современное значение понятий «язычество», «язычник». Второй параграф посвящен рассмотрению шаманизма в целом и тюрко-монгольского шаманизма в Золотой Орде в частности.

Глава III озаглавлена «Буддизм, иудаизм и караимство». В ней дается очерк распространения буддизма и одной из его значительных ветвей — ламаизма — на территории Центральной Азии и в Монгольской империи в эпоху средневековья. Подчеркивается известный по восточным источникам факт казни представителей ламаистского духовенства ханом Узбеком при восшествии его на престол. Рассматривается также средневековая история иудаизма (в том числе его ветви — караимства) и его роль в истории Золотой Орды, которая была наиболее велика в причерноморских областях этого государства.

Утверждение о том, что Узбек, устранив своих политических соперников-ламаистов, «еще более обособил Золотую Орду» от Монгольской империи (с.61), вряд ли правомерно — Улус Джучи к тому времени уже давно являлся независимым государством.

Вызывает сомнение утверждение авторов, что в ряде восточных источников под XIII в. упоминаются города Саксин и Хазар (с.63). Сочинения Ибн ал-Асира, ал-Омари и «Родословие тюрков» действительно содержат эти топонимы, однако нигде не указано, что это города; судя по текстам, скорее всего восточные авторы имели в виду области.

Плано Карпини действительно упоминает народ *Gazari* (*Gazaros*), хотя и не пишет, что видел их лично, вопреки тексту пособия (с.63), однако относит их к христианам, что позволяет усомниться в том, что это хазары. Быть может источник описывал христианское население Крыма, который в Италии и в последующие века продолжали именовать Газарией. Народ «Брутахи», упоминаемый у Карпини, трудно связать с буртасами на Волге — последние не являлись иудеями и к области их расселения не применима фраза самого путешественника «с юга... к Комании прилегают»⁸.

Непонятно, что авторы подразумевают под тюркским или хазарским антропологическими типами (с.68).

В третьей, четвертой и пятой главах неверно указаны годы правления ряда чингизидских правителей. Каан Гююк правил в 1246-1248 гг., в пособии же значатся 1241-1251 гг. (с.80). Правление Берке, на наш взгляд, лучше было бы обозначить как 1258-1266 гг. (как, кстати, явствует из последующего текста издания — см. с.96-98), а не как 1256-1266 гг. (с.83). Правление Менгу-Тимура обычно указывается как 1266-1282, а не как 1267-1280 гг. (с.99). Даты правления Токты принято указывать как 1290-1312 гг. (в издании — 1299/1300-1312 гг. или 1299-1313 гг., см. с.60-61). Понятно, что лишь в 1300 г. Токте удалось окончательно устранить Ногая и

стать полновластным правителем всего Улуса Джучи, однако ханский престол он заполучил еще в 1290-1291 гг. Дату смены на престоле Тимур-Кутлуга Шадибеком обычно обозначают 1400 г., а не 1399 г. (с.119), а дату перехода престола от Булата (Пулада) к Тимуру — 1411, а не 1410 г.

Глава IV посвящена христианской религии в Золотой Орде. Авторы показывают, что еще в раннем средневековье и в предмонгольское время население кочевой степи и Центральной Азии было хорошо знакомо с различными течениями христианства. Подробно охарактеризована роль несториан и армяно-григорианской церкви в Монгольской империи при Чингисхане и его преемниках, а также освещена роль католичества и православия в Улусе Джучи.

По нашему мнению, вряд ли принятие ильханами ислама в качестве государственной религии явилось результатом только отказа папства организовать крестовый поход в Египет (см. с.81). Не ясно также, поручал ли Менгу своему брату Хулагу захватить Иерусалим (с.82), но, в любом случае, он монголами взят не был.

О том, что несториане Золотой Орды во внешней политике «ориентировались на Хулагуидский Иран» и «стремились больше к союзу с католической Европой, чем с православной Русью и были сторонниками единства Монгольской империи» (с.83-86) имеющиеся сведения источников судить не позволяют. Противоположная политическая ориентация хана Берке еще не позволяет делать заключения о взглядах его оппонентов.

Вопреки мнению авторов, Самарканд в состав Золотой Орды никогда не входил (с.83), а Египет и Багдадский халифат боевых действий с крестоносцами в Малой Азии не вели (с.84).

Вопрос о враждебности несториан православию (с.85) весьма спорен.

Глава V посвящена исламу — государственной религии Золотой Орды с воцарения хана Узбека. В ней рассматривается распространение ислама на территории Улуса Джучи в XIII — начале XIV в., события связанные с восшествием на престол хана Узбека в 1312 г., роль ислама как официальной идеологии в джучидском государстве в XIV и в период его распада в XV в., а также миссионерская деятельность суфийских орденов среди степных кочевников, преимущественно благодаря которой ислам в XIV-XV вв. принимают многиеnomады, населявшие владения джучидов.

Текст вызвал некоторые вопросы.

На наш взгляд, все же неясно, какое «подтверждение» прав на Улус Джучи (с.96) нужно было получить в Каракоруме Сартаку и Улагчи, возведенным на ханский престол по личному распоряжению каана Менгу.

О «торговых представительствах» булгарских, хорезмских, иранских, сирийских и египетских купцов в Нижнем Поволжье в XIII в. (с.103) источники умалчивают, равно как нет и данных, что «Хаджи-Тархан, Бельджамен, Укек становятся крупными центрами международ-

ной торговли, привлекавшими караваны многих мусульманских стран» в это же время (с.103).

Строительство новых городов в степи сопровождалось восстановлением разрушенных в оседлых землях (авторы высказывают противоположное мнение — с.103); в XIII в. экономическая мощь старых городов намного превосходила новые городские центры. Спорен вопрос о том, что мусульманские улусы Золотой Орды внесли наибольший вклад в строительство новых городов (с.103).

Сомнительно также мнение о приоритете религии в делах управления государством после 1312 г. и, тем более, о об установлении «в Золотой Орде теократической формы правления» (с.111): светские элементы власти джучидских правителей совершенно очевидно преобладали над духовными — настолько, насколько это было возможно в средневековой исламской державе.

Большая Орда просуществовала не до 1480, как указано в издании (с.120), а до 1502 г.

Отмеченные нами неточности авторов не влияют на общую положительную характеристику рассмотренной книги, являющейся качественным учебным изданием и первой монографией, посвященной религиозной жизни населения Золотой Орды.

Примечания:

¹ Кротков А.А. Раскопки на Увеке в 1913 году // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. — 1915. — Вып.32. — С.122.

² Архив Института истории материальной культуры РАН, ф.2, 1934 г., д.263, лл.4-5об.

³ Ракушин А.И. К вопросу о сезонных перекочевках золотоордынских кочевников улуса Бату // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. — Саратов, 1993. — С.161-169.

⁴ Мыськов Е.П. О периодизации золотоордынских памятников Нижнего Поволжья // Межрегиональная конференция «Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды» (тезисы докладов). — Волгоград, 1992. — С.18-20.

⁵ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — М.-Л.: Изд-во АН СССР,1941. — Т.II / Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. — С.29-30, 50-51, 57, 65, 67, 79, 148-151, 160, 171, 178-179, 189, 212-213, 215.

⁶ Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — С.16.

⁷ Там же.

⁸ Плано Карпини. История монголов. Глава последняя, § I, XIV.

Письма в редакцию «Татарской археологии» — мнения читателей о журнале

С первого же номера журнал «Татарская археология» привлек к себе внимание. Разносторонняя тематика, статьи маститых и молодых авторов, масштабные обзоры и более камерные публикации, — все это заставляет ждать следующие выпуски ТА. Журнал, безусловно, дает пищу многим медиевистам, специализирующимся в области археологии, истории и культуры Восточной Европы и сопредельных территорий.

*Е.А.Армарчук,
старший научный сотрудник
группы средневековой археологии
Степей Евразии Института археологии РАН,
кандидат исторических наук.*

Главному редактору журнала
«Татарская археология»
Р.Фахрутдинову

Глубокоуважаемый Равиль Габдрахманович!

Я весьма рад, что Ваша издательская деятельность расширяется, и именно в такое время, когда финансовые возможности издания везде сокращаются. Считаю особенно целесообразным издавать журналы и периодические издания, т.к. в наше время уже почти невозможно следить за разными сборниками. Приятно также констатировать, что казанский научный центр опять занимает такое славное место в сфере общественных наук, каким он владел более ста лет тому назад.

*С наилучшими пожеланиями Иштван Фодор,
Венгерский национальный музей, Будапешт.*

Дорогой Равиль Габдрахманович!

Получил № 3 (№ 2 (3) 1998 г., посвящен вопросам кочевого мира Средневековой Евразии. — Ред.) «Татарской археологии». Очень удачный и интересный номер. Понравилась мне Ваша статья. Важные вопросы поднимаете. Все идет прекрасно. Поздравляю Вас как главного редактора.

Ваш Федоров-Давыдов. 10.XII.99.

Дорогой Равиль Габдрахманович!

Создав «Татарскую археологию», Вы уже вошли в историографию науки, как ученый просветитель не только своих земляков, но и всех 15 миллионов российских тюрков от Бреста до Владивостока. Заводите контакты с Вами тюркоязычными и русскоязычными читателями. Вид и содержание журнала превосходны и глубоко научны, благодаря Вашему подвижническому труду, и Ваши старания окунутся стопроцентно. Важно одно: держать научность издания только на мировом уровне — никаких скидок лжеученым и конъюнктурщикам, которые рвутся пробиться в историческую науку.

Очень удачно, что номер (1-2 (4-5) 1999 г. — Ред.) посвящен памяти крупных ученых: А.П.Смирнову и А.Х.Халикову. Алексей Петрович — эрудит, учитель многих молодых, интернационалист без страха и упрека. Мы рады быть Вами помощниками! Самые лучшие пожелания Вам и журналу. Вы возвращаете славу Казани, как крупному центру востоковедения и высокой науки. Спасибо!

*Л.Р.Кызласов,
профессор Московского гос. университета,
доктор исторических наук.*

На пути к объективной научной позиции

Вначале мне хочется выразить свое восхищение созданием Академии наук Татарстана, ее научно-исследовательских институтов и издательства, учреждением нескольких журналов по основным научным отраслям, в частности, журналов «Татарская археология», «Tatarica», «Панорама-форум», «FInno-Uglica», выходом в свет ряда фундаментальных научных трудов. Наряду с другими науками, гуманитарные науки в Татарстане поистине возродились. В числе научных академий АНТ, на мой взгляд, занимает в Российской Федерации второе место вслед за РАН. У нас организовали Национальную академию наук и искусств Чувашской Республики как государственную академию, но она по существу не финансируется, не имеет научно-исследовательских институтов, сумела выпустить лишь несколько №№ «Известий НАНИ ЧР». Можно сказать, что наша академия не состоялась.

С огромным интересом и удовлетворением прочитал я №№ 1, 1(2), 2(3), 1-2(4-5) журнала «Татарская археология» за 1997–1999 гг. В программной статье его главного редактора Р.Г. Фахрутдинова, опубликованной в №1 журнала, правильно сказано, что в недавнем прошлом исследование истории татарского народа и его предков ограничивалось узкими рамками Татарстана, где проживает лишь четвертая часть нации. Преобладающая часть татар, проживающая в других регионах, оставалась за пределами исследования и пропаганды подлинной истории народа. Находились почти взаперти целые периоды: древнетюркская эпоха, тюркские каганаты, Дешти-и-Кипчак, Золотая Орда – Улус Джучи, татарские ханства (Крымское, Астраханское, Сибирское

и др.), кроме Казанского. Надо сказать и о том, что после принятия постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. изучение истории татарского народа отклонилось от объективной научной позиции.

Определяя важнейшие задачи журнала, главный редактор указывает: «Круг научных проблем и историко-археологических периодов, вошедших в тематику «Татарской археологии», довольно широк – начиная с первых этнических образований и кончая формированием народности, от раннетюркского мира с его предысторией до последних столетий позднего средневековья. Собственно археология, нумизматика, эпиграфика да и язык эпитафий тюркского этноса, в основном татарского народа и его предков, а также первобытная археология Татарстана, Среднего Поволжья и Приуралья – вот основная тематика нашего журнала» (№1, 1997). Это программное заявление позволяет надеяться, что журналом не будут обойдены и вопросы древней и средневековой археологии и истории соседей татарского народа – башкир, мари, мордвы, удмуртов, чувашей.

Первые четыре номера «Татарской археологии» свидетельствуют о том, что получился весьма хороший журнал. Содержание статей и материалов, их безупречное редактирование, полиграфическое и художественное оформление ставят «Татарскую археологию» в один ряд с лучшими общероссийскими и зарубежными журналами.

Уверенно можно сказать, что программа журнала с его первых номеров успешно выполняется. Хочется отметить публикации, которые показались мне особенно ценными. А.А. Алексин и Л.Н. Гумилев в статье «Каспий, климат и кочевники Евразии» (№1, 1997) дают убедительное обоснование климатических причин миграционных процессов в тюркском мире, начиная с IV – III вв. до XVII в. н.э. Интересны и содержательны статьи Л.Р. Кызласова «Первый Тюркский каганат и его значение для истории Восточной Европы» (№1, 1997) и «Города гуннов» (№2(3), 1998), П.Н. Савицкого «О задачах кочевниковедения (почему скифы и гунны должны быть интересны для русских?)» (№2(3), 1998). Принципиальное значение имеет статья Р.Г. Фахрутдинова «Кочевой мир средневековой Евразии (обзор археолого-исторической литературы второй половины XX в.)» (№2(3), 1998).

Особо хочется подчеркнуть важное научное значение публикации исследований, посвященных археологии и истории Золотой Орды: статьи Ф.В. Баллода «Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды (результаты археологических работ летом 1922 года)» (№№ 1(2), 2(3), 1998), Г.А. Федорова-Давыдова «Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге» (№1, 1997). Отныне татарская археология должна быть сосредоточена, главным образом, на изучении памятников Золотой Орды. Надо заметить, что в иных публиковавшихся ранее трудах о кочевниках Золотой Орды почему-то умалчивается об этнической принадлежности тех или иных кочевых орд, что затрудняет изучение этнической истории татарского и других народов. Археологам следовало бы при интерпретации добывших фактов пристальное изучение сведений письменных исторических источников и данные исторической лингвистики.

Многие публикации журнала посвящены конкретным археологическим сюжетам (отчеты о раскопках и пр.). Они содержат важную фактическую информацию.

Ряд статей журнала посвящен археологии и истории булгар и Волжской Булгарии. Среди них выделяются статьи С.А. Плетневой «Древние болгары в восточноевропейских степях» и Е.П. Казакова «Об этнокультурных компонентах народов Восточной Европы в Волжской Булгарии (по археологическим материалам)» (№ 1, 1997).

В связи с публикацией статей на булгарскую тематику уместно вспомнить справедливое замечание кандидата исторических наук И.Л. Измайлова по поводу постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» от 9 августа 1944 г. В статье «Идегеево побоище» ЦК ВКП(б), опубликованной в журнале «Родина» (№ 3-4, 1997). Искандер Лерунович пишет: «В одночасье Улус Джучи, его население, культура и государственные деятели канули в небытие, а татары на своей земле стали безродными космополитами. Зияющую брешь, образовавшуюся по истории Улуса Джучи, было решено заполнить «местными булгарскими корнями». Научно обосновать это решили на «научной сессии о происхождении казанских татар» (25-26 апреля 1946 г.), проведенной Отделением истории и философии АН СССР и Казанским филиалом АН СССР. Выступившие историки, археологи, тюркологи и антропологи единогласно предложили впредь считать современных татар потомками волжских булгар, а Улус Джучи рассматривать лишь как чисто внешнее явление в этнической истории татарского народа». Хотя Р.Г. Фахрутдинов в книге «Золотая Орда и татары. Что в душе у народа?» (Набережные Челны: изд. «Камаз», 1993) снова подтвердил достоверное научное положение о том, что единая татарская народность сформировалась в Золотой Орде в XIV-XV вв. путем объединения прибывших в Восточную Европу вместе с монголами татар, известных в письменных источниках еще с 552 г., с западными кыпчаками, родственными с татарами по языку и культуре, но решение «научной сессии» 1946 г. до сих пор поддерживается многими археологами, историками, этнологами, языковедами. Сегодня отрадно отметить, что в «Татарской археологии» опубликовали статью Хусейна Фейзханова «Три надгробных булгарских надписи», впервые появившуюся в печати еще в 1863 г. (№1-2(4-5), 1999) и статью М.И. Ахметзянова «О судьбе булгарского языка (по материалам эпиграфики)» (№1(2), 1998). В статье М.И. Ахметзянова справедливо замечается, что на рассмотренных им эпитафиях конца XIII – первой половины XIV вв., т.е. золотоордынского времени, памятники, написанные на булгарском языке, составляют 90% от всех надписей того периода, а надписи, составленные на татарском и арабском языках, занимают лишь 10% всего материала. По его словам, «морфологические особенности булгарского языка по сравнению с другими показателями сохранились устойчиво. Здесь видно и родство булгарского языка к современным чувашским» (№ 1(2), 1998). В казанских

изданиях упорно умалчиваются выводы финских, венгерских и чувашских ученых XX века о том, что из языка волжских булгар в марийский язык вошло 1500 слов (М. Рясянен, Г. Берецки), удмуртский – до 500 слов (В. Вихман, М.Р. Федотов), коми-зырянский – более 300 слов (В. Вихман, М.Р. Федотов), мордовский – свыше 100 слов (Х. Паасонен). Венгры, до миграции их на Дунай в конце IX в. жившие в Прикамье, в соседстве с булгарами, позаимствовали в свой язык 600 булгарских слов (З. Гомбоц, А. Рона-Таш). Даже восточные славяне восприняли в свои языки более 300 булгарских слов (И.Г. Добродомов). Позаимствованные булгарские слова во всех указанных языках соответствуют чувашским словам. Булгары с татарами стали общаться только после 1236 г. Эти истины должны быть учтены учеными при интерпретации археологических и этнокультурных фактов, исследовании всей истории булгар и Волжской Булгарии.

Известный башкирский археолог доктор исторических наук, профессор Н.А. Мажитов, выступая на международной конференции «Языки, духовная культура и история тюрков: традиция и современность» (9-13 июня 1992 г., Казань) с докладом «За объективное освещение истории Волжской Булгарии и Золотой Орды», справедливо указал, что городам, социально-экономическим отношениям и культуре Волжской Булгарии домонгольского периода некоторые археологи приписывают черты золотоордынской эпохи, которые еще отсутствовали в Волжской Булгарии кон. IX – нач. XIII вв. Так, высокий экономический потенциал, каменное зодчество, развитая культура г. Биляра были созданы не в домонгольский период, как утверждал А.Х. Халиков, а в золотоордынскую эпоху. Сам г. Биляр погиб не в 1236 г. как принято считать: его гибель связана с походами Аксак-Тимура 1391 и 1395 гг. Отказываясь от собственной славной истории татарского народа, подменяя ее булгарским прошлым, некоторые казанские ученые стали на путь идеализации деревянной Волжской Булгарии, искаженной передачи ей достижений татарского народа в золотоордынский период в области экономики и техники, в частности металлургии и каменного зодчества, науки и мусульманской культуры.

Н.А. Мажитов указывает, что не соответствуют истине утверждения о том, что «современные поволжские и приуральские татары являются прямыми потомками волжских булгар», что невозможно не признавать «роли булгарского компонента в этногенезе чувашского народа» (Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. – М.: Инсан, 1997. Т.III. – С. 13-15).

Желаю «Татарской археологии» успешного продолжения своей деятельности по правильно избранному пути перехода на объективные научные позиции, по пути преодоления негативных последствий постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г.

*В.Д.Димитриев,
доктор исторических наук,
профессор (Чебоксары).*

ХРОНИКА

К 110-летию В. Ф. Смолина

В начале двадцатого столетия Казанский университет окончили многие историки, внесшие большой вклад в развитие исторической науки. К числу таких исследователей следует отнести Виктора Федоровича Смолина. В текущем году исполнилось 110 лет со дня его рождения. О В.Ф.Смолине кое-что мне рассказывал известный историк и этнограф Н.И.Воробьев. Ныне я очень сожалению о том, что не расспросил подробно Николая Иосифовича о Викторе Федоровиче. Его знали по экспедициям З.А.Акчурина, А.М.Ефимова, Л.И.Вараксина и другие археологи, работавшие с В.Ф.Смолиным в археологических экспедициях. К нашему стыду, мы не записали их воспоминаний об археологической науке г.Казани двадцатых годов. Время навсегда многое прикрыло, лишь небольшие архивные материалы позволяют изучить и представить отдельные стороны деятельности этого ученого. Занимаясь поисками материалов по М.Г.Худякову, несколько лет назад в Центральном государственном архиве Республики Татарстан я наткнулся на личное дело Виктора Федоровича Смолина. Есть некоторые материалы и в архиве Казанского университета.

Виктор Федорович родился 25 марта 1890 года в Томске в семье мещан. В 1909 г. он окончил Томскую гимназию и поступил в Казанский университет на историко-филологический факультет. В 1911 г. В.Ф.Смолин был направлен на продолжение учебы в Германию в Лейпцигский университет (до 1913 г.), а затем в Галльский. В Германии он проходил обучение под руководством профессора Э.Р.Фон-Штерна. В автобиографии (1) Виктор Федорович указывал, что под руководством Э.Р.Фон-Штерна подготовил докторскую диссертацию на тему «Торговые отношения греческих колоний на берегу Черного моря». Но начавшаяся мировая война прервала замыслы и планы ученого. В.Ф.Смолин вынужден был вернуться в Казань, в университет, где стал работать под руководством М.М.Хвостова и Н.Ф.Катанова. В 1918-1920 гг. В.Ф.Смолин был профессором-стипендиатом в Томском университете. В 1920-1922 гг. он — преподаватель, профессор Казанского университета. Позднее, с 1922 по 1929 гг., после ликвидации исторического отделения в Казанском университете Виктор Федорович работал в Казанском пединституте.

В 1929 г. он уехал в Пятигорск. В 1932 г. В.Ф.Смолин скончался. Кончина Виктора Федоровича связана с длительной хронической болезнью сердца. В архиве Казанского университета есть свидетельство об освобождении его от воинской службы.

Виктор Федорович получил блестящее образование. В автобиографии он указывал, что знает шесть языков (немецкий, французский, английский, греческий, латинский, русский). Во время учебы в Казанском университете В.Ф.Смолин был награжден двумя золотыми медалями за работы: «Пантикопей по литературным и археологическим памятникам» и «Болгары в свете исследований за последние 40 лет». Отзывы на данные работы дали Д.П.Шестаков и Н.Ф.Катанов.

Н.Ф.Катанов также дал очень высокую оценку трудам В.Ф.Смолина в связи с его избранием на должность профессора Казанского университета (2): «Историю и археологию Волжско-Камского края В.Ф.Смолин изучил настолько детально, что он смело бы мог составить монографию не хуже монографии С.М.Шпилевского «Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии» и дополнить последнюю новыми данными. Я полагаю, что если бы факультет произвел его в профессора по истории и археологии Востока Европы, он, В.Ф.Смолин, был бы вполне достаточно вознагражден за свои строго научные работы в области истории и археологии, а слушатели приобрели бы в нем талантливого и ученого, и во всеоружии профессора». Профессор Д.П.Шестаков в рекомендации при избрании на должность профессора В.Ф.Смолина называл его «одним из виднейших учеников профессора М.М.Хвостова по своей трудоспособности и дарованиям», еще в студенческие годы заявившего о себе медальными работами; что «его «Опыт инструкции по составлению археологических карт» намечает широкий план по археологии местного края» (3).

В Казанском педагогическом институте В.Ф.Смолин работал до февраля — мая 1929 г. Затем он переехал в Севастополь, оттуда в Пятигорск. В 1932 г. он скончался, когда ему исполнилось 42 года. Виктор Федорович Смолин был человеком беспартийным.

Основная трудовая деятельность Виктора Федоровича связана с преподаванием в Казанском и Томском университетах и Казанском пединституте. В Казанском университете и педагогическом институте он вел занятия по «истории и культуре Камско-Волжского края», «основам краеведения и экскурсионному делу», «археологии» (общему курсу), «археологии Камско-Волжского края». Кроме того, В.Ф.Смолин заведовал кабинетом материальной культуры и руководил восточным отделением.

В архивных материалах сохранились программы по археологии, составленные В.Ф.Смолиным. Заслуживает внимания то, что по каждой археологической эпохе (камень, бронза, железный век) Виктор Федорович знакомил студентов с открытиями на Западе и в России, характеристикой материальной культуры, техникой изготовления орудий, хронологическими и антропологическими проблемами (каменный, бронзовый и железный века) в культуре «дикарей». Его опыт

преподавания археологии и первобытной истории того времени и сегодня может быть использован.

Круг научных интересов Виктора Федоровича был обширным. Его волновали античные материалы Северного Причерноморья и культура скифов. Во время учебы в Казанском университете (мы уже отмечали выше), В.Ф.Смолин подготовил работу «Пантикопей по литературным и археологическим памятникам». В 1915 г. им опубликованы статьи «О передвижении геродотовских скифов в Средней Азии» (Уч.зап. Казанского университета. — Казань, 1915, май-месяц), «Главная династия скифских царей» (Гермес, 1915), «О названии Черного моря в древности» (Известия Таврической Ученой архивной комиссии, вып.56).

Виктора Федоровича интересовали также история хеттов. В Известиях Общества археологии, истории и этнографии, т. XXXI, опубликована его статья «Новости в хеттском вопросе». В архивных материалах сохранились сведения о том, что Виктор Федорович в 20-е годы собирал материалы о крестьянских движениях в Германии в XVI столетии.

Основная часть работ В.Ф.Смолина связана с археологией, древней и средневековой историей Среднего Поволжья. Он был способным археологом-полевиком. Общество археологии, истории и этнографии поручало ему проведение разведок и раскопок на территории Нижнего Прикамья. С этими заданиями он успешноправлялся. Виктора Федоровича неоднократно приглашали для организации и проведения археологических работ на территории Чувашии.

Летом 1915 г. по заданию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете В.Ф.Смолин, Б.Е.Крелленберг, М.Г.Худяков и С.И.Покровский проводили исследование руин Соборной мечети или «Четырехугольника» на территории города Болгара. Общее руководство работами возглавлял С.И.Покровский. Результаты данных работ изложены в статьях В.Ф.Смолина и Б.Е.Крелленberга (4). Авторы заложили сорок пять траншей, из них тридцать пять были вскрыты внутри здания. Траншеи внутри здания вскрывались в основном только до пола. В местах, где пол был разрушен, траншеи вскрывались до материка. В одной из траншей (XXXI) зафиксировано погребение с монетой Аннасири-динниляха (1178-1225 гг.). Монете В.Ф.Смолин посвятил специальную статью. Перевод арабской надписи на монете был сделан Н.Ф.Катановым. Данная находка поныне используется при датировке «Четырехугольника» и позволяет отнести здание к началу золотоордынского периода.

При раскопках были получены новые данные по стратиграфии центральной части городища. В результате раскопок изучен характер фундамента, надпольной части здания и пола. Прослежено, что фундамент представлял собой слой щебенки, залитый известняковым раствором. На фундамент опирался цоколь, сложенный из обтесанных камней. Фундамент был шире цоколя.

Летом 1915 г. были исследованы особенности расположения колонн внутри Большого Четырехугольника. Исследователи полагали, что колонны

были в четыре ряда по пять колонн в каждом ряду. Экспедицией 1915 года были получены новые и другие интересные сведения о «Четырехугольнике», о Большом минарете, стенах здания и другие.

Экспедициями 1960-х гг. по исследованиям на Большом Четырехугольнике, проводимыми под руководством А.П.Смирнова, получено много новых данных по этому памятнику: его планировке, технике кладки, декору оформления и т.д. В те же годы предприняты серьезные меры по консервации остатков здания и его музеификации. Ныне Большой Четырехугольник — один из главных объектов показа туристам. Во время той же поездки Виктор Федорович у одного из крестьян записал интересное воспоминание о падении Большого минарета. Информатор отмечал, что сооружение рухнуло ночью, когда все спали и грохотом были разбужены жители не только Болгары, но и в окрестных селах. При этом от сильного сотрясения земля заколебалась и зазвонили колокола на Успенской церкви само собою. Минарет упал не на колокольню, а сел на свое основание. Но колокольню пришлось заменить. Несколько дней жители Болгар и других селений осматривали место падения (5, С.60). Картина разрушения Большого минарета, рассказанная крестьянином-старожилом Булгара довольно любопытна. Не играли ли роль при ее разрушении какие-то сейсмические явления, о наличии которых в регионе Нижнего Прикамья стали говорить специалисты?

В 1916 г. В.Ф.Смолин совершил новую экспедицию в Болгары. При этом были проведены раскопки на территории Армянской колонии. Раскопками Виктора Федоровича вскрывалась внутренняя часть здания, известного под названием Греческой палаты. По внутренней части здания исследователю удалось установить, что оно имело подчетырехугольную в плане форму с входом с западной стороны. Внутри здания были выявлены остатки погребений, совершенных в ямах, вытянутых с запада на восток, в гробах. На одном из костяков зафиксированы остатки парчи. Судя по ним, погребения являются христианскими (6). Изучая архивные материалы В.Ф.Смолина, А.П.Смирнов заметил, что работы Виктора Федоровича остались не завершенными (7, С.189), потому что было недостаточно средств для их проведения. А.П.Смирнов дал в целом положительную оценку работам В.Ф.Смолина в районе Армянской колонии. В послевоенное время в данном районе г.Болгара продолжила работы Болгарская археологическая экспедиция под руководством А.П.Смирнова. Установлена стратиграфия культурных напластований данного района древнего Болгара. Сверху залегал растительный слой современной деревни. Под этим слоем фиксировался русский слой XVI-XIX столетий. В нем найдена типично русская темно-серая лощенная керамика, монеты этого времени и обломки фарфоровых изделий XIX столетия. Под этим слоем залегает булгаро-татарский слой конца XIII-XIV в., содержащий остатки поливной керамики голубого цвета и монеты золотоордынской эпохи (8). Характер стратиграфии напластований на территории Армянской колонии сопоставим со стратиграфическими данными других частей Булгарского городища. К

великому сожалению, данный район Булгарского городища после работ В.Ф.Смолина и затем А.П.Смирнова стал разрушаться, а в конце пятидесятых, в шестидесятые годы был застроен.

С 1918 по 1920 гг. Виктор Федорович Смолин жил в г.Томске, был профессором-стипендиатом Томского университета (9). Но уже в 1921 г. он вновь вернулся в Казань. Казань притягивала к себе Виктора Федоровича, в Казани был у него большой научный задел, много было друзей в университете. В настоящее время мы зачастую забываем, что это были трудные, тяжелые, голодные годы, годы разрухи. Но Виктор Федорович начал полевые исследования, готовил книги, статьи, занимался преподавательской деятельностью. Уже в 1921 г. он провел археологические разведки в Чувашии. Инициативная группа Чувашского центрального музея (П.Н.Неверов, А.В.Васильев, З.А.Иванов) задалась целью организовать научное общество, которое углубило бы собирательскую деятельность научной постановкой вопроса. Общество обсуждало вопросы организации и проведения археологической экспедиции на территории Чувашии и решило провести исследования, пригласив руководителем В.Ф.Смолина. Виктор Федорович не мог откладывать поездку, и через три дня — 11 октября — экспедиционный отряд отправился в Чебоксарский и Цивильский уезды. Экспедиция обследовала городище Хола-ту Сарче и курганный могильник около с.Абашево. Эти разведочные работы дали возможность серьезно подготовиться к археологическим раскопкам на Абашевском могильнике (10, с.154-156). В публикации, вышедшей в 1925 г. по данному могильнику, В.Ф.Смолин указывал результаты разведки Абашевского курганного могильника (11), известного еще с XIX столетия (12, с.524). Он отмечал состояние курганных насыпей. Два из курганов (№№ 10-11) были совершенно распаханы и на их поверхности Виктор Федорович обнаружил фрагменты глиняной посуды, техника изготовления их и орнамент представлялись довольно архаичными. Исследователь хорошо понимал, что курганы разрушаются и был настроен на проведение раскопок (11, с.3-5). Но это удалось осуществить чуть позднее.

С начала 1925 г. краеведы Чувашии провели очень большую организационную работу по формированию экспедиции. Они работали в июле-месяце. В экспедиции принимали участие в качестве рабочих-землекопов местные крестьяне. Лаборантскую работу вели заведующая Краеведческим музеем Чувашии Г.М.Матвеева, сотрудник музея К.В.Элле, студенты казанских ВУЗов, в том числе З.А.Акчурина, Л.И.Вараксина.

Следует отметить, что Виктор Федорович принимал все меры, чтобы соблюдать методику раскопок и детально фиксировать все выявленные объекты. В публикации он отмечал, что в работах было обращено самое серьезное внимание на документацию. Обмеры сопровождали каждый шаг работ. «Особенно большая осторожность и внимательность были проявлены при выборке могил» (11, с.6). В то время В.Ф.Смолин привлек для изучения материалов Абашевского могильника прозектора анатомии Казанского ветеринарного института

А.В.Арсеньева и профессора медицины Казанского университета П.А.-Глушкова. За десять дней работ были вскрыты три курганные насыпи, в которых зафиксированы остатки 11 погребений. Основной погребальный обряд захороненных под данными насыпями характеризуется трупоположением на спине с подогнутыми в коленях ногами. Обычная ориентировка погребенных: головами на восток, ногами в сторону запада. Могильные ямы в основном имели подчетырехугольную в плане форму и заглублялись в материк на 30 и более см. На дне могильных ям зафиксированы остатки подсыпки в виде песка. В погребения ставились глиняные сосуды, встречены остатки костей крупного рогатого скота, свиньи и мелкого рогатого скота. В засыпи курганов встречены остатки углей, золы и костей домашних животных лошади и рогатого скота (11, с.32).

В вещевом материале из погребений заслуживают внимания остатки лепной глиняной посуды колоколовидных форм; встречены также плоскодонные сосуды. Орнамент наносился зубчатым штампом, тупым и острым инструментом. Среди композиций узоров следует отметить заштрихованные параллельными линиями ромбы и треугольники (11, с.33).

Вторая группа материала представлена украшениями и принадлежностями костюма. Среди них следует отметить бронзовые браслеты в виде дрота, немного утолщенного в середине, и с утолщающимися концами. Встречены также браслеты с плоской (даже с желобками) внутренней поверхностью и округлой — с внешней поверхностью. Зафиксированы кольца на пальцы и перстни.

Заслуживают внимания височные украшения: серебряные спирале-видные привески с несколько расширенными выпуклыми концами, а также височное кольцо, которое В.Ф.Смолин сопоставил с материалами III города Трои Шлимана. Примечательны остатки головных уборов: украшения в виде бронзового бисера, трубчатых пронизок и розеток. В погребениях найдены обоюдоостре шильце, бронзовый и два кремневых наконечника стрел.

Небольшие находки, полученные В.Ф.Смолиным в погребениях Абашевского могильника, позволили в принципе верно определить основную хозяйственную деятельность носителей раскопанного могильника. В.Ф.Смолин утверждал, что изучаемое население занималось охотой и рыбной ловлей; имело место скотоводство, (разведение рогатого скота, лошадей) (11, с.35,36). Исследователь полагал, что остатки зубов свиньи не являются достаточным аргументом для подтверждения ее разведения.

По тем временам В.Ф.Смолин верно определял дату памятника — второе тысячелетие до н.э. (11, с.37). Он справедливо утверждал, что носители культуры изученного могильника имели контакты с соседними регионами и отдаленными территориями, в том числе с Кавказом. В небольшой по объему книге В.Ф.Смолин считал, что ближайшие задачи состоят в том, чтобы изучить оставшиеся курганы могильника и вести разведку на предмет поиска аналогичных памятников (11, с.37). Виктор Федорович не предполагал, что им

открыта оригинальная, яркая археологическая культура, изучением которой ныне занимаются многие исследователи.

В том же 1925 г. В.Ф.Смолин проводил небольшие раскопки на Балымерском городище «Шолом», расположенному в селе Балымер на левом берегу реки Волги в 15 км ниже Болгар и интерпретировал данный памятник как древнее святилище. В 1954 г. на данном памятнике проводились дополнительные исследования Б.Б.Жиромского, связанные в связи с затоплением водохранилища Куйбышевской ГЭС. Раскопками этого времени на Шоломе открыты остатки обгоревших деревянных срубных конструкций, следы очагов, а также был собран большой вещевой материал, включающий остатки орудий труда, украшений и керамики. Б.Б.Жиромский также считал данный памятник древним святилищем. Однако я полагаю, что данная точка зрения не совсем убедительна. Исследователи не учли материалы по «Шолому», полученные А.А.Спицыным в 1898 г., заставшим памятник в лучшей сохранности. К тому времени сохранились часть площадки и кокошниковидный вал городища. В.Ф.Смолин и Б.Б.Жиромский вскрыли вал городища с деревянными обожженными конструкциями в основе. Встреченные зольные пятна в культурном слое — явление обычное для поселений имениковской культуры. Вещевой материал с «Шолома» ничем не отличается от вещей других «имениковских» поселений.

В 1926 г. В.Ф.Смолин возглавлял один из разведочных археологических отрядов этнолого-лингвистической экспедиции, руководимой академиком Н.Я.Марром. Вторым археологическим отрядом экспедиции руководил П.П.Ефименко. Отряд П.П.Ефименко проходил маршрут от Чебоксар к Ядрину, а затем на восток к линии железной дороги. В.Ф.Смолин с отрядом вел обследование от Мариинского Посада вверх по Цивилю. В результате этих работ были открыты первобытные поселения у с.Яндашево, деревень Иваново, Атлашево, Ердово. Археологическими разведками, руководимыми В.Ф.Смолиным, выявлено шесть городищ. Они, по заключению исследователя, мысовые. Среди них встречаются городища с двумя дуговидными валами и рвами и городища, огражденные валом и рвом. Рассматриваемые памятники, по мнению исследователя, принадлежат к памятникам дъяковского типа (13). Работами этого времени проводилось обследование культурных могильников у деревень Тохмеево, Пикшик, Байсубаково.

Наконец, нельзя не отметить работы В.Ф.Смолина по фиксации чувашских языческих могильников (13, с.41). Он справедливо полагал, что данные могильники представляют значительный интерес, так как являются источником по изучению истории чувашского народа. В.Ф.Смолиным зафиксированы эпиграфические памятники на территории Чувашии. Он видел родство чувашей и булгар (14, с.29). Чувашский язык он относил к булгарской группе языков (14, с.52). В 1921 г. была опубликована в Казани популярная книга В.Ф.Смолина «Прошлое чувашского народа».

В 1927 г. В.Ф.Смолин провел небольшие раскопки Пустоморквашского могильника раннего железного века.

В 1925 г. В.Ф.Смолин опубликовал книгу «Археологический очерк Татарской Республики» (15). Это научно-популярная книга о древней и средневековой истории Нижнего Прикамья. Конечно, многие положения, высказанные исследователем в начале нашего столетия, устарели. К таковым можно отнести его идеи об отнесении всех стоянок под Казанью у деревень Поповка, Победилово, Карташиха, Табаево и др. к эпохе неолита, сверленых топоров к тому же периоду; памятников ананьинского круга к эпохе бронзы и другие. Но есть в ней идеи, которые ценные, но о них стали забывать. Так, например, В.Ф.Смолин, разделяя точку зрения М.Г.Худякова, писал, что «название потомков того племени, которое являлось носителем ананьинской культуры, с наибольшим правом могли бы претендовать приуральские финны — вогулы, остяки, мадьяры» (15, с.124). До недавнего времени господствовало мнение об ананьинском единстве, однородности. Но работами В.А.Иванова, Е.П.Казакова, В.Н.Маркова и других исследователей убедительно обосновано, что единства ананьинской общности нет. Одна из групп данной общности, характеризующаяся налиением гребенчато-шнуровой керамики, является угорской.

Основной период творческой жизни В.Ф.Смолина был связан с постоянными трудностями (военные годы, разруха, голод). Но он сумел в эти суровые времена создать серию работ, на которые поныне ссылаются, их цитируют и ценят.

Примечания:

- ¹ ЦГА РТ, ф.1487, оп.5, д.106, л.8,9
- ² ЦГА РТ, ф.1487, оп.5, д.106, л.15,16.
- ³ ЦГА РТ, ф.1487, оп.5, д.106, л.13,14.
- ⁴ Смолин В.Ф. Отчет о раскопках в Болгарах в июне 1915 г. // ИОАИЭ, т.ХХХ, вып.1-4. — Казань, 1919.
- ⁵ Смолин В.Ф. По развалинам древнего Болгара. — Казань, 1926.
- ⁶ Смолин В.Ф. Краткий отчет о раскопках в Болгарах летом 1916 г. // ИОАИЭ, т.ХХХ, вып.1. — Казань, 1919.
- ⁷ Смирнов А.П. Волжские булгары. Тр.ГИМ, вып.XIX. — М., 1951.
- ⁸ Там же.
- ⁹ ЦГА РТ, ф.1487, оп.5, д.106, л.5.
- ¹⁰ Иванов В.П. В.Ф.Смолин — исследователь археологических памятников Чувашского Поволжья (К вопросу о первых археологических работах в Чувашии) // Труды научно-исследовательского института литературы, истории и экономики при Сов.Мин. Чувашской АССР, вып.80. — Чебоксары, 1978.
- ¹¹ Смолин В.Ф. Абашевский могильник в Чувашской республике (очерк археологических раскопок в 1925 году). — Чебоксары, 1928.
- ¹² Жиромский Б.Б. Древнеродовое святилище Шолом // МИА, № 61, 1958.
- ¹³ Смолин В.Ф. Археологические разведки в Чувашской республике в 1926 году // ИОАИЭ, т.ХХХIII, вып.4. — Казань, 1927.
- ¹⁴ Смолин В.Ф. К вопросу о происхождении народности камско-волжских болгар // Разбор главнейших теорий). — Казань, 1921.
- ¹⁵ Смолин В.Ф. Археологический очерк Татарской Республики. — Казань, 1925.

П.Н.Старостин

К 100-летию З. А. Акчуриной

6 сентября 2000 г. исполняется сто лет со дня рождения Зулейхи Асфандиаровны Акчуриной — известного библиографа и первого ученого-археолога из татарок. Она родилась в дер. Старое Ромашкино Сенгилеевского уезда Симбирской губернии (ныне р.п. Староромашкино Барышского района Ульяновской области) в семье представителя известного рода купцов, фабрикантов и меценатов Акчуриных.

Зулейха совсем маленькой осталась без отца. Получение образования для нее стало невозможным без сочетания учебы с работой. После получения среднего образования, она в начале 1920-х годов становится студенткой Отделения востоковедения Казанского педагогического института. К сожалению, серьезные материальные трудности (на ее иждивении была старая, больная мать) не позволили З.Акчуриной окончить институт.

Со второй половины 20-х годов до ухода на пенсию она работает в научных библиотеках г. Казани: Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова и Физико-технического института Казанского филиала АН СССР, становится известным библиографом республики. Ею были подготовлены ценные библиографические издания.

Одновременно она с большим интересом занималась и археологией. Ею Зулейха Акчурина увлеклась, будучи еще студенткой. С тех пор она стала активной участницей многих археологических экспедиций. Даже простое их перечисление дает определенное представление об этой стороне ее деятельности. В 1925 г. она участвует в экспедиции под руководством В.Ф. Смолина по раскопкам древнего Абашевского могильника в Чувашии и знаменитого Булгарского городища. Через год З.Акчурина принимает участие в разведочных исследованиях Иски-Казани и Казанского кремля, проведенных экспедицией Научного общества татароведения (руководитель — И.Н.Бороздин). В 1928 г. она снова в экспедиции — на этот раз под руководством А.С.Башкирова по исследованиям Билярского городища, а в 1930 г. — на раскопках известных Ананьевского могильника и «Чертова городища» в Елабужском районе республики. После войны, в 1945 г., она вновь «в поле» в качестве научного сотрудника археологичес-

кой экспедиции под руководством Н.Ф.Калинина по исследованиям памятников в бассейне Казанки.

В последующие годы Зулейха Асфандиаровна плодотворно работает в составе большой экспедиции по стационарному изучению Булгарского городища. Вместе с ней в этих научных изысканиях принимал активное участие целый ряд археологов из Москвы и Казани. Этот уникальный памятник средневековой истории Среднего Поволжья исследовался Куйбышевской и Поволжской экспедициями под общим руководством признанного авторитета в науке А.П.Смирнова. Известный археолог Р.Г.Фахрутдинов отмечает: «Кубышевская, позднее Поволжская археологическая экспедиция ИИМК (позднее ИА) АН СССР совместно с ГИМ и ГМТР под руководством крупнейшего советского булгароведа А.П.Смирнова в предвоенные и послевоенные годы проводила большие стационарные и значительные разведочные работы по исследованию булгарских древностей (город Булгар, памятники в зоне Куйбышевской ГЭС, еще раньше Сувар отдельной экспедицией ИИМК, ГИМ и ГМТР). С исследованиями А.П.Смирнова и его соратников (О.С.Хованской, А.М.Ефимова, Н.Я.-Мерперт, З.А.Акчуриной, Т.А.Хлебникова и др.) связаны вопросы классификации булгарской материальной культуры и подлинно научной датировки памятников, что послужило надежной основой по дальнейшей рекогносировке и датировке большой массы булгарских археологических объектов, выявленных сплошной разведкой» (Фахрутдинов Р.Г. Археологическая карта Волжско-Камской Булгарии // Татария в прошлом и настоящем. — Казань. 1975. — С.153).

Совместные статьи З.А.Акчуриной, А.М.Ефимовой, А.П.Смирнова, О.С.Хованской об исследованиях остатков города Булгара были опубликованы в широко известных в те годы «Кратких сообщениях о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР (КСИИМК), выпуски 27, 1949 г. и 33, 1950 г. В 1970 г. появилась ее статья в соавторстве с Л.П.Воскресенской и А.П.Смирновым «Работы на городище Великие Болгары в 1957 г.». Она была включена в книгу «Материалы и исследования по археологии СССР», 1970 г., № 164.

В памяти тех, с кем она работала, Зулейха Асфандиаровна оставила самые светлые воспоминания. Ее запомнили как человека высокой культуры, научного профессионализма.

3 июня 1982 г. не стало З.А.Акчуриной. Она похоронена в Казани.

И.Н.Таиров

Памяти Ф. Х. Арслановой

Пять лет назад (в марте 1995 г.) умерла Фирая Хабибулловна Арсланова — серьезный ученый, сердечный человек и очень красивая женщина. Все, кто встречался с ней в годы ее молодости, бывали просто ослеплены сияющим огнем ее лица и глаз, барсовой гибкостью и силой фигуры. Это была настоящая тюркская красавица из сказок и былин — удалая, неукротимая и мощная степная «поляница».

Нелегкая жизнь и тяжкая болезнь достались ей в долю и она ушла от нас преждевременно и стремительно, так, что многие ее друзья, коллеги, соратники не успели не только сказать ей о том, как мы ее любили и

чили, но и о смерти ее узнали

с большим опозданием, не успев и не сумев вовремя откликнуться и написать все то, что при встречах говорить как бы и неуместно. Тем более, что в последние годы ее жизни общение становилось все более затруднительным из-за общей крайне тяжелой обстановки в стране, а редкие встречи были короткими. Попытаемся хотя бы сейчас отдать ей этот запоздалый долг искренних любви и уважения.

Фирая Хабибулловна родилась 10 марта 1934 г. в городе Темире Актюбинской области, в интеллигентной татарской семье. Среднюю школу она закончила в г. Актюбинске в 1952 г. и сразу же отправилась в Алма-Ату поступать в университет. Она намеревалась стать геологом, но по дороге встретилась с археологами знаменитой хорезмской экспедиции С.П.Толстова и, наслушавшись рассказов и песен «хорезмийцев», приняла решение посвятить свою жизнь археологии. Прибыв в Алма-Ату, она подала заявление на истфак, сдала экзамены и была зачислена в университет. Уже в следующем году Фирая поехала в руководимую С.С.Черниковым экспедицию, в которой в течение трех сезонов проходила прекрасную школу этого крупного ленинградского ученого, увлеченного археолога, очень требовательного на полевой практике к себе и своим сотрудникам, в том числе и к молоденьким студентам, желавшим стать археологами.

Так началась трудная, всегда полная неожиданностей, яркая жизнь археолога Ф.Х.Арслановой. Выйдя замуж за не менее увлеченного нашей замечательной наукой А.А.Чарикова, они образовали удачный «тенденм», вокруг которого постоянно «кучковались» студенты, молодые

археологи и краеведы, многие из которых также стали настоящими археологами.

Научная деятельность Фираи Хабибулловны, как и вся ее жизнь, делится на два этапа. Казалось бы, что по рождению, происхождению, по первым шагам в археологии она накрепко связана с изучением памятников северо-восточных казахстанских степей, с историей народов, обитавших в казахских степях в древности и в средневековье. Еще будучи студенткой и затем м.н.с. Отдела археологии Института ИАЭ Казахстана, она, пройдя выучку С.С.Черникова, приняла деятельное участие в работах Северо-Казахской экспедиции, руководимой К.А.Акишевым и Г.А.Кушаевым, а в 1960-1961 гг. академик А.Х.Маргулан поручил ей руководство отрядом для проведения раскопок на ряде раннекочевнических и средневековых памятников Центрального Казахстана. Материалы этих работ были почти полностью опубликованы ею и обобщены в кандидатской диссертации, защищенной в 1964 г.

После защиты — этого важного для любого научного сотрудника события, Фирая Хабибулловна с семьей переехала в Усть-Каменогорск, где была принята в педагогический институт на должность доцента кафедры истории СССР.

Каждый ученый, работающий в педагогическом институте или университете, хорошо осведомлен о той громадной нагрузке, которую тащит на себе доцент. Помимо лекций и семинаров, это руководство курсовыми и дипломными студенческими сочинениями, кураторство, т.е. практическая работа «классных дам» и «дядек» в студенческих общежитиях, и еще многое другое, где всегда требуется терпение, доброта и педагогический талант.

Несмотря на предельную ежедневную загруженность, молодой доцент Ф.Х.Арсланова подготовила и прочла несколько сложных и трудоемких курсов по истории и археологии Казахстана и Основам археологии, а также каждый летний сезон организовывала и проводила многомесячные и тяжелые экспедиционные работы.

Результаты этих работ позволяют говорить, что именно там в наибольшей мере проявились ее способности полевого работника и камерального исследователя. В ходе целенаправленных разведок в Верхнем Прииртышье она выявила и исследовала ряд новых памятников, относящихся к разным эпохам — от поздней бронзы к железному веку и средневековью. Громадный хронологический диапазон открытых здесь, ранее неизвестных памятников поставил ее перед необходимостью ввести их в научный оборот, т.е. представить материалы для широкого ознакомления и обсуждения специалистам. Так появились ее статьи по позднеандроновским погребениям и памятникам переходного времени от бронзы к эпохе железа (IX-VIII вв. до н.э.), о комплексах VII-VI вв. до н.э., обнаруженных в могильниках у сел Камышинка и Чистый Яр. Все эти материалы позволили восстановить облик культуры того времени в Верхнем Прииртышье, близость этой культуры к майемирским памятникам Алтая и древностям раннескифского времени Центрального Казахстана.

Значительный интерес представляет и материал открытого ею могильника у с. Леонтьевка, относящийся к V—III вв. до н.э. Это пока единственный крайне западный памятник каменской культуры, появление которой в междуречье Оби и Иртыша связано с проникновением в этот регион саков Семиречья и Тяньшаня. Не менее существенным вкладом в науку является исследование и опубликование Фираей Хабиулловной так называемых курганов «с усами». Датировка этих курганов (IV—VI вв.) позволяет предполагать, что их появление на Иртыше связано с миграциями эпохи Великого переселения народов.

Основным памятником, исследуемым Ф.Х.Арслановой практически все годы ее работы в Усть-Каменогорске, был ставший благодаря ей широко известным могильник у с. Зевакино. Этот памятник, курганные насыпи которого создавались в течение почти двух тысячелетий, стал причиной необычайной для молодого ученого широты научных интересов. Ей абсолютно необходимо было знать не только материалы, но и проблемы, возникшие при исследовании тех эпох, к которым относились раскрываемые в ее экспедиции погребения.

Однако наибольшее внимание она уделяла изучению средневековых древностей кимако-кипчакского времени в степях Среднего и Верхнего Прииртыша.

Этому в значительной степени была посвящена ее кандидатская диссертация о памятниках Среднего Прииртыша, а также ряд статей, в которых публиковались и обобщались средневековые материалы из раскопанных ею могильников этого региона (Бобровский, Леонтьевский, Трофимовский, Подстепной и др.). Вещевой материал открытых комплексов позволил Фирае Хабиулловне создать типолого-хронологическую таблицу кимакских древностей, которая работает и используется учеными в качестве основы датировок вот уже 30 лет. Самым главным объектом исследования в Среднем Прииртышье был Бобровский могильник VIII—X вв., на котором были прослежены два принципиально разные типа погребального обряда: кимакский, совершаемый по обряду ингумации с уложенным рядом с покойником конем, и трупосожжения, этническая принадлежность которых вызвала длительную дискуссию, а именно — считать ли их древнекахасскими (Л.Р. и И.Л.Кызласовы) или угорскими (В.А.Могильников). Оба типа сопровождались одинаковой керамикой — плоскодонными тюркскими сосудами и круглодонными с богатым орнаментом, аналогичными посуде, сопровождающей угро-самодийские кремированные погребения. Очевидно, вопрос этнической принадлежности трупосожжений Бобровского и других аналогичных памятников Прииртыша следует пока считать открытым.

Не менее основательно и результативно исследовались кимако-кипчакские древности IX — начала XI вв. и в Верхнем Прииртышье, где раскапывались Орловский, Камышинский, Новокамышинский могильники и самый богатый, давший ряд первоклассных комплексов Зевакинский могильник. Эти материалы были опубликованы в нескольких крупных статьях, посвященных погребениям с конем, погребениям-кремациям и захоронениям под длинными курганами. В

одном из зевакинских длинных курганов было найдено бронзовое зеркало с рунической надписью, что свидетельствует о грамотности, видимо, распространенной среди кимакской знати.

Кроме курганных материалов, Ф.Х.Арсланову, естественно, привлекали и иные следы и остатки культуры кимаков и кипчаков. В частности, она с увлечением вместе с А.А.Чариковым занималась поисками, изучением и публикацией каменных изваяний.

Широкий территориальный и хронологический охват исследуемых в поле материалов, среди которых разнообразием погребальных обрядов и богатыми инвентарями выделялись средневековые памятники кимакско-кипчакского периода, с каждым сезоном и каждым новым открытием все более увлекал Фираю Хабибулловну по пути дальнейшего, все более углубленного исследования избранной ею проблемы.

Совершенно очевидно, что уже к началу 70-х годов она подошла к созданию большого фундаментального труда о кимаках и Кимакском каганате. Отдельные наиболее значимые и еще недостаточно апробированные части этого будущего исследования издавались, правда в сокращенном «статьевом» варианте. Тем не менее в статьях удалось весьма убедительно показать этническое разнообразие изучаемого региона, его тесные политические и культурные связи и контакты с соседними землями — Тувой, Алтаем, Хакасией, с северными уgro-самодийскими племенами.

Заключая раздел о первом периоде научной деятельности Ф.Х.Арслановой, следует еще раз подчеркнуть, что она многое намеревалась и могла сделать, работая в казахстанских степях и заполняя ненаписанные еще страницы истории и культуры одного из сильных и дееспособных степных каганатов.

Только абсолютная необходимость (тяжелая болезнь сына) смены местожительства на более северные лесные области заставили ее прервать творчество и переехать вместе с семьей в Тверь — родину А.А.Чарикова. Сделано это было «по-арслановски» — решительно и стремительно, без распущенных эмоций и сожалений, хотя пожалеть было что: интересную перспективную работу, коллектив, с которым уже сработалась за девять прошедших лет, любовь студентов и, главное, родную степь, которая тянула ее из города каждый летний сезон.

Началась новая жизнь. В 1974 г. по конкурсу она была принята на истфак Тверского университета на должность доцента кафедры истории СССР. В качестве ведущего, а в первые годы и единственного, археолога она читает лекции по Основам археологии, подготовив рабочую программу для студентов-первокурсников по этому курсу. Немного позже она ввела в учебную программу для студентов 3 курса спецкурс на тему «Происхождение и ранняя история восточных славян» и программу по этому курсу, а также семинарские занятия по «Истории развития древнерусской деревни (по материалам Тверского Верхневолжья)». Помимо работы над лекционными курсами, все оставшееся время суток занимала педагогическая деятельность:

руководство курсовыми и дипломными, подготовка студентов к участию в межрегиональных научных студенческих конференциях и пр. Уже этот далеко не полный перечень служебных и учебных обязанностей свидетельствует об огромной и напряженной работе, которую вела Фирая Хабиулловна в университете с первых лет появления в нем. Учитывая то, что она была до перехода в ТГУ вообще очень далека от славянской проблематики, можно сказать, что она совершила один из тех незаметных подвигов, которые не единожды в жизни совершают увлеченные, работающие и совестливые ученыe. О них обычно знают все окружающие близкие люди и коллеги, но, к сожалению, редко оценивают при жизни.

Археолог-полевик такой высокой квалификации, конечно, не могла и не хотела на новых землях и памятниках отказаться от экспедиционных работ, тем более, что обязана была проводить со студентами полевую археологическую практику. Объектом ее исследования стал расположенный на берегу Волги курганный славянский (кривичский) могильник у с. Избрежье. Около двух десятилетий она ежегодно проводила исследования на этом обширном кривичском кладбище. Многое и на этом, казалось бы, привычном опытному археологу поприще приходилось осваивать впервые, знакомясь с незнакомыми для кочевниковеда погребальными обрядами, иным набором сопровождающего инвентаря или его полным отсутствием.

Могильник функционировал долго — с X по XIII вв. т.е. был синхронен памятникам кимакской культуры, которую Фирая Хабиулловна изучала в степях, но различия культур были выразительными и зримыми. В степях разнообразие в погребальных обрядах объяснялось этническим разнообразием, а на Тверской земле различия в обряде были хронологические, причем поздние погребения совершались по христианскому обряду. Исследовательница прекрасно разобралась в этом сложном многовековом памятнике, в методике раскопок различных типов погребального обряда, в новой для нее славянской материальной и духовной культуре, о чем свидетельствуют опубликованные ею статьи по Избрежью.

Тверская земля не могла не привлечь внимание такого активного и талантливого археолога, каким была Фирая Хабиулловна. Кроме Избрежского могильника она проводила разведки и небольшие раскопки на древнерусских поселениях в Ржевском районе, собрала и опубликовала Указатель литературы по археологии Тверского Поволжья. По-видимому, эти занятия и стимулировали идею создания студенческого семинара по истории древнерусской деревни.

Однако в первое десятилетие своей жизни в Твери она очевидно сильно тосковала по степным просторам. Тем более боль и тоска обострились после страшного несчастья, обрушившегося на нее и мужа — в Избрежье трагически погиб их мальчик. Она сама тяжело заболела, но все же выстояла. По-видимому, тогда возникла необходимость как-то изменить свою жизнь и вновь обратиться к степной проблематике и, по возможности, — к степным памятникам.

В сезоны 1979 и 1980 гг. она согласилась со студентами-практикантами участвовать в раскопках знаменитого Маяцкого городища, проводившихся Советско-Болгаро-Венгерской экспедицией ИА АН СССР. На этом памятнике было вполне ощутимо дыхание степи, были запахи многих трав и седеющий ковыль. Правда, вряд ли Фирае Хабибулловне хватало времени наблюдать или просто смотреть на степь. В экспедиции она показала себя не только археологом высокой квалификации, но и полную самоотдачи на раскопе и в остальное время суток, постоянно проявляя нежную заботу о студентах и всех, кто нуждался в заботе. Она сумела организовать, несмотря на некоторую пассивность остального научного состава экспедиции, несколько семинарских занятий и лекций и даже небольшой симпозиум с докладами своих и воронежских студентов. Энергичная, всегда предельно занятая, всегда готовая помочь или чем-нибудь порадовать членов экспедиции — сотрудников и студентов: сделать пельмени, испечь пироги, приготовить чак-чак. Обязательно всем и «до отвала». Такой ее запомнили все на Маяцком городище.

Следующие затем семь лет (1981-1987 гг.) она, параллельно с обязательными работами на Избrijжском могильнике, по приглашению Восточно-Казахстанского областного краеведческого музея руководила археологическими экспедициями в родных степях, проводя там разведки с выборочными раскопками, картированием открываемых памятников, снятием планов курганных групп, раскопками курганов и пр. Результаты этих работ отражены только в отчетных заметках АО и тезисах нескольких докладов на конференциях ряда сибирских городов. Но они дали Фирае Хабибулловне много новых материалов для темы, которую ей пришлось на время оставить из-за переезда в Тверь.

Во всей полноте всталась перед нею необходимость завершить работу над проблемами Кимакского каганата. Как всегда активно она включилась в эту тему, хотя ежегодно пополнявшиеся материалы Избrijжья оставались предметом ее внимания. Написание перемежающихся статей о древностях кимаков и славян начали регулярно публиковаться в сборниках, соответствовавших той или иной тематике (в Твери, Алма-Ате, Новосибирске и др.).

Таким образом, в научной деятельности Фираи Хабибулловны соединились две средневековые, но абсолютно разные культуры: кочевническая и славянская-земледельческая. Этот редчайший пример симбиоза мог быть исключительно ученого необычайного трудолюбия и исследовательского таланта. Однако и этого ей было мало, она последние годы жизни много времени и сил тратила на создание университетского Музея Избrijжья и других тверских древностей. Этому музею по решению педагогов университета присвоено имя Фираи Хабибулловны Арслановой.

Такие полные жизненной энергии люди всегда умирают неожиданно даже, если их настигла тяжкая болезнь. У других, менее активных, и болезнь течет медленно и иногда даже затухает. У Фираи Хабибулловны все проходило бурно: работа, любовь к людям, радость общения с ними, несчастья, горе и, наконец, смерть.

Мы, ее друзья и коллеги, всегда будем помнить о ней и восхищаться ею. Подвижническое горение Фираи Хабибулловны в науке и жизни еще долго будет освещать путь молодых археологов — ее многочисленных учеников, работающих в степях Казахстана и на Тверской земле.

В.А.Могильников, С.А.Плетнева

СПИСОК опубликованных научных работ Ф. Х. Арслановой

1. Могильник ранних кочевников на правобережье Иртыша // Известия АН Каз.ССР, вып. 2 (19). Алма-Ата, 1962.
2. Бобровский могильник // Известия АН Каз.ССР: Серия общественных наук, вып. 4. Алма-Ата, 1963.
3. Интересная находка из Прииртышья // Вестник АН Каз.ССР, № 10. Алма-Ата, 1963.
4. Средневековый могильник в Прииртышье // Сборник Министерства высшего образования Каз.ССР. Алма-Ата, 1963.
5. Археологические памятники Среднего Прииртышья. Автореферат кандидатской диссертации. Алма-Ата, 1964.
6. Камышинский клад // Материалы VIII научной конференции профессорско-преподавательского состава. Усть-Каменогорск, 1966.
7. Курганный могильник эпохи бронзы у с. Убинский форпост // Материалы VIII научной конференции профессорско-преподавательского состава. Усть-Каменогорск, 1966.
8. Остеологический материал из археологических памятников Восточного Казахстана // Исследовательские и методические работы по биологическим наукам (Материалы зонального совещания при Усть-Каменогорском пединституте), вып. 1. Алма-Ата, 1966.
9. Могильник Кара-Оба на левобережье Иртыша // Материалы IX научной конференции профессорско-преподавательского состава. Усть-Каменогорск, 1967.
10. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII-XП вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.
11. Раскопки в Восточном Казахстане // Археологические открытия 1968 года. М., 1969.
12. Новые материалы эпохи бронзы Восточного Казахстана // Материалы X научной конференции профессорско-преподавательского состава (гуманитарные науки). Усть-Каменогорск, 1969.
13. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969.
14. Погребение золотоордынского времени в Павлодарской области // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
15. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.
16. Новые материалы VII-VI вв. до н.э. из Восточного Казахстана // СА, № 1. 1972.

17. Произведения «звериного стиля» VII-V вв. до н.э. из Прииртышья // Материалы III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1972.
18. Работы в Восточном Казахстане // Археологические открытия 1971 года. М., 1972.
19. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области // СА, № 4. 1973.
20. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник 1972. М., 1973. В соавторстве с С.Г.Кляшторным.
21. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // СА, № 3. 1974. В соавторстве с А.А.Чариковым.
22. Некоторые памятники позднего бронзового века Верхнего Прииртышья // СА, № 1. 1974.
23. Новые материалы VII-VI вв. до н.э. из Восточного Казахстана // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
24. Погребальный комплекс VIII-VII вв. до н.э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата, 1974.
25. Работы в Восточном Казахстане // Археологические открытия 1973 года. М., 1974. В соавторстве с А.А.Чариковым.
26. Курганы с «усами» в Восточном Казахстане // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975.
27. Курганы «с усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975.
28. Погребения эпохи бронзы Зевакинского могильника // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
29. Работы Калининского отряда // Археологические открытия 1974. М., 1975. В соавторстве с Е.В.Бодуновым, Н.И.Ивановской, Ю.Н.Урбаном и А.А.Чариковым.
30. К вопросу о культурных связях прииртышских племен с населением Поволжья и Приуралья в эпоху железа // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976.
31. Раскопки могильника у с.Избrijье // Археологические открытия 1975. М., 1976. В соавторстве с А.А.Чариковым.
32. Раскопки у с.Избrijье // Археологические открытия 1976. М., 1977. В соавторстве с А.А.Чариковым.
33. Библиография по истории Восточного Казахстана. Вып.I. Дореволюционный период. Усть-Каменогорск, 1977.
34. Исследования у дер.Избrijье // Археологические открытия 1977. М., 1978. В соавторстве с А.А.Чариковым.
35. К вопросу о связях племен Казахстанского Прииртышья с населением Западной Сибири в IX-XI вв. // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979.
36. Предметы вооружения из Казахстанского Прииртышья // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1979.

37. Бронзовые котлы из музеев Восточно-Казахстанской области // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. В соавторстве с А.А.Чариковым.
38. К датировке металлических изделий эпохи бронзы Казахстанского Прииртышья // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.
39. Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья // Раннесредневековые древности Евразийских степей. М., 1980.
40. Культовые предметы из женских захоронений Прииртышья // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981.
41. Разведочные работы в Восточном Казахстане // Археологические открытия 1980. М., 1981.
42. Случайная находка бронзовых вещей в Семипалатинском Прииртышье // КСИА, № 167. М., 1981.
43. Археологические находки в Казахстане // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
44. К вопросу о связях племен Павлодарского Прииртышья с населением Западной Сибири (VII-XI вв.) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983.
45. Курганы у села Избrijье // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983.
46. Работы в Восточном Казахстане // Археологические открытия 1981. М., 1983.
47. Работы в Восточном Казахстане // Археологические открытия. 1982. М., 1983.
48. Раскопки у с. Избrijье // Археологические открытия 1982. М., 1983.
49. Курганская группа «Карашат» в Семипалатинской области // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов областной научной конференции по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. В соавторстве с С.С.Самашевым.
50. Памятники кимаков левобережья Иртыша // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов областной научной конференции по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. В соавторстве с А.С.Ермолаевой.
51. Пряжки «византийского» типа из Прииртышья // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984.
52. Работы в Прииртышье // Археологические открытия 1982. М., 1984.
53. К вопросу о взаимосвязях Урало-Алтайского населения в XI-X вв. // Урало-алтаистика: Археология, этнография, язык. Новосибирск, 1985.
54. Отражение мировоззрения и общественных отношений кимаков в погребальных памятниках // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим данным. Томск, 1985.

55. Работы в Восточном Казахстане // Археологические открытия 1984. М., 1986.
56. Раскопки у с. Избрижье // Археологические открытия 1984. М., 1986.
57. Длинные курганы Прииртышья // Источники по истории Западной Сибири. История и археология. Омск, 1987.
58. Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987. В соавторстве с З.С.Самашевым.
59. Могильник у с. Избрижье как источник по истории сельского населения Тверского Поволжья // Комплексное источниковедение некоторых проблем отечественной истории. Калинин, 1988.
60. Раскопки у с. Избрижье // Археологические открытия 1986. М., 1988.
61. Новые источники по эпохе бронзы степного Прииртышья // Маргулановские чтения (сборник материалов конференции). Алматы, 1989. В соавторстве с Г.А.Кущ.
62. Образ птицы на головных уборах кимакских женщин // Маргулановские чтения (сборник материалов конференции). Алматы, 1989.
63. Погребальные сооружения кривичей Избрижья // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвийе. Калинин, 1989.
64. Элементы проблемной историографии в лекционном курсе. Основы археологии // Историографическая культура студента-историка: этапы формирования, содержание, значение. Калинин, 1989.
65. Археологические объекты и их место в развитии источниковедческой культуры студента-историка // Источниковедческая культура студента-историка. Изд. ТГУ. Тверь, 1990.
66. Указатель литературы по археологии Тверского Поволжья: библиографический указатель для студентов исторического факультета и учителей. Калинин, 1990. Составители Ф.Х.Арсланова и И.С.Маликова.
67. Керамика из средневековых памятников Ржевского района // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь, 1991. В соавторстве с Е.В.Бодуновым.
68. Некоторые проблемы раннесредневековой истории Тверского Поволжья // Историческое краеведение: вопросы преподавания и изучения. Тверь, 1991.
69. Посуда кривичей Избрижья // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь, 1991. В соавторстве с Ю.А.Ковалец.
70. Языческая символика в обрядовой женской одежде кимаков и кипчаков // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Часть II. Омск, 1992.
71. Некоторые образцы наконечников стрел кимаков Верхнего Прииртышья // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1993.

72. Орнамент древнерусской посуды Избрежья // Археологические памятники на Верхней Волге: сб. Научных трудов. Тверь, 1993. В соавторстве с Ю.А.Ковалец.
73. Погребения с лепной керамикой из Избрежья // Археологические памятники на Верхней Волге: сб. Научных трудов. Тверь, 1993.
74. Редкий тип гончарной посуды из курганов Избрежья // Плесский сборник, вып. 1. Иваново, 1993.
75. К вопросу о культурных связях прииртышских племен с населением Поволжья // Тезисы региональной конференции в городе Уфе. Уфа, 1994.
76. Языческие символы в одежде женщины первой половины XI века (по материалам курганов у с. Избрежье) // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы, вып. 1. Иваново, 1994.
77. Погребения с гравировками Избрежского могильника // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья, вып. 1. Изд. Тверского научно-исследовательского историко-археологического и реставрационного центра. Тверь, 1996.
78. Новые материалы из Избрежья // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып.2. Изд. Тверского научно-исследовательского историко-археологического и реставрационного центра. Тверь, 1997. В соавторстве с А.С.Беляковым.
79. Женские погребения IX-X вв. с бусами из Казахстанского Прииртышья // Вопросы археологии Казахстана, вып.2. Алматы — Москва, 1998.

Составил А.А.Чариков.

Памяти Г. А. Федорова-Давыдова

Не стало Германа Алексеевича Федорова-Давыдова — он скончался 23 апреля 2000 г. после долгой и тяжелой болезни. Ушел из жизни выдающийся историк, археолог, нумизмат и историк искусства, профессор Московского государственного университета. Умер, не дожив всего год с небольшим до своего семидесятилетия.

Г.А.Федоров-Давыдов родился 17 июля 1931 г. в Москве в семье высокообразованных, интеллигентных людей. Его отец, Ал. Ал.-др. Федоров-Давыдов, из семьи обедневших дворян, стал известным искусствоведом (историк искусства и художественный критик), был доктором искусствоведения, профессором, заведующим кафедрой Московского университета, членом-корреспондентом Академии художеств СССР.

Дед Ал.-др. Ал.-др Федоров-Давыдов, соединивший две фамилии, известен как детский писатель, создатель и редактор первых в России детских журналов. Один из предков, Давыдов (XIX в.), был даже ректором Московского университета. Мать Германа Алексеевича — из семьи муромских купцов, работала художником-дизайнером.

После окончания московской средней школы № 59 в 1949 г., Герман Алексеевич поступил в Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова на Исторический факультет, который окончил в 1954 г. по кафедре археологии. Учился в аспирантуре на той же кафедре, а в 1956 г. поступил на работу в Институт истории материальной культуры АН СССР (ныне — Институт археологии РАН), где проработал до 1960 г. младшим научным сотрудником. В том же году вернулся в свой родной университет: сначала работал ассистентом кафедры археологии, затем старшим научным сотрудником, доцентом, а с 1969 г. — профессором. Темы его кандидатской и докторской диссертаций: «Клады золотоордынских монет» (1957 г.). «Кочевники Восточной Европы с X по XIV вв.» (1966 г.).

Г.А.Федоров-Давыдов был неутомимым археологом-полевиком. С 1950 г. он участвовал в различных экспедициях: в Хорезм, Татарстан, Чувашию; из заграничных был в Тунисе (1966 г.), Монголии (1969 г.), в Южной Корее (1992 г.). С 1960 по 1990 гг. он возглавлял Поволжскую археологическую экспедицию Московского университета и Института археологии АН СССР — вначале, до 1970-х годов, совместно со своим учителем А.П.Смирновым. До этого они

опубликовали на страницах журнала «Советская археология» программную статью под названием «Задачи археологического изучения Золотой Орды» (СА. — 1959. № 4. — С.128-134), в которой поставили актуальные, весьма серьезные вопросы решения проблем почти запрещенной в то время истории Золотой Орды, углубленного исследования ее археологических памятников. Эта статья, бесспорно, сыграла положительную, может, и решающую роль в начале нового, послевоенного периода научного изучения истории и культуры Золотой Орды, в организации широко масштабных раскопок остатков ее столицы Сарай (Нового и Старого Сараев), других городов Поволжья. Именно под руководством Г.А.Федорова-Давыдова были достигнуты огромные успехи в 30-летних, ежегодных исследованиях материальной культуры и социальной структуры золотоордынских городов.

Другое важнейшее направление его многолетних научных работ — джучидская (золотоордынская) нумизматика. Продолжая добрые традиции исследований дореволюционных востоковедов-нумизматов (Х.М.Френ, П.С.Савельев и др.), Г.А.Федоров-Давыдов выявил новые направления изучения денежного дела и денежного обращения в Золотоордынском государстве. Его главная нумизматическая работа под названиями «Клады джучидских монет», «Находки джучидских монет» (НЭ. — Т.1, 1960. — С.94-192; т.IV, 1963. — С.165-211), где дана Топография всех известных к началу 1960-х годов большого количества кладов и находок (в сущности, также остатков отдельных кладов) колоссального числа монет, выявленных на территории СССР и за некоторыми его пределами за 150-летний период, — еще с начала XIX в., — является настольной книгой не только нумизматов, но и тех, кто занимается исследованием проблем истории и культуры Золотой Орды, в целом средневековой Евразии. Герман Алексеевич успешно занимался также изучением вопросов русского денежного дела XIV-XV вв., показав значение древнерусских монет в качестве важного источника по политической и социальной истории русских княжеств того времени.

В трудах Г.А.Федорова-Давыдова, написанных на высоком научно-профессиональном уровне, поставлен и решен целый ряд важнейших проблем истории кочевых народов евразийских степей, их общественного строя, а также политических, экономических и культурных связей с другими народами и государствами, в первую очередь, с золотоордынскими городами. Изучение истории и культуры городов Улуса Джучи, в целом золотоордынской цивилизации, начатое и успешно проведенное дореволюционными, советскими и зарубежными учеными, в исследованиях Г.А.Федорова-Давыдова, благодаря широко поставленным им полевым работам, его высочайшему профессионализму и природному таланту, было поднято на новую качественную высоту. Герман Алексеевич был редким, быть может, единственным специалистом, имевшим одинаково глубокие знания по истории, археологии, нумизматике и искусству Степного мира Евразии и Золотой Орды.

Г.А.Федоров-Давыдов является автором около 230 научных и научно-популярных работ, в том числе 26 книг. Такие его

монографии, как «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» (1966), «Общественный строй Золотой Орды» (1973). «Искусство кочевников и Золотой Орды» (1976), изданные в издательствах Московского университета и «Искусство», стали классическими, составляя целый, новый период в исследовании археологии, искусства и истории Золотой Орды, а также раннесредневекового мира евразийских степей. Его книги издавались и переиздавались в Англии, Германии, Бельгии, Венгрии, Польше. Эстонии, среди них:

«The Culture of the Golden Horde Cities» (Oxford, 1984); «Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga» (Munchen, 1984); «Le trésor de Saransk Les Monnaies de la Russie Moscovite XIV et XV ieme Siècle» (Belgique, 1985); «Le trésor de Saransk Les Monnaies de la Principauté de Nijégorod. XIVe-XVe Siècles» (Belgique, 1992).

Это — солидные работы, каждая из которых в более или чуть менее 300 страниц, с большим количеством иллюстраций, и посвящены они исследованиям истории и культуры золотоордынских городов, кладам монет Московской Руси и Великого Новгорода XIV–XV вв. Весьма интересным является факт издания в Москве на языках индийских народностей маратхи и телугу известной книги Г.А.Федорова-Давыдова «Монеты рассказывают» (Изд-во «Мир», 1986; на языке телугу еще раз переиздана в 1990 г.).

К сожалению, не суждено было Герману Алексеевичу дождаться выхода в свет двух своих новых книг — это вторая часть известной его монографии «Золотоордынские города Поволжья» (первая часть была опубликована в 1994 г. в издательстве МГУ), а также «Великий Шелковый путь и города Золотой Орды», которая должна быть издана в США на английском языке. С нетерпением ждем выхода этих новых монографий ученого, так необходимых нам, археологам и историкам-медиевистам, изучающим средневековую историю Старого Света от Китая до Средиземного моря с его крупнейшими очагами цивилизации, мировыми центрами взаимосвязей, международной торговли между Востоком и Западом.

Герман Алексеевич, работая долгие годы в Московском университете, вел большую научно-педагогическую работу. Помимо чтения лекций по общему курсу археологии и ее историографии, он руководил спецкурсами отдельно по археологии Поволжья, Средней Азии, мусульманских стран, по применению математико-статистических методов в археологии. Среди его учеников 26 кандидатов, 3 доктора наук. Он являлся членом специализированных советов по защитам диссертаций при историческом факультете МГУ, Институте археологии АН СССР (позже — РАН). Г.А.Федоров-Давыдов был председателем специализированного Ученого совета по защитам докторских диссертаций по археологии и этнографии в Московском университете. Долгое время он работал также членом экспертного Совета Высшей аттестационной комиссии. Он удостоен званий члена-корреспондента Германского археологического института, действитель-

ного члена Академии естественных наук Российской Федерации. Герман Алексеевич был беспартийным.

Воспользуюсь случаем высказать свою искреннюю признательность Марине Дмитриевне Полубояриновой за любезно предоставленные ею материалы о Г.А.Федорове-Давыдове — ее муже и друге.

Несколько отрываясь от общепринятого в таких случаях официального изложения жизненного и творческого пути ушедшего от нас, хочется высказать личные чувства и мысли о Германе Алексеевиче — старшем товарище, коллеге, учителе, пусть не научном руководителе по аспирантуре, а заочном, неофициальном, у которого я учился познавать великую и трагическую историю Золотой Орды с ее богатой культурой, осмыслить огромный, таинственный Степной мир — учился по его замечательным монографиям с объективным, правильным изложением этих историй, этих миров, учился при наших с ним личных встречах, общениях, беседах. Я был знаком с Германом Алексеевичем с 1962 г., когда участвовали с научными докладами на восстановительном съезде Общества археологи, истории и этнографии при Казанском университете, но более близко — с 1967 г. Тогда мне посчастливилось участвовать в археологической экспедиции по раскопкам Царевского городища на Нижней Волге — остатков Сарай-Берке (Сарай ал-Джадид) с одновременным посещением места Старого Саarya. Это было моим первым ознакомлением с развалинами столиц Золотой Орды не по книгам, а непосредственно на месте, на раскопках с лопатой в руке и под началом крупного археолога «золотоордынца». Меня, открывшего и обследовавшего к тому времени уже не один десяток домонгольских булгарских городищ, притом и больших, и малых, поразили громадные размеры золотоордынских, их несравненно мощные и богатейшие культурные слои. Передо мной открылся другой, огромный мир нашей истории и культуры, хотя Татарстан, Казань, по известным причинам, оставались еще под жестким идеологическим прессингом в области исследования и пропаганды средневековой истории, происхождения татар, и мы должны были подчиняться тогдашней идеологии. Этот создавшийся в то время большой историко-этнический вакуум в историографии Татарии критически отметил Г.А.Федоров-Давыдов в своей последней работе, справедливо подчеркнув «о значении Золотой Орды в истории татарского народа» («Золотоордынские города Поволжья». — С.3).

Я обязан Герману Алексеевичу еще и тем, что он был официальным оппонентом на защите мою кандидатской диссертации, а в нелегкие для меня времена поддержал мою докторскую диссертацию на кафедре археологии МГУ, представившей ее затем к защите. За положительное отношение к обеим моим диссертациям, за огромную помочь мне войти в большую науку, я чрезвычайно признателен названной кафедре под руководством А.В.Арциховского и В.Л.Янина, специализированному Ученому совету по защитам докторских диссертаций по археологии и этнографии под председательством Г.А.Федорова-Давыдова — моя глубокая благодарность им безгранична!

Герман Алексеевич Федоров-Давыдов был человеком с высоким интеллектом. Это у него, очевидно, от той благородной крови, которая текла в жилах его предков. Это, бесспорно, и от того прекрасного домашнего воспитания, которое он получил в семье представителей большого искусства. Это, наконец, от той среды настоящих ученых-профессионалов, которая сформировалась в стенах прославленного Московского университета, общий демократический дух в котором известен был давно и который сохранился еще до нашего времени.

Немногословный, чуть замкнутый и строгий, но удивительно человеческий, мужественный, с большой силой воли, с поразительно широкой эрудицией, профессионал высочайшего класса, выдающийся историк-археолог, нумизмат и искусствовед — таким был Г.А.Федоров-Давыдов и таким он останется в памяти его близких, друзей, коллег и учеников. Таким он вошел в историю науки. И для тех, кто посвятил себя служению археологии, этой древней и вечно молодой науке, светлое имя Германа Алексеевича, говоря словами одного нашего замечательного поэта:

Для пишущих парней
Пусть служит эталоном ...

Р.Г.Фахрутдинов

Сведения об авторах

Кызласов Игорь Леонидович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН /г. Москва/, специалист по археологии Южной Сибири, тюрколог-рунолог.

Могильников Владимир Александрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, специалист по железному веку Западной Сибири, средневековью Алтая и приалтайских степей.

Руденко Константин Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного Объединенного музея Республики Татарстан, специалист по средневековой археологии Среднего Поволжья.

Армарчук Екатерина Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, специалист по культуре средневекового среднеазиатского города, по археологии и истории огузов.

Плетнева Светлана Александровна — доктор исторических наук, профессор, руководитель группы средневековой археологии Степей Евразии Института археологии РАН, специалист по археологии и истории степных народов Евразии.

Губайдуллин Айрат Маратович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АНТ, специалист по археологии Волжской Булгарии.

Кокорина Нина Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, специалист по керамике Волжской Булгарии и Казанского ханства.

Недашковский Леонард Федорович — кандидат исторических наук, главный хранитель Археологического музея Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова /Ленина/, специалист по археологии золотоордынских городов.

Димитриев Василий Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор, академик Национальной Академии наук и искусств Чувашской Республики, заведующий кафедрой средневековой и новой истории Чувашского государственного университета, специалист по древней и средневековой истории чувашского народа и края.

Старостин Петр Николаевич — кандидат исторических наук, заведующий Центром археологических исследований Института истории АНТ, специалист по первобытной и раннесредневековой археологии Среднего Поволжья и Приуралья.

Таиров Наиль Измаилович — кандидат исторических наук, доцент Казанской государственной академии культуры и искусств, специалист по истории татарского предпринимательства.

Фахрутдинов Равиль Габдрахманович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории АНТ, специалист по археологии и истории Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства.

Список сокращений

- АГУ** — Алтайский государственный университет
АКУ — Археологические коллекции университета (Казанского государственного университета)
АК Удм. ИИЯЛ — Археологический кабинет Удмуртского Института истории, языка и литературы
АО — Археологические открытия
АЭМК — Археология и этнография Марийского края
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГМТР — Государственный музей Татарской Республики
ГОМРТ — Государственный Объединенный музей Республики Татарстан
ДВДС — Древности Волго-Донских степей
ИА РАН — Институт археологии Российской Академии наук
ИИ АНТ — Институт истории Академии наук Татарстана
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МГУ — Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МАЭ — Музей археологии и этнографии АН СССР
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОмГУ — Омский государственный университет
ПКМ (ГКМ) — Пензенский краеведческий музей (государственный краеведческий музей).
ПОИИКНА — Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СИКНАК — Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края
СЭ — Советская этнография
ТА — Татарская археология
ТКФАН — Труды Казанского филиала АН СССР
ТНИИЯЛИ — Труды Научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Мордовской АССР
ТС — Тюркологический сборник
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ЦГА РТ — Центральный государственный архив Республики Татарстан
SK — Seminarium Kondakovianum

Шеф-редактор — **Рафаэль Хакимов**
Главный редактор — **Равиль Фахрутдинов**

Редакционная коллегия:

Евгений Казаков

(Институт истории Академии наук Татарстана)

Марк Крамаровский

(Госэрмитаж, г. Санкт-Петербург)

Леонид Кызласов

(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Азгар Мухамадиев

(Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина)

Джамиль Мухаметшин

(Булгарский государственный историко-архитектурный заповедник,
г. Булгар, Республика Татарстан)

Светлана Плетнева

(Институт археологии Российской Академии наук, г. Москва)

Рашо Рашев

(Шуменский филиал Археологического института
Болгарской Академии наук, г. Шумен, Болгария)

Петр Старостин

(Институт истории Академии наук Татарстана)

Герман Федоров-Давыдов

(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Иштван Фодор

(Венгерский национальный музей, г. Будапешт, Венгрия)

Светлана Червонная

(Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук,
г. Москва)

✉ Адрес редакции: 420503, г. Казань, ул. Кремлевская, 9,

Институт истории Академии наук Татарстана,

☎ Телефон: (8432) 92-92-64, 38-73-56. ✉E-mail: history@vega.kcn.ru

Дизайн обложки — Миляushi Хасановой. Оригинал-макет — Дины Галеевой.

Объем 10 п. л. Подписано к печати Тираж 999 экз.